

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 17, № 2
2022

Vol. 17, No. 2
2022

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Философские науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала

в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающие редакторы

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Coционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества. В контенте номера представлено осмысление социокультурных проблем и аксиологических практик в рамках философии. Представлены исследования по экзистенциальной философии, философии общества и аксиологии культуры, в том числе в пространстве массмедиа.

Материалы журнала будут интересны широкой научной обществу, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знакомыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2022

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 30.06.2022. Дата выхода в свет 30.06.2022.

Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 22056.

Усл. печ. л. 25,1. Уч.-изд. л. 22,1 Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Philosophical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Subbotina, Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Liga Marina B., Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The dominant subject matter of the journal is connected with key meanings, values and artifacts of culture. The problem of meaning is found in existential issues, questions of place and role of the person in the modern world, culture and society, transformation of identity and evolution of sociocultural means of person's consciousness, crisis of culture and its value foundations. Within the framework of a relevant cultural and semantic approach, any phenomenon of culture and society is considered as a cultural text possessing an appropriate value and coding cultural meanings. The ideological outline of editorial policy in the issue is a ground for understanding sociocultural problems within the framework of philosophy. The issue presents studies in existential philosophy, philosophy of society and axiology of culture.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2022

Editor O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 30.06.2022. Date of publication 30.06.2022.

Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 22056.

Conv. quires 25,1. Ed.-print quires 22,1. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (Катовице, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрон**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цзэмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Iizuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhabalyun**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Содержание

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

<i>Четверикова Н. А.</i> Эволюционный потенциал человека	8
<i>Мисонжников Б. Я.</i> Ценностная парадигма философской антропологии: включение в новый контекст	16
<i>Петрова Е. В.</i> Homo informaticus: биологическая и социоантропотехническая эволюция	25
<i>Субботина Н. Д.</i> Естественные основания различий в характере и социальном поведении мужчины и женщины	35
<i>Кармадонов О. А.</i> Удовольствия и тяготы в современной жизни: субъективное измерение социального самочувствия	47
<i>Ардашев Р. Г.</i> Иррациональные основы суицида	58
<i>Седова Л. И.</i> Национальная идентичность: тенденции трансформации	69

МЕНТАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

<i>Гаврилова Ю. В.</i> Ментальность в контексте взаимодействия социальной и виртуальной реальностей	82
<i>Гомбоева М. И.</i> Сибирский звериный стиль как концептуальная основа конвертации традиционного художественного наследия в культурные индустрии.....	94
<i>Мархадаев Г. Б.</i> Современный бурятский автор как транслятор национального характера	103
<i>Жуков А. В., Сюй Ин</i> Факторы модернизации высшего образования в китайском обществе в период до Синьхайской революции	113
<i>Ананьина Д. А., Терентьева А. В., Цзян Дань</i> Адаптация детей-мигрантов в условиях инокультурной среды: социально-философский анализ	122
<i>Думнова Э. М., Муха В. Н.</i> Лингвокультурная адаптация мигрантов в условиях образовательной миграции в Россию	131

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

<i>Ниязгулова А. А., Мельник Г. С.</i> Философия трансгуманизма в медийном дискурсе	143
<i>Кузнецова Е. И.</i> Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации	154
<i>Маринова Е. В.</i> Оппозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века	161
<i>Сидоров В. А.</i> Прошлое и настоящее в медийной среде: ценностный резонанс	171
<i>Рева Е. К.</i> Этнокультурная тематика в средствах массовой информации: типологический обзор ...	181
<i>Полюшкевич О. А.</i> Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе	192

РЕЦЕНЗИИ

<i>Коломейцева Е. Б.</i> Опыт социокультурного анализа кино: «Нация убийц» Сэма Левинсона	203

CONTENTS

CULTURE AND SOCIETY

Chetverikova N. A. Evolutionary Potential of a Human	8
Misonzhnikov B. Ya. The Value Paradigm of Philosophical Anthropology: Inclusion in a New Context.....	16
Petrova E. V. Homo Informaticus: Biological and Socioanthropotechnical Evolution	25
Subbotina N. D. Natural Reasons for Differences in the Character of Man and Woman.....	35
Karmadonov O. A. Pleasures and Hardships in Modern Life: A Subjective Dimension of Social Well-Being	47
Ardashev R. G. Irrational Foundations of Suicide	58
Sedova L. I. National Identity: Transformation Trends.....	69

MENTAL AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE REGION

Gavrilova Yu. V. Mentality in the Context of Interaction Between Social and Virtual Reality	82
Gomboeva M. I. Siberian Animal Style as a Conceptual Basis for the Conversion of Traditional Artistic Heritage into Cultural Industries.....	94
Markhadaev G. B. A Modern Buryat Author as a Translator of National Character	103
Zhukov A. V., Xu Ying Factors of Modernization of Higher Education in Chinese Society in the Period Before the Xinhai Revolution.....	113
Ananina D. A., Terentyeva A. V., Jiang Dan Adaptation of Migrant Children in a Foreign Cultural Environment: Socio-Philosophical Analysis.....	122
Dumnova E. M., Mukha V. N. Linguocultural Adaptation of Migrants in the Context of Educational Migration to Russia.....	131

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Niyazgulova A. A., Melnik G. S. The Philosophy of Transhumanism in Media Discourse	143
Kuznetsova E. I. The Phenomenon of Digital Mediatization: Axiological Aspect of Social Communication.....	154
Marinova E. V. The Opposition “Man – Machine” in the Language Picture of the World of the 21 Century.....	161
Sidorov V. A. Past and Present in the Media Environment: Value Resonance	171
Reva E. K. Ethnocultural Themes in the Media: Typologicalreview	181
Polyushkevich O. A. New Identity in Modern Patriotic Cinema.....	192

REVIEWS

Kolomeytseva E. B. Essay on Sociocultural Analysis of Cinema: “Assassination Nation” by Sam Levinson.....	203

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

Научная статья

УДК 177

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-8-15

Эволюционный потенциал человека

Надежда Александровна Четверикова

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Выборгский филиал), г. Выборг, Россия
chetverikova.nadezhda@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2902-8165>*

Механизм цивилизации «будет душить человека,
пядь за пядью выходящий из-под власти и
контроля его воли и духа, становящийся
всё более своевольным и неуправляемым».

М. Шелер

Статья посвящена проблемам бытия человека и человечества, поскольку изменения окружающего мира и самого человека вызывают серьёзные сомнения в наличии будущего у человечества. Прежде всего, имеет место размывание статуса человека как природного существа, вызванного трансформациями его биологической природы. Неясные последствия наличествуют в социальных изменениях, манипуляциях с человеческим сознанием. Все эти опасения умножаются на достижения в развитии техносферы, которая активно стремится подчинить живое неживому. Цель исследования состоит в том, чтобы систематизировать эти сложнейшие процессы, встав на позиции универсального эволюционизма. Методология универсального эволюционизма позволяет выявить координаты биологической, социальной и культурной эволюции и закономерности выживания человека. Смысл происходящих трансформаций открывается при помощи системного и интегрального подходов, антропологического и сравнительного методов. Объектом исследования являются эволюционные изменения биологии, разума, морали человека, определяющие антропологическое будущее. Предмет исследования состоит в систематизации фундаментальных изменений человека и влияния техносферы на сохранение человечества. В основе лежат философско-антропологические представления об эволюционных трансформациях биологической и социокультурной природы человека и их влиянии на параметры существования человека. В статье изложены значимые стратегии универсального эволюционизма, касающиеся эволюционных возможностей человека в биологии, социуме, культуре. Уделено особое внимание такому качеству человека, как трансгрессия (фундаментальная характеристика человеческого бытия, состоящая в том, что человек всегда нацелен на преодоление границ возможного в природе и в социуме). Выявлены основные показатели, свидетельствующие о преходящем характере человечества. Особую значимость приобретает техносферное бытие, ведущее к необратимым изменениям в жизни человека, поскольку укрепляет глобальное противостояние естественного и искусственного, живого и неживого. Неживое всё чаще одерживает победу.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм, техносферное бытие, трансгрессия, естественное, искусственное

© Четверикова Н. А., 2022

Original article

Evolutionary Potential of a Human

Nadezhda A. Chetverikova

The Herzen State Pedagogical University of Russia (Vyborg branch), Vyborg, Russia
chetverikova.nadezhda@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2902-8165>

The article is devoted to problems of the existence of a human and humanity because changes in the outworld and a human himself induce significant doubts in the future of mankind. Primarily, there is an erosion of consequences that are present in social changes, manipulations with human consciousness. All of these apprehensions multiplied by achievements in the development of the technosphere, which actively reach forward to submit alive under unalive. There is an opportunity to make sense of it by taking the position of universal evolutionism. The coordinates of biological, social and cultural evolution educe patterns of human survival and the meaning of happening transformations. The object of the research is evolutionary changes of biology, mind, human morality that determine anthropological future. The subject of the research is systematization of fundamental human changes and the influence of the technosphere on the preservation of mankind. The research is based on philosophical and anthropological ideas of evolutionary transformations of biological and sociocultural human nature and its impact on characteristics of human existence. The article reveals significant strategies for universal evolutionism, relating to human evolutionary capabilities in biology, society and culture. Particular attention is paid to such a quality of a human as transgression – a fundamental characteristic of human existence, which presents the fact that a person is always aimed to overcome the boundaries of the possible in the nature and in the society. The main indicators that testify to the transient nature of mankind have been identified. Technosphere existence acquires special importance, leading to irreversible changes in human life, as it strengthens the global confrontation of the natural and the artificial, the living and the inanimate. The inanimate increasingly frequently scores a win.

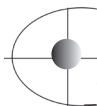
Keywords: universal evolutionism, technosphere existence, transgression, natural, artificial

Введение. В массовом сознании закрепилось представление о том, что ситуация в современном мире носит кризисный характер, происходит нарастание противоречий. Причём противоречия кроются и в природных факторах, и в социуме. Это приводит к мысли о том, что кризис носит антропологический характер, его истоки находятся в процессах, происходящих с человеком, – точкой пересечения природы и социума. В таком случае именно человек должен подвергнуться исследованию, хотя, кажется, что имеется большое количество попыток сделать это.

Основатель философской антропологии М. Шелер заметил, что за последние десять тысяч лет обнаружилось, что «человек стал совершенно проблематичен» [1, с. 70]. Во-первых, свидетельством проблематичности является то, что человек живёт на суррогатах (орудия труда, язык), поскольку своих телесных органов для успешного противостояния природе у него нет. Во-вторых, слабость органов ведёт к тому, что инстинкт не может больше помочь двигаться по дороге жизни. «Омозговление» не спасает от деградации. Шелер делает вывод о том, что человек – «смертельно раненный от рождения вид» [2, с. 144].

В чём состоит проблематичность в настоящее время? Во-первых, человек не есть сумма биологических и социальных параметров. Он представляет собой органическое единство духовного и телесного. Культура и природа во взаимопроникновении жизненно необходимы для сохранения человечества. Об этом свидетельствует наличие глобальных явлений: суицидальные практики терроризма, практики трансгрессии, свидетельствующие о текучести природы человека, у которой больше не видно центра: «глядя в себя самого, я больше не вижу, перестал видеть, кто я и что я; и в поисках себя я теперь обращаюсь за пределы себя» [3, с. 39].

Методология и методы исследования. Проблема человека рассматривается в контексте универсального эволюционизма, признающего человека в качестве звена в цепи космопланетарного процесса. Интегральный подход (единство биологического и социального) позволяет понять место и судьбу человека в целостной системе жизни. Особое внимание уделено техносфере: вдруг это конец человеческой истории? При этом важно помнить, что философ не может «убаюкивать человека иллюзиями и утешать его ложными перспективами» [4, с. 108].

Эволюция понимается как процесс спонтанной самоорганизации (либо самодезорганизации) материальных систем, который имеет, как правило, необратимые изменения структуры и/или содержания [5]. Интерес к универсальному эволюционизму вызывается тем, что изменения современной цивилизации сопровождаются усилением угроз для жизни человека. Среди них – противостояние естественного и искусственного, живого и техносферного бытия, в том числе влияние этого противостояния на человека. Человек, желая иметь будущее, обращается к эволюции – есть ли надежда на будущее? Человек всё настойчивее добывается знания о закономерностях эволюционно-исторического бытия, среди которых знание о возможном будущем человечества [6]. Исследования специалистов утверждают, что будущее есть не у всех объектов и субъектов, так как катастрофические процессы имели место в процессе эволюции на разных структурных уровнях материи.

В этих процессах главенствующая роль принадлежит случайности. Она может носить и созидательный, и разрушительный характер. Любая случайность присутствует в необходимости. Более того, фактор нестабильности в эволюционных процессах всегда присутствует, и не исключено, что это скажется на жизни [7, с. 207]. Любая структура имеет свой срок существования, а затем умирает [8, с. 90].

Озадаченный человек задался целью понять: человеческая история – это часть космического процесса или, наоборот, космос есть часть человеческой истории [9, с. 259]. Универсальный эволюционизм исходит из того, что бытие человека вписано в историю космических процессов. История человечества – это и история жизни, имеющей место на земле и в космосе. Следовательно, изменения, происходящие с человеком, связаны с изменениями в космосе. В XIX в. сформировались представления об эволюции, о необратимом превращении различных объектов. Ч. Дарвин положил начало представлениям о том, что весь органический мир един. Линия единства органического мира укрепилась и продолжилась идеей В. И. Вернадского о единстве процесса развития Земли вообще. Более того, он установил, что эволюция идёт с усовершенствованием центрального мозга, центральной нервной системы (нейроэволюция), ве-

дущей к совершенствованию когнитивной системы [10, с. 39].

Чтобы разобраться в хитросплетениях эволюции, можно обратиться к такому явлению, как трансгрессия. Это выход за пределы допустимого, характеристика, обнаружившаяся не сегодня. Но она приобретает значение, поскольку даёт возможность по-иному взглянуть на антропо- и социогенез, социальные практики и эволюционные процессы [11]. В этом смысле трансгрессию можно понять как фундаментальную характеристику человеческого бытия, поскольку человек нацелен на преодоление границ возможного в природе и в социуме, это его способ отношения к действительности [12–14].

Начнём с того, что человек своим появлением в живой природе уже явил трансгрессию, ибо вышел за пределы природных характеристик. В природе человека не обнаружено чего-то такого, чего нет в биологическом мире, но он создал свою новую среду – общество, тем самым выйдя за пределы биологического мира. Получается, что «биологическое тело» (К. Ясперс) имеет принципиально иные способности, нежели инстинкты. Он имеет универсальный тип мышления, отсутствующий в животном мире [15, с. 24]. Отделение человека от природного порядка являет собой трансгрессивный акт.

Другое дело, что человек (трансгрессивное существо) не хочет признать доминирование природных условий, несмотря на то, что знает об опасностях воздействия на природу. Выстроенные перспективы эволюционных процессов, касающихся человека, осложняются тем, что человек соединяет биологическую и социокультурную линии эволюции [16].

Вызывают интерес эволюционные возможности биологической природы человека. Известно, что человек стремится возвыситься над природой, преодолеть свою зависимость от природы, о которой ему хорошо известно. Толкает его на это духовная сущность, выходящая за пределы природно-биологического начала. Духовная сущность человека, как считает Г. С. Батищев, возникает не просто в результате эволюции животных, а благодаря универсальной силе всей природы [17, с. 87–88]. Универсальная сила природы позволила возникнуть сознанию, которое способно создавать идеальную форму бытия, делая человека надбиологическим существом, то есть таким, ко-

торое даёт закон самому себе при помощи разума [18, с. 426].

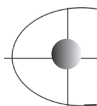
Означает ли это, что в лице человека природа «закрыла двери своей мастерской» (И. Г. Гердер)? Исследователи склоняются к тому, что видовая эволюция человека завершена, человек – окончательно фиксированное существо: «Номо sariens завершил биологическую эволюцию... и не приобретёт качеств нового биологического сверхчеловека или, напротив, недочеловека» [19, с. 186–187]. Главный аргумент, позволяющий прийти к такому выводу, заключается в том, что человек (в качестве мыслящей материи) знает о том, что он самостоятелен в отношении ко всему остальному миру. Эволюционный процесс имеет предел усложнения в лице человека. Социобиологические науки утверждают, что завершилось морфологическое развитие мозга человека, так как увеличиваться в размерах он не может по причине ограниченных размеров родовых путей женщины, через которые проходит голова рождающегося. Кроме того, продолжение эволюции невозможно и в силу того, что на планете нет больше экологической ниши для свободного возникновения новых видов. Эволюционные механизмы направлены на то, чтобы сохранить стабильное состояние уже сформировавшегося человека [20, с. 233].

Не будем забывать, что биологическая трансформация человека – это только одна сторона, вторая – социокультурные измерения, носящие надбиологический характер. Социокультурные формы жизнедеятельности сделали из практически беспомощного биологического существа активное и самостоятельное создание. Он опять вышел за границу. Исходя из социокультурных изменений человека, возникает вопрос практического содержания, а именно: обеспечат ли будущее человека дальнейшие социоэволюционные изменения? Надо исходить из того, что интеллектуальная активность достигла больших размеров и не собирается останавливаться. Однако в эволюционном процессе интеллект и духовность человека идут разными путями. К. Лоренц пишет: «Все блага, доставляемые человеку глубоким познанием окружающей природы, прогрессом техники, химическими и медицинскими науками, всё, что предназначено, казалось бы, для облегчения страданий, – всё это ужасным и парадоксальным образом

способствуют гибели человечества» [Там же, с. 117]. Самоубийственная деятельность человека» (И. Шкловский) обеспечивается интеллектуальными возможностями разума.

Вопрос в том, подчиняется ли человек закономерностям развития природы, несмотря на обладание разумом? Предположим, что совершенствование человека (эволюционное развитие) может идти с помощью разума. В. И. Вернадский сформулировал учение о ноосфере, так как видел ключевую роль разума в форме научного разума. Этот разум активно развивается, ибо наиболее прагматичен, эффективен и строг в формулировках [21, с. 294]. Однако есть противоречия в разуме и в научном разуме, о чём свидетельствует формирование и развитие техносферы. Она непросто далека от этики, но представляет собой другую новую природу, которая стала реальным вызовом человечеству, поскольку изменяет и среду обитания человека, и живое вообще. Техносферу можно понимать как совокупность технических процессов и их ресурсов, которые создаются людьми для обеспечения необходимых условий жизни [22, с. 117]. Без техносферы люди сегодня жить не могут, ибо это выход человека в сверхприродное бытие. Особая роль техносферы в бытии заключается в том, что она живёт своей собственной жизнью, независимо от социальных ценностей. Так случилось потому, что главными её показателями являются полезность, эффективность, прагматика, то есть она выходит за рамки человеческих целей, несмотря на то, что он её создатель. Происходит отчуждение результатов технической деятельности от человека, поскольку техносфера выстроена на антижизненных началах, а не на естественных и эволюционных. «Техногенный человек – порождение техносферы. Кто он? – Бездуховное существо, мутант рода человеческого» [23, с. 108]. «Если человек – лишь Номо faber, тогда он крайне опасен» [24, с. 403].

Противоречия между техносферой и человеком объясняются по-разному. Согласно первой точке зрения, человечество и человек несовершенны в социальном и нравственном отношении, это и порождает деструктивные процессы. Это декларативное суждение, которое ничего не объясняет. Другая точка зрения утверждает, что, поскольку сам человек имеет двойственную структуру – натуру и культуру, то и его дея-

тельность также имеет двойственный характер: естественная и искусственная. Другими словами, «неутихающая страсть» (М. Шеллер) всё изменять привела человека к тому, что он вышел за границы природы и стал её приспособлять к себе. Более того, человек благодаря трансгрессии противопоставил себе и плоды своей неуёмной деятельности [10, с. 208]. Человек эксплуатирует природу и думает, что эта победа навсегда, таков способ существования человека разумного – неограниченно преобразовывать среду обитания, несмотря на то, что его биологические и психологические параметры ограничены. Выходит, что остановить «запредельность» человека нельзя? Некоторый выход предлагает концепция козволюции природы и человека, сформулированная академиком Н. Н. Моисеевым [25, с. 40–43]. Можно ли таким образом ограничить власть человека над природой? Управлять биосферой человек не может, и не может соизмерить свои потребности с возможностями биосферы. Козволюция выглядит как целенаправленное сохранение биоценозов с помощью техносферы. В противном случае человечество сможет выживать (по-видимому) в искусственно созданной среде, которая, как предполагается, будет пригодной для жизни [26].

Имеют место предположения, что у человека есть возможность эволюционировать как духовное существо, чтобы преодолеть техногенные антижизненные начала. Предлагается усилить нравственное, религиозное, эстетическое воздействие. Но как? Стало понятным, что духовное содержание, которое выделило человека из животных, явно отстаёт от научно-технического прогресса. Можно ли быть уверенным в том, что постчеловек, идущий на смену просто человеку, будет нравственным и духовным существом? Будет ли он обладать совершенством духа, а не только совершенством тела? Духовные и интеллектуальные изъяны были, есть и будут. Изъяны тела нас, конечно, беспокоят, и человек борется с ними. Что делать с духовными трещинами?

С. С. Хоружий, сформулировавший антропологию Границы, выдвигает идею одной граничной ситуации, то есть предельных проявлений, которые могут помочь в преодолении духовных изъянов. Это духовные, мистико-аскетические практики с энергичной конфигурацией. Эти практики вступают

во взаимодействие с энергиями Иного; последние не поддаются идентификации человеческими способами, но оказывают влияние на дух и делают достижимыми духовное восхождение. Восхождение понимается как преодоление первоимпульса неприятия смерти, «преодоления смерти» [27]. Это важно, так как в повседневной жизни человек старается не думать об этой перспективе. Трансформировать неприятие в приятие – в этом духовное совершенствование человека как смертного существа.

Вместе с тем понятно, что нет чёткого и однозначного образа совершенного человека, нравственного, духовно богатого. На что равняться, коль скоро мораль отрицает реальные нормы, ибо они несовершенны, а те нормы, которые она предъясняет, – недостижимы? [26; 27, с. 11]. Согласно Сенеке – надо просто стараться быть лучше дурных людей, и это будет уже достижением.

Поставим вопрос по-другому. Что даст нам (человечеству) духовное совершенствование? С точки зрения универсального эволюционизма, это обеспечит продолжение эволюции через нахождение позитивов в отношениях с природой, с Космосом. То есть человечество будет продолжаться, и это то, чего мы хотим. В качестве более близких целей, по-видимому, может быть благоприятное социальное устройство (как минимум, бесконфликтное); здоровая, безбедная жизнь человеческих экземпляров. Однако мы знаем, что человеческая жизнь любого содержания конечна. Зачем же моральное совершенствование? Как оно должно выглядеть? Ницше считает, что для борьбы за продолжение человечества нужны «сильные, злые, настойчивые. С прямоугольным строением тела и души» [28, с. 602].

По мнению В. С. Соловьёва, для духовного роста необходимы христианские ценности – милосердие, вера, красота. Выходит, что если хотим совершенствоваться, то нужна и злость, и милосердие. Тогда всё останется как есть, так как человека иного типа, иной природы не может быть. Эволюция породила нас такими, опыт истории это подтвердил.

Духовно-нравственного совершенствования мы не наблюдаем, хотя есть рост знаний и информированности. Видимо, свобода воли так находит свою самореализацию, ведёт человека за пределы наличного бытия. В нравственном смысле – это чрезвы-

чайные духовные практики, о которых шла речь. В материальном смысле – это техническое, информационное движение вверх. Если преодоление духовных пределов носит чаще всего индивидуальный характер (не массовый), то информационно-технологическое движение носит массовый характер, растущий без оглядки и с непредсказуемыми последствиями. По-видимому, именно оттуда надо ожидать прихода зла. В этом смысле сама идея Бога – это идея некоторых ограничений и контроля со стороны божественной инстанции: твори, но знай предел. Ницшеанская формула «Бог умер» дополняется формулой Достоевского «Если Бога нет, всё дозволено». Техническая, информационная вседозволенность – сегодня именно тот результат. «Темпы развития техносферы намного порядков превышают известные темпы эволюции биосферы. Чтобы от приматов дойти до человека, потребовалось 6–10 млн. лет, а чтобы создать базу для искусственного интеллекта достаточно было ста лет» [31, с. 243].

Результаты исследования и их об-суждение. Исходя из того непреложного обстоятельства, что трансгрессивность человека постоянно ведёт его за любые пределы, приходим к выводу о том, что знание о конечности своего существования не останавливает его. Более того, безграничное развитие техносферы, которая является важнейшим результатом преодоления границ, продолжает активизировать процесс подчинения живого неживому. В этом видится тупик эволюции, обусловленный противоречиями использования человеком своего разума, так как человек до сих пор думает, что он сможет преобразовать *Homo sapiens* более удачно, чем это делает эволюция [29, с. 360].

Закключение. Глобальный эволюционизм приводит к мысли о том, что интеллект и духовность человека разошлись на путях эволюционного процесса. Техносферу оста-

новить нельзя, как до конца нельзя контролировать достижения со стороны разума, направленные на развитие техносферы. Более того, в любой деятельности имеют место непредвиденные разумом результаты.

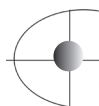
Биологическое развитие человека закончено, возможные элементы совершенствования осуществляются с помощью техносферы. Надежды на гениальную инженерию имеют призрачные возможности с точки зрения глобального эволюционизма, поскольку вряд ли человек захочет создавать себе конкурента, «собрата» по разуму.

Можно предположить, что совершенствование человеческой жизни состоит в самоограничении. Это то, что старалась сделать мораль. С точки зрения эволюции, если мы хотим продолжиться, то есть отодвинуть конечный пункт, то необходимо идти путём самоограничений. Человек не может управлять эволюционными процессами, поэтому надо признать, что человек – феномен временный. Не надо призывать к отказу от технических достижений, это наивно и несбыточно. Тем более, что человек уверен, что он превзойдёт эволюционные возможности природы, ибо разум по-прежнему избыточен, избыточен, выходит из берегов, трансграничен.

Вместе с тем нравственные ограничители для разума остаются слабыми, о чём свидетельствует жизнеспособность потребительства и гедонизма. Человек убеждён, что существуют перспективные стратегии его деятельности как в отношении окружающего мира, так и в отношении самого себя. Думать по-другому он не может, поскольку не может бессмысленно жить. Трансгрессия сделала понятным, что безвозвратное удаление человека от естества в результате его неуёмной деятельности остановить нельзя, ибо нет опыта, связанного с переживанием смерти человечества. Человек по-прежнему питается надеждой на свою эволюционную изворотливость.

Список литературы

1. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
2. Шелер М. Человек и история // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 132–153.
3. Хоружий С. С. Человек и его три дальних удела // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 35–48.
4. Баландин Р. К. Ноосфера или техносфера // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 106–111.
5. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Универсальный (глобальный) эволюционизм и глобальные исследования // Философская мысль. 2012. № 1. С. 46–101.
6. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
7. Югай Г. А. Общая теория жизни (диалектика формирования). М.: Мысль, 1985. 256 с.

8. Хайтун С. Д. Эволюция Вселенной // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 82–91.
9. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=53796&p=1> (дата обращения: 14.02.2022). Текст: электронный.
10. Келигов М. Homo sapiens: преходящий феномен. М.: Академический проект, 2012. 215 с.
11. Каштанова С. М. Трансгрессия как социально-философское понятие: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11. СПб., 2016. 32 с.
12. Foust C. Transgression as a Mode of Resistance: Rethinking Social Movement in an Era of Corporate Globalization. Lexington Books, 2010. 257 p.
13. Gregg J. Maurice Blanchot and the Literature of Transgression. New York: Princeton University Press, 1994. 256 p.
14. Крайнюченко И. В. Глобальный эволюционизм и синергетика ноосферы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2004. 48 с.
15. Оруджев З. М. К вопросу о возникновении человеческого разума // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 22–30.
16. Пинкер С. А. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать её сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 137 с.
17. Батищев Г. С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Мысль, 1969. С. 81–107.
18. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. Ч. 1. 544 с.
19. Келигов М. Ю. Homo sapiens: Преходящий феномен. М.: Академический проект, 2012. 215 с.
20. Лоренц К. Так называемое зло. К естественной теории агрессии // Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 62–242.
21. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. URL: <https://www.rulit.me/books/biosfera-i-noosfera-read-412871-1.html> (дата обращения: 12.02.2022). Текст: электронный.
22. Дубинин Н. П. Что такое человек? М.: Мысль, 1983. 334 с.
23. Баландин Р. К. Ноосфера или техносфера // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 106–111.
24. Хунинг А. Homo mensura: люди – это их техника – техника присуща человеку // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. 572 с.
25. Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 40–43.
26. Белкина Г. Л., Корсаков С. Н., Фролова М. И. Соотношение природного и человеческого в биоэтической концепции И. Т. Фролова // Проблемы соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Чита: ЗабГУ, 2021. С. 5–15.
27. Гусейнов А. А. Философские заметки // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 10–18.
28. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Эксмо, 2015. 704 с.
29. Гуревич П. С. Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 496 с.
30. Jenks C. Transgression. KeyIdeas. Routledge, 2003. 216 p.
31. Левит Г. С., Хоссфельд У. Теория эволюции и философия науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, вып. 2. С. 229–246.
32. Mayr E. The advance of science and scientific revolution // Journal of the history of behavioral sciences. 1994. Vol. 30. Pp. 328–334.
33. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 1998. 507 с.

Информация об авторе

Четверикова Надежда Александровна, доктор философских наук, профессор; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Выборгский филиал); 188811, Россия, г. Выборг, ул. Парковая, 2; e-mail: chetverikova.nadezhda@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2902-8165>.

Для цитирования

Четверикова Н. А. Эволюционный потенциал человека // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-8-15.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

References

1. Scheler, M. Selected works. M: Gnosis, 1994. (In Rus.)
2. Scheler, M. Man and history. Thesis, issue 3, pp. 132–153, 1993. (In Rus.)
3. Khoruzhy, S. S. Man and his three distant destinies. Problems of Philosophy, no. 1, pp. 35–48, 2003. (In Rus.)

4. Balandin R. K. Noosphere or technosphere. Questions of Philosophy, no. 6, pp. 106–111, 2005. (In Rus.)
5. Ursul, A. D., Ursul, T. A. Universal (global) evolutionism and global research. Philosophical Thought, no. 1, pp. 46–101, 2012. (In Rus.)
6. Schaeffer, J.-M. The end of human exclusivity. M: New Literary Review, 2010. (In Rus.)
7. Yugay, G. A. General theory of life (dialectics of formation). M: Thought, 1985. (In Rus.)
8. Khaitun, S. D. Evolution of the Universe. Questions of Philosophy, no. 10, pp. 82–91, 2004. (In Rus.)
9. Berdyayev, N. A. The Kingdom of the spirit and the kingdom of Caesar. Web. 14.02.2022. <https://www.litmir.me/br/?b=53796&p=1> (In Rus.)
10. Keligov, M. Homo sapiens: A transient phenomenon. M: Academic project, 2012. p. (In Rus.)
11. Kashtanova, S. M. Transgression as a socio-philosophical concept. Dr. sci. diss. abstr. Spb, 2016. (In Rus.)
12. Foust, C. Transgression as a Mode of Resistance: Rethinking Social Movement in an Era of Corporate Globalization. Lexington Books, 2010. (In Engl.)
13. Gregg, J. Maurice Blanchot and the Literature of Transgression. Princeton University Press, 1994. (In Engl.)
14. Krainyuchenko, I. V. Global evolutionism and the synergetics of the noosphere. Dr. sci. diss. abstr. M., 2004. (In Rus.)
15. Orudzhev, Z. M. On the emergence of the human mind. Questions of Philosophy, no. 1, pp. 22–30, 2009. (In Rus.)
16. Pinker, S. A. Blank slate: The nature of man. Who and why refuses to recognize it today. M: Alpina non-fiction, 2018. (In Rus.)
17. Batishchev, G. S. The active essence of man as a philosophical principle. The problem of man in modern philosophy. M: Mysl, 1969: 81–107. (In Rus.)
18. Kant, I. Ess. in 6 vol. Vol. 4. P. 1. M: Mysl', (thought) 1965. (In Rus.)
19. Dubinin, N. P. What is a man? M: Mysl', (thought) 1983. (In Rus.)
20. Lorenz, K. So-called evil. Towards a natural theory of aggression. Lorenz K. The flip side of the mirror. M: Republic, 1998: 62–242 (In Rus.)
21. Vernadsky, V. I. Biosphere and noosphere. Web. 12.02.2022. <https://www.rulit.me/books/biosfera-i-noosfera-read-412871-1.html> (In Rus.)
22. Dubinin, N. P. What is a man? M: Mysl' (thought), 1983. (In Rus.)
23. Balandin, R. K. Noosphere or technosphere. Questions of Philosophy, no. 6, pp. 106–111, 2005. (In Rus.)
24. Huning, A. Homo mensura: people are their technology – technology is inherent in man. Philosophy of technology in Germany. M: Progress, 1989. (In Rus.)
25. Moiseyev, N. N. Man in the Universe and on Earth. Questions of philosophy, no. 6, pp. 40–43, 1990. (In Rus.)
26. Belkina, G. L., Korsakov S. N., Frolova M. I. The ratio of natural and human in the bioethical concept of I. T. Frolov / Problems of the correlation of natural and social in society and man. Chita: Transbaikalian State University, 2021: 5–15. (In Rus.)
27. Huseynov, A. A. Philosophical notes. Questions of philosophy, iss. 10. pp. 10–18, 2008. (In Rus.)
28. Nietzsche, F. Thus Spoke Zarathustra. M: Some, 2015. (In Rus.)
29. Gurevich, P. S. Classical and non-classical anthropology: comparative analysis, Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. (In Rus.)
30. Jenks, C. Transgression. Key Ideas. Routledge, 2003. (In Engl.)
31. Levit, G. S. Hossfeld U. Theory of evolution and philosophy of science. Bulletin of SPbSU. Philosophy and conflictology, no. 2, pp. 229–246, 2021. (In Rus.)
32. Mayr, E. The advance of science and scientific revolution, Journal of the History of Behavioral Sciences, vol. 30, pp. 328–334, 1994. (In Engl.)
33. Abbagnano, N. Introduction to existentialism. St. Petersburg: Aleteya, 1998. (In Rus.)

Information about author

Chetverikova Nadezhda A., Doctor of Philosophy, Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia (Vyborg branch); 2 Parkovaya st., Vyborg, 188811, Russia; e-mail: chetverikova.nadezhda@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2902-8165>.

For citation

Chetverikova N. A. Evolutionary Potential of a Human // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-8-15.

Received: March 10, 2022; approved after reviewing April 18, 2022; accepted for publication April 22, 2022.

Научная статья

УДК 141.319.8

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-16-24

Ценностная парадигма философской антропологии: включение в новый контекст

Борис Яковлевич Мисонжников

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>

В статье речь идёт о некоторых аспектах философской антропологии, которая как учение строится не просто с учетом аксиологических принципов идентификации, но вся проникнута ценностным конструированием. Проблема природы человека, его существования в пространственном континууме обуславливает актуальность проведённого исследования. Цель работы – обобщить уже имеющийся опыт, накопленный видными философами в области философской антропологии, проанализировать использование аксиологии как теории ценностей, которая находит применение в философском учении о человеке. Для структуризации и систематизации уже имеющегося материала с целью формирования единой концепции философской антропологии применялся сравнительно-генетический метод, использовались также некоторые общенаучные методы. Для решения именно философских задач – методы диалектические, аксиоматические, эмпирического познания, представленного, в частности, дескрипцией. Автор проанализированы особенности развития аксиологии, в частности аспекты её типологического моделирования. Результат исследования позволил прийти к заключению о том, что данные в области философской антропологии, несмотря на их значительный объём, не систематизированы и не сведены в общую масштабную научную структуру, хотя и нельзя говорить о том, что знания философской антропологии существуют лишь как пролегомены к настоящей науке. В то же время в условиях стремительно меняющейся реальности рассмотрение проблем существования человека приобретает особую важность.

Ключевые слова: аксиология, философская антропология, ценности, человек, постнеклассическая рациональность

Original article

The Value Paradigm of Philosophical Anthropology: Inclusion in a New Context

Boris Ya. Misonzhnikov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>

The article deals with some aspects of philosophical anthropology, which, as a doctrine, is built not only on axiological principles of identification but also is imbued with value construction. The problem of human nature, its existence in a spatial continuum determines the relevance of the study. The purpose of the work is to summarize the existing experience accumulated by prominent philosophers in the field of philosophical anthropology, to analyze the use of axiology as a theory of values, which is used in the philosophical doctrine of man. To arrange and systematize existing material in order to form a unified concept of philosophical anthropology, the comparative genetic method was used, and some general scientific methods were also used. And for the solution of precisely philosophical problems – methods of dialectical, axiomatic, empirical knowledge, represented, in particular, by description. The author analyzes the features of the development of axiology, in particular aspects of its typological modeling. The result of the study led to the conclusion that the data in the field of philosophical anthropology, despite its considerable volume, is not systematized and not summarized in a common large-scale scientific structure, although it cannot be said that the knowledge of philosophical anthropology exists only as a prolegomena to the present one science. At the same time, in a rapidly changing reality, consideration of the problems of human existence is of particular importance.

Keywords: axiology, philosophical anthropology, values, human, post-non-classical rationality

Введение. Императивы философской антропологии хотя и обрели более или менее чёткие очертания самостоятельной отрасли науки и стали с определённой активностью

развиваться в XX в., начинали формироваться в глубокой древности. Те или иные проявления основных максим учения о человеке мы находим в устном народном творчестве,

© Мисонжников Б. Я., 2022

в котором акцентируется внимание на сущности человека, его духовной идентичности и физических возможностях. Личностно-гуманистической рефлексией проникнуты ранние религиозные тексты, которые через сакрализацию фундаментальных общественных идеалов оказывали мощное влияние на создание жизненного мира человека, объединяли людей и порождали чувство родства и сопостранственности.

Тем или иным сторонам философской антропологии посвящены труды Демокрита, Сократа, Аристотеля, Платона, мыслителей Средневековья – раннехристианских Отцов Церкви Иустина Философа, Тертуллиана, Климента Александрийского, Оригена, представителей патристики Иоанна Дамаскина, Григория Великого, Максима Исповедника, Григория Нисского, Григория Богослова, представителей схоластики Аврелия Августина и Фомы Аквинского, философов Возрождения Николая Кузанского, Мишеля Монтеня и других. Внимание к индивиду зачастую, однако, интерпретировалось методологически и концептуально в аспекте философского антропологизма, который постулировал субстанциональное единство и целостность человека, представлял его, по сути, апологетически и в сциентистски-рационалистическом истолковании. В этом, несомненно, была и положительная сторона: человек оставался предметом пристального философского внимания. В то же время нельзя не отметить, что красной нитью через все познавательные практики проходит очень разное отношение, по выражению Г. П. Выжлецова, «к ценностной проблематике, которая мешала, как заноза, не укладываясь в строгие рамки пансциентистского менталитета» [1, с. 21].

Антропологические интенции проявились в философии И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Л. А. Фейербаха, а также С. Кьеркегора, который, по словам С. А. Исаева, «как бы возвращается к гегелевской дефиниции человека – с той только разницей, что дух понимается как синтез души (в том числе сознания) и тела» [2, с. 9]. С впечатляющей глубиной духовный мир человека представлен через концепцию всеединства русской религиозно-идеалистической мысли конца XIX и начала XX в. в трудах Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и, конечно, В. С. Соловьёва, основа философии которого, как подчёркивает В. С. Федчин, – «интуитивно-мифологи-

ческое прочтение человеческого существования» [3, с. 17]. Через призму экзистенциального мировидения антропологические вопросы отражены в трудах Л. И. Шестова и Г. Г. Шпета. Причём концепция последнего, как не без оснований указывает В. В. Терехов, «может быть названа герменевтической феноменологией» [4, с. 88]. Это позволяет нам осознать широту понятия философской антропологии, которая не просто коррелирует с такими категориями, как герменевтика и аксиология, но и формируется благодаря применению их в когнитивных процессах.

Философская антропология создавалась сложно и порой противоречиво, в ней проявлялись также черты антропософии, как сугубо мистическое учение, порождённое теософскими практиками и обнаруживающее признаки тайноведения. Говоря о философской антропологии, мы не можем не учитывать мистический и оккультный опыт Рудольфа Штайнера, его духовные искания, даже при критическом отношении к ним. Конечно, когда мы рассматриваем проблемы онтологии человека, не всё поддаётся упрощённой и схематизированной идентификации, возникают метафизические казусы, распознавание которых возможно только на уровне интуитивного мышления, так как дискурсивное в некоторых случаях может завести в когнитивный тупик. Могут возникать и субъектно-объектные отношения не просто сложные, но требующие использования диалектически эффективного инструментария. В частности, не лишена основания следующая констатация С. С. Аванесова: «Субъект и объект антропологии в окончательном смысле неразличимы. Следовательно, антропологическая теория всегда есть антропная практика. А это значит, что “антропология” есть часть человеческой (антропной) реальности и, другими словами, предмет антропологического познания. Антрополог в конечном итоге изучает самого себя» [5, с. 59].

В то же время хотя философская антропология имеет универсальный и до некоторой степени отвлечённый характер, она не существует вне времени и вне исторического контекста. В современных условиях этот контекст, например, обусловлен развитием и внедрением ИТ-систем, изменениями психоэстетических и ментальных приоритетов индивида, а новый контекст требует и обновлённых методологических подходов. Однако

антропология, а нас в философском аспекте интересует и социальная антропология, как считает А. Р. Рэдклифф-Браун, «оказалась под властью концепции истории, исторического объяснения и исторического метода» [6, с. 79]. Само собой разумеется, историко-философское начало глубоко имманентно философской антропологической парадигме, но апология историзма, избыточность исторического метода сдерживали развитие антропологии как самостоятельного учения, требовалось обновление механизмов её включения в новый контекст и адаптации к нему. Причём это невозможно было осуществить без разработки системы аксиологической идентификации.

Таким образом, при создании парадигмы философской антропологии следует учитывать – при этом оценивая их в основном критически – некоторые положения и антропоцентризма, и антропософии. Идентификация положений философской антропологии, представленных исключительно в текстовых материалах, предполагает использование герменевтических познавательных механизмов, а для выстраивания концептуально-обобщающих системных иерархических образований – аксиологических.

Методология и методы исследования. Философская антропология, располагая значительным исследовательским концептуальным потенциалом, в последние десятилетия переживает процесс системного оформления. Важно, опираясь на впечатляющий опыт мыслителей прошлого, обобщить его и придать ему, насколько это возможно в условиях современных гносеологических представлений, очертания целостного системного образования. Для структуризации и систематизации уже имеющегося материала с целью формирования единой концепции философской антропологии применялся метод сравнительно-генетический, который позволил констатировать аспекты связи современных положений с прошлой традицией, рассмотреть возникновение и развитие относительно новой дисциплины. Применялись некоторые общенаучные методы, такие как обобщение, абстрагирование, анализ и синтез, моделирование, суждение и доказательство, которые дали возможность осветить некоторые особенно важные стороны проблемы и сделать определённые выводы.

Поскольку в исследовании предполагалось решение философских задач, необходимо было прибегнуть и к соответствующим методам – диалектическому, аксиоматическому, индуктивному и дедуктивному, эмпирическому познанию, представленному, в частности, дескрипцией. Дополнили круг использованных методов такие, как обоснование, интерпретация, объяснение и определение, в связи с чем стало возможно формирование некоторых дефиниций. Разрабатывая методологический аппарат исследования, автор статьи придерживался мнения о том, что философия занимает особое место в системе научного знания, тем не менее она близко соотносится с социокультурной областью, что позволяет в методологическом и сугубо инструментальном отношении экстраполировать некоторые качества, свойственные социокультурному методу, на сферу философии. Это, например, принцип многомерного исследования – метод, который на строгом аксиологическом основании предполагает, по словам И. В. Рудаковой, «прежде всего, объединение методологических процедур, что придаёт методу исследования свойство эмерджентности, которое позже переносится и на сам предмет исследования. Организованное таким образом многомерное исследование позволяет лучше осмыслить нелинейные, многомерные системы» [7, с. 161].

Результаты исследования и их обобщение. Человеческое сообщество – очень динамичное глобальное образование. Его современное состояние, характеризующееся включением в новый социальный и духовный контекст, требует соответствующего усовершенствованного механизма идентификации. В рамках философской антропологии поиск данного механизма проходит достаточно эффективно, однако изучение сообщества как сложноорганизованной и мультипарадигмальной системы таит много трудностей. По мнению А. В. Лубского, «социально-гуманитарные знания остаются фрагментизированными и разбросанными по различным научным дисциплинам. В силу такой неадекватности в научно-исследовательских практиках постоянно ускользает целостность, сложность и многомерность изучаемых социальных явлений... В результате поиска таких способов мышления и научно-исследовательских методов в социально-гуманитарных

науках произошёл постнеклассический поворот, актуализировавший в методологическом сознании проблематику, связанную с изучением постнеклассики и постнеклассической рациональности» [8, с. 21]. Между тем и постнеклассическая эпистемология как инструмент рационального познания не обеспечивает целостности формирования социальной модели. Учёным ещё предстоит разработать модель воссоздания картины мира в свете философской антропологии с введением в действие законов аксиологии на основе герменевтических заключений.

Диалектическая роль аксиологии в становлении философской антропологии примечательна уже тем, что аксиология, выполняя вспомогательную методологическую функцию, то есть обеспечивая другую научную систему, в то же время сама является самостоятельным философским учением, прежде всего, как общая теория ценностей – идейных и материальных. Именно аксиология выполняет негэнтропийную функцию, благодаря которой возможно упорядочить любую систему, в том числе и сложнейшую когнитивную, какой является философская антропология. Воплощённая в великом многообразии вербальных текстов, антропология как сфера знания не может существовать без механизма упорядочивания, выстраивания по принципам классификации с учётом соответствующих критериев – рационально-логического, семантического, идеологического, морального, эстетического и других. По справедливому утверждению И. В. Ерофеевой, «ценности упорядочивают действительность, вносят в её осмысление оценочный подтекст. Ценность как бы стягивает всё духовное к разуму, чувствам и воле человека» [9, с. 34].

В этом отношении есть очень показательный пример. Ф. Ницше не без оснований считается одним из тех знаменитых философов, которые способствовали развитию философской антропологии. С наибольшей полнотой это выразилось в его сочинении «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». Это произведение – творческий порыв, и трудно заподозрить автора в неискренности и предвзятости. Сестра философа Э. Фёрстер-Ницше писала, что это произведение – «история его глубочайших переживаний, его дружеских устремлений, его идеалов, его восторгов, его самых горьких разочарований и страданий, но над всем

этим возрождающе возвышается образ его величайшей надежды, его устремлённых вдалёк целей» [10, с. 479].

Пафосное заявление, конечно, имеет и своё научно-познавательное значение, но вряд ли по отношению к философской антропологии в строгом методологическом смысле. П. С. Гуревич в связи с этим приводит мнение известного философа, которое, судя по всему, разделяет: «Буберу принадлежит весьма оригинальная трактовка антропологической темы внутри философии жизни, особенно у Ф. Ницше... Ничем не оправданы социологические и этнологические догадки Ницше по поводу первобытной истории человечества. Неверны психологические и исторические воззрения немецкого философа на волю к власти. Всё это означает, что никакого положительного обоснования философской антропологии Ницше не дал. Но он тем не менее обеспечил неслыханный стимул к разработке философских проблем человека, вообще возвёл проблематику человеческой жизни в ранг самостоятельного философского предмета, чего не делал никто из прежних философов» [11, с. 24]. В самом деле, тексты Ницше, подвергнутые аксиологическому анализу, в рационально-логическом и семантическом отношении утрачивают многие ценные для научной концептуализации качества. Так, в классическую философскую антропологию не вписываются определённые ценности философа, которые он наделял слишком самобытной семантикой. Р. Ю. Данилевский замечает, что в произведении «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» «принципу альтруизма противопоставлен принцип эгоизма как основы нравственности» [12, с. 5]. По сути, этот вывод авторитетного русского литературоведа и философа выводит достижения немецкого философа за пределы гуманитарной системы оценок.

Примечательно, что аксиологическое действие диалектически очень близко коррелирует с герменевтическим: после опознания и установления идентичности текстового материала – его семантики и формы репрезентации – происходит акт оценивания с учётом соответствующих критериев, «ибо оценочная интерпретация направлена не на то, что чувствовали люди, исторически причастные к созданию оцениваемого объекта, но на те ценности, которые мы можем или даже должны в этом объекте обна-

ружить» [13, с. 55]. Подлежащие отождествлению объекты В. А. Подорога определяет как «герменевтические», потому что они «не могут быть упрощены», и «в них всегда есть некий остаток, который требует герменевтического понимания» [14, с. 219].

В связи с исключительно высокой онтологической и гносеологической многоаспектностью понятия философской антропологии, а также со сложностью идентификации отдельных её проявлений – семантических, психоэстетических, культурологических и других – требуется конкретный терминологический и категориально-понятийный аппарат, отвечающий императивам соответствующей аксиосферы. Аксиология как общий раздел философии не всегда может быть применима к решению задачи по отождествлению той или иной чётко выделенной стороны в области философской антропологии. Иногда может быть приемлема та или иная специфическая аксиологическая модель. Причём следует учитывать вероятные ценностные модификации, о которых говорит Й. Э. Хайде: может произойти «изменение ценности», она «может возрасти», и вследствие этого «не ценность объекта изменится – у объекта будет уже другая ценность» [15, с. 43]. Это надо учитывать при решении проблемы типологического моделирования аксиологии вообще или конкретных ее подсистем, чтобы выделить соответствующие самостоятельные члены деления, применение которых подходит именно для конкретных ситуаций.

В соответствии с мерееологическими принципами деления можно констатировать наличие типов аксиологии по формальному основанию, без учёта качественных и иерархических доминант, когда объектом оценивания становятся близкие по своему статусу предметы. В этом случае деление осуществляется как бы по горизонтали, и из общего системного объекта – в данном случае общей аксиологии – выделяются более специальные и по своему статусу практически равнозначные члены. В области научного знания применяются разные категории аксиологии. Одна из фундаментальных и системообразующих – это классическая категория онтологической аксиологии, представленная трудами Г. Лотце, Г. Риккерт, М. Хайдеггера, М. Шелера, Н. Гартмана, Н. О. Лосского. Г. П. Выжлецов говорит о том, что именно «онтологическая аксиоло-

гия выводит специфику ценностей из самого бытия» [16, с. 276]. Аспекты политической аксиологии разрабатывает В. Н. Шилов [17]. В. Г. Лукьянов обосновывает понятие религиозной аксиологии [18]. Активно применяется методология лингвистической аксиологии, в которой используются, по словам Е. Ф. Серебренниковой, «принципы аксиологического лингвистического анализа» [19, с. 43]. Перечень может быть дополнен педагогической, художественной аксиологией. Данные типы аксиологии могут использоваться в процессе отождествления тех или иных конкретных сторон философской антропологии.

Таксономическая парадигма деления общего объекта даёт возможность выделения членов деления – аксиологических, с учётом качественно-содержательных критериев, поскольку ценности, как замечал Н. О. Лосский, «не равнозначны: они объективно и общезначимо занимают различные ранги в отношении друг к другу по степени превосходства одних ценностей над другими» [20, с. 540]. Даже когда аксиология ещё не существовала как самостоятельная наука о ценностях, сами ценности уже систематизировались и иерархизировались в зависимости от их сущностных признаков. Так, И. Кант разводит ценность личности и ценность «неразумного существа»: последняя ценность является «только относительной» [21, с. 245]. Н. Луман выделяет «бессчётное множество ценностей» и в них – «основополагающие ценности», к которым относит «такие традиционные понятия, как свобода, равенство, справедливость, мир, безопасность, достоинство, благосостояние, солидарность» [22, с. 242]. Таким образом, из общей категории ценности выделяются «основополагающие», стоящие довольно высоко в аксиологической иерархии. П. А. Флоренский рассматривает ценности «условные» и «безусловные», а также «духовные» [23, с. 282, 558].

Философская антропология как учение строится не просто с учётом аксиологических принципов идентификации, она вся проникнута ценностным конструированием, зиждется на системе бесконечно множасьихся паттернов, обладающих самодостаточным и разноаспектным ценностным потенциалом. Носителями ценностей становятся сущности. Л. А. Чухина отмечает, что «(сюда Шелер относит и ценности, совокупность

которых представляет собой сферу чистых сущностей) и сущностных отношений, таких, например, как иерархия ценностей, получаются положения, имеющие априорную значимость и для соответствующей области индуктивного опыта» [24, с. 20]. М. Шелер, который, будучи одним из основателей философской антропологии, занимается теорией ценностей, прежде всего, в направлении типологического моделирования, выстраивает, по мнению Г. П. Выжлецова, «ценностную иерархию», «главным в которой как раз и является признание иерархичности ценностей их сущностным признаком, без которого они потеряли бы свой смысл» [25, с. 71].

Именно в рамках своей ценностной парадигмы М. Шелер формулирует основные максимы философской антропологии, обращаясь к таким сложным и многоплановым категориям, как ресентимент, причём посвящая этому понятию довольно пространное сочинение. И здесь М. Шелер применяет ценностные критерии, исходя, что очень важно, из нравственных императивов. Он утверждает, что ресентимент – «один из источников разрушения вечного порядка в человеческом сознании», и, опираясь на «понимание некоторых индивидуальных и исторических моральных оценочных суждений», утверждает: «Само собой разумеется, что настоящие, истинные нравственные оценочные суждения никогда не могут быть основаны на ресентименте, а могут только ложные ценностные суждения, основанные на ценностных обманах и соответствующих им направлениях действия и жизни. Ницше полагает, что настоящая мораль основана на ресентименте, но это не настоящая мораль. Настоящая покоится на вечной иерархии ценностей и соответствующих ей явным предпочтительным законам, столь же объективных и столь же строго «умопостигаемых», как истины математики» [26, с. 63].

Научное наследие М. Шелера велико и неоднозначно. Объектом его исследований стали очень многие вопросы онтологии гуманитарного направления – от психологии до этики, от космологии до морали. С позиции современной постнеклассической рациональности некоторые его концепции могут вызвать неприятие или непонимание – их интерпретация, впрочем, является задачей герменевтики, – могут противоречить императивам полиморфизма и мультифинальности уже ставшей привычной современной

рациональности. Но М. Шелер, обращаясь к человеку, сделал попытку «текстуализации» и «прочтения» его, выделения и построения личностных ценностей по принципу иерархии. Видимо, прав С. А. Лохов, когда рассуждает о том, что «такой подход к рассмотрению проекта Шелера представляется весьма продуктивным, так как репрезентирует философскую антропологию как динамичную, методологическую конструкцию, совмещающую научные и ненаучные подходы в рамках традиционной дилеммы сциентизм – антисциентизм» [27, с. 203].

Таким образом, из философской антропологии не только не выпадает категория морали, но она становится едва ли не основной, причём внимательно рассматриваются её качественные проявления, которые идентифицируются по аксиологическим принципам. Это имеет отношение к философскому творчеству также и других учёных, которые внесли значительный вклад в становление философской антропологии, – Х. Плеснера, А. Гелена, Э. Кассирера, Г. Шмитца и других. Они смогли создать тот общий концептуальный потенциал, который направлен на постижение природы человека, его сути и возможностей.

Заключение. В конце XIX в. и в течение всего XX в. философская мысль обращается к человеку не только как к субъекту действия, но и как к существу, наделенному интеллектом, обладающему моральными свойствами. Возникает интерес к категории телесности как результату онтогенеза. Феноменологии тела посвящены, в частности, труды Г. Шмитца. В современной философской антропологии и семиотике эта тема находит глубокое осмысление и многосторонне интерпретируется. А. А. Романов пишет: «Итак, краткая характеристика проблем семиотического описания тела в научных парадигмах показывает, что на современном этапе развития психологии, лингвopsихологии и психолингвистики необходимо: а) в полном объёме описать процесс перехода от знаково-символической роли телесности в выражении проблем бессознательного к пониманию их знаково-символической природы в самосознании человека и б) выявить роль телесных знаков человека в межличностной коммуникации и взаимопознании людей как специфической визуально-коммуникативной семиотической системы» [28, с. 59]. Развитие философской антропологии

способствовало возрастанию внимания к проблеме ценностей, их идентификации, выстраиванию по принципам иерархии. Это привело к возникновению науки о ценностях – аксиологии.

Данные в области философской антропологии, несмотря на их значительный объём, не систематизированы и не сведены в общую масштабную научную структуру, хотя и нельзя говорить о том, что знания философской антропологии существуют лишь как пролегомены к настоящей науке. Есть достижения, которые можно признать выдающимися. Но есть и опасность того, что многое окажется умозрительным, слишком отвлечённым и беспредметным. Нельзя не признать справедливости высказывания Ш. Ключа: «Для Шелера, Плеснера и Гелена человек как открытое миру существо как раз ориентирован на будущее. Он принимает во

внимание неизвестное, отдалённое, он надеется, он боится, он предвидит и т. д. Однако, по словам Г. Шмитца, при этом существует опасность того, что при внимании ко всем этим фундаментальным вещам, которые лишь от случая к случаю могут иметь место, можно пропустить реальную жизнь» [29, с. 398].

При стремительном развитии общества, смене политических, социальных, культурологических и ментальных парадигм, утверждении постнеклассических типов научной рациональности необходимо иметь интеллектуальный и духовный фундамент, обеспеченный системой человеческих ценностей, который бы позволил сохранить человечеству свою идентичность при глобальных потрясениях или смене когнитивных практик, при включении в новый гуманитарный контекст.

Список литературы

1. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 152 с.
2. Исаев С. А. «Диалектическая лирика» С. Кьеркегора // Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Республика, 1993. С. 5–12.
3. Федчин В. С. Антропология русских философов религиозно-идеалистической ориентации рубежа XIX–XX вв. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 15–21.
4. Терехов В. В. Герменевтическая логика Г. Г. Шпета // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 87–92.
5. Аванесов С. С. К онтологии человека // Идеи и идеалы. 2014. № 4. С. 51–61.
6. Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 416 с.
7. Рудакова И. В. Социокультурный подход как методологический принцип // Грамота. 2017. № 11. С. 159–162.
8. Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 21–30.
9. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: ЗабГГПУ, 2009. 297 с.
10. Förster-Nietzsche E. Die Entstehung von "Also sprach Zarathustra" // Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig: Druck und Verlag von C. G. Naumann, 1903. S. 475–488.
11. Гуревич П. С. Философская антропология Мартина Бубера // Философская антропология. 2021. Т. 7, № 2. С. 6–33.
12. Данилевский Р. Ю. Писательство как проповедь (Л. Толстой и Ф. Ницше) // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб.: Фантомы, 1993. С. 3–20.
13. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Н. В. Борисов. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
14. Подорога В. А. Апология политического. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
15. Heyde J. E. Wert. Eine philosophische Grundlegung. Erfurt: Verlag Kurt Stenger, 1926. 210 s.
16. Выжлецов Г. П. Онтологическая аксиология: истоки и современность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 3. С. 275–281.
17. Шилов В. Н. Политическая аксиология: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 113 с.
18. Лукьянов В. Г. Русская религиозная аксиология. СПб.: Алетейя, 2015. С. 224.
19. Серебrenникова Е. Ф. Семиметрия как способ аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. С. 41–48.
20. Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. 624 с.

21. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1978. 414 s.
22. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. 402 s.
23. Флоренский П. А., священник. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. 800 с.
24. Чухина Л. А. Философский фидеизм гносеологической концепции Макса Шелера // Критика современного философского фидеизма / отв. ред. В. А. Штейнберг. Рига: Зинатне, 1975. С. 13–65.
25. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 152 с.
26. Scheler M. Gesammelte Werke. Bd 3. Vom Umsturz der Werte. Abhandlungen u. Aufsätze. 4. durchges. Aufl. Bern: A. Francke AG, 1955. 450 S.
27. Лохов С. А. М. Шелер о методе философской антропологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2002. № 3. С. 197–204.
28. Романов А. А. Эгоналная семантика визуального дискурса габитуса // Соматикон: аспекты невербальной семиотики / А. А. Романов, Ю. А. Сорокин. М.: ИЯ РАН: ТвГУ, 2004. С. 54–63.
29. Kluck S. Neue Phänomenologie und Philosophische Anthropologie // Synthesis philosophica. 2018. No. 2. S. 383–401.

Информация об авторе

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 26; e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Для цитирования

Мисонжников Б. Я. Ценностная парадигма философской антропологии: включение в новый контекст // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 16–24. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-16-24.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

References

1. Vyzhletsov, G. P. Axiology of culture. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. University, 1996. (In Rus.)
2. Isaev, S. A. "Dialectical Lyrics" by S. Kierkegaard. Kierkegaard S. Fear and Trembling / transl. from Danish by N. V. Isaeva, S. A. Isaeva. M: Respublika, 1993: 5–12. (In Rus.)
3. Fedchin, V. S. Anthropology of Russian philosophers of religious and idealistic orientation at the turn of the 19th–20th centuries. Bulletin of Irkutsk State Tech. University, no. 1, pp. 15–21, 2007. (In Rus.)
4. Terekhov, V. V. Hermeneutic logic of G. G. Shpet. Scientific Notes of the Oryol State University, no. 1, pp. 87–92, 2011. (In Rus.)
5. Avanesov, S. S. On the ontology of man. Ideas and ideals, no. 4, pp. 51–61, 2014. (In Rus.)
6. Radcliffe-Brown, A. R. Method in social anthropology / transl. from English by V. Nikolaev. M: "KANONpress-C", "Kuchkovo field", 2001. (In Rus.)
7. Rudakova, I. V. Sociocultural approach as a methodological principle. Gramota, no. 11, pp. 159–162, 2017. (In Rus.)
8. Lubsy, A. V. Post-non-classical rationality and neo-classical model of social and humanitarian research. Scientific Thought of the Caucasus, no. 1, pp. 21–30, 2015. (In Rus.)
9. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (value reflection of journalism at the beginning of the 21st century). Chita: Transbaikalian State Hum. Ped. Un-ty, 2009. (In Rus.)
10. Förster-Nietzsche, E. Die Entstehung von "Also sprach Zarathustra". Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig: Druck und Verlag von C. G. Naumann, 1903: 475–488. (In Germ.)
11. Gurevich, P. S. Philosophical anthropology of Martin Buber. Philosophical anthropology, no. 2, pp. 6–33, 2021. (In Rus.)
12. Danilevsky, R. Yu. Writing as a sermon (L. Tolstoy and F. Nietzsche). Humanitarian sciences: from the experience of theoretical interpretation / ed. by Ya. Misonzhnikov. St. Petersburg: Phantoms, 1993: 3–20. (In Rus.)
13. Betty, E. Hermeneutics as a general methodology of the sciences of the spirit / translation from German N. V. Borisov. M: "Kanon +ROOI "Rehabilitation", 2011. (In Rus.)
14. Podoroga, V. A. Apology for the political. M.: Ed. House of the State un-ty – Higher School of Economics, 2010. (In Rus.)
15. Heyde, J. E. Wert. Eine philosophische Grundlegung. Erfurt: Verlag Kurt Stenger, 1926. (In Germ.)

16. Vyzhletsov, G. P. Ontological axiology: origins and modernity. Vestnik of SPbSU. Philosophy and Conflict studies, vol. 33, issue 3, pp. 275–281, 2017. (In Rus.)
17. Shilov, V. N. Political axiology: monograph. Belgorod: Belgor Publishing House. state un-ta, 2005. (In Rus.)
18. Lukyanov, V. G. Russian religious axiology. St. Petersburg: Aleteyya, 2015. (In Rus.)
19. Serebrennikova, E. F. Semiometry as a method of axiological analysis. Linguistics and axiology: ethno-semiometry of value meanings: monograph / ed. by L. G. Vikulova. M.: TEZAVURUS, 2011. (In Rus.)
20. Lossky, N. O. Favorites. M.: Pravda Publishing House, 1991. (In Rus.)
21. Kant, I. Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1978. (In Germ.)
22. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft. 3. Aufl. Frankfurt a. M: Suhrkamp Verlag, 2012. (In Germ.)
23. Florensky, P. A., priest. Op. in 4 volumes. V. 1. M: Thought, 1994. (In Rus.)
24. Chukhina, L. A. Philosophical fideism of the epistemological concept of Max Scheler. Criticism of modern philosophical fideism / ed. by V. A. Steinberg. Riga: Zinatne Publishing House, 1975. (In Rus.)
25. Vyzhletsov, G. P. Axiology of culture. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg university 1996. (In Rus.)
26. Scheler, M. Gesammelte Werke. Bd 3. Vom Umsturz der Werte. Abhandlungen u. Aufsätze. 4. durchges. Aufl. Bern: A. Francke AG. 1955. (In Germ.)
27. Lokhov, S. A. M. Sheler on the method of philosophical anthropology. Vestn. RUDN. Ser. Philosophy, no. 3, pp. 197–204, 2020. (In Rus.)
28. Romanov, A. A. Egonal semantics of the visual discourse of habitus. Romanov A. A., Sorokin Yu. A., Somaticon: aspects of non-verbal semiotics. M: IYA RAN, TVGU, 2004: 54–63. (In Rus.)
29. Kluck, S. Neue Phänomenologie und Philosophische Anthropologie. Synthesis philosophica, no. 2, pp. 383–401, 2018. (In Germ.)

Information about author

Misonzhnikov Boris Ya., Doctor of Philology, Professor; St. Petersburg State University; Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications”; 26 1st line V. O, St. Petersburg, 199004, Russia; e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

For citation

Misonzhnikov B. Ya. The Value Paradigm of Philosophical Anthropology: Inclusion in a New Context // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 16–24. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-16-24.

Received: April 11, 2022; approved after reviewing May 13, 2022; accepted for publication May 16, 2022.

Научная статья**УДК 168****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-25-34****Homo informaticus: биологическая и социоантропотехническая эволюция****Екатерина Викторовна Петрова***Институт философии РАН, г. Москва, Россия*philosophyx@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0814-6173>

Статья посвящена философскому анализу проблемы путей эволюции современного человека и человека будущего, которого часто называют цифровым, информационным человеком, или е-хомо (электронным человеком). Целью статьи является выявление сильных и слабых сторон цифрового человека, а также понимание того, какие направления его эволюции перспективны, а какие – опасны и ведут к дегуманизации. Авторская гипотеза заключается в том, что, хотя основные направления эволюционирования Homo sapiens в Homo informaticus и лежат в социоантропотехнической плоскости, то есть осуществляются с помощью искусственных методов, всё же возможности биологической эволюции не до конца исчерпаны. В качестве методологической основы исследования использован систематический обзор и анализ литературы по двум основным направлениям: биологическому (эволюционная биология, нейрофизиология) и социально-философскому (литература по проблемам построения информационного общества и бытия человека в нём). Междисциплинарный анализ показывает, что мозг становящегося Homo informaticus претерпевает существенные физиологические изменения, влекущие за собой изменения мышления, памяти, поведения человека, а значит, опосредованно – и изменения в социуме и культуре. От «книжной» культуры восприятия объёмного связного печатного текста мы переходим к «клиповой культуре». Доказанное эволюционное значение имеет стресс, соответственно, в воздействии информационного стресса, которому в очень большой степени подвержены обитатели цифрового общества, можно искать эволюционный потенциал. Данная проблематика остро актуальна для современных исследований в области философии, биологии и экологии человека, так как открывает новые перспективы в осмыслении проблемы эволюции человека. Никогда раньше в истории человечества технологии не достигали уровня, позволяющего напрямую вмешиваться в основы бытия человека. Результатом исследования является философски обоснованный ответ на вопрос, в каком направлении возможна дальнейшая эволюция человека, что, в свою очередь, позволит найти новые и по-новому взглянуть на уже известные философские смыслы понятия «человек».

Ключевые слова: человек, Homo sapiens, Homo informaticus, эволюция, информационное общество, цифровая среда, информационный стресс

Original article**Homo Informaticus: Biological and Socioanthropotechnical Evolution****Ekaterina V. Petrova***Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*philosophyx@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0814-6173>

The article is devoted to the philosophical analysis of the problem of the ways of evolution of modern man and the man of the future, who is often called digital, information man or e-homo (electronic man). The purpose of the article is to identify the strengths and weaknesses of the digital person, as well as to understand which directions of his evolution are promising, and which are dangerous and lead to dehumanization. The author's hypothesis is that, although the main directions of evolution of Homo sapiens in Homo informaticus lie in the socio-anthropotechnical plane, that is, they are carried out using artificial methods, yet the possibilities of biological evolution are not completely exhausted. The methodological basis of the research is a systematic review and analysis of literature in two main areas: biological (evolutionary biology, neurophysiology) and socio-philosophical (literature on the problems of building an information society and human existence in it). Interdisciplinary analysis shows that the brain of the becoming Homo informaticus undergoes significant physiological changes, entailing changes in thinking, memory, human behavior, and, therefore, indirectly – and changes in society and culture. From the "book culture" of perception of a voluminous coherent printed text, we move on to the "clip

© Петрова Е. В., 2022

culture". Stress has proven evolutionary significance, accordingly, in the impact of information stress, to which the inhabitants of a digital society are very much exposed, one can look for evolutionary potential. This problem is acutely relevant for modern research in the field of philosophy of biology and human ecology, as it opens up new perspectives in understanding the problem of human evolution. Never before in the history of mankind have technologies reached a level that allows them to directly interfere with the foundations of human existence. The result of the research is a philosophically grounded answer to the question in which direction the further evolution of man is possible, which, in turn, will allow us to find new and take a fresh look at the already known philosophical meanings of the concept of "man".

Keywords: human, Homo sapiens, Homo informaticus, evolution, information society, digital environment, information stress

Введение. В настоящее время рефлексия над понятием «человек», путями его эволюции, его будущим актуальна как никогда. Безусловно, сущность и смысл этого понятия всегда были предметом философских дискуссий, но в современной ситуации есть ключевое отличие. Никогда раньше в истории человечества технологии не достигали уровня, позволяющего напрямую вмешиваться в основы бытия человека. Сейчас такого рода технологии или уже существуют, или появятся в недалёком будущем. Речь идёт, прежде всего, о биомедицинских (редактирование генома, клонирование, нейротехнологии) и информационных технологиях (жизнь в виртуальных мирах, проекты «записи» сознания человека на цифровой носитель). Все эти технологии вызывают к жизни вечный философский спор о человеке, его сущности, его границах, но уже на принципиально ином уровне, так как возможности трансформации человека ныне почти безграничны, а рефлексия, как это всегда бывает по отношению к быстро развивающимся технологиям, сильно отстаёт.

Чтобы понять, можем ли мы дать определение новому, трансформирующемуся человеку в условиях современности, обратимся к классическому определению. И. Т. Фролов и В. Г. Борзенков в энциклопедической статье о человеке подчёркивают, что он является существом, «наиболее трудно уловимым в своей сущности»¹. Такого рода «трудноуловимость» связана, на мой взгляд, с двумя основными аспектами. Во-первых, трудно дать определение самому себе, являясь и определяемым, и определяющим субъектом и объектом. Во-вторых, проблема заключается во множественности подходов к определению понятия «человек». Это и естественно-научные подходы – биологический, антропологический, медицинский. И гуманитарные – культурологический, исто-

рический, социальный, философский. Для меня как для философа надежда на наиболее полное определение понятия «человек» с одной стороны и поиск новых ипостасей бытия и определения человеческого существа – с другой связаны именно с философским подходом, как с наиболее целостным и всеобъемлющим. С данным подходом связана и основная цель статьи – выявление сильных и слабых сторон цифрового человека, а также понимание, какие направления его эволюции перспективны, а какие – опасны и ведут к дегуманизации.

Методология и методы исследования. Поскольку в исследовании ставится задача проанализировать и сравнить биологический и социоантропотехнический подход к формированию современного человека и человека будущего, называемого "Homo informaticus", оно построено с опорой на обзор, обобщение и анализ научной литературы по двум основным направлениям: биологическому (эволюционная биология, генетика, нейрофизиология) и социально-философскому (литература по проблемам построения информационного общества и бытия человека в нём). Результатом анализа работ биологического направления (работы Ж. Б. Ламарка, Ч. Дарвина, Ю. В. Чайковского, Б. Мак-Клинток, В. И. Назарова, Г. Селье и др.) является вывод о том, что мозг современного человека может всё ещё претерпевать существенные физиологические изменения, свидетельствующие о незаконченности биологической эволюции Homo sapiens. Анализ работ социально-философского направления (А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева, А. Л. Еремин, Н. Карр, М. Шпитцер и др.) показывает, что взаимодействие с информационными технологиями влечёт за собой изменения мышления, памяти, поведения человека, а значит, опосредованно – и изменения в социуме и культуре. Междисциплинарный характер данной работы позволяет за счёт дальней-

¹ Фролов И. Т., Борзенков В. Г. Человек // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – С. 344–346.

шего объединённого анализа этих положений прийти к выводу о незавершённости как социоантропотехнической, так и биологической эволюции *Homo informaticus*. Данный вывод подкрепляется также сравнительным (сравнение различных концепций) и историческим (экскурс в биологическую и социальную эволюцию человечества) методами.

Результаты исследования и их обосуждение. В статье «Человек» Новой философской энциклопедии предложены четыре подхода к определению термина «человек»: «1) человек в естественной систематике животных; 2) человек как существо, выходящее за рамки живого мира и в известной мере противостоящее ему; 3) человек в смысле «человеческий род» и, наконец; 4) человек как индивид, личность»¹. При этом в эволюционной истории становления современного человека и его бытия можно найти отражение всех четырёх подходов.

Если говорить о проблеме выделения человека из царства животных, то первые шаги в этом направлении сделал Ж. Б. Ламарк, описав изменения в морфологии человека, которые могли бы свидетельствовать о происхождении его от животных. Ламарк не развил эту мысль до её логического завершения, осторожно отметив, что таково было бы положение дел, если бы «человек отличался от животных только принципами своей организации, и если бы его происхождение не было другим» [1, с. 272–278]. Чарльз Дарвин продвинулся гораздо дальше, уверенно заявив о происхождении человека от обезьян Старого Света [2, с. 263–265].

К наиболее известным переходным формам от человекообразных обезьян к *Homo sapiens* относятся *Homo erectus* (человек прямоходящий), *Homo habilis* (человек умелый), а также неандерталец. Здесь мы уже наблюдаем явные признаки выделения человека из царства животных и начало противостояния природе за счёт овладения огнём и изготовлением орудий труда и одежды, открывшим человеку перспективы, не доступные животным. Зоолог Бэр писал, что «человек биологически относится к животным из отряда обезьян, а в умственном и духовном плане являет собой отдельное царство живой природы» [по: 3, с. 434]. В современной трактовке, учитывая масштабы преобразования биосферы человеком, это

означает, что «человек строением и физиологией относится к отряду обезьян, а экологически является особым царством природы» [Там же, с. 435].

Со становлением *Homo sapiens* биологическая эволюция человека большинством (но не всеми) исследователей считается законченной. Вместе с тем существует ещё эволюция социальная, происходящая, на первый взгляд, не столько в природной, сколько в искусственно созданной человеком среде. Впрочем, если обратиться к концепциям трансгуманизма, «постчеловека», «улучшения человека», становится понятно, что дальнейший потенциал биологической эволюции человека, правда, уже не естественной, а искусственной, ещё далеко не реализован. Поскольку эволюционный процесс инициируется процессом адаптации к среде, приходится согласиться, во-первых, с французским философом Ж. Эллюлем в том, что «средой обитания человека является теперь не природа, а техника» [4, с. 10], а во-вторых, с отечественными философами И. Ю. Алексеевой, В. И. Аршиновым и В. В. Чеклецовым в том, что «следует со всей философской серьёзностью отнестись к обсуждению вопросов не только адаптации человека к техносреде обитания, но и коэволюции всё более технологизирующегося человека со всё более антропологизирующейся техносредой» [5, с. 14]. Результатом такого рода коэволюции может стать появление так называемого «постчеловека».

Определение того, что же такое «постчеловек» – весьма дискуссионный вопрос. Например, С. С. Хоружий считает, что определение понятия «постчеловек» может носить только негативный характер, то есть может быть дано через констатацию отсутствия у определяемого предмета каких-либо свойств или признаков, что связано с отсутствием его как такового в наличном бытии: «у него нет настоящей дефиниции, потому что его самого ещё нет – его не видно ещё, потому что он – только на подходе» [6, с. 21]. Если мы всё же считаем, что феномену постчеловека можно дать не только негативное определение, то и в таком случае это определение будет не однозначным, а, по крайней мере, двойственным: «постчеловек как существо, возникающее в результате нано-био-генно-информационных технологий, которое нельзя считать человеком в современном смысле этого слова, и постчеловек

¹ Фролов И. Т., Борзенков В. Г. Человек // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – С. 344–347.

как современный человек, переходящий в новую посттехнологическую эпоху, сохраняющий основные антропологические константы» [7, с. 5].

Представители трансгуманизма полагают, что естественный отбор в человеческой популяции в настоящее время перешёл в «био-социо-интеллектуальную стадию» [Там же, с. 7], за счёт чего произойдёт трансформация *Homo sapiens* сначала в транчеловека, а затем – в постчеловека. С. С. Хоружий выделяет три разновидности постчеловека: 1) киборга (гибрид человека и машины, в частности, компьютерных технологий); 2) мутанта (продукт генных технологий, изменяющих геном человека) и 3) клона (генетически неизменное существо, но отличное от человека по своему происхождению, а значит, экзистенциально) [6].

Процесс киборгизации может идти двумя путями: 1) либо через внедрение в тело и мозг человека искусственных элементов; 2) либо через погружение человека в виртуальную киберпространственную среду. Второй процесс уже активно внедряется в нашу жизнь через взаимодействие с разного рода гаджетами и хотя на первый взгляд не кажется столь революционным, как первый, на самом деле, «выключая человека из актуальной реальности, он обладает потенциально более глубоким воздействием и, в частности, эффективно разреживает, раздробляет социальную фактуру» [Там же, с. 22–23].

Как считает академик В. А. Лекторский, постчеловек – это человек, преодолевший смерть, то есть бессмертный [8]. Достижение бессмертия возможно либо с помощью технологий постоянного «ремонта» нашего организма (нанороботы), либо с помощью переноса сознания на цифровой носитель. Но вот парадокс: чтобы достичь бессмертия, человек должен умереть! Так как постчеловек – это уже не человек, это другое существо, другая ступень эволюции. Здесь мы видим несколько важнейших философских проблем: смерти и бессмертия, смысла жизни, сущности человека. Очевидно, что для человека и постчеловека эти проблемы будут решаться по-разному.

Академик В. А. Лекторский как и многие другие философы настроен по отношению к трансформации человека в постчеловека негативно: «Скорее всего, получится, что постчеловек будет не совершенным человеком,

а нечеловеком, нелюдью, утратит самые ценные человеческие качества» [Там же].

Ещё в 1980-х гг. японский теоретик информационного общества Ёнедзи Масуда выдвинул идею появления *Homo intelligens* – «человека знающего», который своим появлением обеспечит революционные преобразования в области информации и технологий и воплотит в себе «творца и носителя информации и знания» [9].

Homo intelligens – новая ступень эволюции человека, уже не биологической, но социоантропотехнической. Преимущества человека в эволюции биологической связаны с его высокоразвитым мозгом. Но человеческий мозг имеет свои ограничения, связанные с объёмом памяти, скоростью и объёмами усвоенной информации. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют преодолеть эти ограничения – «резко повысить уровень информированности человека, качественно преобразовать его творческий потенциал, грандиозно увеличить память и сконцентрировать усилия на решении лишь тех задач, которые недоступны компьютеру». Открывающиеся возможности могут «оказать радикальное революционное воздействие на формы поведения, социальной деятельности, творчества, образа жизни, а также на социотехноантропогенную эволюцию» [10, с. 221].

Как показывает практика, *Homo sapiens* эволюционировал и продолжает эволюционировать, скорее, не в *Homo intelligens*, а в *Homo informaticus*, или человека информационного – порождение, обитателя, в то же время создателя информационного общества, то есть социума, в основе функционирования которого лежит информация [11].

Природу *Homo informaticus* можно охарактеризовать как амбивалентную: он одновременно является творцом современной информационной среды, в то же время в сильнейшей степени подвержен её влиянию, в том числе негативному [12].

Различение *Homo intelligens* и *Homo informaticus* лежит в той же плоскости, что и отличие общества знаний и информационного общества. Общество знания мыслится своими теоретиками как некая продвинутая ступень общественного устройства, высокоорганизованное общество, основой экономики которого является научное знание.

Одна из наиболее полных и современных трактовок общества знаний пред-

лагается в монографии А. П. Алексеева и И. Ю. Алексеевой «Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации». Общество знаний эти авторы понимают как «динамично развивающееся общество, качественное своеобразие которого определяется действием совокупности факторов, включающей следующие: 1) *широкое осознание роли знания* как условия успеха в любой сфере деятельности; 2) наличие у социальных субъектов разного уровня *постоянной потребности в новых знаниях*, необходимых для решения новых задач, создания новых видов продукции и услуг; 3) эффективное функционирование *систем производства знаний и передачи знаний*; 4) *взаимное стимулирование предложения знаний и спроса на знания* (предложение стремится удовлетворять имеющийся спрос на знания и формировать спрос); 5) эффективное взаимодействие в рамках организаций и общества в целом *систем/подсистем, производящих знание, с системами/подсистемами, производящими материальный продукт*» [13, с. 189–190].

Безусловно, все эти черты в той или иной степени присущи высокоразвитым обществам современности. К сожалению, присущи им и другие, более негативные характеристики. На первый план выходит не знание, а информация (далеко не всякая информация является знанием). Эта информация колоссальным потоком обрушивается на человека в каждый момент времени и пространства, вторгается в его сознание. Да, зачастую она полезна и служит познавательным целям, но ещё чаще она навязчива, избыточна, загрязняет информационное пространство, служит манипулятивным и рекламным целям, наконец, вызывает информационное перенасыщение, вместе с тем зависимость, что в итоге приводит к информационному стрессу. Таким образом, «идеальное» общество знания воплощается в итоге как неидеальное информационное, цифровое общество. Ранее отмечалось, что если говорить об образе современного общества в массовом сознании, напрашивается вывод: «общество знания в своём идеальном воплощении не состоялось», а «нынешнее общество оценивается в социуме и культуре, скорее, как общество информационного загрязнения, стресса, перегрузок, навязчивой и недостоверной рекламы, информационного мусора» [14, с. 33].

Соответственно, если по аналогии с различием общества знания и информационного общества различать человека знания (*Homo intelligens*) и человека информационного (*Homo informaticus*), некоторые исследователи приходят к довольно пессимистичному выводу, что «информационный человек» – это не любой человек, работающий на компьютере (включая интернет), а «человек, поработанный компьютером и сетями, обслуживающий информационные потоки в ущерб собственному развитию как полноценной личности, строящий свои отношения с миром и другими людьми через компьютерное опосредование, теряя потребность и способность к непосредственным контактам» [15, с. 5].

Другие же, напротив, придерживаются оптимистичного мнения о том, что «цифровые люди», будучи лишены телесных страданий и «диктатуры гормонов и генов», при этом сохранив и приумножив познавательные способности человека, выйдут на «принципиально иной уровень когнитивных способностей и креативной активности» [16, с. 117]. В такой трактовке цифровой человек теряет свою человеческую сущность и становится, скорее, постчеловеком, с чем не согласен профессор Копенгагенского университета А. Абат Нинет, который считает, что *Homo digitalis* по-прежнему является человеком, а не постчеловеком, следовательно, обладает всеми правами и обязанностями человека [17].

Биологические эволюционные преимущества человека имеют и обратную сторону. Прямохождение – проблемы с позвоночником, большой размер мозга, соответственно, головы – трудности при родах. Так же обстоит дело и с преимуществами эволюции социоантропотехнической.

Цифровой человек – это, конечно, ещё не киборг, но уже ступень к нему. Рассмотрим такую интереснейшую проблему, как изменение человеческого мозга в результате постоянного взаимодействия с электронными гаджетами. От «книжной» культуры восприятия объёмного связного печатного текста мы переходим к «клиповой культуре», культуре ТикТока и Твиттера, то есть к восприятию информации в виде коротких предложений, видеороликов, реплик.

Согласно последним данным нейрофизиологии, тип и количество воспринимаемой информации не только изменяют наш тип

мышления (например, с линейного на клиповый), но и вызывают изменения в мозге на физическом уровне. За различные типы восприятия информации отвечают разные зоны мозга, соответственно, те из них, которые испытывают постоянную повышенную нагрузку, тренируются, увеличиваются, прорастают новыми нейронными связями. Малоиспользуемые же, напротив, уменьшаются, хуже функционируют. Психиатр М. Шпитцер приводит такой пример: у лондонских таксистов такая область мозга, как гиппокамп, более развита, чем в среднем по популяции. В нём возрастает количество серого вещества (нервных клеток). Это происходит вследствие постоянных тренировок, так как гиппокамп отвечает за ориентирование на местности, а лондонские таксисты владеют этим умением в совершенстве, обязаны знать все улицы Лондона и сдать сложный экзамен. Причём размеры гиппокампа тем больше, чем больше лет таксист провёл за рулём. Другой пример: у музыкантов, играющих на скрипке или гитаре, увеличивается зона мозга, управляющая движениями пальцев левой руки [18].

Эти же данные подтверждает и М. О'Коннор, говоря о том, что гиппокамп создаёт внутреннюю карту окружающей среды, но эта карта становится активной только тогда, когда человек самостоятельно ориентируется, а не использует GPS¹.

К сожалению, верно и обратное. Если наш мозг не тренировать, его нейронная сеть будет деградировать. Синапсы, соединения между нейронами, возникают и увеличиваются в размерах при активном использовании (когда через них проходит много электрических импульсов) и уменьшаются и даже отмирают, если не используются [Там же].

Можно считать уже доказанным, что цифровые информационно-коммуникационные технологии оказывают «растущее информационное давление» и существенное влияние на процесс мышления, они «способны целенаправленно формировать определённые механизмы мыслительной деятельности» [19, с. 104]. По мнению Николаса Карра, длительное взаимодействие с цифровой средой существенно трансформирует мышление, лишая нас способности

«концентрироваться и созерцать» и провоцируя «хроническую умственную несобранность». Карр считает, что на смену привычному ранее «линейному» типу мышления приходит новый – «сетевой», который ещё называют «клиповым мышлением» [20]. Человек теряет способность длительно сосредоточиваться на изучении объёмных сложных текстов, информацию он усваивает в виде коротких отрывков, частично представленных в виде текста, частично – озвученных (этим объясняется сильно возросшая популярность аудиокниг), частично – в виде картинок или коротких видео. Данный процесс хорошо иллюстрирует эволюция соцсетей – от «Живого Журнала» с преимущественно объёмным текстовым контентом через смешанный контент Фейсбука и текстовый, но очень короткий формат Твиттера к ТикТоку с его форматом коротких видео.

Мозг человека весьма пластичен, и взаимодействие с цифровой средой вызывает адаптацию на биологическом уровне: доминирующий тип потребляемой информации способствует формированию новых нейронных связей. Некоторые исследователи считают, что ничего страшного не происходит: просто новый тип мышления приходит на смену старому. Но «клиповое мышление», лишая нас возможности воспринимать объёмные тексты, обедняет наше мировоззрение, ухудшает память и снижает возможности логического мышления, ведь нам больше не нужно запоминать информацию из начала или середины текста и выстраивать логические связи между его разделами. Кроме того, оно открывает новые возможности манипулирования нашим сознанием и поведением: «чем быстрее мы перемещаемся по Сети, чем больше ссылок мы нажимаем и больше страниц просматриваем – тем больше возможностей у Google и других компаний для сбора информации о нас и предоставления нам рекламы» [Там же].

Схожей была в своё время ситуация с развитием книгопечатания, приведшим к упадку каллиграфии, которая, согласно выводам нейрофизиолога С. В. Савельева, способствует образованию в мозгу, преимущественно детском, особого рода нейронных связей, не возникающих ни при какой другой деятельности. Эти же нейронные связи ответственны за повышение внимания. С. В. Савельев подчёркивает: «К сожалению, те дети, которые всё время увлечены

¹ O'Conner M. R. Ditch the GPS. It's ruining your brain. – Текст: электронный // The Washington Post. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/ditch-the-gps-its-ruining-your-brain/2019/06/05/29a3170e-87af-11e9-98c1-e945ae5db8fb_story.html (дата обращения: 15.03.2022).

компьютером, так и останутся на минимуме нейрональной дифференцировки, и последствия этого очень печальные»¹.

Несформировавшуюся детскую психику поджидает масса опасностей, например, очень легко возникает «цифровая зависимость», психологи говорят даже о «цифровом аутизме», то есть неспособности «сочувствовать, понимать, входить в положение, слышать аргументы»². Такая особенность характерна для психически здорового, но постоянно пребывающего «онлайн» человека.

Ещё одна опасность, подстерегающая Homo informaticus в его путешествиях по цифровым мирам, – это информационный стресс. Остановимся на этой проблеме подробнее, так как в ней, возможно, скрыт эволюционный потенциал. Основные причины информационного стресса, которому постоянно подвергается обитатель современной цифровой среды, – во-первых, перенасыщенность информацией, зачастую повторяющейся и бесполезной, во-вторых, тот факт, что современные СМИ постоянно «транслируют большое количество «стрессовой» информации», то есть «новостей о терактах, катастрофах, преступлениях, несчастных случаях» [21, с. 13].

Проблема информационного стресса тесно связана с проблемой информационного загрязнения. Взаимодействие с загрязнённой, перенасыщенной избыточной и недостоверной информацией информационной средой порождает стресс. Американский эпистемолог Майкл Линч считает фейковые новости наиболее опасным, но не единственным видом информационного загрязнения [22]. Проблема приобрела такие масштабы, что термин «постправда» (намеренное создание информационного потока, искажающего объективные факты), введенный в 1992 г. драматургом Стивом Тесичем (Тешичем) [23], в 2016 г. был объявлен Оксфордским словарём английского языка «словом года».

¹ Савельев С. В. Каллиграфия и мозг: лекция. – 2017. – 8 сент. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SctW0dMiEsM> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст: электронный.

² Принуждение к счастью: интервью с психотерапевтом Андреем Курпатовым. – Текст: электронный // Новая газета. – 2021. – № 79. – 21 июля. – URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/12/prinuzhdenie-k-schastiu?utm_source=fb&utm_medium=novaya&utm_campaign=-my-obschaemsya-v-sotsialnyh-setyah-s-sobst (дата обращения: 15.03.2022).

Если проанализировать проблему информационного стресса с точки зрения эволюционной перспективы, то можно прийти к весьма интересным выводам. Г. Селье определил стресс как «неспецифический ответ организма на любые сильные воздействия, сопровождающиеся перестройкой его защитных систем» [24, с. 116]. Когда организм находится в непривычной, не оптимальной для него среде, нарушается его гомеостаз, возникает стресс. Умеренный стресс способствует поиску полезных защитных реакций и форм поведения, обеспечивая выживание организмов. Стрессорные факторы могут непосредственно воздействовать на геном, побуждая его к быстрой, существенной и целесообразной реорганизации (геномный стресс). Эта реорганизация происходит при участии определённых генетических элементов, открытых американским генетиком Б. Мак-Клинтком [25]. В. И. Назаров ссылается на физиолога И. А. Аршавского, который предположил, что организм изменяется физиологически, а затем подыскивает этому изменению подходящее генетическое основание [26, с. 110]. По мнению Ю. В. Чайковского, клетка способна ответить на вызов среды активным и упорядоченным генетическим поиском, а не просто пассивно существовать в ожидании случайной мутации [27]. Суть механизмов генетического поиска состоит в том, что «в катастрофических условиях почти все особи погибают, зато немногие оставшиеся подвергаются, в силу длительного дистресса, массовым генетическим изменениям, среди которых есть и те, которые фиксируют в геноме полезные изменения организмов» [3, с. 210]. «К эволюции способны не детерминированные и не стохастические объекты, а системы на грани порядка и хаоса», – писал Ю. В. Чайковский [Там же, с. 226].

Ю. В. Чайковский приводит два примера эволюционного воздействия стресса. В первом примере перемещение насекомых (тли) на неподходящее для них растение, вводит их в состояние дистресса (патологического стресса), результатом чего является высокая смертность, но при этом и повышение изменчивости выживших. Второй пример касается озёрных лягушек: вынужденные жить в более сухом биотопе, они за восемь лет сильно увеличились в размерах (стали весить в три раза больше), а их физиология и поведение стали напоминать жаб [3].

По словам Е. Н. Гнатик, современная наука находится «в стадии разработки новых подходов к пониманию эволюционного процесса и его механизмов» [28, с. 101]. Учитывая фактор информационного стресса в свете открытия Б. Мак-Клинток и теории об эволюционном воздействии стресса, можно предположить, что *Homo sapiens* в не столь отдалённом будущем эволюционирует в *Homo Informaticus* не в социоантропотехническом, а в биологическом смысле. Конечно, это всего лишь гипотеза, возможно, довольно смелая, но история науки знает немало примеров, когда смелые, даже безумные гипотезы, находили в дальнейшем своё подтверждение.

Заключение. Само появление терминов “*Homo Informaticus*”, “*Homo Digitalis*” и “*E-homo*” (электронный человек), подчёркивающих изменение основы определения человека, свидетельствует о том, насколько существенно взаимодействие с цифровой средой трансформирует природу человека. Но является ли электронный человек человеком в привычном смысле этого слова или

это «пост-человек», «транс-человек»? Академик В. А. Лекторский считает проблемы взаимодействия человека с электронным миром чрезвычайно важными, «гораздо важнее всех остальных» и сравнимыми с тем, как «вообще возник человек, с процессом антропогенеза». Нельзя не согласиться с В. А. Лекторским в том, что, если человек не найдёт пути решения этих проблем, он попросту «перестанет быть человеком» [8].

Психолог Хорхе Картас Ариас оптимистично отмечает: «Нет никаких сомнений в том, что цифровой мир будет играть определяющую роль в построении человеческого благополучия» [29]. С одной стороны, это так – цифровой мир предоставляет массу возможностей в самых разных областях человеческой деятельности, с другой – он же таит в себе множество опасностей. И главная опасность – такая трансформация человеческой природы, которая повлечёт за собой дегуманизацию, расчеловечивание человека, в результате которой *Homo Digitalis* предстанет не улучшенным вариантом *Homo sapiens*, а новым, неизвестным существом.

Список литературы

1. Ламарк Ж. Б. *Философия зоологии*. М.; Л.: Биомедгиз. 1935. Т. 1. 330 с.
2. Дарвин Ч. *Происхождение человека и половой отбор*. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 5. 1040 с.
3. Чайковский Ю. В. *Эволюция*. М.: Центр системных исследований – ИИЕТ РАН, 2003. Вып. 22. «Целологические исследования». 472 с.
4. Ellul J. *The Technological Order* // *The Technological Order* / ed. C. F. Stover. Detroit: Wayne State University Press, 1963. Pp. 10–37.
5. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС – революция и будущее человека // *Вопросы философии*. 2013. № 3. С. 12–20.
6. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // *Философские науки*. 2008. № 2. С. 10–31.
7. Моторина Л. Е. Исторические основания и смысловые границы понятия «постчеловек» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия»*. 2010. № 3. С. 5–10.
8. Лекторский В. А. *Человек в электронном мире: возможности и опасности*. Текст: электронный // *Полилог/Polylogos*. 2018. Т. 2, № 1. URL: <https://polylogosjournal.ru/s258770110000036-1-1/> (дата обращения: 15.03.2022).
9. Асеева И. А. Этические вызовы цифровой эпохи // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Экономика. Социология. Менеджмент»*. 2019. № 3. С. 202–212.
10. Ракитов А. И. *Философия компьютерной революции*. М.: Политиздат, 1991. 287 с.
11. Цуканов Е. А. Место информационной среды в экосистеме «человек-социум». Текст: электронный // *Relga*. 2004. № 7. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D26%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles> (дата обращения: 15.03.2022).
12. Курбатов В. И., Папа О. М. “*Homo informaticus*” – человек информационной эпохи: характерологические черты // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 1. С. 46–51.
13. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. *Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации*. М.: Проспект, 2021. 288 с.
14. Петрова Е. В. *Образ информационного общества в культуре: оптимизм сменяется пессимизмом?* // *Вопросы философии*. 2021. № 8. С. 25–35.
15. Некрасов А. С., Некрасов С. И., Некрасова Н. А., Клепацкий В. В. *От «человека информационного» к «человеку цифровому»* // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2019. № 3. С. 4–10.

16. Иванченко М. А. Постгуманизм: ценности человека цифрового и эволюция человека аналогового // Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты: сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского российского фонда (г. Екатеринбург, 14–15 нояб. 2019 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 116–118.

17. Abat Ninet A. Protecting the “Homo Digitalis” // Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research (NNJLSR). 2019. No. 9. Pp. 153–170.

18. Spitzer M. Digitale Demenz. Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen / Droemersche Verlagsanstalt Th. Knaur Nachf. GmbH & Co. KG. München, 2012. 366 p.

19. Паршин С. А., Ахлибининский Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–19 дек. 1996 г.). СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. С. 102–108.

20. Carr N. If Google Make Us Stupid. Текст: электронный // The Atlantic. 2008. July-August. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868> (дата обращения: 15.03.2022).

21. Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1. С. 4–21.

22. Lynch M. Information Pollution in the Space of Reasons / New Preface for *Éloge de la Raison*, French translation of *In Praise of Reason: Why Rationality Matters for Democracy*. Benoit Gaultier (tr.). Paris: Agone Press, 2018. 216 p.

23. Tesich S. A Government of Lies. Текст: электронный // The Nation. 1992. URL: <https://www.questia.com/magazine/1G1-11665982/a-government-of-lies> (дата обращения: 15.03.2022).

24. Селье Г. На уровне целого организма. М.: Наука, 1972. 122 с.

25. McClintock V. Mechanisms that rapidly reorganize genome // *Stadler Symp.* 1978. Vol. 10. Pp. 25–48.

26. Назаров В. И. Экосистемная теория эволюции вместо синтетической // *Идея эволюции в биологии и культуре*. М.: Канон+, 2011. С. 100–113.

27. Чайковский Ю. В. Проблема наследования и генетический поиск // *Теоретическая и экспериментальная биофизика: межвуз. сб.* Калининград, 1976. Вып. 6. С. 148–164.

28. Гнатик Е. Н. Антропогенетика и философия: нерасторжимое единство // *Науки о жизни и современная философия*. М.: Канон+, 2010. С. 99–127.

29. Cuartas Arias, J. M. Homo Digitalis and Contemporary Psychology // *International Journal of Psychological Research*. 2019. No. 12. Pp. 6–7.

Информация об авторе

Петрова Екатерина Викторовна, кандидат философских наук; Институт философии РАН; 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: philosophyx@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0814-6173>.

Для цитирования

Петрова Е. В. Homo informaticus: биологическая и социоантропотехническая эволюция // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 2. С. 25–34. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-25-34.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 18.05.2022.

References

1. Lamarck, Zh. B. *Philosophy of Zoology*. V. 1. M. – Leningrad, Biomedgiz. 1935. (In Rus.)
2. Darwin, Ch. *The origin of man and sexual selection*. M.: Izdatel'stvo AS USSR. 1953. (Sochineniya. V. 5) (In Rus.)
3. Chaikovskiy, Yu. V. *Evolution*. Vol. 22. “Cenological research”. M: Centr sistemnykh issledovaniy – IET RAN. 2003. (In Rus.)
4. Ellul, J. *The Technological Order*. Ed. by C. F. Stover. *The Technological Order*. Detroit: Wayne State Univ. Press. 1963: 10–37. (In Engl.)
5. Alekseeva, I. Yu., Arshinov, V. I., Chekleczov, V. V. “Techno-humans” versus “posthumans”: NBICS – revolution and the future of man. *Questions of philosophy*, no. 3, pp. 12–20, 2013. (In Rus.)
6. Khoruzhiy, S. S. The problem of the posthuman, or transformative anthropology through the eyes of synergistic anthropology. *Philosophical Sciences*, no. 2, pp. 10–31, 2008. (In Rus.)
7. Motorina, L. E. Historical grounds and semantic boundaries of the concept of “posthuman”. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, no. 3, pp. 5–10, 2010. (In Rus.)
8. Lektorskiy, V. A. Man in the electronic world: opportunities and dangers. *Polylogos*. no. 1, 2018. Web. 15.03.2022. <https://polylogosjournal.ru/s258770110000036-1-1/> (In Rus.)

9. Aseeva, I. A. Ethical challenges of the digital age, Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management, no. 3, pp. 202–212, 2019. (In Rus.)
10. Rakitov, A. I. Philosophy of the computer revolution. M: Politizdat, 1991. (In Rus.)
11. Tsukanov, E. A. The place of the information environment in the ecosystem “man-society”. Relga, no. 7, 2004. Web. 15.03.2022. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D226%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles>. (In Rus.)
12. Kurbatov, V. I., Papa, O. M. “Homo informaticus” – a man of the information age: characterological features. Humanities, Socio-economic and Social sciences, no. 1, pp. 46–51, 2017. (In Rus.)
13. Alekseev, A. P., Alekseeva, I. Yu. The fate of intelligence and the mission of reason: philosophy before the challenges of the era of digitalization. M: Prospekt, 2021. (In Rus.)
14. Petrova, E. V. The image of the information society in culture: is optimism replaced by pessimism? Questions of philosophy, no. 8, pp. 25–35, 2021. (In Rus.)
15. Nekrasov, A. S., Nekrasov, S. I., Nekrasova, N. A., Klepatskiy, V. V. From “information man” to “digital man”. Bulletin of the University of the Russian Academy of Education, no. 3, pp. 4–10, 2019. (In Rus.)
16. Ivanchenko, M. A. Posthumanism: the values of a digital person and the evolution of an analog person. Practices of reproduction of values: humanitarian, social and economic aspects: collection of abstracts of reports of the All-Russian Scientific Conference of scholarship students of the Oxford Russian Foundation. Yekaterinburg, November 14–15, 2019. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2020: 116–118. (In Rus.)
17. Abat Ninet, A. Protecting the “Homo Digitalis”. Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research (NNJLSR), no. 9, pp. 153–170, 2019. (In Engl.)
18. Spitzer, M. Digitale Demenz. Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen / Droemersche Verlagsanstalt Th. Knauer Nachf. GmbH & Co. KG. 2012. (In Germ.)
19. Parshin, S. A., Akhlibininskiy, B. V. Human ecology in the information and post-information society, Russia: past, present, future / Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, December 16–19, 1996. Izdatel'stvo BGTU, 1996. (In Rus.)
20. Carr, N. If Google Make Us Stupid? The Atlantic. July/August 2008. Web. 15.03.2022. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/> (In Engl.)
21. Trufanova, E. O. Information glut: key problems. Philosophical problems of information technologies and cyberspace, no. 1, pp. 4–21, 2019. (In Rus.)
22. Lynch, M. Information Pollution in the Space of Reasons / New Preface for *Éloge de la Raison*, French translation of *In Praise of Reason: Why Rationality Matters for Democracy*. Benoit Gaultier (tr.) Paris: Agone Press, 2018. (In Engl.)
23. Tesich, S. A Government of Lies. The Nation. 1992: Web. 15.03.2022. <https://www.questia.com/magazine/1G1-11665982/a-government-of-lies> (In Engl.)
24. Sel'e, G. At the level of the whole organism. M: Nauka, 1972. (In Rus.)
25. McClintock, B. Mechanisms that rapidly reorganize genome. *Stadler Symp*, vol. 10, pp. 25–48, 1978. (In Engl.)
26. Nazarov, V. I. Ecosystem theory of evolution instead of synthetic. In: *The idea of evolution in biology and culture*. M., Canon+, 2011: 100–113. (In Rus.)
27. Chaikovskiy, Yu. V. The problem of inheritance and genetic search. *Theoretical and experimental biophysics*. Mezhevuz. sat. Vol. 6. Kaliningrad, 1976: 148–164. (In Rus.)
28. Gnatik, E. N. Anthropogenetics and philosophy: indissoluble unity. In: *Life sciences and modern philosophy*. M: Canon+, 2010: 99–127. (In Rus.)
29. Cuartas Arias, J. M. Homo Digitalis and Contemporary Psychology. *International Journal of Psychological Research*, no. 12, pp. 6–7, 2019. (In Engl.)

Information about author

Petrova Ekaterina V., Candidate of Philosophy; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 12/1 Gonchamaya st., Moscow 109240, Russia; e-mail: philosophyx@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0814-6173>.

For citation

Petrova E. V. Homo Informaticus: Biological and Socioanthropotechnical Evolution // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 25–34. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-25-34.

Received: April 15, 2022; approved after reviewing May 17, 2022; accepted for publication May 18, 2022.

Научная статья

УДК 129

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-35-46

**Естественные основания различий
в характере и социальном поведении мужчины и женщины****Надежда Дмитриевна Субботина***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*
dialectica@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что мужчины и женщины часто не понимают взгляды и поведение друг друга. Целью статьи является выявление различий черт характера и поведения мужчин и женщин, а также анализ причины этих различий. В качестве методологии используется авторская теория соотношения естественного и социального в обществе и человеке, кроме того – анализ, сравнение и диалектика. Автор выясняет, какие черты имеют естественные причины, а какие – социальные. В работе дан критический анализ взглядов Ч. Дарвина, З. Фрейда, В. А. Геодакяна, Р. Л. Триверса, Р. Докинза и других. Анализируется использование психологами «пятифакторной модели» при изучении различий характеров мужчины и женщины. Показана особая роль теории В. А. Геодакяна о причинах полового диморфизма, утверждающей, что у всех живых организмов, обладающих диморфизмом, в том числе и у человека, мужской пол выполняет на генетическом уровне функцию развития, а женский – функцию сохранения. Функция сохранения у женщины на биологическом уровне проявляется в том, что она передаёт потомству все ценные, устойчивые гены, которые вид приобрёл на данный момент, тем самым сохраняя их. Мужской пол благодаря отцовскому эффекту передаёт наследникам новые гены, способствующие развитию вида. Автор делает вывод о том, что не только на генетическом, но и на социальном уровне мужчина в большей степени способствует развитию общества, а женщина – его сохранению. При этом происходит гармонизация этих функций, в результате которой, мужчины начинают больше участвовать в сохранении, а женщина – в развитии. Показана диалектика внутренних естественных предпосылок преобладающих черт характера мужчины и женщины и социального контроля над ними.

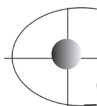
Ключевые слова: черты характера мужчины и женщины, естественное, социальное, сохранение, развитие, половой диморфизм, отцовский эффект

Original article**Natural Reasons for Differences in the Character of Man and Woman****Nadezhda D. Subbotina**Transbaikal State University, Chita, Russia
dialectica@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>

The relevance of this study is due to the fact that men and women often do not understand the views and behavior of each other. The article examines the problem of different character traits and behavior of men and women, analyzes the reasons for these differences. As a methodology, the author's theory of the relationship between the natural and the social in society and man, as well as analysis, comparison and dialectics are used. The author finds out which traits have natural causes and which ones have social causes. The paper provides a critical analysis of the views of Ch. Darwin, Z. Freud, V. A. Geodakyan, R. L. Trivers, R. Dawkins and others. The use of the "five-factor model" by psychologists in the study of differences in the characters of men and women is analyzed. The special role of Geodakyan's theory about the causes of sexual dimorphism is shown, which states that in all living organisms with dimorphism, including humans, the male sex will perform the development function at the genetic level, and the female sex will perform the preservation function. The function of conservation in a woman at the biological level is manifested in the fact that she passes on to her offspring all the valuable, stable genes that the species has acquired at the moment, thereby preserving them. The male sex, through the paternal effect, passes on to the heirs new genes that contribute to the development of the species. The author concludes that not only at the genetic, but also at the social level, a man contributes to the development of society to a greater extent, and a woman contributes to its preservation. At the same time, these functions are harmonized, as a result of which men begin to participate more in conservation, and women

© Субботина Н. Д., 2022

in development. It also shows the dialectic of the internal natural prerequisites for the predominant character traits of a man and a woman and social control over them.

Keywords: character traits of men and women, natural, social, preservation, development, sexual dimorphism, paternal effect

Введение. Актуальность исследования продиктована тем, что мужчины и женщины часто не понимают друг друга. Они живут в одной социальной системе, опираются на одни и те же общественные убеждения и правила, но зачастую ведут себя необъяснимо для представителей другого пола. Поэтому неизбежно предположение, что причиной «взаимонепонимания» являются другие факторы. По моему убеждению, это естественные морфологические и психологические различия мужчины и женщины. Мужчина и женщина – два пола одного биологического вида *Homo sapiens* и одновременно – две больших группы людей, из которых состоит человеческое общество. В первом случае мы говорим об естественной стороне человека, во втором – о социальной. И в одной, и в другой ипостаси мужчины и женщины отличаются друг от друга. Иногда отличие выглядит настолько сильным, что эти две противоположности перестают понимать друг друга, даже говоря на одном языке, образно выражаясь, воспринимают друг друга как жителей разных планет. Поэтому проблема, затронутая в статье, никогда не перестаёт быть актуальной.

Методология и методы исследования. Основной методологией исследования является авторская теория соотношения естественного и социального в обществе и человеке, благодаря которой удалось выявить естественные предпосылки черт характера и поведения мужчины и женщины. К таким внутренним естественным предпосылкам относятся половой диморфизм, генетическая предрасположенность к выполнению двумя полами различных функций и естественные психологические закономерности, оказывающие влияние на социальное поведение человека. Ещё одним методом исследования является диалектика сохранения и развития, благодаря которой показано, что женскому полу в основном присуща задача сохранения человеческого вида на генетическом уровне, склонность к сохранению устойчивости на социальном уровне, а мужчине в большей степени – развитие на генетическом уровне и творчество на социальном уровне. Такой диалектический подход

предполагает анализ установления гармонии между противоположностями.

Результаты исследования и их обсуждение. Традицией исследований в данной области было в большей степени изучение характеров и поведения не обоих полов, а именно женщины. По всей вероятности, это происходило потому, что поведение мужчины, черты его характера понимались как само собой разумеющееся, поэтому задачей стало изучение женщины почти как представителя другого человеческого вида. Тем не менее даже когда исследователи не перечисляли черты мужчины, предполагалось, что его характер, соответственно, его поведение, противоположно женскому. Рассмотрим некоторые теории, которые мне представляются наиболее важными в исследовании этого вопроса.

Ч. Дарвин обнаружил, что в животном мире половой отбор проявляется в двух видах: 1) как борьба между самцами за право спариваться с самкой или 2) как выбор самкой полового партнёра. Имеет значение также идея Ч. Дарвина о социальном инстинкте, выражающемся в любви и взаимопомощи, которые стали основой формирования в обществе нравственных правил: «любое животное, наделённое хорошо выраженными социальными инстинктами, включая родительскую и сыновнюю привязанность, неизбежно приобретало бы нравственное чувство или совесть, как только его интеллектуальные способности стали бы такими же или почти такими же развитыми» [1]. Однозначно видно, что особенности поведения человека Ч. Дарвин выводит из его биологической природы как предпосылки.

Известный всем основатель психоанализа З. Фрейд также обратил внимание на естественную основу различий в характере мужчин и женщин. По мнению З. Фрейда, преобладающей стороной в жизни женщины является рождение детей. Очевидно, что так и было во времена отца психоанализа. Но, насколько это соответствовало потребностям женщины? Краткое описание характера женщины З. Фрейд дал в работе о психических следствиях анатомических различий между полами в 1925 г.: «Женщины сопротивляются изменениям, пассивно по-

лучают и ничего не добавляют от себя» [2]. Более странной является теория З. Фрейда о существующей якобы зависти к пенису молодых девушек, которые в детстве обнаружили, что у них в отличие от мальчиков этот орган отсутствует [3].

Интересно, что негативный взгляд на женщину имели и женщины – последовательницы З. Фрейда. Полный анализ их работ дала Т. Булавина [4]. Поэтому здесь я буду опираться на её публикацию. Основное внимание Т. Булавина уделяет трудам наиболее последовательной ученицы З. Фрейда Хелен Дойч (которая, вероятно, глядит на женщину глазами мужчины). По мнению Х. Дойч, в женском бессознательном скопилось много зла. Главными пороками она называет пассивность, мазохизм и нарциссизм. Основной порок – пассивность, о чём говорил ещё З. Фрейд, который отмечал наличие у женщины «установки на ожидание» и пассивности в половом акте. Всё это ведёт к мазохизму, поскольку якобы женщине нравится ощущать удовольствие, смешанное с болью. Следующий порок – нарциссизм, который «регулирует отношения между данными характеристиками и уравнивает их, он вытекает из компенсации чувства небезопасности и неполноценности» [Там же]. Исследователь Карен Хорни, оставаясь в рамках психоанализа, объясняла женский мазохизм культурными и анатомо-психологическими факторами. Культурные факторы не позволяют женщине выражать свою сексуальность открыто, взгляд на женщину как на приземлённое существо приводит к снижению её самооценки, к зависимости от мужчины. Анатомо-физиологические факторы – это преобладающая физическая сила мужчины, вероятность изнасилования, что способствует мазохистским фантазиям, а также болезненность, сопровождающая беременность и роды. Всё это, по мнению К. Хорни, «даёт возможность истолкования своей роли как мазохистской, а мужской – как садистской» [Там же].

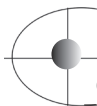
Другие мужчины - исследователи начала XX в. также часто высказывались о женщине очень негативно. Например, австрийский философ Отто Вейнингер писал: «Истинно женское существо не знает ни логического, ни нравственного императива. Слова: закон, долг, долг по отношению к себе совершенно пустой звук для женщины» [5, с. 98].

Более глубоко, на генетическом уровне, рассматривал этот вопрос В. А. Геодакян, который объяснил половой диморфизм не просто тем, что женщина рождает и кормит ребёнка грудью, но и разными ролями, которые играют представители мужского и женского пола в эволюции биологического вида. Женский пол играет функцию сохранения, а мужской – функцию развития [6]. Здесь надо не забывать, что, во-первых, теория В. А. Геодакяна объясняет половой диморфизм не только человека, но и всех биологических видов, включая растения, во-вторых, что функции сохранения и развития проявляются в основном на этапе передачи наследникам определённых генов, одни из которых способствуют сохранению, а другие – развитию.

Знаковой теорией в решении данного вопроса стала социобиология. Об особенностях характера мужчины и женщины в работах её основателя Р. Л. Триверса сказано немного, однако важно то, что причину отличий он видит в различных репродуктивных стратегиях. Поскольку женщина имеет большую, чем мужчина, часть родительских вложений, она должна быть более осторожна в выборе полового партнёра, чтобы избежать риска [7]. Для мужчин же выбор менее рискован, поэтому они менее избирательны, чем женщины, в выборе полового партнёра [8].

Значительный вклад в понимание этого вопроса внёс английский этолог и эволюционный биолог Ричард Докинз с его теорией эгоистичного гена [9]. По мнению Р. Докинза, биологическая эволюция осуществляется в виде не эволюции видов или отдельных особей, а в эволюции отдельных генов. Естественный отбор – это отбор генов, способных успешнее других копироваться. Организм, в котором находится ген, является для него лишь внешней средой. Ген к ней приспосабливается и оказывает на эту среду (организм) своё влияние. Для гена выгодно, чтобы этот организм заботился о других организмах, в которых находятся его копии, поэтому в естественной эволюции сформировался биологический альтруизм.

Многочисленные исследования данной проблемы проводили и проводят психологи, в том числе социальные. Была изобретена так называемая «пятифакторная модель», или Большая пятёрка» черт личности (FFM), которую используют в разных аспектах исследования человеческого характера, в том

числе и в выявлении различий в чертах характера мужчин и женщин. В данную модель входят экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, невротизм, открытость опыту. Это такие черты, которые имеют свои противоположности – интроверсию, враждебность, эмоциональную стабильность и т. д. [10].

Дж. Вайсберг, Колин Дж. ДеЯнг и Джейкоб Б. Хирш в совместной статье «Гендерные различия в личности по десяти аспектам Большой пятёрки» приводят результаты ряда исследований, статистически относящихся к средним представителям обоих полов. Было выяснено, что:

– по невротизму: «женщины имеют более высокие баллы, чем мужчины»;

– по доброжелательности: «женщины неизменно набирают более высокие баллы, чем мужчины, по показателям приятности и связанным с ними показателям, таким как нежность»;

– по добросовестности: «женщины набирают несколько более высокие баллы, чем мужчины, по некоторым аспектам добросовестности, таким как порядок, исполнительность и самодисциплина»;

– по экстраверсии: «женщины, как правило, набирают более высокие баллы, чем мужчины, по теплоте, общительности и положительным эмоциям, тогда как мужчины набирают более высокие баллы, чем женщины, по уверенности и поиску острых ощущений»;

– по открытости опыту (или интеллекту): «женщины набирают более высокие баллы, чем мужчины, по аспектам эстетики и чувств... тогда как мужчины, как правило, набирают более высокие баллы по аспекту идей».

Данная группа исследователей, признавая удачной такую пятифакторную модель, в то же время указывает на её недостаточность, которая проявляется, например, при анализе сочетания этих признаков. Исследователи показывают, что признаки доброжелательности и экстраверсии в сочетании дают разные показатели в межличностных отношениях. Хотя женщины более экстравертны, в межличностных отношениях мужчины более доминантны и активны: «Таким образом, гендерные различия в экстраверсии могут менять направление в зависимости от того, приближаются или отдаляются конкретные измеряемые черты от полюса

доминирования» [11]. Женщины более экстравертны в полюсе любви, а мужчины – в полюсе доминирования.

Кроме того, авторы совершенно справедливо говорят, что представители одного пола не являются абсолютно одинаковыми. Например, несмотря на то, что женщина по психологическим исследованиям более покладиста и альтруистична, чем мужчина, такой вывод не исключает того факта, что мужчины также могут испытывать заботливое, нежное и альтруистическое состояние и что некоторые мужчины могут даже иметь более высокие баллы по этим качествам, чем некоторые женщины.

Дадим краткую оценку обозначенных ранее теорий. Из теории Дарвина можно сделать вывод, что мужчина более агрессивен – ему присуща борьба, а женщине – только выбор. И нравственность человека, присущая обоим полам, является развитием социального инстинкта, который сформировался уже на дочеловеческом уровне.

В определённом смысле был прав и З. Фрейд. Следует согласиться, что особенности женщины (которые, конечно, не сводятся к характеристике, данной Фрейдом) обусловлены анатомическими отличиями, то есть половым диморфизмом, который в свою очередь определён ролью женщины в продолжении рода. Сюда относятся и большая консервативность типичной женщины, и некоторая пассивность, и меньшая склонность к творчеству, чем у мужчины. Однако Фрейд был, разумеется, не прав, отрицая эти черты полностью. Уже в его время (около ста лет назад) было много выдающихся творческих женщин, которым приходилось применять крайние усилия, чтобы реализовать свои способности.

Теория Р. Докинза, в общем-то жуткая, низводящая человека до роли лишь среды существования главного субъекта эволюции – гена, достаточно логична. Она объясняет альтруистическое поведение женщины, проявляющееся в виде повседневной заботы о детях и других близких и альтруистическое поведение мужчин в виде защиты близких людей, а также не близких, но родственных, принадлежащих к одной с ним группе. При необходимости мужчина совершает подвиг – самопожертвование для сохранения группы, к которой он себя относит.

Об естественных основаниях неравенства по половому принципу я писала ранее

[12], здесь кратко об этом напомним. Прежде всего следует уточнить, что морфологические особенности обоих полов зависят от функций, которые выполняет каждый из них в эволюционном развитии и самосохранении биологического вида в целом. Эта биологическая закономерность, открытая В. А. Геодакяном, оказывает влияние на общественную социальную жизнь [например, 13].

Для данной статьи важное значение имеет тот общеизвестный биологический факт, что женщина рождает, а мужчина обеспечивает её защиту. Для сохранения генофонда «эгоистичному гену» важно сохранение как можно большего количества представительниц женского пола, так как возможность рожать у них ограничена. Поэтому мутации этого пола в природе не приветствуются.

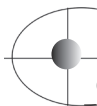
Функция сохранения у женщины на биологическом уровне проявляется в том, что она передаёт потомству все ценные, устойчивые гены, которые вид приобрёл на данный момент, тем самым сохраняя их. Мужчина же может иметь сколько угодно детей, поэтому природа на нём может «поэкспериментировать». Отсюда мужской пол для естественной эволюции – по сути, «расходный материал». Мутации могут дать много неудачных вариантов и отдельные удачные, которые приведут к развитию биологического вида в целом. Мужская особь (я здесь говорю не о людях конкретно, а о любом биологическом представителе мужского пола) при условии удачной мутации способна передать её результаты большому количеству наследников, приводя к развитию вида. Поэтому мальчиков рождается значительно больше, чем девочек, но и погибает (даже уже во внутриутробном состоянии) значительно больше. Мальчики, в отличие от осторожных девочек, генетически предрасположены к большему риску. Как следствие, продолжительность жизни мужчин меньше. То есть, природа очень жестока к мужскому полу. Те же биологические преимущества, которые природа дала мужчине – большая физическая сила, высокий, часто превосходящий женский, интеллект – вовсе не компенсация за эксперименты над ним, а биологические особенности пола для выполнения задачи сохранения вида в условиях всегда враждебной окружающей среды. (Мы все помним дарвиновский закон борьбы за существование).

Итак, на генетическом уровне в период зачатия функция сохранения действует в большей степени у женского пола, но в дальнейшей жизни такая функция есть и у мужчин. Женщина сохраняет генетическое богатство, а мужчина сохраняет саму женщину и детей. В природе женщина должна подчиняться воле мужчины, так как группе необходим лидер, а лидерство проще выполнять мужчинам, более физически сильным и необременённым необходимостью повседневно заботиться о детях. Мужчина также заботится о детях, но не в виде повседневного ухода, а защищая и женщину, и детей от внешних опасностей (как естественных, так и социальных).

На женщинах природа тоже «отыгралась». Женщина в своём интеллектуальном развитии постоянно отстаёт от мужчины, но это мелочи по сравнению с тем, что рождение детей и все особенности организма, предназначенные для выполнения репродуктивной функции, даются ей через боль, риск, каждодневный тяжёлый труд. Для того чтобы она не отказывалась от этого, природа в виде эгоистичного гена наделила её материнским инстинктом, дающим наслаждение от материнства. И оба пола получили от природы подарок-компенсацию в виде наслаждения от процесса зачатия, без которого «эгоистичный ген» не сможет сам себя передавать по наследству.

Кроме того, природа дала женщине более мягкий характер, что доказано в том числе психологическими исследованиями, приведёнными ранее. Необходимо уточнить, что здесь имеется в виду «средняя» женщина. Как есть много женщин умнее среднего мужчины, выше и сильнее среднего мужчины, так есть и женщины более агрессивные, чем мужчина в среднем. Женщины от природы более внушаемы, послушны. Однако не до такой степени, чтобы всегда слушать мужчину беспрекословно, поскольку природа знает, что бывают ситуации, когда женщине приходится брать ситуацию в свои руки.

Таким образом, оба пола пострадали от природы, которая не знает справедливости. Это то, что мы имеем, и работать над улучшением общественных отношений нам надо с этим. Когда возникло общество, то закономерно, что более сильный пол стал ведущим. Следовательно, причина патриархата – естественная. И по естественным

причинам возникли другие виды неравенства – по возрастному, расовому и другим принципам. Естественной основой полового неравенства являются все те качества, по которым женщина уступает мужчине, а также подсознательное восприятие женщины со стороны мужчины как человека «второго сорта» по многим основаниям – как более слабой, более глупой и вообще предназначенной природой только для рождения детей и ухода за мужчиной. И это представление, создаваемое «естественной психологией», сохраняется даже тогда, когда уровень социального развития позволяет установить равенство полов, когда женщина способна приносить большую пользу обществу в интеллектуальном развитии, в творчестве. Долгое время такое представление сохранялось ещё и благодаря генетической предрасположенности женщины к подчинению и её большей внушаемости. Это естественные предпосылки и неравенства, и тех негативных высказываний представителей мужского пола, в том числе и мужчин-исследователей, о которых упоминалось ранее. Социальной же предпосылкой полового неравенства, как правильно говорят феминистки и конструктивисты, является навязывание женщине со стороны окружения её зависимого положения, определённой гендерной роли. Они правы также в том, что гендерные роли навязываются и мужчинам, которым, например, общество запрещает открыто выражать свои чувства, в том числе плакать. Только я не могу согласиться с ними в том, что причины неравенства исключительно социальные, поскольку они не признают естественных предпосылок социальных факторов неравенства.

Болезненным для женщин является вопрос о собственном уровне интеллекта в сравнении с мужским. Понятие «интеллект» понимается в научной литературе по-разному. Чтобы не уходить в глубь этого вопроса, будем использовать наиболее часто используемое понимание: интеллект – это способность мыслить и решать задачи. Женщина, как известно, сделала гораздо меньше научных открытий. Возникает вопрос: является ли социальное неравенство единственной причиной такого основания, или этот уровень обусловлен биологической принадлежностью? Ряд исследований в этой области дали схожие результаты. Например, канадские учёные обнаружили связь между раз-

мером мозга мужчин, который в среднем на 15 % больше, чем у женщин, количеством нейронов, которых также на 15 % больше и более высоким у них IQ¹. Однако есть исследования, дающие иные результаты. Поэтому данный вопрос остаётся открытым.

Итак, социально предписанный гендер, имея естественные предпосылки, и благодаря им отличается большой устойчивостью. Следствием усилий феминистов, к которым примыкают и мужчины, представления о гендерных ролях постепенно изменяются. Хотя не исключено, что некоторые мужчины, даже признающие необходимость социального равенства женщин, в глубине души считают иначе, порой даже не осознавая этого. И не потому, что они (мужчины) плохие, а потому, что так диктует естественная психология. Однако в настоящее время женщина уже не та, какой она была в первобытном обществе не только в социальном, но и в биологическом плане на уровне генетики. В. А. Геодакян обнаружил так называемый «отцовский эффект», проявляющийся в том, что мать передаёт потомству «старые», доказавшие успешность, признаки, а отец – новые. Опять же напомним, что это касается не только человека, но и всех живых существ, обладающих половым диморфизмом. Говоря применительно к человеку, В. А. Геодакян отмечает, что отцовский эффект может служить «компасом», указывающим направление эволюции тех или иных признаков: «У человека к “новым” (эволюционно молодым) признакам, видимо, можно отнести все социальные, психологические признаки, связанные с корой больших полушарий мозга, с функциональной асимметрией мозга (в первую очередь, видимо, абстрактное мышление, юмор и другие творческие способности)» [14]. Поэтому средняя женщина постоянно догоняет мужчину в плане интеллекта, творческих способностей и способности к юмору – это новые качества человека. Отец такие качества передаёт своей дочери.

Некоторые женщины-психоаналитики пытаются объяснить негативное отношение мужчин к женщинам их «дистанционной позицией в репродуктивном акте». Упомянутая ранее психоаналитик-практик, считающаяся основателем науки о женской психологии, К. Хорни отмечала: «Когда начинаешь проводить сеансы психоанализа

¹ Интересно, что некоторые из мужчин-гомосексуалистов также демонстрируют более «женственное» (по их представлению) поведение, чем сами женщины.

у мужчин после достаточно долгой практики у женщин, сперва просто поражаешься, как сильна зависть мужчин к беременности, деторождению и материнству, к женской груди и кормлению грудью» [15, с. 31]. На мой взгляд, психоаналитики здесь впадают в другую крайность. Как зависть женщины к пенису (теория Фрейда), так и зависть мужчин к деторождению возможны, вероятнее всего, только в патологии. Причиной пренебрежительного отношения к женщине является не «дистанционная позиция в репродуктивном акте», а подсознательное ощущение превосходства со стороны мужчин, а также ещё одна естественная характеристика – превосходящая женскую физическая сила. Так везде в живой природе, а также в обществе, пока оно не становится достаточно цивилизованным, потому что равноправие женщины с мужчиной (которое ещё не установилось полностью) не естественное явление, а чисто социальное.

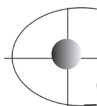
Нэнси Ходоров (Chodorow) объясняет, почему девочка ближе к матери, чем мальчик. Дело в том, что у них по-разному происходит процесс самоидентификации. Я бы добавила к этому инстинктивную, уже в раннем детстве проявляющуюся в игровой форме потребность в материнстве у большинства девочек. Н. Ходоров согласна с недостатками женской натуры, о которых писал З. Фрейд (пассивность, нарциссизм), но считает их причиной социальную систему, приводящую к тому, что именно женщина в основном заботится о детях и ответственна за них. Также она видит причины различий в характере двух полов в особенностях воспитания, когда девочка, много времени находясь с матерью, перенимает от неё склонность к сопереживанию. В результате она меньше стремится отделиться от матери и выделиться из внешнего мира. У мальчиков возникает потребность отождествлять себя с отцом и отделиться от матери. Поэтому он склонен к сепаратизму, автономии. Для мужской психологии характерны гнев, склонность к насилию. Они не терпят отличий, что приводит к расизму и гомофобии, а также к этноцентризму [16].

Думается, что ценным в теории Н. Ходоров является упоминание психологической драмы мальчиков, когда они вынуждены отдалиться от матери. В первобытные времена этот разрыв был ещё более резким, мальчиков перед инициацией изолировали

от матерей, впоследствии во многих культурах объявляли, что их сыновья умерли, а родились другие люди. Сейчас этот процесс стал более поздним, более мягким и более медленным, особенно для тех молодых людей, которые не служат в армии.

В то же время анализ психологии мужчин и женщин был бы более точным, если бы использовались помимо психологических методик биологические и общепсихологические. На мой взгляд, большинство приведённых Ходоров психологических характеристик мужчины и женщины объясняется не разрывом тех и других с матерью, а различием генетических и социальных функций, описанных в теории полового отбора Ч. Дарвина, в приведённой выше теории В. А. Геодакяна и в определённой степени уточнёнными положениями о *закономерностях естественно-групповых отношений*, разработанными автором данной статьи [17–19]. Это *мужская склонность к гневу и насилию*, обусловленная стремлением к лидерству (в основе которого лежит естественный отбор), стремлением сохранить, защитить или завоевать полового партнёра и защитить детей (причиной чего является генетическая потребность мужчин выполнить репродуктивную функцию и передать по наследству свою генетическую информацию); расизм, гомофобия и этноцентризм (характерные для многих мужчин, а также для части женщин), которые обусловлены стремлением сохранить свою группу и дискредитировать иные группы, воспринимаемые как потенциальные противники. В основе этих явлений также лежат закономерности естественно-групповых отношений. Повторюсь, что не все абсолютно мужчины проявляют такие черты характера. Генетическая наследственность очень многообразна, и огромную роль играют воспитание и принятые в конкретном обществе нормы нравственности.

Ещё одна исследовательница поведения мужчин и женщин – Сандра Бем выделила группу поведенческих особенностей, которые общество приписывает типичным мужчинам и женщинам в соответствии с их соматикой и психикой. По мнению С. Бем, существует и промежуточный тип поведения – андрогинный: «...концепция андрогинности может в равной степени применяться как к мужчинам, так и к женщинам, ...она побуждает людей принимать в себя как мужское, так и женское начало» [20].

Сандра Бем описала механизм «типирования пола», который проявляется в осваивании ребёнком с раннего детства половых норм поведения: «Ребёнок учится обрабатывать информацию в терминах развивающейся гендерной схемы, и именно эта основанная на гендере схематическая обработка составляет суть настоящего описания типизации пола» [21]. Гендерная схема, согласно Бем, – «когнитивная структура, сеть ассоциаций, которая организует и направляет восприятие человека». Осваивая гендерную схему, ребёнок узнаёт, что мальчик должен быть сильным, а девочка – слабой. Он начинает оценивать себя с позиции этой схемы и регулировать своё поведение таким образом, чтобы оно соответствовало схеме: «Таким образом культурные мифы становятся самоисполняющимися пророчествами, и таким образом мы приходим к феномену, известному как типизация пола» [Там же]. С. Бем считает, что в обществе господствует представление о важности гендерной дихотомии, пол человека имеет значение во всех сферах жизнедеятельности: «Типичный американский ребёнок не может не заметить, например, что то, что родители, учителя и сверстники считают надлежащим поведением, зависит от пола; игрушки, одежда, занятия, хобби, домашние дела и даже местоимения – всё это зависит от пола».

С. Бем доказала неадаптивность женского типа поведения, проявляющегося в демонстрации своей слабости. Более успешным является мужское, или андрогинное поведение. Действительно, женский тип поведения делает женщину неспособной к жизни вне семьи, а внутри семьи приводит её к большой зависимости от мужчины. Поведение женщины по мужскому типу способствует её карьере, но она теряет при этом часть своей женской привлекательности. Интересно об этом пишет Т. Булавина: «Так что общество, призывая женщин “быть женственными”, заманивает их в ловушку – оно вовсе не склонно поощрять этот тип поведения. Получается, что эмансипированные женщины становятся мужеподобными скорее всего не по своей воле. Это единственный эффективный способ интегрироваться в существующее общество. Может быть, именно мужеподобным позволено эмансипироваться. А по неписаным правилам этой культуры, чтобы быть равной, мало быть такой же, нужно быть лучше. Поэтому те

женщины, кто доходит до высших эшелонов власти, демонстрируют даже “более мужское” поведение, чем сами мужчины» [4]. Думается, что в результате процесса эмансипации время «мужеподобных» (имеется в виду не внешность, а исключительно поведение) женщин пройдёт, поскольку для женщины более подходит именно андрогинный, более гибкий тип поведения, когда в одних ситуациях она ведёт себя как мужчина, а в других – как женщина. Пожалуй, большинство современных женщин, сделавших карьеру, ведёт себя именно так.

Однако позднее С. Бем пришла к выводу, что «концепция андрогинности недостаточно радикальна с феминистской точки зрения, поскольку она продолжает предполагать, что в каждом из нас есть мужское и женское начало, то есть, что концепции мужественности и женственности имеют независимую и ощутимую связь, реальность, а не то, что они сами являются когнитивными конструкциями» [21]. Эта концепция, по её словам, не может освободить человека от навязывания гендерных различий. Если раньше общество требовало от людей быть или мужчиной, или женщиной, то, согласно этой концепции, будет требовать быть одновременно и мужчиной и женщиной, что «вдвойне ограничивает свободу». Она делает вывод о том, что «человеческое поведение и личностные качества должны перестать иметь гендер, а общество должно перестать проецировать гендер на ситуации, не имеющие отношения к гениталиям» [Там же].

Однако, призывая к отказу от гендера, С. Бем не учитывает того, что половой диморфизм генетически распространяется не только на гениталии, но и на определённый тип поведения. Требование отказаться от гендерных особенностей поведения также будет насилием над человеком, приносящим вред его психике. Поэтому, на мой взгляд, её теория андрогинности более удачная.

С. Бем считает причиной этого то, что исследователи недостаточно изучили гендерные роли и не разработали пока «технологии» их коррекции» [Там же]. Но главной, глубинной причиной данного феномена является, на мой взгляд, инстинктивная реакция на форму поведения окружающих. Если женщина ведёт себя с напором, уверенно, то окружающие, и мужчины, и женщины, даже не осознавая этого, признают её равной или

даже высшей по статусу. Разумеется, те, кто считает свой статус более высоким, будут противостоять ей, но не как «зарвавшейся», а как сильному противнику.

Различие между мужчинами и женщинами в нравственном плане рассматривала также психолог и психоаналитик Кэрол Гиллиган. Она писала, что психологи анализировали модель развития человека, отождествляя её исключительно с мужской моделью. Поэтому «несоответствие между жизненным опытом женщин и представлением о человеческом развитии... обычно рассматривалось, чтобы обозначить проблематичность женского развития. Но вместо этого неспособность женщин соответствовать существующим моделям человеческого развития может свидетельствовать о сложностях представления о нём, об ограниченности концепций человеческого поведения, упущении определённых жизненных истин» [22].

О. В. Артемьева показывает, как «недостатки» психики женщин, называемые З. Фрейдом и рядом других исследователей превращаются в работе К. Гиллиган в достоинства: «В отказе от абсолютных суждений Гиллиган видит моральную силу женщин, свидетельствующую об их способности быть чуткими, внимательными к потребностям конкретных людей, с которыми они непосредственно связаны, что и обуславливает релятивность их суждений» [23].

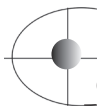
Закключение. В данной статье была рассмотрена лишь часть черт, отличающих женщину и мужчину друг от друга. Многие черты имеют преходящий исторический характер, завися от уровня развития общества и господствующих норм поведения. Сторонники эмансипации во многом способствовали не только преодолению взгляда на женщину, как способную только рожать и ухаживать за ребёнком, но и реального неравенства. Однако вследствие законов диалектики некоторые движения в своём развитии склонны преодолевать границу меры. В данном случае нарушением этой границы стало требование полной отмены неравенства – не только социального, но и естественного. Такое требование доходит вплоть до идей отказа от деторождения или создания возможности рожать мужчинам. Это абсурдные требования. Отказ женщин от своей женственности не сможет привести к чему-нибудь хорошему. Природа разнообразна, и наличие различных полов, рас,

возрастов, этносов и прочего делает нашу жизнь интереснее.

Сохранение полового неравенства необходимо человечеству. Обратите внимание, что в качестве недостатков мужчинами назывались многие из качеств женщин, служащих сохранению общества: эмпатия, осторожность, склонность к повседневному альтруизму и прочее. Однако всё это необходимо человечеству.

В эволюции, в том числе социальной, есть два полюса: 1) сохранение и 2) развитие [24]. Между этими полюсами необходимо установление гармонии. Мужчина развивает общество не только в генетическом плане, но и благодаря творческим способностям. Но с определённого исторического периода творчество становится присуще и женщине. Женщина способствует стабильности общества: передаёт наследникам ценные гены, благодаря своему характеру сдерживает мужчин от рискованных решений. В то же время современные мужчины при отсутствии природных и социальных катаклизмов становятся более спокойными. Таким образом, функция развития выполняется в большей части мужчинами, но в значительной, всё более увеличивающейся мере – женщинами. То же самое в «зеркальном» варианте относится и к функции сохранения – в основном её выполняет женщина, но всё чаще к ней присоединяется и мужчина.

В социальной эволюции противостоят друг другу ещё два начала – естественное и социальное. Социальное постепенно подчиняет естественное, включая его элементы в свою структуру. Однако полностью такое подчинение невозможно, в том числе благодаря тому, что человек обладает естественным организмом, естественными потребностями, естественной психологией, в основе которой лежат естественные гены. Всё это определяет многие стороны поведения человека. Таким образом, в основе многих черт мужчины и женщины лежат естественные предпосылки, но они находятся под контролем социальной стороны – нравственных норм, законов, господствующей идеологии. В спокойной ситуации социальная сторона преобладает, но в критической – естественное может сбросить с себя социальное как шелуху и показать не очень приятное своё нутро. Поэтому задача человечества – создать и оберегать необходимые условия для устойчивого развития. Перспективой данно-

го исследования является более детальный анализ различий поведения мужчины и жен-

щины и выяснение влияние на эти различия культуры разных стран.

Список литературы

1. Darwin C. The Descent of man. New York: D. Appleton and Company, 1880. URL: http://darwin-online.org.uk/converted/pdf/1889_Descent_F969.pdf (дата обращения 10.03.2022). Текст: электронный.
2. Фрейд З. Некоторые психические следствия анатомического различия полов. Текст: электронный // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=9149> (дата обращения: 10.03.2022).
3. Freud S. Three essays on the theory of sexuality // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. 1975. Vol. VII (1901–1905). A Case of Hysteria, Three Essays on Sexuality and Other Works. Pp. 123–246.
4. Булавина Т. Гендерная проблематика в психологии. Женщины-психологи о женской психологии. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/bulavina.htm> (дата обращения: 03.03.2022). Текст: электронный.
5. Вейнингер О. Пол и характер. М.: Латард, 1997. 358 с.
6. Геодакян В. А. Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации: в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 105–112.
7. Trivers R. L. Parental investment and sexual selection // Sexual Selection and the Descent of Man, ed. B. Campbell. Chicago: Aldine, 1972. Pp. 136–179.
8. Buss D. M. Evolutionary Psychology: The New Science of the Mind, 3rd Edn. Boston: Allyn & Bacon, 2008. 477 p.
9. Докинз Р. Эгоистичный ген: пер. с англ. М.: Мир, 1993. 318 с.
10. Soto C. J., Jackson J. J. Five-Factor Model of Personality. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199828340/obo-9780199828340-0120.xml> (дата обращения: 20.03.2022). Текст: электронный. DOI: 10.1093/obo/9780199828340-0120.
11. Weisberg Y. J., DeYoung C. G., Hirsh J. B. Gender differences in personality across the ten aspects of the Big Five. Текст: электронный // Frontiers in Psychology. 2011. 1 August. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2011.00178/full> <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00178> (дата обращения: 20.03.2022).
12. Субботина Н. Д. Естественные и социальные причины полового неравенства // X Всероссийская с международным участием научная конференция / Забайкал. гос. ун-т; под общ. ред. Н. Д. Субботиной, Ю. В. Гавриловой, М. В. Приваловой. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 243–255.
13. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие гендерных отношений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сб. ст. VI Междунар. науч. конф. (г. Чита, 16–17 апр. 2015 г.) / под общ. ред. Н. Д. Субботиной, М. В. Приваловой. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 169–179.
14. Геодакян В. А. Половой диморфизм и «отцовский эффект» // Журнал общей биологии. 1981. Т. 42, № 5. С. 657–668.
15. Хорни К. Женская психология: пер. с англ. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. 222 с.
16. Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Updated Edition Paperback. 1999. November 2. 263 с. URL: <https://www.amazon.com/Reproduction-Mothering-Nancy-J-Chodorow/dp/0520221559> (дата обращения: 05.03.2022). Текст: электронный.
17. Субботина Н. Д. Устарели ли понятия «сущность женщины» и «сущность мужчины»? // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 43–53. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-43-53.
18. Субботина Н. Д. Соотношение естественного и социального во внутригрупповых и межгрупповых отношениях в ситуации межэтнических конфликтов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 87–98. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-87-98.
19. Субботина Н. Д. Закономерности естественно-групповых отношений как механизм самосохранения группы // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сб. ст. XII Всероссий. с междунар. участием очно-заочной науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т; под общ. ред. Н. Д. Субботиной, Ю. В. Гавриловой, Н. С. Зиминной. Чита: ЗабГУ, 2021. С. 64–76.
20. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. No. 42. Pp. 155–162. DOI: 10.1037/h0036215.
21. Bem S. L. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing // Psychological Review. 1981. No. 88. Pp. 354–364. DOI: 10.1037/0033-295X.88.4.354.
22. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: научно-публицистические чтения / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 352–371.
23. Артемьева О. В. Человек = мужчина + женщина // Этическая мысль: научно-публицистические чтения / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 345–350.
24. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: Ленанд, 2014. 424 с.

Информация об авторе

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: dialectica@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>.

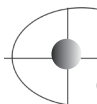
Для цитирования

Субботина Н. Д. Естественные основания различий в характере и социальном поведении мужчины и женщины // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 35–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-35-46.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

References

1. Darwin, C. The Descent of man. New York: D. Appleton and Company, 1880. Web. 10.03.2022. http://darwin-online.org.uk/converted/pdf/1889_Descent_F969.pdf. (In Engl.)
2. Freud, S. Some mental consequences of the anatomical difference between the sexes / LitMir – Digital Library. Web. 10.03.2022. <https://www.litmir.me/br/?b=9149>. (In Rus.)
3. Freud, S. Three essays on the theory of sexuality. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume VII (1901–1905): A Case of Hysteria, Three Essays on Sexuality and Other Works. 1975: 123–246. (In Engl.)
4. Bulavina, T. Gender issues in psychology. Women psychologists about female psychology. Web. 10.03.2022. <http://www.owl.ru/win/books/articles/bulavina.htm>. (In Rus.)
5. Weininger, O. Gender and character. Moscow: Latard, 1997. (In Rus.)
6. Geodakyan, V. A. The role of sexes in the transmission and transformation of genetic information. Problems of information transmission: in 2 vols. M., 1965. V. 1: 105–112. (In Rus.)
7. Trivers, R. L. Parental investment and sexual selection. Sexual Selection and the Descent of Man, ed. B. Campbell. Chicago: Aldine. 1972: 136–179. (In Engl.)
8. Buss, D. M. Evolutionary Psychology: The New Science of the Mind, 3rd Edn. Boston: Allyn & Bacon. 2008. (In Engl.)
9. Dawkins, R. Selfish gene: trans. from English. M: Mir, 1993. (In Rus.)
10. Soto, C. J., Jackson, J. J. Five-Factor Model of Personality DOI: 10.1093/obo/9780199828340-0120. Web. 10.03.2022. <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199828340/obo-9780199828340-0120.xml>. (In Engl.)
11. Weisberg, Y. J., DeYoung C. G., Hirsh J. B. Gender differences in personality across the ten aspects of the Big Five. Front. Psychol., 01 August 2011. Web. 10.03.2022. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2011.00178/full> <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2011.00178>. (In Engl.)
12. Subbotina, N. D. Natural and social causes of gender inequality. 10th All-Russian Scientific Conference “The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man” Chita: ZabGU, 2019: 243–255. (In Rus.)
13. Subbotina, N. D. Natural and social components of gender relations. 6th All-Russian Scientific Conference “The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man” Chita: ZabGU, 2015: 169–179. (In Rus.)
14. Geodakyan, V. A. Sexual dimorphism and the “father effect”. Journal of General Biology, no. 5, pp. 657–668, 1981. (In Rus.)
15. Horney, K. Female psychology. SPb., 1993 / transl. from English. St. Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis, 1993. (In Rus.)
16. Chodorow, N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender, Updated Edition Paperback – November 2, 1999. Web. 05.03.2022. <https://www.amazon.com/Reproduction-Mothering-Nancy-J-Chodorow/dp/0520221559>. (In Engl.)
17. Subbotina, N. D. Are the concepts of “essence of a woman” and “essence of a man” obsolete? Humanitarian vector, no. 2, pp. 43–53, 2020. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-43-53. (In Rus.)
18. Subbotina, N. D. Correlation between the natural and the social in intragroup and intergroup relations in situations of interethnic conflicts // Humanitarian vector, no. 5, pp. 87–98, 2021. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-87-98. (In Rus.)
19. Subbotina, N. D. Patterns of Natural-Group Relations as a Mechanism of Group Self-Preservation. 12th All-Russian Scientific Conference “The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man”, Chita: ZabGU, 2021: 64–76. (In Rus.)
20. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny. Journal of Consulting and Clinical Psychology, no. 42, pp. 155–162, 1974. DOI: 10.1037/h0036215. (In Engl.)

21. Bem, S. L. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing. *Psychological Review*, no. 88, pp. 354–364, 1981. DOI: 10.1037/0033-295X.88.4.354. (In Engl.)
22. Gilligan, K. In a different voice: psychological theory and the development of women. *Ethical Thought: Scientific Publicist. Readings*. 1991, pp. 352–371. Web. 10.03.2022. <http://www.nsu.ru/psych/internet/> (In Rus.)
23. Artemyeva, O. V. Man = man + woman. Translator's note // *Ethical thought: Scientific publicist. Readings*. 1991 / Common ed. A. A. Huseynova. M: Respublika, 1992: 345–350. (In Rus.)
24. Subbotina, N. D. Social evolution and human behavior: Dialectics of natural and social, conservation and development. M: LENAND. 2014. (In Rus.)

Information about author

Subbotina Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; dialectica@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>.

For citation

Subbotina N. D. Natural Reasons for Differences in the Character of Man and Woman // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 35–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-35-46.

Received: April 11, 2022; approved after reviewing May 13, 2022; accepted for publication May 16, 2022.

Научная статья**УДК 316.325****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-47-57****Удовольствия и тяготы в современной жизни: субъективное измерение социального самочувствия****Олег Анатольевич Кармадонов***Институт социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия*
karmado@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6440-1995>

В статье рассматриваются вопросы изучения социального самочувствия населения в социогуманитарном знании со времён античности и до наших дней. Выявляется социальная и культурно-историческая обусловленность социального самочувствия населения. Особое внимание уделяется вопросам исследования удовольствия и тягот современной жизни, субъективного восприятия положительного или отрицательного социального самочувствия, выявления переменных факторов, способствующих усилению или ослаблению различных показателей социального самочувствия. В практической части исследования приводятся результаты авторского изучения удовольствия и тягот современной жизни, способствующих трансформации особенностей социального самочувствия россиян. Респондентами стали 1 170 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, проживающих в разных регионах Российской Федерации. Исследование проводилось в виде онлайн-опроса. В результате автором фиксируются факторы, которые считаются россиянами «нормальными», обозначаются формы наиболее распространённого «страдания» и стратегии получения «удовольствия». Обозначаются основные смыслы жизни – «ради чего стоит терпеть тяготы жизни» и какие возможны перспективы личного и социального (социально одобряемого, общепринятого) счастья. Обозначаются гендерные различия в восприятии тягот и удовольствий жизни. Автором доказывается, что субъективные переживания, связанные с восприятием личного и общественного социального самочувствия, определяют общий уровень социальной безопасности и личные жизненные перспективы, касающиеся благополучия и удовлетворения, которые определяют различные формы и стратегии субъективного измерения социального самочувствия. Это становится не только основой индивидуальных стратегий социальной реализации, но и показателем социальной динамики различных сообществ, групп и целых слоёв общества, способствующих процессам социальной консолидации или дезинтеграции общественного воспроизводства, социальной эмпатии и солидарности, конструирования новых форм личной и социальной идентичности и чувства «мы» в современном российском социуме. Субъективное измерение социального самочувствия видится срезом эмоционально-когнитивного восприятия личных и социальных перспектив общественного развития.

Ключевые слова: социальное самочувствие, удовольствие, тяготы, социальное развитие, социальная динамика, субъективные переживания, идентичность

Original article**Pleasures and Hardships in Modern Life: A Subjective Dimension of Social Well-Being****Oleg A. Karmadonov***Institute of Social Sciences Irkutsk State University Irkutsk, Russia*
karmado@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6440-1995>

The article deals with the issues of studying the social well-being of the population in socio-humanitarian knowledge from antiquity to the present day. The social and cultural-historical conditionality of the social well-being of the population is revealed. Particular attention is paid to the study of the pleasure and hardships of modern life, the study of the subjective perception of positive or negative social well-being, the identification of variable factors that contribute to the strengthening or weakening of various indicators of social well-being. A practical part of the study presents the results of the author's study of the pleasures and hardships of modern life, which contribute to the transformation of the characteristics of the social well-being of Russians. The study involved 1 170 people aged 18 to 65, 55 % women and 45 % men, living in different regions of the Russian Federation. The study was conducted in the form of an online survey. As a result, the author fixes the factors that are considered "normal" by Russians, identifies the forms of the most common "suffering" and strategies for obtaining "pleasure". The main meanings of life are also indicated – "for the sake of which it is worth enduring

© Кармадонов О. А., 2022

the hardships of life” and what are the possible prospects for personal and social (socially approved, generally accepted) happiness. Gender differences are indicated in the perception of the hardships and pleasures of life. The author proves that subjective experiences associated with the perception of personal and social well-being determine the general level of social security and personal life prospects regarding well-being and satisfaction, which determine various forms and strategies for the subjective measurement of social well-being. This becomes the basis not only of individual strategies for social realization, but also an indicator of the social dynamics of various communities, groups and entire strata of society, contributing to the processes of social consolidation or disintegration of social reproduction, social empathy and solidarity, the construction of new forms of personal and social identity and a sense of “we” in modern Russian society. The subjective measurement of social well-being becomes a cut of the emotional-cognitive perception of personal and social prospects of social development.

Keywords: social well-being, pleasure, hardships, social development, social dynamics, subjective experiences, identity

Введение. Глубокие и драматичные изменения, переживаемые российским обществом на протяжении последней четверти века, не оставили незатронутой ни одну сферу общественных отношений. Воздействие испытали на себе как сфера материально-технического воспроизводства, так и социокультурная сфера, все социальные институты и системы взаимодействия как в субъект-субъектных, так и в субъект-объектных интеракционных модальностях. Естественным образом не могла остаться незатронутой и сфера общественных взглядов и нормативных ориентаций. Любое общество в определённый этап своего исторического развития является носителем определённых коллективных представлений о человеке, его месте в мире, его взаимоотношениях с властью и себе подобными, добре и зле, норме и отклонении, поощряемом и порицаемом, приемлемом и недопустимом. Эти представления, свойственные сообществу, не являются «простым» содержанием массового сознания и коллективного бессознательного, существующим в виде неких беспристрастных констатаций, но характеризуются значительным влиянием на состояние умов, а значит – на социальное самочувствие данного общества.

Социальное самочувствие выступает «последним арбитром» любого процесса макросоциального уровня, включая процессы общественного изменения. Это та сфера, в которой бытие и сознание самым наглядным образом демонстрируют свою постоянную взаимную обусловленность, то есть диалектику своего взаимодействия в обществе, причём роль детерминанты не является постоянной – бытие определяет сознание и ощущения, но и социальное самочувствие как комплекс социально-когнитивных и социально-психологических факторов не реже выступает в качестве мощного источника, санкционирующего те или иные социальные

преобразования. Феномены социальной эйфории или апатии, энтузиазма или депрессии, удовлетворённости или недовольства, благодушия или агрессивности могут как выступать результатом социальных изменений, так и определять саму возможность таковых, в любом случае – обуславливать их характер и направленность.

Для российского общества, поставившего перед собой задачи модернизации всех сторон жизни, вопрос о социальном самочувствии населения является чрезвычайно актуальным. Очевидно, что любая программа общественного реформирования должна учитывать в своей реализации не только такие константные характеристики, как особенности исторического и этнокультурного сознания, национального менталитета российского народа, но и специфику динамического феномена социального самочувствия, с одной стороны выступающего манифестацией константных характеристик, с другой – санкционирующего любые крупномасштабные общественные трансформации. Конечный успех этих трансформаций в значительной степени определяется характером социального самочувствия – как одновременно мотивационного и отражающего феномена. В этой связи изучение социального самочувствия современного российского общества призвано не только приумножить академическое знание в сфере коллективного сознания и бессознательного, но и дать возможность установить соразмерность направленных общественных изменений и их конечной цели – самоощущения населения.

Внимание к феномену социального самочувствия в том или ином виде проявляется уже на ранних этапах становления социального теоретизирования. В трудах Конфуция говорится о проблеме «доверия народа», о внимании, которое правители должны уделять его поддержке [1]. К проблемам справедливости власти и её восприятия на-

родом обращался Платон [2]. Аристотель также рассматривал социальное настроение в контексте справедливости устройства жизни и связанных с нею общественных изменений [3]. Среди фигур Просвещения, уделявших внимание данной проблематике, необходимо упомянуть, прежде всего, Ш. Монтескьё, который рассматривал социальное настроение сквозь призму социальной солидарности и участия граждан в процессах государственного управления [4], а также Д. Дидро, касавшегося социального настроения в контексте его интереса к вопросам гражданского самосознания и гражданской активности [5].

К. Маркс связал общественное настроение с состоянием социально-экономических отношений в социуме, рассматривая данный феномен в контексте анализа проблематики сознания, формирующегося данными отношениями [6]. Э. Дюркгейм в русле своей концепции коллективного сознания определял причины, формирующие то или иное социальное самочувствие, и считал, что поддержание его сбалансированного состояния есть одна из главных задач власти, и одно из условий её легитимации [7]. В работах М. Вебера социальное самочувствие появляется в связи с феноменом властных отношений, а также в контексте таких ключевых категорий его творчества, как легитимность, социальное действие и рациональность [8]. Х. Ортега-и-Гассет рассматривал феномен социального самочувствия применительно к проблеме социальных трансформаций и возникновения индустриального общества, когда новые экономические и политические факторы произвели новое социальное самочувствие целых народных масс [9].

В рамках психологического направления социальной философии проблематика социального самочувствия поднимается в работах М. Лацаруса и Х. Штейнталя [по: 10], которые рассматривают «народный дух» как психическое подобие индивидов одного народа; В. Вундт полагает, что «душа народа» – комплекс «представлений», «чувствований» и «стремлений»; Г. Лебон исследует механизмы формирования социального настроения, признаёт необходимость сохранения душевного равновесия общества [11]; в свою очередь Г. Тард доказал, что у начал всякого социального действия и всякой социальности вообще стоят определён-

ный психологический статус индивидов и самочувствие целых социальных групп [12].

В современном социальном теоретизировании социально-психологическое, социологическое и собственно социально-философское измерения проблематики социального самочувствия тесно переплетены. В работах Э. Фромма тема социального самочувствия поднимается в связи с состояниями общественного сознания, воспринимаемыми в качестве нормы или отклонения от таковой, особенно отчетливо она проявляется в контексте теории социального характера [13]. В рамках феноменологической социологии социальное самочувствие рассматривалось А. Шютцем в связи с проблематикой баланса «естественной установки» и окружающего мира и последующей редукции напряжения «фундаментальной тревоги», связанной с этим балансом [14]. С. Московичи в рамках теории социальных представлений уделял внимание тому, каким образом взаимодействуют между собой внешняя социальная реальность и внутренний мир индивида, и как на основе этого взаимодействия возникает то или иное социальное самочувствие [15].

В контексте теории социального поведения Н. Смелзер касается социального самочувствия, воспринимает коллективное поведение как относительно стихийное и неорганизованное поведение группы людей, реагирующих на неопределённую или угрожающую ситуацию [16]. В рамках социологии развития Д. Лернер рассматривал социальное самочувствие в качестве главного психологического условия, определяющего конечный успех модернизационных процессов. Фактор социального самочувствия является ключевой категорией в таком современном направлении социального теоретизирования, как «социономика», истоки которого восходят к исследованиям американского экономиста Р. Эллиотта [17]. Данная точка зрения получила развитие в работах Р. Пречтера [18], доказывающего инстинктивную природу социального настроения и его определяющую роль во всяком социальном изменении, а также Дж. Касти, считающего, что самочувствие формируется в момент настоящего времени, однако причину и главные мотивы манифестации в неких действиях находит во времени будущем [19]. Вопросы социального благополучия, социального самочувствия и психического

здоровья рассматривают К. Л. Киз и другие исследователи [20–23].

В отечественной социальной науке проблематике социального самочувствия или настроения уделяли внимание целый ряд авторов, как в рамках социологии, так и в контексте социальной психологии и философии. С точки зрения таких исследователей, как А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский [24], общественное настроение есть доминирующее состояние группового сознания в определённый временной период. По мнению Б. Ф. Поршнева [25], социальное настроение есть эмоциональные состояния, связанные с разными формами осуществления тех или иных надежд и замыслов. Исследователи Б. Д. Парыгин и О. А. Полюшкевич акцентировали внимание на том обстоятельстве, что в психологических подходах к социальному самочувствию при рассмотрении факторов, его формирующих, часто упускаются их социальная обусловленность и уровень доверия [26; 27]. Значительное внимание уделил феномену социального самочувствия Ж. Т. Тощенко [28], рассматривающий данную проблематику с точки зрения её мотивационного аспекта для деятельности и подчёркивающий оперативный характер социального самочувствия, складывающегося под воздействием факторов настоящего состояния общества.

Наряду с указанными работами, отличающимися высокой научной значимостью, следует отметить явно недостаточное в социальной науке количество трудов, в которых тема социального самочувствия рассматривалась бы применительно к современному российскому обществу в контексте проблематики нормативного санкционирования состояния общественных отношений, степени макросоциальной консолидации и проблематики социального действия.

Методология и методы исследования. Социальное настроение у целого ряда авторов (А. Шютц, Д. Лернер, Р. Пречтер, Дж. Касти, Л. И. Михайлова, В. Г. Федотова) понимается как своеобразная проекция в будущее – в качестве предвосхищения состояния дел в более или менее отдалённом грядущем, «уверенность» в нём или «неуверенность». Исследовательская организация «Всероссийский центр изучения общественного мнения» определяет восприятие будущего («индекс социального оптимизма») в качестве одного из интеграль-

ных показателей социального самочувствия (наряду с показателями удовлетворённости жизнью, материальным положением, и другими индексами)¹. Вместе с тем хотелось бы отметить известную умозрительность и неполноту такой проекции. На самом деле, желательное положение вещей в будущем может выступать стимулятором активности, но это положение оценивается не иначе, как в референции с настоящим, и желательное состояние дел берёт за точку отсчёта их наличествующее, сегодняшнее состояние!² Поэтому действительной мотивирующей силой обладает, на наш взгляд, всё-таки, настоящее, именно оно является причиной как действия, так и бездействия [29]. Революции не совершаются из-за того, что народ начал «предчувствовать» значительное ухудшение положения в будущем, они происходят потому, что невыносимо плохо стало здесь и сейчас (а не потому, что прозвучал призывный сигнал некоего «неизвестного аттрактора») [30]. Строго говоря, само понятие социального самочувствия уже по определению относится именно к настоящему, к тому, что переживается и чувствуется именно сейчас, в данный момент или период. В силу этого, эвристичной представляется постановка вопроса о характере и особенностях социального самочувствия сообщества в конкретном настоящем, представления же о будущем являются в значительной степени проективными, выражающими надежды и чаяния, разумеется, абсолютно не гарантированными. Человек может ошибаться в своём предвосхищении будущего, однако, вряд ли он заблуждается относительно своего самочувствия в настоящий момент [31].

Таким образом, мы делаем аналитический фокус на настоящем и реализуем попытку анализа субъективного психологи-

¹ См.: Социальное самочувствие россиян. – Текст: электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: <https://www.itcnnews.ru/news/detail.php?ID=158831> (дата обращения 08.02.2022).

² Скажем, семейная пара не позволяет себе завести второго ребёнка из-за жилищных сложностей. Они могут быть настроены достаточно оптимистично относительно будущего, в котором рассматривают себя в качестве обладателей большей жилплощади, но не позволяют-то они себе расширить семью по причинам настоящего! Другими словами, будущее остаётся туманным, но с присвоенными в основном позитивными атрибутами, потому что «надежда умирает последней», и это – одна из немногих реальных культурных универсалий. Не случайно и в исследованиях ВЦИОМа индекс «социального оптимизма» (восприятие будущего) стабильно является самым высоким среди прочих показателей.

ческого состояния наших соотечественников или – степень испытываемого ими социального комфорта или дискомфорта. Мы делаем акцент на вопросах соотношения *удовольствий и тягот*, характера санкционирования и референции.

Данная работа является частью исследования (n = 1170), в онлайн-опросе приняли участие 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных субъектах Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение. Американский мыслитель, основатель концепции «социального мелиоризма» Лестер Уорд был убеждён, что сам феномен общества стал возможным благодаря стремлению человека, с одной стороны, избавиться от страданий, с другой – получать удовольствие. И для того, и для другого человек нуждается в других людях. В основании этого стремления находится деятельная «душа», которая одарена способностью страдать и наслаждаться. «На каком бы языке и с какой бы точки зрения ни упоминалась душа, – считает Л. Уорд, – она всегда отождествлялась с ощущением удовольствия и страдания и олицетворяла собой глубочайшее выражение симпатии и чувства. Полное определение души будет таково: *совокупность чувствований существ, составляющих организм, и влияний, берущих начало из этих чувствований*» [по: 32]. Л. Уорд, тем самым, рассуждает практически в контексте постулированной нами ранее каузальной связи между социальным самочувствием и деятельностью.

Условия счастья, по мнению Л. Уорда, включают в себя три главных компонента: здоровье, свободу от страданий, удовлетворение желаний. Счастье и есть, как правило, то позитивное социальное самочувствие, к которому естественным образом стремятся и всякая личность, и всякое сообщество. На этом пути одной из важнейших задач, согласно американскому мыслителю, является максимально возможное уменьшение тягот, особенно – связанных с негативными эмоциональными состояниями. «Важным условием счастья является более или менее полная свобода от страданий, – убеждён Л. Уорд. – Это условие хотя и совпадает с условием здоровья, но только до некоторой степени. Так, если мы отнесём к нездоровью случайные внешние страдания, вызванные повреждением, то остаётся ещё

самый важный вид страданий – эмоциональный, к которому принадлежат горе, разочарование, утомление, страх, сожаление, угрызение, беспокойство (выделено мной – О. К.). Избавление от последних, приведение переживаемых эмоций в относительно приемлемый баланс и составляет суть движения человека к конструктивному социальному настроению, или социальному комфорту.

Таким образом, удовольствие есть состояние социального комфорта, и наоборот – тяготы есть ощущение социального дискомфорта. Как же соотносятся между собой эти антиномии в современном российском обществе? Другими словами – каков их баланс здесь? Для выяснения этого нашим респондентам был задан вопрос: «Чего, по Вашему мнению, в жизни нашего народа сейчас больше – удовольствий или тягот разного рода?». Для ответа были предложены три варианта: «удовольствий», «тягот», «и того и другого – поровну».

Ответы распределились следующим образом: «больше удовольствий» считают 3 %; «**больше тягот**» – 57 %; «и того и другого – поровну» полагают 40 % опрошенных соотечественников. Социально-демографические характеристики распределены между категориями примерно пропорционально, с некоторым превышением лиц с высшим образованием (69,3 %) среди респондентов, выбравших «срединный» вариант (того и другого – поровну). Таким образом, большинство признаёт преимущественную долю страданий в жизни сегодняшнего российского общества.

В развитие темы был задан вопрос «личного характера»: «Как бы Вы определили соотношение удовольствий и тягот именно в Вашей жизни?». Респондентам предлагалось зафиксировать это соотношение с помощью конкретных пропорций – от 10/90 до 50/50 и до 90/10 (соответственно). Про собственную жизнь опрошенные нами сограждане высказались так: для большинства характерно соотношение удовольствий и тягот 50/50, таких оказалось 37,2 %. Для 36,6 % респондентов данная пропорция перевешивает в сторону тягот (30 % удовольствий и 70 % тягот). На третьей позиции – самая крайняя категория, рассматривающая свою жизнь как состоящую из 90 % тягот и только 10 % удовольствий, таких оказалось 13 %. В сторону «облегчения» жизненных реалий

наших респондентов цифры незначительные: соотношение 70/30 (удовольствие/тяготы) выбрали 10,6 %; 90/10 – 2,6 %. Таким образом, суммарно **преимущественно из страданий состоит жизнь для 49,6 %** опрошенных нами граждан России, в то время как преимущественно удовольствиями радуется жизнь лишь 13,2 % наших респондентов. В то же время содержательно представлен и «срединный» вариант – значительное число опрошенных осторожно заявили о наличии в их жизни в равных долях и удовольствий, и тягот (37,2 %).

Является ли **нормальным** зафиксированное соотношение, по мнению самих респондентов? Суммарно, учитывая все варианты соотношений, больше половины (62,5 %) наших респондентов считают такое положение дел не нормальным, остальным 37,5 % оно представляется *скорее и вполне* нормальным. Возможно, выбравшие позицию «50/50» тем и удовлетворены, тогда в анализе сопряженности указанная корреляция должна быть на высоте, что может предположительно говорить об адаптивности и неприспособленности наших сограждан, не испытывающих особых позывов к изменению соотношения между удовольствиями и страданиями.

Следующие соотношения ответов наиболее характерные. Например, соотношение удовольствий и тягот в наиболее оптимальном варианте 70/30 не вызывает у большинства ощущения соответствия норме (если не сводить позитивные ответы «вполне нормально» и «скорее, нормально» под один знаменатель и не брать во внимание, что из 1 170 человек данная категория представляет собой лишь 21 %). Впечатляет резкая смена «настроения»: если ещё соотношение 50/50 вызывало больше позитива в ответах респондентов (суммарный положительный ответ для этой пропорции равен 61,6 %, суммарный отрицательный – 38,4 %), то с небольшим смещением в сторону увеличения тягот до 70 % и сокращения удовольствий до 30 % наблюдается резкий переход в сторону негативного оценивания ситуации (суммарный отрицательный ответ для данной пропорции равен 91,4 %). Есть здесь место и парадоксу. Изначально было «очевидно», что та группа респондентов, которая оценит свою жизнь как состоящую преимущественно из удовольствий, вряд ли сочтёт такое положение вещей «ненормаль-

ным». Между тем 22,5 % респондентов, выбравших соотношение удовольствий и тягот как 70/30, и 25 % тех, кто выбрал соотношение 90/10 (соответственно), не считают такие пропорции «нормальными». Либо это люди, стремящиеся к гедонистической полноте жизни, либо – испытывающие некие «укоры» совести за своё благополучие, при этом очевидно, что получение удовольствий не является синонимом душевного равновесия и абсолютным гарантом социального комфорта.

Отметим также, что женщины более мужчин склонны к негативному оцениванию соотношения удовольствий и тягот в своей жизни. Возможно, это связано с большей эмоциональностью женской природы, что легче и быстрее выражается в состоянии подавленности, вызванной тяготами жизни. Не удивительным является и тот вывод, что с возрастом респонденты испытывают страдания и невзгоды чаще. На самой крайней отметке (удовольствие/тяготы в соотношении 10/90) доминируют граждане в возрасте от 45 лет и старше (или 42,2 % от общего количества по возрастной строке). Молодёжь лидирует по показаниям 50/50, в то же время, и молодой, и средний возраст респондентов характеризуется высокими позициями на отметке 30/70 (удовольствия/тяготы). Молодые респонденты естественным образом более позитивно оценивают свою жизнь в отличие от людей, проживших большую часть сознательного возраста.

Таким образом, удельный вес страданий, с которыми сталкиваются наши сограждане, далёк от нормы, от того баланса, который представляется нашим соотечественникам приемлемым. Существует ли какое-то оправдание испытываемым тяготам? Другими словами, как могут быть санкционированы переживаемые невзгоды? Чтобы выяснить это, был задан вопрос: «Ради чего, по-Вашему, имеет смысл человеку терпеть тяготы и лишения на протяжении длительного периода?». Были предложены следующие варианты ответов: «ради будущего духовного просветления»; «ради своей семьи/своих детей»; «ради великого будущего своей страны»; «ради веры в бога»; «ради будущего материального успеха»; «ради своих идеалов».

Ответы распределились следующим образом: самым весомым был вариант готовности терпеть «ради своей семьи, сво-

их детей» – 86,8 % (из них 47,3 % мужчин и 52,7 % женщин) от общего количества ответивших. Готовы выносить тяготы «ради будущего материального успеха» 51,7 % опрошенных (без особых контрастов по демографическим характеристикам респондентов), это вторая по величине позиция. Терпеть лишения «ради своих идеалов» готовы 32 % наших респондентов. Готовы выносить страдания «ради будущего духовного просветления» 20,2 % опрошенных нами сибиряков. На четвёртом месте – готовность перенести тяготы «ради веры в бога – на это, судя по ответам, способны 18,8 % наших сограждан. Наконец, терпеть невзгоды «ради великого будущего своей страны» готовы немногие респонденты (16,3 %)¹. Данные исследования отражены в таблице.

Таблица

Ответы на вопрос «Ради чего имеет смысл человеку терпеть тяготы и лишения на протяжении длительного периода?»

Вариант	Результат, %
Ради своей семьи/своих детей	86,8
Ради будущего материального успеха	51,7
Ради своих идеалов	32
Ради будущего духовного просветления	20,2
Ради веры в бога	18,8
Ради великого будущего своей страны	16,3

Обращает на себя внимание достаточно жёсткая персонализация морального санкционирования виртуальных страданий – первые три позиции являются индивидуально ориентированными – блага, которыми должно воздаться за страдания, нацелены именно на личное благополучие, включая и свои идеалы. В любом случае ясно, что максима «прежде думай о Родине, а потом – о себе» достаточно основательно вытравлена из строя моральных диспозиций граждан современной России.

Таким образом, социальное самочувствие или настроение выступают достаточно традиционным объектом внимания в истории социальной мысли, причём данная проблематика рассматривалась, прежде всего, в контексте властных отношений, при этом по своему охвату является тематически более широкой. В связи с феноменом социального самочувствия анализировался целый спектр тем, среди которых наиболее часто встречаются проблемы ответственно-

¹ Сумма превышает 100 %, потому что можно было выбрать более одного варианта.

сти власти, её легитимности, социальной справедливости, общественных изменений, рефлексивности общества, гармоничности общественных отношений, социальной солидарности.

Практически все исследователи сходятся в мнении, что социальное самочувствие является своеобразным индикатором характера сбалансированности между должным состоянием общественных отношений по коллективным представлениям и реальным положением дел в окружающей социальной действительности. Данная сбалансированность является комплексным феноменом и обусловлена факторами как материального, так и символического порядка. Нарушение баланса, считающегося в данном обществе приемлемым, влечёт за собой возмущение в системе социального самочувствия, что, в свою очередь, может детерминировать общественные потрясения и трансформации. Тем самым, где явно, где имплицитно, но практически у всех классиков социально-философского теоретизирования обнаруживается причинно-следственная цепь, включающая три основных элемента: «социальный баланс – социальное самочувствие – социальное действие».

В современной социальной теории заметно выделяется социально-эпистемологическая составляющая феномена социального самочувствия. Речь ведётся о социальных смыслах, значениях, символах как компонентах данного явления. Вместе с тем продолжена и линия экзистенциальной обусловленности, когда социальное самочувствие является отражением того или иного уровня соответствия между представлениями о «правильном» устройстве мира и тем, что наблюдается в окружающей социальной реальности.

Особое звучание приобретает и проблема коллективных действий как результата социального самочувствия. Проводится мысль о том, что социальное действие детерминируется конкретными социально-экономическими, этнокультурными и историческими условиями, породившими то или иное социальное самочувствие. В различных каузальных контекстах одно и то же социальное самочувствие может реализоваться различными способами, а может и не приобрести характер наблюдаемой активности. Концепция социологии настаивает на односторонней детерминирующей связи меж-

ду социальными событиями и социальным самочувствием, когда последнее выступает исключительным источником и мотивирующим фактором всего, происходящего в обществе, не отвечая, впрочем, убедительно на вопрос об источниках и мотивациях самого социального настроения.

Диалектический подход к исследуемому феномену предполагает его рассмотрение в контексте постоянной и динамичной взаимной обусловленности между социальным самочувствием и социальной деятельностью, в которой синтезированы факторы микро- и макросоциального порядков, субъективные и объективные аспекты общественной жизни.

Социальное самочувствие есть комплекс переживаний, характер которых обусловлен степенью соответствия нормы в представлениях и факта в реальности, а также уровнем макросоциальной консолидации. Высокая степень рассогласования нормативных представлений (обусловленных коллективным сознанием или социальным характером) и социальной реальности вкупе с низким уровнем социальной комплементарности ведёт к социальному самочувствию угнетённого или деструктивного типа. Соответственно, высокая степень согласованности представлений и реальности вместе с высоким уровнем социальной комплементарности ведёт к оптимистичному или конструктивному социальному самочувствию.

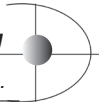
Социальное самочувствие по отношению к «социальным» или «коллективным представлениям», «менталитету народа», «этнической психологии» выступает менее постоянным феноменом, обладая ситуативным и преходящим характером. Однако именно через социальное самочувствие или социальное настроение и обнаруживают себя указанные феномены. Ментальность или национальная психология не может не обуславливать специфику психологических реакций сообщества. Есть при этом и известное постоянство – набор социальных эмоций конечен, как конечны и их манифестации, выражающиеся, в том числе, в социальном действии или социальном бездействии.

Заключение. Таким образом, особо значимых, резких корреляций по социально-демографическим признакам при анализе ответов на данный вопрос не выявлено.

Среди выбравших в качестве ответа три первых указанных варианта доли молодого и старшего поколений несколько превышают долю респондентов старшего возраста. Возможно, это связано с тем, что то, что можно было «вынести» ради семьи и детей, старшим поколением уже «вынесено», «будущий» материальный успех для данной категории уже стал (или – не стал) настоящим, а идеалов осталось так немного (если вообще – остались), что особой мотивирующей силой они не обладают.

Очевидным фактом является то, что наши сограждане в жизни испытывают больше тягот и невзгод, чем радости и удовольствий, и женщины, как показал опрос, ощущают это в большей степени. В жизни нашего народа (согласно оценке респондентов), и в собственной жизни (по самооценке респондентов) наблюдается *не совсем нормальное* соотношение тягот и удовольствий, а совладать или мириться с таким состоянием, переживать его на достойном уровне помогает ориентация на семью (детей) и в определённой степени стремление к будущему материальному успеху.

При объяснении очевидной социальной анемии российского народа, помимо факторов социально-экономического и социально-когнитивного разряда, эвристичностью обладают также историко-культурный и этнопсихологический подходы, усматривающие истоки данного положения вещей в историческом прошлом и пластах национального менталитета. Апатия российского народа предстаёт в рамках данного подхода в двойственном свете – с одной стороны, как выражение апологетики русского долготерпения, которому приписывается статус святого мученичества, с другой – как проявление мазохизма национального масштаба. Как представляется, речь необходимо вести не столько об апатии, сколько о традиционном гражданском равнодушии российского народа. Очевидной объяснительной ценностью при анализе данного феномена обладает ресурсный подход, согласно которому политико-гражданская анемичность значительной части российского населения обусловлена тем, что основная часть жизненных ресурсов индивидов и сообщества идёт на нужды материального, физического воспроизводства, сфера гражданской деятельности напрямую с задачами выживания не связана, в силу этого витальные ресур-

сы выделяются по «остаточному принципу». Таким образом, социальная анемия действительно обладает известными адаптационными функциями – в условиях дефицита жизненных ресурсов индивид и сообщество расходуют их для максимально адекватного приспособления к внешней сложной среде, отличающейся, помимо прочего, высокой степенью неопределённости, что характерно для современного российского общества.

Как следует из результатов нашего исследования, в реальных системах общественных отношений современного российского социума действуют несанкционированные коллективными представлениями нормы. Естественно, что эффект отсутствия санкционированных норм должен проявиться в конкретном социальном самочувствии граждан российского общества.

Мало способствует конструктивному самочувствию и сложившееся в российском обществе соотношение страданий и удовольствий – удельный вес страданий, с которыми сталкиваются граждане России далёк от нормы, от того баланса, который представляется нашим соотечественникам приемлемым. Учитывая степень отчужде-

ния человека от макросоциальных структур, естественно, что моральное санкционирование этого диспаритета или оправдание страданий характеризуется очевидным индивидуалистическим вектором – преобладающим значением факторов персоналистического порядка над факторами макросоциального и надындивидуального уровней.

Таким образом, социальное самочувствие в современном российском обществе не может не вызывать тревогу – прослеживается доминирование деструктивных эмоциональных переживаний, сопряжённое с тотальным отчуждением от власти и макросоциальных процессов. Состояние общественной энергетики таково, что у населения, по всей видимости, остаются ресурсы почти исключительно на воспроизводство материальной составляющей жизни. Ресурсы гражданской активности и даже социально-профессионального пафоса выглядят если не исчерпанными полностью, то, по крайней мере, сведёнными к минимуму. Утрата витальных ресурсов есть прямая угроза существованию общества как такового.

Список литературы

1. Кармадонов О. А., Надольная А. А. Социальное самочувствие и интеграция общества: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 187 с.
2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 680 с.
4. Монтескьё Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян. Текст: электронный // Библиотека Гумера. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Montesk/ (дата обращения: 08.02.2022).
5. Дидро Д. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 604 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. 635 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
10. Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
11. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 238 с.
12. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: КСП+, 1999. 414 с.
13. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
14. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press, 1967. 255 p.
15. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
16. Smelser N. J. Theory of Collective Behavior. New York: The Free Press, 1963. 436 p.
17. Elliott R. N. Elliott's Masterworks: the Definitive Collection. Gainesville: New Classics Library, 1994. 308 p.
18. Prechter R. R. The Wave Principle of Human Social Behavior and the New Science of Socionomics. Gainesville: New Classic Library, 1999. 463 p.
19. Casti J. L. Mood Matters. New York: Springer Science+Business Media, 2010. 250 p.
20. Keyes C. L. M., & Shapiro A. D. Social Well-Being in the United States: A Descriptive Epidemiology // How healthy are we? A national study of well-being at midlife / O. G. Brim, C. D. Ryff, & R. C. Kessler (Eds.). Chicago: The University of Chicago Press, 2004. Pp. 350–372.

21. Robitschek C., Keyes C. L. M. Keyes's model of mental health with personal growth initiative as a parsimonious predictor // *Journal of Counseling Psychology*. 2009. Vol. 56. Pp. 321–329.
22. Keyes Corey L. M. Promoting and protecting mental health as flourishing: A complementary strategy for improving national mental health // *American Psychologist*. 2007. Vol. 62. Pp. 95–108.
23. Keyes C. L. M., Shmotkin D., & Ryff C. D. Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. Pp. 1007–1022.
24. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. М.: Академия, 1998. 512 с.
25. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.
26. Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. 380 с.
27. Полюшкевич О. А. Доверие в меняющемся мире // *Социология*. 2021. № 2. С. 87–92.
28. Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение М.: Academia, 1996. 196 с.
29. Уорд Л. Психические факторы цивилизации. СПб.: Питер, 2002. 352 с.
30. Diener E. Guidelines for national indicators of subjective well-being and ill-being // *Applied Research in Quality of Life*. 2006. No. 1. Pp. 151–157.
31. Soblonlidsuk A., Silkapit C., Kongsakon R., et al. Factors influencing health related quality of life in chronic liver disease // *World J Gastroenterol*. 2006. No. 12. Pp. 7786–7791.
32. Черепанова М. И., Горбунова А. А., Сарыглар С. А. Социальное самочувствие населения как индикатор безопасности и доверия в Алтайском крае // *Society and Security Insights*. 2020. Т. 3, № 1. С. 90–101. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-07.

Информация об авторе

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор; Институт социальных наук Иркутского государственного университета; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: karmado@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6440-1995>.

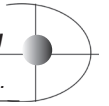
Для цитирования

Кармадонов О. А. Удовольствия и тяготы в современной жизни: субъективное измерение социального самочувствия // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 2. С. 47–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-47-57.

Статья поступила в редакцию 12.03.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

References

1. Karmadonov, O. A., Nadol'naya, A. A. Social well-being and integration of society: monograph. Irkutsk: IGU Publishing House, 2013. (In Rus.)
2. Platon. Collected works. in 4 volumes: V. I. M: Thought, 1990. (In Rus.)
3. Aristotle. Works: In 4 vols. V. 4. M: Thought, 1983. (In Rus.)
4. Montesquieu, Sh. Reflections on the causes of the greatness and fall of the Romans. Web. 08.02.2022. Gumer Library. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Montesk. (In Rus.)
5. Didro, D. Works in 2 volumes: V. 2. M: Thought, 1991. (In Rus.)
6. Marx, K., Engels, F. Selected works. In 3 volumes. V. 1. M: Politizdat, 1985. (In Rus.)
7. Durkheim, E. On the division of social labor. M: Kanon, 1996. (In Rus.)
8. Weber, M. Selected works. M: Progress, 1990. (In Rus.)
9. Ortega y Gasset X. The uprising of the masses. Aesthetics. Philosophy of culture. Moscow: Art, 1991. (In Rus.)
10. Karmadonov, O. A., Zverev, M. K. Consolidation of Russian society: streams and barriers. Irkutsk: IGU Publishing House, 2012. (In Rus.)
11. Lebon, G. Psychology of peoples and masses. St. Petersburg: "Layout", 1995. (In Rus.)
12. Tarde, G. Public opinion and the crowd. M: Publishing house "KSP+", 1999. (In Rus.)
13. Fromm, E. The human soul. M.: Respublika, 1992. (In Rus.)
14. Schutz, A. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press, 1967. (In Engl.)
15. Moskovichi, S. Age of crowds. Historical treatise on the psychology of the masses. Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy, 1996. (In Rus.)
16. Smelser, N. J. Theory of Collective Behavior. New York: The Free Press, 1963. (In Engl.)
17. Elliott, R. N. R. N. Elliott's Masterworks: The Definitive Collection. Gainesville, GA: New Classics Library, 1994. (In Engl.)
18. Prechter, R. R. The Wave Principle of Human Social Behavior and the New Science of Socionomics. Gainesville: New Classic Library, 1999. (In Engl.)

19. Casti, J. L. *Mood Matters*. NY: Springer Science+Business Media, 2010. (In Engl.)
20. Keyes, C. L. M., & Shapiro, A. D. Social Well-Being in the United States: A Descriptive Epidemiology. In O. G. Brim, C. D. Ryff, & R. C. Kessler (Eds.), *How healthy are we? A national study of well-being at midlife*. The University of Chicago Press. 2004. Pp. 350–372. (In Engl.)
21. Robitschek, C., Keyes, C. L. M. Keyes's model of mental health with personal growth initiative as a parsimonious predictor. *Journal of Counseling Psychology*, vol 56, pp. 321–329, Apr. 2009. (In Engl.)
22. Keyes, C. L. M. Promoting and protecting mental health as flourishing: A complementary strategy for improving national mental health. *American Psychologist*, vol. 62, pp. 95–108, Feb.-Mar. 2007. (In Engl.)
23. Keyes, C. L. M., Shmotkin, D., & Ryff, C. D. Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 82, pp. 1007–1022, June 2002. (In Engl.)
24. Petrovsky, A. V., Yaroshevsky, M. G. *Psychology*. M: Publishing Center "Academy", 1998. (In Rus.)
25. Porshnev, B. F. *Social psychology and history*. M: Nauka, 1979. (In Rus.)
26. Parygin, B. D. *Public mood*. M: Thought, 1966. (In Rus.)
27. Polyushkevich, O. A. Trust in a changing world. *Sociology*, no. 2, pp. 87–92, 2021. (In Rus.)
28. Toshchenko, Zh. T., Kharchenko, S. V. *Social mood M*: Publishing house "Academia", 1996. (In Rus.)
29. Ward, L. *Mental factors of civilization*. St. Petersburg: Piter, 2002. (In Rus.)
30. Diener, E. Guidelines for national indicators of subjective well-being and ill-being. *Applied Research in Quality of Life*, no. 12, pp. 151–157, 2006. (In Engl.)
31. Soblonlidsuk, A., Silkapit, C., Konqsakon, R., et al. Factors influencing health related quality of life in chronic liver disease. *World J Gastroenterol*, no. 12, pp. 7786–7791, 2006. (In Engl.)
32. Cherepanova, M. I., Gorbunova, A. A., Saryglar, S. A. Social well-being of the population as an indicator of security and trust in the Altai Territory. *Society and Security Insights*, no. 1, pp. 90–101, 2020. DOI: 10.14258/ssi (2020)1-07. (In Rus.)

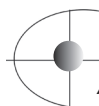
Information about author

Karmadonov Oleg A., Doctor of Philosophy, Professor; Institute of Social Sciences Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: karmado@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6440-1995>.

For citation

Karmadonov O. A. Pleasures and Hardships in Modern Life: A Subjective Dimension of Social Well-Being // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. Pp. 47–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-47-57.

Received: March 12, 2022; approved after reviewing April 17, 2022; accepted for publication April 22, 2022.

Научная статья

УДК 37.015.3+159.942

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-58-68

Иррациональные основы суицида

Роман Георгиевич Ардашев

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия
ardashev.rg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>

В статье рассматриваются теоретические исследования, посвящённые суицидам и суицидальному поведению, рассматриваются особенности развития этого явления в разных социальных группах, проводится общая типология уже проведённых исследований через призму осмысления воздействия социального опыта (внешних факторов давления, кризисных, стрессовых ситуаций) и внутриличностных проблем (связанных с особенностями личности, социализации и адаптации человека к внешним воздействиям и внутренним переживаниям и процессам). В работе приводятся результаты комплексного исследования иррациональных основ суицида. Первая основа строится на анализе материалов количественного опроса россиян (n-1200), проведённого в 2022 г. во всех регионах Российской Федерации. Вторая конструируется на интерпретации качественных данных – анализе экспертных интервью (n-18), в качестве экспертов – психологи, психотерапевты, психиатры, философы, криминалисты. Третья – анализ статей и публикаций в социальных сетях, популяризирующих идеи суицидального поведения (n-1620), это позволило выявить ключевые семантические лексемы, указывающие на основные причины и факторы развития суицидального поведения и суицидов. В результате исследования выявлено девять лексем: 1) возраст (17–21, 40–45, 55–65 лет); 2) ограничение эмоционально-чувственного опыта; 3) сложности в выстраивании коммуникаций в связи с собственной некомпетентностью или ограниченностью возможностей; 4) проблемы самоопределения в социуме (конфликт с группой, вынужденное противостояние – в семье, на работе, среди друзей); 5) слабо выраженное собственное мировоззрение; 6) чувство одиночества; 7) резкое расслоение людей по уровню и качеству жизни; 8) социальная инертность и фрустрация; 9) деструктивные увлечения (наркомания, пьянство). Использование этих методик исследования позволило дополнить и расширить изначальные материалы и данные работы, раскрыть потенциал взаимодействия на методологическом и практическом уровнях, выявить несколько перспективных тем для дальнейшего научного исследования. Указывается, что качество жизни строится на возможности прогнозировать будущее, профилактика суицидального поведения и суицида может стать основой для социальной стабильности и общественного воспроизводства.

Ключевые слова: суицид, иррациональные условия, суицидальное поведение, предпосылки, условия, социальные факторы

Original article

Irrational Foundations of Suicide

Roman G. Ardashev

Siberian Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia
ardachev.rg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>

The article discusses theoretical studies on suicides and suicidal behavior, discusses the features of the development of this phenomenon in different social groups, provides a general typology of studies already conducted through the prism of understanding the impact of social experience (external pressure factors, crisis, stressful situations) and intrapersonal problems (related to personality traits, socialization and adaptation of a person to external influences and internal experiences and processes). The paper also presents the results of a comprehensive study of the irrational foundations of suicide. The first is based on an analysis of the materials of a quantitative survey of Russians (n-1200) conducted in 2022 in all regions of the Russian Federation. The second one is constructed on the interpretation of qualitative data – the analysis of expert interviews (n-18), psychologists, psychotherapists, psychiatrists, philosophers, criminologists. The third is the analysis of articles and publications in social networks devoted to suicides and promoting suicidal behavior (n-1620), which made it possible to identify key semantic lexemes that indicate the main causes and factors in the development of sui-

cidal behavior and suicides. As a result of the study, we identified nine of them: 1) age (17–21, 40–45, 55–65); 2) limitation of emotional and sensory experience; 3) difficulties in building communications due to their own incompetence or limited opportunities; 4) problems of self-determination in society (conflict with a group, forced confrontation – in the family, at work, among friends); 5) weakly expressed own worldview; 6) feeling of loneliness; 7) a sharp stratification of people in terms of the level and quality of life; 8) social inertia and frustration; 9) destructive hobbies (drug addiction, drunkenness). The use of these research methods made it possible to supplement and expand the initial materials and data of the work, to reveal the potential for interaction at the methodological and practical level and to identify several prospects for topics for further scientific research. It is indicated that the quality of life is based on the ability to predict the future, the prevention of suicidal behavior and suicide can become the basis for social stability and social reproduction.

Keywords: suicide, irrational conditions, suicidal behavior, prerequisites, conditions, social factors

Введение. В современном обществе формируется множество проблем, которые строятся вокруг взаимоотношений личности и общества. Одной из таких проблем выступает суицид – преднамеренное, добровольное и самостоятельное лишение себя жизни. Это может быть формой привлечения внимания к себе, социальным протестом, психическим отклонением. В мире ежегодно до миллиона людей совершают самоубийство. Около 75 % из них – это люди, которые самостоятельно не могут решить свои проблемы и привлекают тем самым к себе внимание.

В научном дискурсе выделяют изучение явления суицида как социального явления (требования как члена определённой группы (подростковый суицид членов игры в социальных сетях «Синий кит», суицид на основе религиозных убеждений) для доказательства верности, правильности, доверия и т. д.), как условия психологических отклонений (депрессия, шизофрения и т. д.).

В научной практике выделяют следующие виды развития суицида: демонстративный (указывает на призыв о помощи, самонаказание, возможность изменить отношения в группе); истинный (хорошо спланированный, последовательный, обставленный – вызван желанием обратить на себя внимание из-за личностных характеристик и проблем); аффективный (вызван сужением фиксации фокуса сознания, сложностями на работе, в семье, болезнями, резким разрывом социальных связей).

Одним из первых социологов, кто обратил внимание на данную социальную аномию, стал Э. Дюркгейм [1]. По его мнению, психологических условий для самоубийства нет, есть только тотальное ощущение одиночества человека в мире, которое его и толкает на совершение этого аморального акта. Среди них – эгоистическое – самоубийство из себялюбия; альтруистическое – способность жертвовать собой; аномическое – со-

стояние отсутствия социальных норм; фатальное – вера в предопределённость бытия и небытия. Э. Дюркгейм утверждал, что суицид является исключительно личностным феноменом, и причина его – одиночество.

Э. Шнейдман выделил факторы суицида [2]. Одним из базовых факторов выступает душевная боль, которая с трудом переносится. При этом есть четыре типа людей с суицидальным поведением. Первый тип – инициаторы смерти, они осознают неизбежность смерти и своим поступком лишь приближают этот факт. Второй – искатели смерти, они твёрдо уверены в своём поступке, ищут смерть в любых местах и, как правило, находят её. Третий – игроки со смертью, они постоянно проверяют – смогут выиграть или нет свою жизнь и смерть, это представители экстремальных видов спорта. Четвёртый – отрицатели смерти, они не воспринимают смерть как конец жизни, как итог их существования. Развитию любого из этих факторов способствует личностная уязвимость, отсутствие социальной поддержки, потеря жизненных ориентиров, разрыв социальных связей.

Р. Баумейстер анализирует самоубийства с позиции избегания жизни, которая строится на страхе самосознания, причём чем лучше это осознаёт человек, тем он ближе к самоубийству [3].

Другие исследователи также рассматривали вопросы суицидального поведения в разных возрастных и социальных группах (П. Ю. Горяева [4]; Е. Г. Камалян и Е. А. Кудрявцева [5]; Р. М. Садыков и Н. Л. Большакова [6]; К. С. Соловьева [7]; М. Fristad и А. Shaver [8]; К. Hawton, К. E. Saunders и R. C. O'Connor [9]); выявляли специфику и закономерности, определяли условия и формы развития суицидальных наклонностей (П. В. Барышева, А. Ю. Чуракова и Д. Д. Николаева [10]; И. А. Лапин и Т. А. Рогачева [11]; В. С. Тибиркина и Г. М. Шигабет-

динова [12]; Л. С. Усманова [13]; J. M. Bostwick, C. Pabbati и J. R. Geske [14]; E. Klonsky и M. May [15]; M. Wall и другие [16]; S. Mirhashemi и другие [17]), особенности социальных условий и реакции окружения на суицид (Е. В. Борисоник [18]; Ю. В. Бутова и Л. Ф. Айзятова [19]; Е. Б. Любов, П. Б. Зотов и Б. С. Положий [20]; С. Ж. Рыспаева [21]; F. Bellivier и другие [22]; H. Koivumaa-Honkanen и другие [23]; A. M. May и S. E. Victor [24]; L. Sher и A. Vilens [25]), а также особенности расследования суицидов с позиции социологии права и криминалистики (Р. В. Ардашев [26; 27]; В. И. Жуков [28]; К. В. Корсаков [29; 30]). Наше исследование стало продолжением изучения в этом направлении, но мы стремились выявить иррациональные основы суицида.

Методология и методы исследования. Причинами современных суицидов всё чаще выступают социально-психологические условия, которые негативно влияют на адаптацию в меняющихся условиях, при регулярных психотравмирующих процессах. Кроме культурно-исторического (ритуального) характера суицидов рассматривается социально-психологическое напряжение, стимулирующее суицидальное поведение. В ходе исследования использовалась комплексная методология структурно-функционального анализа социальных процессов и индивидуально-личностных характеристик людей с тенденцией к аутоагрессивному поведению.

В опросе приняли участие 1 200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % мужчин и 45 % женщин. Все они проживают в разных регионах Российской Федерации (онлайн-опрос проходил на платформе www.google.com). Обработка данных проводилась через программу Statistic.

Следующий этап исследования состоял в экспертном интервью с психологами, психотерапевтами, психиатрами – теми, кто работает с людьми, склонными к суицидальному поведению или когда-либо имевшими попытку суицида (18 человек в возрасте от 30 до 60 лет, имеющих практику работы с подобной тематикой от 5 до 35 лет).

В ходе работы применялся метод контент-анализа проблемы распространения суицидального контента через социальные сети и медиасреду. Материалы социальных сетей отбирались по принципу представленности в тематических сообществах на

личных страницах рассматривались публикации, указывающие на склонность к суициду. В целом проанализировали 1 620 персональных социальных страниц. Обработка проводилась через программу AskNet, благодаря которой был проведён сравнительный семантический анализ публикаций.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате количественного исследования было установлено, что суициду как социальному явлению присущи такие характеристики, как сознательность (26,2 %), преднамеренность (24,3 %), самостоятельность (21,7 %), добровольность (19,9 %), на иные характеристики указали лишь 7,9 %.

При анализе экспертных интервью выявленные характеристики подтвердились и получили подробное описание:

– *Суицид – это всегда выбор и всегда включается работа сознания. Сознательность при совершении этого действия является базовой категорией для понимания. Другое дело, что сознание может строиться на иррациональных основаниях, ложных представлениях, но от этого не становится каким-то иным* (Т. Ю., психотерапевт, 39 лет).

– *Преднамеренность при совершении суицида очевидна. Она реализуется через последовательность действий, которые приводят к желанному результату. Если говорим о суицидальном поведении, то чаще с привлечением внимания к себе, если о свершённых суицидах – то фиксируем своё право на это действие, чаще всего с обвинением окружающих или конкретного человека в причинах этого поступка* (О. О., психиатр, 57 лет).

– *Суицид – это самостоятельное действие, даже если мы говорим о коллективном суициде – то его совершает каждый сам, поэтому самостоятельность как характеристика этого поступка выступает его базовой чертой* (А. В., психолог, 28 лет).

– *При суициде есть ещё одно важное явление – добровольность. Конечно, можно говорить о доведении до самоубийства, но совершение самого акта, всегда добровольное. Причиной тому может быть слабая воля, кризисный половозрастной или социально-профессиональное напряжение, сложности в семье, учёбе, работе – не важно, важно только одно, что добровольное желание совершить суицид возникает*

в условиях внутреннего напряжения и социального давления (М. А., психотерапевт, 44 года).

В представлениях россиян суицид чаще совершают молодые люди в возрасте от 17 до 21 года – так считает 66,4 % опрошенных; от 40 до 45 лет – 12,1 %; 55–65 лет – 7,2 %; остальные 14,3 % затруднились с ответом на этот вопрос. Тогда как эксперты указывали на примерно одинаковое соотношение распределения суицидов по разным кризисным возрастам.

Это свидетельствует о том, что в общественном мнении доминируют представления, сложившиеся на основе информационных потоков СМИ, а эксперты опираются на официальную статистику и свой собственный опыт. В СМИ чаще говорят о суициде подростков, нежели о сложностях и причинах суицида людей среднего возраста или пожилых:

– Суицид людей старших возрастных групп кроме как на специализированных конференциях, в узких профессиональных кругах взаимодействия практически не обсуждается на страницах СМИ. Общественность просто не догадывается, что происходит в сознании тех, у кого проявляется суицидальное поведение, тем более случился суицид. Необходимо максимально заниматься вопросами просвещения и расширения доступа к данным (О. Ю., психиатр, 50 лет).

– Подростковый и молодёжный суицид на слуху, более остро и открыто обсуждается в СМИ, тогда как суицид среди пенсионеров или ветеранов – практически табуированная тема. Это не принято. И тут мы видим воздействие социальных норм табу на предмет обсуждения – самоубийство. Уверен, если бы люди были более информированы о распространённости данного явления, они были бы более внимательны к своим близким, тогда суицидов было бы в разы меньше (П. А., психотерапевт, 57 лет).

В опросе респонденты указывали на эмоционально-чувственное неблагоприятное состояние, которое служит условием для суицида (54,3 %); на втором месте – когнитивно-рациональное решение как условие для суицида (17,2 %) и 28,5 % не смогли ответить на данный вопрос. Эксперты также указывают на первичность эмоционально-чувственного деструктивного состояния, которое приводит к суициду. Когнитивно-ра-

циональное в их ответах фактически не звучало вовсе. Иными словами, неспособность принять, прожить и трансформировать собственные эмоции подталкивает людей, находящихся в нестабильной ситуации, к суициду:

– Мы люди. И нами правят эмоции. Человек, совершивший суицид, – пример того, как лично он не справился с теми обстоятельствами в жизни, что вызывали у него шквал эмоций, которые принять и понять и тем более прожить нет возможности. Результатом этой способности не принимать себя и свои эмоции стал суицид (Т. Т., психолог, 40 лет).

– Важно не то, что ты делаешь, важно то, как к этому относишься, какие чувства и эмоции это вызывает. Можешь принять и преодолеть сложности в отношениях, с семьёй, друзьями, любимыми – всё хорошо, если нет – то депрессия как минимум обеспечена, а как максимум – суицид (Н. Н., философ, 33 года).

Во многом это условие для развития суицидального поведения обусловлено определёнными ожиданиями от других и их разрушением, восприятием окружающей реальности как враждебной. Завышенные ожидания и требования к другим приводят к разочарованию, неготовности противостоять и принимать иное мнение, позицию, чувства.

Результатом становятся проблемы в коммуникации, которые выражаются либо в чувствовании собственной уникальности, либо в открытом противостоянии с группой (семья, друзья, коллеги). По мнению россиян, отсутствие тех, кто понимает человека, становится поводом для суицида (семья не понимает – 45,7 %; друзья не понимают или их вовсе нет – 48,9 %; 5,4 % – затруднились с ответом).

Эксперты подтверждают эти данные:

– Без поддержки друзей и семьи человек быстрее закрывается, может озлобиться и если не удержит себя в рамках, то суицид может выступить как самый простой и быстрый способ решения проблем коммуникации (А. В., психолог, 28 лет).

– Семья – это та поддержка, которая на безусловном уровне выступает гарантом безопасности, если происходят внутрисемейные конфликты на фоне внешнего социального давления, то результат не заставляет себя ждать: деструктивные

мысли, депрессия, суицид могут стать реальностью для многих, кто не может принять данную ситуацию и справиться с ней также не в состоянии (В. В., психолог, 46 лет).

Стоит сказать, что россияне указывают на «слабую волю» (34,3 %), на «подверженность чужому воздействию» (31,1 %), «неготовность отстаивать свою точку зрения» (32,2 %); 2,4 % затруднились с ответом на вопрос о личных качествах тех, кто совершил суицид или обладает суицидальным поведением. Эксперты данные категории отнесли к явлению, называемому «отсутствие собственного мировоззрения», куда, по нашему мнению, входят те характеристики, что мы смогли выяснить при опросе населения:

– Умение мыслить, формировать собственную позицию, определять жизненные цели и задачи – вот отличие сформированной личности от той, которая легко подвергается влиянию извне из-за отсутствия уверенности в себе, отсутствия опоры на тех, кто рядом, и непонимания того, ради чего стоит жить (М. А., психотерапевт, 44 года).

– Мировоззрение определяет то, кто мы есть. Если человек не сформировал своё личное представление о себе, о мире, то мало вероятно, что он самостоятельно сможет определить, ради чего стоит жить, и тут на подмогу приходят другие, кто объясняет, что хорошо, а что плохо, как лучше себя вести, как доказать свою преданность и верность. Именно так вербуют в группы коллективных смертников подростков. Нет защиты у них, так как не сформировано собственное мировоззрение, поэтому тем, кто умеет это видеть, легко воздействовать. То же работает и с другими группами: чем ниже уровень осознанности и рефлексии, тем выше вероятность попасть под чужое влияние и совершить суицид (Т. Д., психотерапевт, 66 лет).

Следствием слабого мировоззрения является сложность с самоопределением. «Кто Я?» – ключевой вопрос, на который сложно ответить тому, у кого есть суицидальные наклонности, так считают 49,7 % опрошенных. Эксперты солидарны с респондентами в данном вопросе:

– Если не знаешь, кто ты есть, то тебе легко могут навязать чужое мнение о себе самом же и полностью контроли-

ровать твоё поведение через различные мессенджеры. Это очень важная черта личности – знать, Кто Я; если нет этого понимания, то риск суицида возрастает в разы (Л. Ю., криминалист, 35 лет).

– Кто Я – это основа личности. Без этого понимания нет восприятия самого себя как цельной составляющей, способной отвечать за свою жизнь. Это вопрос определения того, во имя чего я живу, как живу, с кем и т. д. (П. А., психолог, 33 года).

Одиночество как социальная проблема выступает продолжением личностных проблем. При невозможности его избежать присутствует постоянное ощущение непонятности окружением, никому ненужности, как следствие – суицидальное поведение, своеобразный способ привлечения внимания, а в некоторых случаях и завершённый суицид.

Россияне указывали на «одиночество», «внутреннее одиночество», «одиночество в толпе» (78,2 %), говоря о тех, кто совершил суицид. Эксперты также подтверждают данные ответы, указывая на экзистенциальные переживания, которые связаны с отсутствием мировоззрения и чувством пустоты и безысходности, одиночества в мире:

– Мы рождаемся одни и умираем одни, если человек не может это принять, то тенденции к суицидальному поведению в сложных кризисных ситуациях могут многократно усиливаться. Желание цепляться за других фатально и бессмысленно само по себе. Но на иррациональном уровне те, кто обладают слабой волей, ищут опору в других, не находя её – испытывают разочарование и одиночество. (С. С., философ, 51 год).

– Одиночество – это первопричина суицида, так как человек не нашёл опору в себе, он хочет найти поддержку в других, но не может. Люди зеркалят нас – если мы ничего им не даём, то и они нам не могут ничего дать. Это закон мира. Куда вкладываем, оттуда и получаем. Те, кто совершает суицид или обладает суицидальным поведением, не хотят отдавать, но хотят получать. Это противоречит законам мира, законам психики (Н. Г., психиатр, 47 лет).

Кроме того, актуальным процессом, который может подтолкнуть к суициду, выступает социальное расслоение. Особенно если оно произошло стремительно, в связи с потерей работы, вынужденной миграцией, резкими социальными и финансовыми

изменениями условий и качества жизни. Когда мир меняется на 180° и ты к этому не готов, возникает в сознании один выход из ситуации – суицид. Об этом говорят 56,8 % опрошенных. Среди экспертов данная тема воспринимается не столь однозначно (мнения разделились поровну). Одни говорят о важности этих условий в появлении суицидального поведения или суицида, другие считают эти факторы второстепенными:

– *Резкие социальные, профессиональные, жизненные перемены, к которым человек не готов ни психологически, ни материально, приводят к стрессу. Невозможность решить актуальные проблемы приводит к депрессии, апатии, чаще всего – к мыслям о суициде, особенно среди мужчин среднего и старшего возраста, когда приходит осознание, что нет возможности позаботиться о себе и своей семье. Чувство социальной растоптанности и невозможности что-либо изменить приводит к суициду* (А. А., психотерапевт, 43 года).

– *Социальные трансформации – это вторичный момент, это фон, на котором внутриличностные особенности не могут найти сферу и форму для собственной реализации. Суицид – это невозможность разрешения внутриличностного конфликта, где социальные негативные трансформации – лишь общий фон, но не ключевой фактор* (О. Г., психолог, 39 лет).

Социальная инертность, неготовность вовлекаться в социально значимые проекты, нести личную ответственность, создавать условия для личного развития выступают ещё одним поводом для развития суицидального поведения или суицида, так считают 52,2 % респондентов. Анализируя влияние данного фактора, эксперты отмечают, что чем больше человек вовлечён в социально-активную деятельность, тем меньше проявляются суицидальные склонности:

– *Жизненную активность, умение взаимодействовать с большим количеством людей, быть вовлечённым в разные проекты – залог профилактики любого суицидального поведения. Существуют и обратные стороны – эмоциональная закрытость, инертность мышления, что указывает на человека, склонного к суициду. Фрустрация заложена в таких людях ими же самими – и тут нужен лишь малейший повод, чтобы ситуация стала стреми-*

тельно развиваться по деструктивному пути (К. В., психиатр, 50 лет).

– *Социальная открытость – это возможность иметь здоровую психику, инертность и закрытость на уровне эмоций, когнитивных действий приводит к суицидальным рискам. Это разделение мира на тех, кто может и хочет, и тех, кто хочет, но не может, и результатом этого может стать суицид* (В. В., психолог, 46 лет).

При этом очевидные причины суицида – деструктивные увлечения (наркомания, пьянство и т. д.) и экспертами, и опрошенными россиянами относятся на последнее место (34,2 %). Эксперты указывали на то, что деструктивные увлечения – следствие проблем, связанных с отсутствием собственного мировоззрения, круга друзей, поддержки семьи, с одиночеством. Суицид воспроизводится как случайность, результат других, более глубоких трансформаций, внешнее проявление внутренних противоречий, вместе с тем пьянство и алкоголизм – внешнее проявление внутренних проблем:

– *Наркотики, алкоголь – это маски для прикрытия внутренних проблем. Суицид, который совершают в алкогольном или наркотическом опьянении, – это не всегда продуманный шаг, это, скорее, случайная фатальная ошибка, которую уже не исправить* (Р. А., психолог, 36 лет).

– *Деструктивные увлечения выступают следствием или ширмой для внутренних противоречий. Суицид под воздействием любых препаратов, – как правило, спонтанное желание, но от того не менее печальное. Борьба с деструктивными увлечениями родственников или в специальных клиниках, по сути, не решит проблему, так как это следствие, как и сам суицид. Необходимо работать с первопричинами, которые не осознают и сами лица, имеющие склонности к суицидальному поведению* (Н. Г., психиатр, 47 лет).

Таким образом, результаты качественного и количественного исследований показали схожие факторы развития суицидального поведения и совершения суицида. Изучение личных социальных страниц в социальных сетях и контент-анализ статей и публикаций в социальных сетях, посвящённых суицидам и способствующих суицидальному поведению, позволило определить те же факторы. Более детальный анализ представлен в таблице.

Семантический контент-анализ статей и публикаций в социальных сетях, посвящённых суицидам и способствующих суицидальному поведению

Факторы	Лексемы	Количество участников, %
Возраст	Возраст непонимания; возраст протеста; возраст бунтарства	8,6
Эмоционально-чувственное переживание	Тошнота от безликой массы; ненависть ко всему миру; жизнь на грани смерти	17,4
Сложности с коммуникацией	Нет тех, кто мог бы понять; отсутствие диалога; нет друга	15,8
Проблемы самоопределения	Неясно, кто Я; кто Я; я – пустота, я в пустоте	13,3
Слабое собственное мировоззрение	Интересные взгляды тех, кто рядом; меня понимают не те, с кем я каждый день вижусь, а те, кого даже никогда не видела	14,9
Одиночество	Меня никто не ждёт; меня никто не понимает; я всегда одинок	11,2
Резкое социальное расслоение	Потеря всего приводит к тотальной пустоте; Я перестал быть собой, я потерял все, что имел; я не могу быть собой, потому что потерял всё, что было важно ранее	7,1
Социальная инертность	Я не хочу вовлекаться ни во что – важно только то, что касается непосредственно меня; я нахожусь в закрытом пространстве и мне больше ничего не надо; я не участвую в грязи этого мира и понимаю, что я ему не нужен	10,4
Деструктивные увлечения	Наркотики снимают напряжение, помогают бороться с чувством одиночества; алкоголь – лучший способ увидеть краски мира; я начинаю видеть мир иначе, когда пью вино и курю травку	1,3

Как показал анализ результатов опроса, семантическое распределение по названиям или хештегам (если таковые были) указывает на темы тех публикаций, что интересны людям, склонным к суицидальному поведению, состоящих в соответствующих социальных группах и транслирующих своё состояние через социальные сети. На первом месте – эмоции (17,4 %), коммуникации (15,8 %), мировоззрение (14,9 %) и самоопределение (13,3 %) – четыре основные составляющие публикаций, которые касаются самоубийства, что позволяет косвенно получить подтверждение информации по полученным ранее данным. Одиночество (11,2 %) и социальная инертность (10,4 %) – на втором месте. Сами по себе эти показатели указывают на закрытость, не предполагающую публичное освещение данных вопросов. При этом они могут освещаться в публикациях с разных сторон. На третьем месте – возраст (8,6 %) и социальное расслоение (7,1 %). Уровень

проникновения интернета в молодой категории значительно превышает показатели среди людей старшего возраста, они не готовы публично заявлять о резких изменениях в социальном положении, тем более, складывающихся не лучшим образом. Неопределённость негативно влияет на психологическое состояние пожилых людей, которые, как правило, изолированы от социальных сетей. Недостаточно публикаций на тему деструктивных увлечений (1,3 %), что связано с общим социальным неодобрением данного типа поведения, трансляция перемен в жизни через социальные сети не одобряется.

Полученные данные раскрывают особенности социального моделирования суицидального поведения и совершения суицидов в разных социальных группах. Иррациональные условия для суицидального поведения и суицида являются основными, поэтому их необходимо детально и последовательно изучать.

Суицид как социальная проблема опирается на иррациональные личные переживания, она не может решаться шаблонно и однотипно. Разные условия и механизмы срабатывают в неодинаковых условиях и требуют вдумчивой работы с людьми, склонными к суицидальному поведению.

Важно понимать необходимость социальной профилактики суицидального поведения, проведения публичных разъяснительных мероприятий, а также социальной активности тех, кто заинтересован в изменении ситуации с суицидами. Это касается как профессионального сообщества психологов, психиатров, психотерапевтов, философов, криминалистов и т. д., так и волонтеров, членов семей с людьми, совершавшими попытки суицида.

В настоящее время мы сталкиваемся с тем, что в профессиональном сообществе есть осознание проблемы, причины и последствий её развития. В общественном сознании конструируются домыслы и догадки, которые не всегда опираются на верные убеждения, тем самым иррациональные основы только усиливаются. Без объективной взвешенной ситуации нет понимания того, как надо действовать. Промедление может стать поводом для фатальности ситуации.

Таким образом, в результате исследования выделены несколько факторов, способствующих развитию иррациональных условий суицидального поведения и совершению суицида:

1. Возраст как фактор психической неустойчивости, он совпадает с жизненными кризисами (17–21, 40–45, 55–65 лет). В оценках общественности суицидальные попытки чаще совершаются в молодом возрасте, тогда как эксперты говорят примерно об одинаковом распределении. Изменение представлений о данной проблеме стоит начинать с более открытого диалога и обсуждения данных вопросов, не замалчивая проблемы, способствуя выработке мер по их решению.

2. Ограничение эмоционально-чувственного опыта (разрыв связи с родственниками, разрыв отношений, разрыв дружеских связей).

3. Сложности в выстраивании коммуникаций в связи с собственной некомпетентностью или ограниченностью возможностей.

4. Проблемы самоопределения в социуме (конфликт с группой, вынужденное противостояние – в семье, на работе, среди друзей).

5. Слабо выраженное собственное мировоззрение.

6. Чувство одиночества.

7. Разделение групп населения по уровню и качеству жизни, маргинализация и люмпенизация населения, необеспеченность необходимыми условиями жизни.

8. Социальная инертность и фрустрация.

9. Деструктивные увлечения (наркомания, пьянство).

Перечисленные сферы требуют пристального внимания, необходимо осуществлять непрерывную психопрофилактику суицидального поведения.

Заключение. Причинами суицида становятся иррациональные переживания, основанные на чувстве безнадежности, импульсивности, сложностях в решении проблем в целом, на конфликте в отношениях, сказывается отсутствие денег, работы. Эксперты учитывают как социальные, так и личностно-психологические особенности человека. Выявленные нами девять факторов, способствующих суицидальному поведению и факту суицида, выступают основой для развития профилактики этого явления, расширения публичности и освещения этого вопроса с разных сторон.

Данная тема требует детального и более длительного изучения, она позволяет не только понять внутриличностную динамику развития суицидального поведения, но и проследить, как и какие именно внешние условия способствуют развитию суицидов в разных социальных, гендерных и возрастных группах. Предполагаем, что существуют культурные и национальные особенности совершения суицидов и формирования суицидального поведения, что становится темой для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Durkheim E. Le Suicide. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1967. 462 p.
2. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
3. Baumeister R. F. Suicide as escape from self. Psychological Review, 1999. Pp. 90–113.
4. Горяева П. Ю. Суицид как экзистенциальный выбор // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 148–161. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161.

5. Камалян Е. Г., Кудрявцева Е. А. Депрессия и суицид в представлении воронежской молодёжи // Гуманитарный трактат. 2020. № 80. С. 12–15.
6. Садыков Р. М., Большакова Н. Л. Суицид среди молодёжи как социальная проблема в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 9. С. 37–43.
7. Соловьева К. С. Подростковый суицид как отражение реалий современного информационного общества // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2-2. С. 458–469.
8. Fristad M., Shaver A. Psychosocial interventions for suicidal children and adolescents // Depression and Anxiety. 2001. No. 14. Pp. 192–197.
9. Hawton K., Saunders K. E., & O'Connor R. C. Self-harm and suicide in adolescents // The Lancet. 2012. No. 379. Pp. 2373–2382.
10. Барышева П. В., Чуракова А. Ю., Николаева Д. Д. Самоповреждение и суицид. Эпидемиология, классификация и лечение // Молодой учёный. 2021. № 53. С. 188–191.
11. Лапин И. А., Рогачева Т. А. Клинико-психологические корреляты суицида у больных с депрессиями // Социальная и клиническая психиатрия. 2019. № 1. С. 10–15.
12. Тибиркина В. С., Шигабетдинова Г. М. Суицид и суицидальное поведение: исследование групп в социальных сетях // Студенческий вестник. 2019. № 24-1. С. 46–47.
13. Усманова Л. С. Мемы про суицид как разновидность чёрного юмора в интернете // Вестник Международного института рынка. 2020. № 2. С. 90–94.
14. Bostwick J. M., Pabbati C., Geske J. R. et al. Suicide attempt as a risk factor for completed suicide: even more lethal than we knew. American Journal of Psychiatry. 2016. August. Pp. 173–193.
15. Klonsky E., May M., Saffer. Suicide, Suicide Attempts and Suicidal Ideation // Annual Review of Clinical Psychology. 2016. March. Pp. 307–330.
16. Wall M., Wang S., Crystal S., Gerhard T., Blanco C. Suicide Following Deliberate Self-Harm Mark Olfson // Psychiatry. 2017. August. Pp. 71–84.
17. Mirhashemi S., Motamedi M., Mirhashem A., Taghipou H., Danial Z. Suicide and suicidal behavior // The Lancet. 2016. Vol. 387. January. Pp. 29–40.
18. Борисоник Е. В. Завершённый суицид и суицидальная попытка близкого человека как ситуация экстремального стресса для ближайшего окружения // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 1. С. 62–67. DOI: 10.17759/jmfp.2020090106.
19. Бурова Ю. В., Айзятова Л. Ф. Суицид как деструкция современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8. С. 66–70.
20. Любов Е. Б., Зотов П. Б., Положий Б. С. Пандемии и суицид: идеальный шторм и момент истины // Суицидология. 2020. Т. 11, № 1. С. 3–38. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38.
21. Рыспаева С. Ж. Суицид – экзистенциальный выбор (социологический анализ) // Проблемы науки. 2019. № 5. С. 90–94. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161.
22. Bellivier F., Jollant, F., Leboyer, M., Astruc, B., Torres, S., Verdier, R., Courtet, P. Impaired Decision Making in Suicide Attempters // American Journal of Psychiatry. 2005. No. 162. Pp. 304–310.
23. Koivumaa-Honkanen H., Honkanen R., Viinämäki, H. Heikkilä, K. Kaprio, Koskenvuo M. Life Satisfaction and Suicide: A 20-Year Follow-Up Study // American Journal of Psychiatry. 2001. No. 158. Pp. 433–439.
24. May A. M., & Victor S. E. From ideation to action: recent advances in understanding suicide capability // Current Opinion in Psychology. 2018. May. Pp. 44–67.
25. Sher L., Vilens A. Internet and suicide. New York: Nova Science, 2009. 452 p.
26. Ардашев Р. Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряжённых с посткриминальным суицидом правонарушителя: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во ИрННТУ, 2015. 220 с.
27. Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. Посткриминальный суицид убийц: криминалистическое обеспечение расследования: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 216 с.
28. Жуков В. И. Суицид в парадигме социальной аддикции и психологии права // Государство и право. 2022. № 1. С. 75–82.
29. Корсаков К. В. Суицид в фокусе криминологической науки // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 108–119. DOI: 10.17759/psylaw.2020100308.
30. Корсаков К. В. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 3. С. 147–159.

Информация об авторе

Ардашев Роман Георгиевич, кандидат юридических наук; Сибирский юридический институт МВД России; 660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20; e-mail: ardashev.rg@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>.

Для цитирования

Ардасhev Р. Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 58–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-58-68.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 25.04.2022.

References

1. Durkheim, E. *Le Suicide*. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1967. (In Engl.)
2. Shneidman, E. *The soul of a suicide*. M: Smysl, 2001. (In Rus.)
3. Baumeister, R. F. Suicide as escape from self. *Psychological Review*, 1999: 90–113. (In Engl.)
4. Goryaeva, P. Yu. Suicide as an existential choice. *Reflexio*, no. 1, pp. 148–161, 2020. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161> (In Rus.)
5. Kamalyan, E. G., Kudryavtseva, E. A. Depression and suicide in the view of the Voronezh youth. *Humanitarian treatise*, no. 80, pp. 12–15, 2020. (In Rus.)
6. Sadykov, R. M., Bol'shakova, N. L. Suicide among youth as a social problem in modern Russia. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, no. 9, pp. 37–43, 2019. (In Rus.)
7. Solov'eva, K. S. Teenage suicide as a reflection of the realities of the modern information society. *Ideas and ideals*, no. 2-2, pp. 458–469, 2021. (In Rus.)
8. Fristad, M., Shaver, A. Psychosocial interventions for suicidal children and adolescents. *Depression and Anxiety*, no. 14, pp. 192–197, 2001. (In Engl.)
9. Hawton, K., Saunders, K. E., & O'Connor, R. C. Self-harm and suicide in adolescents. *The Lancet*, no. 379, pp. 2373–2382, 2021. (In Engl.)
10. Barysheva, P. V., Churakova, A. Yu., Nikolaeva, D. D. Self harm and suicide. *epidemiology, classification and treatment. Young scientist*, no. 53, pp. 188–191, 2021. (In Rus.)
11. Lapin, I. A., Rogacheva, T. A. Clinical and psychological correlates of suicide in patients with depression. *Social and Clinical Psychiatry*, no. 1, pp. 10–15, 2019. (In Rus.)
12. Tibirkina, V. S., Shigabedinova, G. M. Suicide and suicidal behavior: a study of groups in social networks. *Student Bulletin*, no. 24-1, pp. 46–47, 2019. (In Rus.)
13. Usmanova, L. S. Memes about suicide as a kind of black humor on the Internet. *Bulletin of the International Market Institute*, no. S2, pp. 90–94, 2020. (In Rus.)
14. Bostwick, J. M., Pabbati, C., Geske, J. R. et al.: Suicide attempt as a risk factor for completed suicide: even more lethal than we knew. *Am J Psychiatry* 2016: 173–193. (In Engl.)
15. Klonsky, E., May, M., Saffer, B. Y. Suicide. Suicide Attempts, and Suicidal Ideation. *Annual Review of Clinical Psychology*, March 2016. 307–330. (In Engl.)
16. Wall M., Wang S., Crystal S., Gerhard T., Blanco C. Suicide Following Deliberate Self-Harm Mark Olfson, *Psychiatry*, August 2017: 71–84. (In Engl.)
17. Mirhashemi, S., Motamedi, M., Mirhashem, A., Taghipou, H., Danial, Z. Suicide and suicidal behavior. *The Lancet*, volume 387, pp. 29–40, January 2016. (In Engl.)
18. Borisonic, E. V. Completed suicide and suicide attempt of a loved one as a situation of extreme stress for the immediate environment // *Modern foreign psychology*, vol. 9, no. 1, pp. 62–67. 2020. DOI: 10.17759/jmfp.2020090106 (In Rus.)
19. Burova, Yu. V., Aizyatova, L. F. Suicide as a destruction of modern society. *Society: politics, economics*, no. 8, pp. 66–70, 2021. (In Rus.)
20. Lyubov, E. B., Zotov, P. B., Polozhiy, B. S. Pandemics and suicide: the perfect storm and the moment of truth. *Suicidology*, no. 1, pp. 3–38, 2020. DOI:10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38. (In Rus.)
21. Ryspaeva, S. Zh. Suicide – an existential choice (sociological analysis). *Problems of Science*, no. 5, pp. 90–94, 2019. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161. (In Rus.)
22. Bellivier, F., Jollant, F., Leboyer, M., Astruc, B., Torres, S., Verdier, R., Courtet, P. Impaired Decision Making in Suicide Attempters. *American Journal of Psychiatry*, 2005162 (2), pp. 304–310. (In Engl.)
23. Koivumaa-Honkanen, H., Honkanen, R., Viinamäki, H., Heikkilä, K., Kaprio, J., & Koskenvuo, M. Life Satisfaction and Suicide: A 20-Year Follow-Up Study. *American Journal of Psychiatry*, no. 158, pp. 433–439, 2001. (In Engl.)
24. May, A. M., & Victor, S. E. From ideation to action: recent advances in understanding suicide capability. *Current Opinion in Psychology*, pp. 44–67, 2018. (In Engl.)
25. Sher L., Vilens, A. *Internet and suicide*. New York: Nova Science, 2009. (In Engl.)
26. Ardashev, R. G. *Questions of theory and practice of investigation of murders associated with post-criminal suicide of the offender*. Irkutsk: Izd-vo IrNITU, 2015. (In Rus.)
27. Ardashev, R. G., Kitaev, N. N. *Post-criminal suicide of murderers: forensic support of the investigation*. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. state un-ta, 2020. 216 p. (In Rus.)

28. Zhukov, V. I. Suicide in the paradigm of social addiction and psychology of law. State and Law, no. 1, pp. 75–82, 2022. (In Rus.)

29. Korsakov, K. V. Suicide in the focus of criminological science. Psychology and Law, no. 3, pp. 108–119, 2020. DOI: 10.17759/psylaw.2020100308 (In Rus.)

30. Korsakov, K. V. Religious approach to crime and punishment: from the principle of talion and blood feud to the doctrine of repentance. Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, no. 3, pp. 147–159, 2015. (In Rus.)

Information about author

Ardashev Roman G., Candidate of Legal Sciences; Siberian Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia; 20 Rokossovskogo st., Krasnoyarsk, 660131, Russia; e-mail: ardachev.rg@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>.

For citation

Ardashev R. G. Irrational Foundations of Suicide // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 58–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-58-68.

Received: March 16, 2022; approved after reviewing April 20, 2022; accepted for publication April 25, 2022.

Научная статья**УДК 1****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81****Национальная идентичность: тенденции трансформации****Любовь Игоревна Седова***Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия*
lyubovmiklina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3420-8737>

Актуальность исследования проблемы национальной идентификации определяется перманентными, разнонаправленными социокультурными изменениями, сопровождающими становление и развитие информационного общества как на глобальном, так и на локальном уровне. Эти изменения обусловлены последствиями глобализации, развитием информационных и телекоммуникационных технологий, интенсификацией культурного обмена и доминированием массовой культуры. Цель исследования – выявить ключевые тенденции трансформации национальной идентичности. Новизна полученных результатов заключается в определении трендов идентификации на национальной основе, характерных для большинства обществ, вступивших в информационную стадию развития, а также особенностей формирования российской идентичности на современном этапе. Теоретико-методологическая база работы образована широким спектром концепций отечественных и зарубежных исследователей в области теорий информационного общества и социальной идентичности. При постановке проблемы и обосновании теоретических основ исследования применялись аналитический и компаративный методы; в качестве метода сбора данных послужил анкетный опрос. В части обсуждения результатов исследования, обобщения полученных данных и формулировки выводов использовался метод систематизации и синтеза. Применение указанных методов позволило обозначить ряд тенденций трансформации национальной идентичности в условиях информационного общества. В частности, отмечено кризисное состояние самоопределения на национальной основе, распространение партикуляризма и сосуществование множества конкурирующих между собой локальных идентичностей, обращение к базовым для культуры ценностям в поисках основ национальной общности. Практическая значимость исследования определяется ценностью полученных результатов с точки зрения их использования специалистами в области социальной философии и философии истории, социальной психологии и смежных дисциплин.

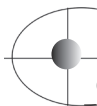
Ключевые слова: информационное общество, глобализация, идентичность, социальная идентичность, национальная идентичность, традиционные ценности

Original article**National Identity: Transformation Trends****Lyubov I. Sedova***Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*
lyubovmiklina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3420-8737>

The significance of this study is determined by the permanent, multidirectional social and cultural transformations both at the global and local levels that occur in the information society. These changes are caused by globalization, development of information and telecommunication technologies, intensification of cultural exchange and extension of mass culture. The purpose of this paper is to identify the most important transformation trends of the national identity. The originality of the results is presented by: (1) the definition of the main trends of national identification process in information society; (2) the study of the specialty of Russian identity. The theoretical and methodological basis of the article is formed by the wide range of domestic and foreign theories. These theories are dedicated to the problems of information society and social identity. We use analytical and comparative methods at the stage of formulation the problem and substantiating the theoretical foundations of the study. We also worked out the questionnaire, which was used during data collection. In the part of the project dedicated to the discussing the results and making conclusions, the method of systematization and synthesis was used. These methods allow us to identify some transformation trends of national identity in the information society. In particular, the crisis of national (state) identity, the spread of particularism and the coexistence of many competing local identities, an appeal to the basic culture values in search of the foundations of a national com-

© Седова Л. И., 2022

munity were distinguished. The practical significance of the study is determined by the value of the results for the specialists in social philosophy, philosophy of history, social psychology and related disciplines.

Keywords: information society, globalization, identity, social identity, national identity, traditional values

Введение. Анализ проблемы идентичности в социально-философском ракурсе составляет предмет интереса исследователей различных научных школ, как отечественных, так и зарубежных. Актуальность и высокая значимость этой темы для современного общества информационного типа вызвана рядом социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI в. В первую очередь, становление информационного общества подразумевает ускорение развития телекоммуникационных технологий и средств связи, что интенсифицирует социальный и культурный обмен между странами, народами и этносами. Во-вторых, возрастающие темпы глобализации влекут за собой обратные тенденции – к поиску объединяющих факторов локального (этнического, религиозного) характера. В-третьих, становление и развитие массовой культуры, охватывающей более широкий круг аудитории, и повышение доступности информации в целом способствуют распространению релятивистских ценностей, плюрализации стилей жизни и образцов поведения. В-четвёртых, появление новых возможностей накопления и передачи больших объемов информации (так называемых «больших данных») преобразует формы и инструменты сохранения коллективных воспоминаний, лежащих в основе самоопределения индивидов и сообществ различных масштабов. Всё это провоцирует трансформации в поле национальной идентичности, понимание и объяснение которых необходимо для обеспечения социальной интеграции на макроуровне.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить ключевые тенденции трансформации национальной идентичности. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: определить понятие и особенности информационного общества; выбрать теоретико-методологический подход к исследованию феномена идентичности; раскрыть место национальной идентичности в структуре социальной, обозначить её сущностные свойства; выявить тенденции трансформации национальной идентичности, обусловленные особенностями информационного общества; уста-

новить специфику формирования общероссийской идентичности.

Новизна исследования определяется тем, что в результате анализа и систематизации теоретических и эмпирических работ отечественных и зарубежных авторов сформулированы общие тренды национальной идентификации, характерные для информационного общества. Аналитически выделены особенности формирования общероссийской идентичности, на примере молодёжи показаны противоречивые тенденции в отношении ценностного аспекта самоопределения. Практическая значимость исследования определяется новизной и ценностью полученных результатов с точки зрения их использования специалистами в области социальной философии и философии истории, социальной психологии и смежных дисциплин. На основании развёрнутого анализа с привлечением широкой базы источников получены выводы, дополняющие процессуальный подход в понимании феномена идентичности.

Понятие идентичности в социально-гуманитарном знании может рассматриваться как минимум с точки зрения трёх подходов [1, с. 40]. По хронологии появления первым можно считать микросоциологическое направление, сформировавшееся в 1970-х гг., в первую очередь, в русле теорий символического интеракционизма. В микросоциологии идентичность трактовалась как естественная данность или атрибут индивидуального Я. В данном значении этот термин использовал Э. Эриксон, которому и принадлежит заслуга введения понятия «идентичность» в психологию [2, с. 17]. Первый подход складывался, таким образом, на пересечении социологических и психологических исследований. Последующий за микросоциологическим антиэссенциалистский подход основывался на социальном конструктивизме и вследствие этого особое внимание уделял агентам социализации, участвующим в формировании идентичности, таким как расовые, этнические, национальные и другие общности. Согласно принципам социального конструктивизма на первый план выдвигался динамический характер идентичности, ведущая роль отводилась когнитивным практикам.

Представители социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман отмечали взаимосвязь объективного (структурного) и субъективного (индивидуального) факторов формирования идентичности. «Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже её переформируя» [3, с. 280]. Исторически сложившиеся социальные структуры опосредуют образование определённых типов идентичности, верифицируемых в повседневном взаимодействии.

Трансформации в науке и обществе повлекли за собой отказ от крайних позиций в понимании идентичности, что в настоящее время даёт возможность анализировать структурное разнообразие феномена. Становление процессуального направления связано, во-первых, с тенденцией к синтезу научных подходов (натуралистически-эссенциалистской и антиэссенциалистской точек зрения), во-вторых, с необходимостью описания и объяснения трансформаций идентичности, механизмов её обновления. Теория ставит акцент на категории «идентификации» – процессе поиска и обретения самоопределения.

Так, М. Кастельс под идентичностью понимает «процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесённость с другими социальными структурами» [4, с. 43]. Специфика современного информационного (информационального) общества определяется, по мнению автора, преобладанием идентичности как центрального организующего принципа. В границах процессуального подхода акцент ставится на восприятии актором многообразия форм самоопределения и подвижности выбора своего Я.

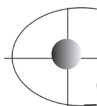
Комплексное понимание феномена предполагает дополнение процессуального подхода онтологическим. Целесообразно признание исходного, примордиального характера поиска самоопределения в его взаимосвязи со структурой потребностей

личности. Архаичность идентичности коррелирует с особой ролью аффективных, неосознаваемых компонентов, отличающих её от самосознания. И. В. Малыгина связывает генезис идентичности с действием двух сил: прогрессивной и регрессивной [5]. Исторически первая – прогрессивная – направлена на отделение человеческой личности от природы. Вторая реализует потребность в отнесении к культуре, её ценностно-символическому пространству, посредством чего обретается новая форма единства со средой.

Сложность и многовариантность социальных и культурных изменений современного общества предопределяет формирование целого ряда подходов, каждый из которых стремится объяснить особенности и закономерности этих изменений в определённом ракурсе. Одним из ведущих направлений в понимании специфики современного этапа развития с конца 60-х гг. XX в. остаётся концепция информационного общества. Она позволяет выделить ключевые тенденции трансформации национальной идентичности, общие для группы стран, в ракурсе процесса информатизации.

Теория информационного общества внутренне неоднородна и отличается разнообразием акцентов, неоднозначностью критериев, позволяющих отличить современный тип социального устройства. Д. Белл в 1980-х гг. наделял информационное общество всеми характеристиками постиндустриального, а сам термин использовал для описания специфических изменений в социальной структуре, вызванных повышением значимости информации и знания, интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий [6]. Со времён первых теоретиков и практиков информационного общества концепция подверглась существенным изменениям, появился целый ряд синонимичных понятий («общество знания», «сервисное общество», «экономика знания» и др.). В отечественной литературе сложилось множество определений, не всегда коррелирующих с западной традицией, в рамках которой термин и концепция были сформированы.

При всём многообразии трактовок можно выделить ограниченное число признаков информационного общества, задающих его сущностные свойства. И. Ю. Алексеева к таким признакам относит высокий уровень

развития телекоммуникационных и информационных технологий и инфраструктуры, совершенствование компьютерной техники, увеличение доступности информации, превращение информации и знания в стратегический ресурс общества [7, с. 30–32]. С позиции исследования социальной идентичности стоит отметить расширение объема и источников информации, интенсификацию её обмена и потребления, в первую очередь благодаря массмедиа.

М. Кастельс вводит понятие «информационное общество», призванное подчеркнуть фундаментальную роль информации в формировании нового способа развития. Предложенное автором аналитическое и методологическое разграничение «информационного» и «информационального» основано на утверждении о том, что информация как таковая служила важным ресурсом во всех типах обществ, в том числе индустриальном. Отличительной особенностью современного этапа становится, по М. Кастельсу, придание информации статуса основного источника производительности и власти.

Многоаспектность проблемы идентичности отражается в двух формах существования рассматриваемого явления. Первая, базирующаяся на трактовке идентичности в русле психологии и социальной психологии, заключается в той части «я-концепции», которая отвечает за психологическую целостность и самоидентичность личности. Вторая форма основана на социологическом понимании идентичности и переносит акцент на идентификационные процессы в группе, рассматривая социальную идентичность как результат отождествления с коллективом. В. С. Малахов подчеркивает, что идентичность – всегда атрибут индивида, говорить об идентичности сообществ можно только в метафорическом смысле¹. Подобного рода образования не существуют как целостные единицы, но распадаются в конечном счёте на множество идентичностей входящих в них индивидов.

Различают индивидуальную (личную) и социальную идентичность или, в терминологии И. В. Малыгиной, индивидуальную и коллективную формы социальной идентичности. Диалектика двух форм описывается Я. Ассманом следующим образом:

¹ Малахов В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / под ред. В. С. Стёпина [и др.]. – М.: Мысль, 2010. – С. 78.

– «я-идентичность» приобретает только благодаря включённости в коммуникационные процессы, принадлежности к группе и причастности к представлению группы о себе; формирование «я-идентичности» представляет собой основанный на общем понимании смыслов символического пространства процесс взаимодействия с «обобщёнными» и «значимыми другими», в результате чего образуется некое «зеркальное я»;

– «мы-идентичность» не существует независимо от членов группы, но только в их сознании и благодаря ему, в той степени, в которой она способна направлять их мышление и мотивировать действия [8].

И. В. Малыгина отмечает, что в свете социокультурной динамики соотношение между индивидуальной и коллективной формами социальной идентичности таково, что усложнение и возникновение новых проявлений индивидуальной сопровождается ослаблением роли коллективной идентичности в социальных процессах на всех уровнях.

Среди социально значимых критериев самоотождествления можно указать этнические, национальные, религиозные, профессиональные, территориальные, гендерные и другие. Соответственно, в зависимости от типа сообщества, с которым происходит отождествление, выделяют этническую, национальную, гражданскую, профессиональную и другие виды идентичности.

Понятия национальной и гражданской идентичности близки по смыслу и в зависимости от теоретического подхода к их определению синонимичны либо рядоположны друг другу. Так, в концепциях Б. Андерсона, Э. Смита и Э. Геллнера нация определяется как общность, организованная по государственно-политическому признаку [9–11]. В данном подходе понятия национальной и гражданской идентичности совпадают по смыслу. Согласно И. В. Малыгиной, национальная идентичность составляет наиболее поздний слой этнокультурной идентичности в её «вертикальном» или диахроническом аспекте. При этом нижний слой занимает родовая идентичность, а средний – собственно этническая [12, с. 242–243]. Три пласта идентичности наслаивались друг на друга последовательно в процессе культурно-исторической динамики, развиваясь по принципу взаимодополнительности. Каждой форме соответствует самоидентификат,

роль которого состоит в объединении тех, кто признаёт свою принадлежность к сообществу.

В. А. Тишков определяет национальную (общую для граждан страны) идентичность как «государственно-территориальную, политико-правовую общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-нравственных характеристик» [13, с. 108]. Это один из видов коллективной или «мы-идентичности», который складывается по принципу принадлежности к нации. Национальная идентичность отражает разделяемые всеми (большинством) граждан представления о своей стране, немаловажную роль в формировании которых играют обобщённые образы страны и народа.

Национальная идентичность образуется сочетанием когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. М. Барретт к когнитивным аспектам национальной идентичности относит: знание (осведомлённость) о существовании национальной группы; категоризацию себя в качестве члена национальной группы; знание о национальной географической территории; знание национальных символов; обыденные (имплицитные) представления относительно общего происхождения, общности родства; представление о типичных характерных чертах членов нации (национальные стереотипы); чувство аутентичности – представление о себе самом по отношению к национальной группе; представление об оценке собственной нации членами других наций [14, с. 25].

Аффективные (эмоциональные) аспекты национальной идентичности включают: субъективную важность национальной идентичности для индивида; ценность членства в национальной общности; привязанность к национальной идентичности и территории; чувства по отношению к членам собственной нации (к отдельным индивидуумам и к нации в целом); чувство персонального членства/принадлежности к национальной группе или степень, в которой индивид ощущает персональную принадлежность к национальному сообществу.

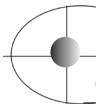
Поведенческий компонент национальной идентичности описывает практики манифестации, которые в случае индивидуальной формы презентуют принадлежность к общности, в случае коллективной – её единство и солидарность. Наиболее древние способы манифестации – миф и ритуал.

Формирование когнитивного и поведенческого аспектов связано с процессами «воображения» сообщества (Б. Андерсон) или «интенсификации» идентичности (Я. Ассман). Переход социальной принадлежности в коллективную идентичность проявляется в явном виде только в больших обществах, где самоопределение становится проблемой.

Отдельно стоит выделить ценностные аспекты национальной идентичности. Согласно Г. Тэджфелу, «знание индивида, что он принадлежит к некоторым социальным группам вместе с некоторой эмоционально и ценностно значимой для него этой групповой принадлежностью» [15], составляет сущность социальной идентичности. Следовательно, отождествление с национальной общностью предполагает ценностное сопоставление «мы» и «они» («свои» и «чужие»). Социальная категоризация как элемент процесса идентификации предполагает формирование оценочного отношения субъекта к группе под влиянием системы ценностных ориентаций.

Представленные компоненты можно рассматривать в качестве идентификационных стратегий, что придаёт им свойство процессуальности [16]. Познание индивидом собственной самости, принадлежности к сообществу и конструирование значимых для группы смыслов происходит, таким образом, в когнитивном, аффективном, поведенческом и ценностном аспектах. Все выделенные компоненты имеют динамическую природу и трансформируются на фоне глобальных и локальных социальных изменений.

Методология и методы исследования. Анализ теоретических подходов к пониманию особенностей информационного общества и сущности социальной идентичности позволяет определить методологическую базу исследования. Комплексное видение феномена идентичности достигается благодаря синтезу конструктивистского, процессуального и онтологического подходов. Социальный конструктивизм акцентирует внимание на социокультурной природе идентичности, её динамическом характере. Процессуальный подход даёт возможность анализировать структурное разнообразие феномена, объяснять трансформации идентичности и механизмы её обновления. Онтологический подход позволяет рассмотреть аффективные (эмоциональные) основания

самоидентификации, раскрыть проблему поиска самоопределения в её взаимосвязи со структурой потребностей личности.

Понимание особенностей информационного общества, обуславливающих изменения в пространстве национальной идентичности, сформировано постиндустриальной методологией (Д. Белл) и теорией информационного способа развития (М. Кастельс). Выстраивание целостного теоретико-методологического подхода, составившего фундамент исследования, основано на применении аналитического и компаративного методов.

В авторском эмпирическом исследовании в качестве метода сбора данных на этапе сбора первичных данных применялся анкетный онлайн-опрос. В части обсуждения результатов исследования и формулировки выводов использовался метод систематизации и синтеза.

Результаты исследования и их обсуждение. Информационное общество характеризуется актуализацией проблемы идентичности. З. Бауман отмечает, что дискуссии вокруг идентичности возникают при таком типе социального устройства, когда в обществе сосуществует несколько различных систем идей и смыслов [17]. Увеличение информационных потоков, подвижность и изменчивость социокультурной среды приводят к тому, что идентичность приобретает условный, конструируемый характер. Особенно остро встаёт проблема национальной идентичности, формируемой в полярности локального и глобального, личного и общественного [18, с. 146]. Масштабные трансформации, связанные с глобализационными процессами, наметили основные направления изменения национальной идентичности.

Глобализация, усиливающаяся благодаря развитию информационных и телекоммуникационных технологий, провоцирует появление противоречивых тенденций в поле национальной идентичности. С одной стороны, возрастающий культурный обмен демонстрирует многообразие мира и создаёт условия для единства этого многообразия. С другой, как отмечает Н. Н. Федотова, глобализация «не устранила раскола в ощущении идентичности и внутри стран, ... оказалась неразрывно связанной с локализацией, сохранением и поиском локальных идентичностей» [19, с. 81]. Подобного рода

разнонаправленные процессы были обозначены Р. Робертсоном термином «глокализация» [20]. Связывание мирового пространства в политическом и экономическом плане сопровождается разобщённостью в плане культурном, усугубляя ситуацию неопределённости самоотождествления.

Парадоксальность современной социокультурной среды в том, что несмотря на интеграцию мира посредством информационных и телекоммуникационных технологий, наблюдается тенденция «построения социального действия и политики вокруг первичных идентичностей, либо приписанных, укоренившихся в истории и географии, либо построенных заново в тревожном поиске смыслов и духовности» [4]. Глобализация на данном этапе исторического развития не приводит к формированию единой идентичности или к укреплению самоопределения по признаку национальности. Напротив, она усиливает фрагментацию систем идей и смыслов в мировом масштабе, способствует дезинтеграции нормативно-ценностных структур, создаёт угрозу самобытности национальных сообществ. Функция интеграции делегируется международным экономическим и политическим союзам, предоставляющим «транснациональную» идентификацию [21, с. 443]. Таким образом, одной из центральных тенденций трансформации национальной идентичности становится переход в перманентное *кризисное состояние*.

Развитие телекоммуникационных технологий в информационном типе общества многократно увеличивает значимость СМИ как фактора социальной идентификации. Согласно Ю. Хабермасу, «массмедиа предъявляют себя в качестве адресатов личных нужд и трудностей, в качестве авторитетных консультантов по жизненным проблемам: они щедро предоставляют возможность идентификации – своего рода регенерации частной сферы из доступного фонда публичных служб поддержки и консультации» [22, с. 257]. Массовая культура, формируемая медиа, становится всё более доступной, как в экономическом, так и в психологическом (интеллектуальном) плане. Она коммерциализируется, становится товаром, составляющим неотъемлемую часть общества потребления.

В конечном итоге, по мнению В. Г. Федотовой, «реальным механизмом ценностных изменений становится массовая культура»

[23, с. 41]. На место традиционных, универсальных ценностей приходят локальные, партикуляристские, что создаёт напряжение в формировании ценностного аспекта идентичности. В условиях релятивизма сопоставление «мы» и «они», формирование оценочного суждения относительно своей и чужой национальности не имеют общепринятых ориентиров и становятся индивидуальной проблемой. Идентичность для большинства стран в условиях глобализации и господства массовой культуры видится препятствием, что выявляет следующую тенденцию – *распространение партикуляризма* в поле национальной идентичности.

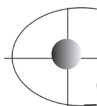
За последние десятилетия принципы национального самоопределения претерпели существенные изменения под влиянием миграционных процессов. Прежде всего, это характерно для европейских стран, где господство либеральной идеологии и политики мультикультурализма привело к обострению проблемы «свой» – «чужой» в границах одного государства. Н. Г. Багдасарьян и М. П. Король отмечают тенденцию к формированию среди граждан Европейского союза защитной реакции в форме *триболизма*. «Триболизм рассматривает как ценность доминирующее значение своего этноса, его приоритетную роль в прошлом и настоящем» [24, с. 176]. Основой при построении идентичности в таких условиях служит наиболее ранняя, первичная форма общности – этническая. Представители одного этноса в попытках обрести целостность и солидарность вступают в конфликтные отношения с другими сообществами, что в конечном итоге приводит к дальнейшему углублению кризиса национальной идентичности.

Важнейший фактор поддержания национальной идентичности – наличие институциональной основы или функционирование сети традиционных социальных институтов. Согласно представителям социального конструктивизма социальные институты есть «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [3, с. 93]. Одних индивидов с другими объединяет схожее понимание цели действия и средств её достижения. Фундаментом институтов, таким образом, выступают коллективные представления. В русле социального конструктивизма А. Вендт в рамках теории международных отношений определяет со-

циальный институт как «относительно стабильную сеть “структур” идентичностей и интересов» [25]. Социальные институты как совокупность норм и правил, регулирующих социальные отношения в определённой сфере, формируются на основе коллективных представлений и выступают основой социального порядка посредством создания и поддержания идентичностей, интересов, целей и средств их достижения. Институционализация представляет собой процесс создания структур, обеспечивающих идентичность. В современном российском обществе, по мнению В. Г. Федотовой, ни один традиционный социальный институт не выполняет своей функции, что порождает проблему идентичности [23, с. 116–119]. Кризис национальной идентичности, следовательно, сопровождается нарушением функций традиционных социальных институтов, не способных формировать и артикулировать социальные интересы.

Кризисные явления в отношении национальной идентичности отмечает П. Нора. В классическом труде «Франция-память» французский историк писал: «Нация не является больше той объединяющей рамкой, которая ограничивает сознание определённой общности людей» [26, с. 25]. Подход П. Нора нельзя назвать конструктивистским в строгом смысле этого слова, тем не менее, отдельные черты этого направления просматриваются. В частности, он пишет о пересмотре прошлого, политике памяти и практиках коммеморации как инструменте воссоздания воспоминаний. Опираясь на концепцию П. Нора, можно выделить три главенствующих тенденции трансформации национальной идентичности.

В первую очередь, П. Нора, связывая проблематику идентичности с темой коллективной памяти, отмечает, что современное общество характеризуется переходом «от единого национального сознания к сознанию типа наследие» [27, с. 136]. Нарушение традиционных каналов передачи межпоколенческого опыта приводит к разрыву с прошлым, что, в свою очередь, приводит к необходимости искусственного сохранения воспоминаний. Деидентификация с наследием переводит память и идентичность в контекст долженствования: коллективные знания и опыт не передаются спонтанно, каждый индивид и сообщество чувствуют долг в отношении самоопределения в тер-

минах памяти. Реконструируя воспоминания с помощью «мест памяти» и коммеморативных практик, группа утверждает свою общность и идентичность. Национальная идентичность *конструируется искусственно*.

Следующая тенденция, на которую указывает П. Нора, связана с *переходом от коллективной идентичности нации к множеству локальных идентичностей*. Причина этого процесса – деколонизация трёх видов (всемирная, внутренняя и идеологическая) [28]. Всемирная деколонизация охватывает бывшие колониальные державы и зависимые территории; внутренняя связана со стремлением религиозных, региональных, этнических, сексуальных и иных групп к признанию «большим обществом»; идеологическая характерна, в первую очередь, для посткоммунистических стран, в которых искажённая режимом история переосмысливается в ракурсе традиционной памяти.

Переход от национальной к множеству локальных идентичностей сопровождается конкуренцией, неправомерным использованием прошлого. «Проблемы начинаются в тот момент, когда история, которая никому не принадлежит и призвана сделать прошлое всеобщим достоянием, начинает писаться под давлением мемориальных групп, стремящихся насадить своё собственное прочтение прошлого» [29]. Борьба за самоопределение приводит к соперничеству различных мемориальных групп и создаёт угрозу конфликтов в пространстве памяти. Появляется тенденция к «виктимизации прошлого» – пересмотру истории с позиций жертв и коллективной травмы, часто в манипулятивных целях. Культурная память из интегрирующего фактора становится «точкой риска», источником скрытого напряжения [21, с. 443]. Применительно к идентичности эта тенденция находит отражение в *подмене национальной множественностью локальных, конкурирующих и конфликтующих между собой идентичностей*. В таких условиях, с точки зрения французского исследователя, стоит вмешаться государству, которое имеет право задавать общие рамки, контекст прочтения и трактовки коллективного прошлого.

Линии глобальных социокультурных изменений дополняются трендами модернизации на уровне отдельных государств. Негативные аспекты влияния российской модернизации на самоопределение граждан В. Г. Федотова описывает в терминах

«анархии». В переходный период в России устойчивые формы социальности, существовавшие на протяжении веков, перестали функционировать, и общество оказалось неспособным создать новые. В какой-то степени это можно назвать переходом к «войне всех против всех», естественному состоянию, предшествовавшему образованию государственности.

Глубинные основы социальных изменений, приведших к аномическому и анархическому состоянию общества, В. Г. Федотова видит в мировоззрении и культуре [23, с. 82]. В поиске причин образования анархического порядка российского общества она обращается к факторам ценностного сдвига, среди которых глобализация, породившая идею «экономического человека» и модель общества потребления; вестернизация или следование западным образцам и стилям жизни; массовая культура, формирующая массового человека. Именно массовой культуре уделяется особое внимание в контексте ценностных изменений. Её характерная черта – универсальность, опора на стандартное, одинаковое, не привязанное к национальной почве, менталитету и традициям сообщества. Победа массовой культуры ведёт к разрыву поколений, потере значимости коллективной памяти в процессе становления системы ценностей.

Прогресс в области информационных и коммуникационных технологий деформировал ценностную систему современного общества. В поисках системы координат личностного и социального самоопределения «атомизированный» индивид сталкивается с двойственностью социокультурного пространства. Новые технологии «усложняют социальную реальность, создавая альтернативный ей виртуальный мир, который утверждается порядком вещей как нечто целостное, как жизнь, как субъект, как субстанция новой “третьей” природы» [30]. Взаимодействие с виртуальной реальностью становится неотъемлемой частью повседневной жизни, что с неизбежностью искажает не только индивидуальную, но и коллективную идентификацию. «Самоопределение индивида происходит через отождествление с виртуальной общностью, имитирующей государственные образования, народности или нации, что с очевидностью демонстрирует запрос на некий объединительный “большой” нарратив» [16, с. 181].

Двойственная социокультурная реальность формирует альтернативные, квазинациональные формы идентичности.

В условиях кризиса национальная общность обращается к базовым для культуры ценностям, находится в поиске незыблемых основ интеграции. Л. М. Дробижева, определяет национальную общероссийскую идентичность как «комплекс разделяемых представлений, образов, конструируемых в процессе социализации институтами общества, государства, семьей, сферой образования, СМИ, интернет-ресурсами» [31, с. 42]. Ссылаясь на данные всероссийских социологических опросов, Л. М. Дробижева отмечает, что источником чувств национальной и этнической общности российских граждан на повседневном уровне становятся язык, традиционные ценности и нормы, культура доверия. Идентичность соотносится с параметрами, которые воспринимаются большинством как стабильные и неизменные.

Высокий уровень приверженности традиционным культурным нормам и ценностям сопровождается изменением содержания самих ценностей в молодёжной среде. Проведённое нами социологическое исследование, включающее два этапа (апрель–июнь 2015 г. и ноябрь 2020 г. – январь 2021 г.; выборка составила 600 и 150 человек соответственно), позволило зафиксировать *тенденцию вариативности в отношении ценностного компонента национальной идентичности* на примере российской мо-

лодёжи. С одной стороны, полученные результаты согласуются с данными всероссийских исследований: современная молодёжь демонстрирует высокие показатели национальной идентичности. Более трети опрошенных в полной мере ощущают себя представителями своего народа, и ещё треть ощущает общность почти всегда (рис. 1).

С другой стороны, согласно полученным нами данным ориентации молодых людей на такие традиционные ценности русской культуры, как патриотизм, коллективизм и справедливость, носят противоречивый характер [32]. Показательны ориентации опрошенных на патриотизм. Если дифференцировать пространство данной ценности на когнитивную и поведенческую составляющие, то первая даёт высокие результаты по степени согласованности ответов респондентов. Проявление номинального патриотизма среди молодёжи – оценка статуса страны на международной арене: подавляющее большинство считают Россию великой державой. Вместе с тем реальный патриотизм, заключающийся в готовности совершать предписываемые этой ориентацией действия, существенно ниже. Так, 70,7 % молодых людей в 2015 г. заявили о нежелании служить в российской армии; в 2020 г. этот показатель увеличился до 84,8 %. В случае угрозы извне только 18,9 % в 2015 г. и 15 % в 2020 г. готовы защищать Родину в качестве добровольца (рис. 2).

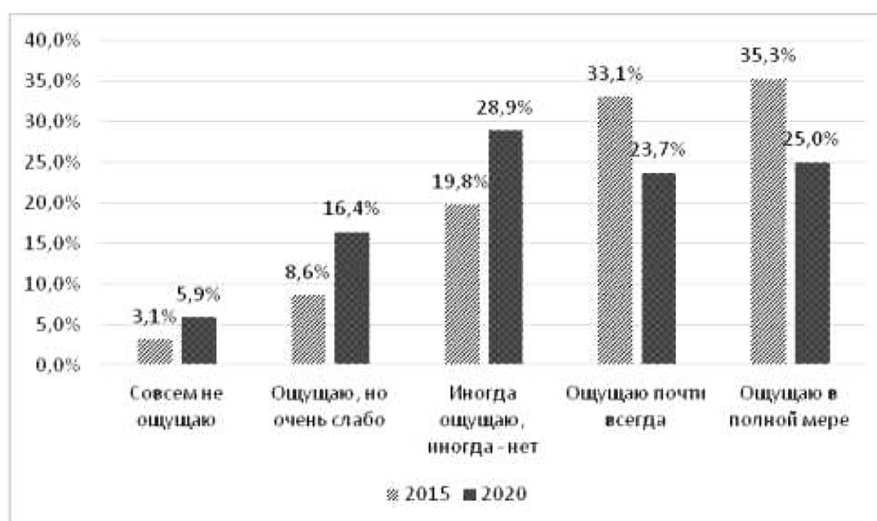

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В какой степени вы ощущаете себя представителем своего народа?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question “Do you feel like a representative of your nation?”

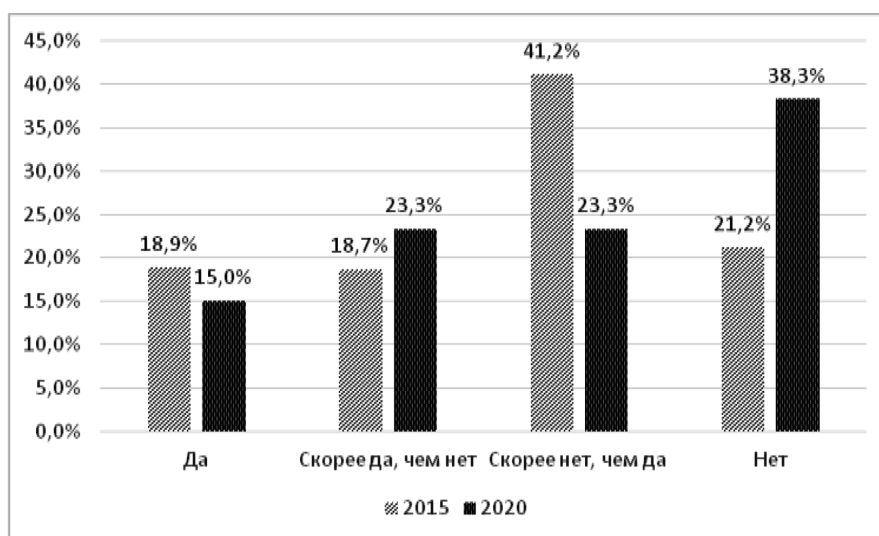
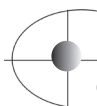

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли вы защищать Родину в качестве добровольца?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question "Are you ready to defend the Motherland as a volunteer?"

Аналогичные тенденции наблюдаются в ориентациях российской молодёжи на ценности коллективизма и справедливости. Достаточно высокий уровень декларативной приверженности ценности справедливости сочетается с индифферентностью относительно реального распределения благ в обществе. Молодые люди выражают согласие с русскими пословицами и поговорками, в которых отражается традиционное толкование справедливости, патриотизма и коллективизма («По работе и плата», «Родная сторона – мать, а чужая – мачеха», «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось» и др.). Однако степень ориентации на коллективные интересы и ценности варьируется в зависимости от того, идёт ли речь о ближайшем окружении человека или о государстве (регионе) в целом. В отношении своих друзей и родственников современная молодёжь более склонна к коллективистскому мировоззрению, чем в отношении макросреды. В этой связи актуализируется проблема поиска фундаментальных, глубинных основ национальной идентификации, определения интегративного потенциала базовых ценностей культуры.

Заключение. Нелинейность и многоаспектность социокультурных преобразований конца XX – начала XXI в. как на локальном, так и на глобальном уровне обусловила специфические черты современного общества. В ракурсе информатизации текущее состояние социума описывается в

терминах интенсивного развития технологий и инфраструктуры, расширения горизонтов применения компьютерной техники, увеличения количества и доступности информации, выступающей в качестве нового стратегического ресурса. Ключевые особенности общества информационного типа определяют общие тренды трансформации различных форм социальной идентичности, среди которых в наибольшей степени последствия изменений испытывает на себе самоопределение на национальной основе.

Исследователи отмечают кризисные явления в пространстве национальной (гражданской) идентичности. В первую очередь, в качестве ответной реакции на процессы глобализации, сообщества в рамках национальных государств обращаются в поисках самоопределения к локальным, первичным основам интеграции. Национальная идентификация вытесняется этнической, религиозной, гендерной и др. Во-вторых, переход к новому типу общественного устройства сопровождается нарушением функций традиционных социальных институтов, на место которых приходят крупные экономические, политические и иные союзы и объединения, формирующие «транснациональные» формы самоопределения. В-третьих, повышение доступности информации, интенсификация культурного обмена и повсеместное распространение массовой культуры в её вестернизированном варианте порождают тенденции плюрализации в поле коллектив-

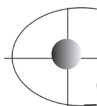
ной идентичности. В-четвёртых, вследствие нарушения каналов межпоколенческой преемственности и разрыва с наследием идентификация приобретает свойство долженствования, а фундамент для объединения на национальной почве конструируется искусственно. В-пятых, переходом от коллективной идентичности нации к множеству локальных идентичностей происходит одновременно с возрастанием латентной напряжённости между конкурирующими за самоопределение сообществами. Зачастую средством борьбы в этой ситуации становится сознательная манипуляция прошлым, «виктимизация истории», что находит выражение в конфликте мемориальных групп.

Перманентные глобальные трансформации, в которые включена каждая национальная общность, усложняются наличием локальных трендов социокультурных изменений. Сценарии российской модернизации

и «догоняющего» перехода к информационному обществу вызывают к жизни необходимость поиска параметров устойчивости и стабильности. Исследователи отмечают тенденции к формированию общероссийской (национальной) идентичности на основе традиционных для культуры ценностей. Вместе с тем проведённый нами опрос среди молодёжи демонстрирует вариативность в ценностных ориентациях на такие базовые ценности, как патриотизм, коллективизм и справедливость. Выявленный тренд может свидетельствовать как о переосмыслении традиционных систем значений в сознании молодого поколения, так и о трансформации содержания указанных ценностей. Последнее предположение актуализирует проблему поиска ценностных оснований современной российской культуры, когерентных прошлому и отвечающих перспективам будущего.

Список литературы

1. Федотова Н. Н. Изучение идентичности и контексты её формирования. М.: Культурная революция, 2012. 200 с.
2. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. New York: W. W. Norton Company, 1968. 336 p.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: дис. ... д-р филос. наук: 24.00.01. М., 2005. 305 с.
6. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / пер. Ю. В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
7. Алексеева И. Ю. Что такое общество знаний? М.: Когито-Центр, 2009. 96 с.
8. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
10. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
11. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
12. Малыгина И. В. Российская идентичность в контексте культурных «разломов» глобального и локального // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. Гуманитарные науки, № 1. С. 242–246.
13. Тишков В. А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник Российской нации. 2009. № 1. С. 107–117.
14. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / под ред. М. Барретта [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2001. 196 с.
15. Tajfel H. Social categorization // Introduction à la psychologie sociale / ed. S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972. Vol. 1. Pp. 272–302.
16. Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13. С. 173–185.
17. Bauman Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2004. 104 p.
18. Искандерова С. Дж. Национальная идентичность и миграция в современном информационном обществе // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 7. С. 146–149.
19. Федотова Н. Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 3. С. 75–92.

20. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. London: Sage Publications, 1995. Pp. 25–44.
21. Малыгина И. В. Феномен “мемория” в современном дискурсе идентичности: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Изд-во МГЛУ, 2020. С. 442–445.
22. Хабермас Ю. Социоструктурная трансформация публичной сферы // *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. Монография* / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2013. С. 226–265.
23. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
24. Багдасарьян Н. Г., Король М. П. Националистический поворот: от консолидации к конфликту // *Социальная политика и социология*. 2019. Т. 18, № 3. С. 172–179. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-172-179.
25. Wendt A. Anarchy is what State Make of it: the Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46, no. 2. Pp. 391–425.
26. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Франция-память* / П. Нора [и др.]; пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
27. Нора П. Эра коммемораций // *Франция-память* / П. Нора [и др.]; пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 95–150.
28. Нора П. Всемирное торжество памяти. Текст: электронный // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 28.02.2022).
29. Нора П. Расстройство исторической идентичности. Текст: электронный // *Мир истории*. 2001. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения: 28.02.2022).
30. Багдасарьян Н. Г., Король М. П. Постсоветская Россия: риски «эпохи ностальгии» // *PRIMO ASPECTU*. 2020. № 1. С. 23–32.
31. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // *Вестник российской нации*. 2021. № 1–2. С. 39–52.
32. Седова Л. И. Традиционные ценности в структуре этнокультурной идентичности современной молодежи. Текст: электронный // *Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе»*. 2021. № 2. С. 87–102. URL: <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/issues/Sedova%20%2021.pdf> (дата обращения: 28.02.2022).

Информация об авторе

Седова Любовь Игоревна, старший преподаватель; Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана; 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1; e-mail: lyubovmiklina@yandex.ru; <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-3420-8737>.

Для цитирования

Седова Л. И. Национальная идентичность: тенденции трансформации // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 2. С. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 25.04.2022.

References

1. Fedotova, N. N. The Study of Identity and the Contexts of its Formation. M: Kulturnaya Revolyutsiya, 2012. (In Rus.)
2. Erikson, E. Identity: Youth and Crisis. New York: W. W. Norton Company, 1968. (In Rus.)
3. Berger, P., Lukman, T. Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. M: Mosk. Philos. Phond, 1995. (In Rus.)
4. Castells, M. Information Age. Economy, society and culture. M: HSE, 2000. (In Rus.)
5. Malygina, I. V. Ethnocultural identity: Ontology, morphology, dynamics. Dr. sci. diss. M., 2005. (In Rus.)
6. Bell, D. Social framework of the information society / Tr. Y. V. Nikulichev. New Technocratic Wave in the West / Ed. P. S. Gurevich. M: Progress 1986: 330–342. (In Rus.)
7. Alekseeva, I. Y. What is a knowledge society? M: Kogito-Center, 2009. (In Rus.)
8. Assman, J. Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M: Languages of Slavic Culture, 2004. (In Rus.)
9. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. M: Kuchkovo pole, 2016. (In Rus.)
10. Gellner, E. Nations and nationalism / Tr. T. V. Berdikova, M. K. Tyunkina. M: Progress, 1991. (In Rus.)

11. Smith, E. D. Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism. M: Praxis, 2004. (In Rus.)
12. Malygina, I. V. Russian Identity in the Context of Cultural "Faults" of Global and Local. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, no. 1, pp. 242–246, 2013. (In Rus.)
13. Tishkov, V. A. National identity: About the Meaning of the Debate. Bulletin of the Russian nation, no. 1, pp. 107–117, 2009. (In Rus.)
14. The Development of National, Ethnolinguistic and Religious Identity in Children and Adolescents / Ed. M. Barrett. M: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2001. (In Rus.)
15. Tajfel, H. Social categorization // Introduction à la psychologie sociale / Ed. by S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972. Vol. 1. pp. 272–302. (In Engl.)
16. Malygina, I. V. Identity in the Space of Post-culture. Bulletin of MSLU, no. 13, pp. 173–185, 2019. (In Rus.)
17. Bauman, Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2004. (In Rus.)
18. Iskanderova, S. J. National identity and migration in the modern information society. Sustainable development of science and education, no. 7, pp. 146–149, 2019. (In Rus.)
19. Fedotova, N. N. Multiculturalism and Development Policy. Journal of Sociology and Social Anthropology, no. 3, pp. 75–92, 2006. (In Rus.)
20. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. Featherstone M., Lash S. and Robertson R. Global Modernities. London: Sage Publications, 1995: 25–44. (In Engl.)
21. Malygina, I. V. The phenomenon of "memoria" in the modern discourse of identity: materials of the international. scientific conf. M: MGLU Publishing House, 2020: 442–445. (In Rus.)
22. Habermas, J. Sociostructural transformation of the public sphere. Public sphere: theory, methodology, case study. Collective monograph. M.: OOO "Variant": TsSPGI, 2013: 226–265. (In Rus.)
23. Fedotova, V. G. Good Society. M: Progress-Traditsiya, 2005. (In Rus.)
24. Bagdasaryan, N. G., Korol, M. P. Nationalist Turn: From Consolidation to Conflict. Social Policy and Sociology, no. 2, pp. 172–179, 2019. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-172-179. (In Rus.)
25. Wendt, A. Anarchy is what State Make of it: The Social Construction of Power Politics. International Organization, no. 2, pp. 391–425, 1992. (In Rus.)
26. Nora, P. Between memory and history. Problems of places of memory. France-memory / P. Nora [and others], St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 1999: 17–50. (In Rus.)
27. Nora, P. The era of commemorations. France-memory / P. Nora [and others]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999: 95–150. (In Rus.)
28. Nora, P. World celebration of memory. Emergency ration, no. 2, 2005. Web. 28.02.2022. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. (In Engl.)
29. Nora, P. Disorder of Historical Identity. World of history, no. 1, 2001. Web. 28.02.2022. <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>. (In Engl.)
30. Bagdasaryan, N. G., Korol M. P. Pos-Soviet Russia: Risks of "The Epoch of Nostalgia". PRIMO ASPECTU, no. 1, pp. 23–32, 2020. (In Engl.)
31. Drobizheva, L. M., Ryzhova, S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. Bulletin of the Russian nation. Scientific and socio-political journal, no. 1–2, pp. 39–52, 2021. (In Rus.)
32. Sedova, L. I. Traditional values in the structure of the ethno-cultural identity of modern youth. Bulletin of Dubna, no.2, pp. 87–102, 2021. Web. 28.02.2022 <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/issues/Sedova%20%2021.pdf> (In Engl.)

Information about author

Sedova Lyubov I., Senior Lecturer; Bauman Moscow State Technical University; Building 1, 5 2nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russia; e-mail: lyubovmiklina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3420-8737>.

For citation

Sedova L. I. National Identity: Transformation Trends // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81.

Received: March 16, 2022; approved after reviewing April 20, 2022; accepted for publication April 25, 2022.

МЕНТАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

MENTAL AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE REGION

Научная статья

УДК 008.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-82-93

Ментальность в контексте взаимодействия социальной и виртуальной реальностей

Юлия Викторовна Гаврилова

*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия
julia.voitsuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>*

Особенностью современного мира является интеграция социальной и виртуальной реальностей: формируется область их соотношения, в которой протекают процессы жизнедеятельности человека. Биовиртуальную и социовиртуальную специфику приобретает человек и его деятельность, детерминирующие новые угрозы безопасности, требующие их незамедлительного снятия. Традиционные ментальные программы успешной адаптации к новым условиям жизни оказались непригодными, не отвечающими требованиям времени. Это актуализирует исследование изменений ментальности, формирующей устойчивые модели поведения, позволяющие человеку своевременно реагировать на вызовы среды. В связи с этим цель исследования – выявить и проанализировать специфику изменений ментальности под влиянием эффектов, возникающих в области соотношения социальной и виртуальной реальностей. Предполагается, что формирование нового типа ментальности, способного дать достойный ответ вызовам современности, происходит под воздействием системы эффектов, возникающих в области соотношения социальной и виртуальной реальностей. Исследование основывается на синтезе философских концепций: социокультурной концепции менталитета, соотношения естественного и социального в обществе и человеке, искусственной социальности и BANI-мира. Новизна исследования заключается в: 1) в выявлении и анализе эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей как движущих сил динамики ментальности (эффект апгрейда реальности, гибридации естественного и искусственного интеллекта); 2) в раскрытии сущности данных эффектов и механизмов их функционирования; 3) в выявлении новых особенностей ментальности (неосинкретизм, размывание смыслов, мнимая транспарентность). В результате исследования проанализированы процессы взаимодействия социальной и виртуальной реальностей, определяющие особенности области их соотношения; выявлены эффекты, действие которых детерминировано спецификой структуры и содержания области соотношения социальной и виртуальной реальностей; определены и охарактеризованы особенности ментальности человека, сформированные под влиянием эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов в целях разработки эффективных стратегий деятельности человека, включенного в область соотношения социального и виртуального миров.

Ключевые слова: ментальность, социальная реальность, виртуальная реальность, динамика, трансформации, неосинкретизм, эффекты

© Гаврилова Ю. В., 2022

Original article

Mentality in the Context of Interaction Between Social and Virtual Reality

Yulia V. Gavrilova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
julia.voitsuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>

A feature of the modern world is the integration of social and virtual realities: the area of their correlation is being formed, in which the processes of human life activity take place. Biovirtual and sociovirtual specifics are acquired by a person and his activities, which determine new security threats that require their immediate removal. Traditional mental programs for successful adaptation to new conditions of life turned out to be unsuitable, not meeting the requirements of the time. This actualizes the study of changes in mentality, which forms stable behavior patterns that allow a person to respond in a timely manner to the challenges of the environment. In this regard, the purpose of the study is to identify and analyze the specifics of mentality changes under the influence of effects that arise in the field of correlation between social and virtual realities. We assume that the formation of a new type of mentality, capable of giving a worthy response to the challenges of our time, occurs under the influence of a system of effects that arise in the field of correlation between social and virtual realities. The study is based on the synthesis of philosophical concepts: the socio-cultural concept of mentality, the relationship between the natural and the social in society and man, artificial sociality and the BANI-world. The novelty of the study lies in: 1) identifying and analyzing the effects of the correlation of social and virtual realities as the driving forces of the dynamics of mentality (the effect of reality upgrade, hybridization of natural and artificial intelligence); 2) in revealing the essence of these effects and the mechanisms of their functioning; 3) in revealing new features of mentality (neosyncretism, blurring of meanings, imaginary transparency). As a result of the study, the processes of interaction between social and virtual realities are analyzed, which determine the features of the area of their correlation; the effects are revealed, the action of which is determined by the specifics of the structure and content of the area of correlation between social and virtual realities; the features of human mentality formed under the influence of the effects of the correlation of social and virtual realities are determined and characterized. The practical significance of the study is determined by the possibility of using the results in order to develop effective strategies for the activity of a person included in the area of correlation between the social and virtual worlds.

Keywords: mentality, social reality, virtual reality, dynamics, transformations, neosyncretism, effects

Введение. Современный мир отличается высокотехнологичной культурой, развитой ИТ-индустрией и интенсивным внедрением технологий, которые позволяют виртуально моделировать социальные процессы, создавать дополненную и смешанную реальность на стыке социального и виртуального миров. В таких условиях происходит интеграция человека в «обширные, визуализируемые в реальном времени трёхмерные миры» [1], именуемые «метавселенными», «искусственными обществами», «цифровыми двойниками». Эффективность виртуальных моделей в решении социальных задач расширяет область их применения. С каждым годом «цифровые двойники» социальной реальности становятся доступными людям разных возрастов и социальных групп. При этом включённость человека и общества в процессы виртуальной жизни меняет привычные для них социальные практики, принципы выстраивания коммуникаций и осуществления эффективной деятельности.

Внедрение виртуального мира в социальный определяет специфические условия

жизни человека на границе этих двух сложных миров. Согласно последним исследованиям, социальный и виртуальный миры отличаются иерархической структурой, системой правил и норм поведения агентов, содержанием санкций, ценностей и смысловых ориентиров [2–4]. Виртуальный мир, будучи цифровой моделью социального мира, не передаёт все свойства оригинала, а только некоторые из них, наиболее значимые для целей разработчиков. Следовательно, структура и содержание этих миров не всегда и не во всём совпадают. Заметна тождественность внешних границ объектов и процессов, в то время как их содержание, качества и свойства во многом разнятся. Человеку приходится одновременно соответствовать требованиям, предъявляемым социальным и виртуальным мирами. В результате происходят изменения в когнитивной сфере (совершенствуются умственные способности человека; развивается его интеллект; одновременно, сокращаются объёмы долговременной памяти, воображение становится скудным).

Сознание человека оказывается в состоянии максимального напряжения: перестраиваются ментальные программы действий, появляется противоречивость и нестабильность смысложизненных ориентиров, возникают сложности принятия решений, как следствие, невозможность выбора верных поведенческих стратегий. В связи с этим учёные заговорили о высокой вероятности возникновения системы угроз безопасности личности, включённой в условия виртуального мира. К войнам, эпидемиям, разрушению экосистем, загрязнению окружающей среды, продовольственным кризисам как основным угрозам безопасности, по мнению исследователей, добавилась виртуальная реальность и тотальная включённость в неё личности [5]. Исследования виртуальной реальности ограничиваются анализом ее влияния на психику человека, его здоровье, социализацию личности, учебное и научное познание, взаимодействие с окружающим миром [1; 4; 6]. Такие исследования нельзя назвать достаточно полными в связи с тем, что учёные не уделяют должного внимания анализу области соотношения социальной и виртуальной реальностей, выявлению эффектов от взаимодействия данных реальностей и их влияния на человека и его сознание.

С одной стороны, интеграция социальной и виртуальной реальностей создаёт новые возможности для развития человека и общества, для освоения и преобразования действительности, даёт возможность прогнозирования последствий деятельности и минимизирует риски. С другой стороны, виртуальная реальность, функционируя внутри социальной, внедряется в её основания, влияя на природу «человеческого», на психофизиологию, психику, сознание. В результате трансформируется ментальность человека: изменяется содержание ключевых и периферических уровней ментальности, её глубинных и поверхностных структур (происходит смена ценностно-смысловых установок и архетипических оснований). Изменяется не только окружающий мир, но и сам человек, его духовная сфера, сознание. Привычные для человека модели поведения, основанные на ментальных программах, утрачивают своё значение и перестают работать в условиях соотношения социальной и виртуальной реальностей. При этом новые ментальные программы находятся в

стадии становления. Это определяет необходимость научного осмысления трансформаций ментальности в условиях соотношения социальной и виртуальной реальностей.

Цель исследования – выявить специфику изменений ментальности под воздействием эффектов от соотношения социальной и виртуальной реальностей. Для этого необходимо проанализировать особенности соотношения социальной и виртуальной реальностей; выявить возникающие эффекты, способные оказывать на ментальность трансформирующее воздействие; определить тенденции трансформации ментальности.

Исследование трансформации ментальности в условиях соотношения социальной и виртуальной реальностей дополняет социокультурную теорию ментальности, ставит проблемы ментальности в виртуалистике, развивает концепцию социального синкретизма. Исследование позволяет анализировать особенности сознания человека цифровой эпохи, определять схемы и модели его поведения, следовательно, вовремя прогнозировать их возможные деформации, вносить необходимые коррективы. Результаты исследования ориентированы на разработку системы стратегий адаптации к новым условиям жизнедеятельности человека в области соотношения социальной и виртуальной реальностей.

Трансформация ментальности в условиях интегрированности человека в область соотношения социальной и виртуальной реальностей требует научного анализа и осмысления с позиций философии. Особо важными для нашего исследования являются труды российских и зарубежных учёных, посвящённые: 1) структуре, особенностям, функционированию сознания ментальности человека; 2) практикам внедрения в жизнедеятельность человека и общества технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальностей; 3) анализу структуры и содержания области соотношения социального и виртуального миров и эффектам, возникающим от этого взаимодействия. В данном обзоре излагаются позиции ведущих учёных по ключевым задачам нашего исследования.

В отечественной и зарубежной науке достаточно глубоко проработана тема ментальности [7–10]. Учёные трактуют ментальность как специфический для тех или иных

исторических условий способ мировосприятия и основанную на нём систему установок, ценностей, представлений общества о реальности, а также прочно укоренившийся способ реагирования на объективную реальность [8; 9]. В целом, соглашаясь с данной трактовкой ментальности, хотелось бы указать на содержание её индивидуального уровня, то есть на особенности проявления ментальности на уровне сознания отдельного индивида, а не исключительно на уровне этносов, наций, народов, социальных слоёв. Среди множества разнообразных трактовок понятия «ментальность» наибольшей конкретизацией, на наш взгляд, отличается определение ментальности, предложенное Н. Н. Губановым. Ментальность рассматривается учёным как система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности [8]. Эта система определяет специфику отражения человеком действительности, восприятия им феноменов окружающего мира и самого себя. Ментальность детерминирует алгоритмы поведения и «стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций» [7, с. 39]. Следовательно, трансформации ментальности способны вызывать изменения во всех направлениях общественного развития.

В зарубежной науке акцентируется внимание на ключевой роли ментальности в становлении, развитии и функционировании профессиональных сообществ [11], оформлении политических систем, изменении установок и смысложизненных ориентиров молодёжи [12]. Подобного рода исследования носят оценочный и практико-ориентированный характер, позволяющий выработать систему способов и приёмов, корректирующих некоторые элементы ментальности и поведения людей.

В современной науке детально исследованы структура, содержание, особенности виртуальной реальности, метавселенных и «искусственных обществ». Особая заслуга в теоретико-методологическом анализе виртуальности принадлежит российским учёным О. Н. Гурову, Т. А. Коньковой, А. П. Сегала, А. В. Савченко, В. Ю. Ивлеву, В. А. Иноземцеву [1; 3; 6]. В их работах виртуальность правомерно рассматривается как относительно автономная область социального мира, но целенаправленно создан-

ная, подчиняющаяся действию алгоритмов, отличающаяся качеством «искусственного». В нашем исследовании словосочетания «виртуальная реальность» и «виртуальный мир» синонимичны. В эти понятия мы вкладываем традиционный для русскоязычной научной литературы смысл. Виртуальная реальность – «поле образов, эмулирующее с той или иной степенью схожести время, пространство, расположенные в нём объекты, действующие субъекты и взаимосвязь между ними» [12, с. 1381], а также «возможность моделирования социальных процессов и использования такого рода моделей как инструмента прогноза и предвидения (forecast & foresight)» [3]. В англоязычной литературе «виртуальная реальность» рассматривается в привязке к специализированным техническим изобретениям и интерфейсам (технологиям VR, AR), позволяющим симулировать звуки и изображения, характерные для мира природы и мира людей [13]. Зарубежные учёные считают, что попасть в виртуальную реальность можно исключительно с помощью перчаток, шлемов, очков, платформ и других устройств. При их отсутствии виртуальная реальность становится потенциальной. В зарубежных исследованиях доминирует изучение влияния технологий виртуальной (VR) и дополненной реальностей (AR) на когнитивную сферу личности [16], а также внедрение технологий виртуальной реальности (VR) в медицину и здравоохранение [14].

Ряд исследователей именуют виртуальную реальность искусственным феноменом, «искусственной социальностью», определяя её как коммуникативную сеть, в которой коммуникации осуществляются между людьми и иными агентами (искусственным интеллектом) [15]. Онтологический статус виртуальной реальности неразрывно связан как с внутренним естественным – «человеческим восприятием, преломляется через восприятие и вне его не мыслится» [12], так и социальным – то, что воспринято, требует понимания, интерпретации, осмысления.

Подробный анализ соотношения естественного и социального в обществе и человеке представлен в трудах Н. Д. Субботиной. По мнению Н. Д. Субботиной, «естественное» – это «природные, стихийно развивающиеся системы и их свойства», «социальное» – это «системы, обладающие качествами частичной осознанности, нрав-

ственности и резкого ускорения развития» [16]. Естественное и социальное находится в диалектическом единстве, что отражается в биосоциальной сущности человека, закономерностях естественно-групповых отношений, суггестии, естественных основах социального поведения. «Внутреннее естественное» задаёт биологические параметры человека: особенности нервной системы, здоровье, адаптивные механизмы организма, физиологические особенности, неосознаваемые механизмы поведения – инстинкты, рефлексy [17; 18]. Социальный мир формирует систему общественно значимых качеств человека: инициативность, умственную активность, ответственность, нравственность, гражданственность и др. Формирование и функционирование системы социальных качеств определяется наличием у человека сознания, позволяющего объединяться в группы, идентифицировать себя с группой, выстраивать системы коммуникаций и интеракций, преобразовывать себя и окружающий мир. При этом сознание детерминировано психикой, которая носит социально-естественный характер: естественная форма наполняется социальным содержанием.

В зарубежных исследованиях отмечается, что «люди – это ультрасоциальный вид», однако взаимодействия людей необходимо исследовать с позиций «расширенного эволюционного подхода», то есть в контексте соотношения природной, генетической и культурной эволюции [19]. В настоящее время трендовыми являются исследования влияния внешней природы на здоровье, когнитивные способности человека и его сознание [20]. Отмечается, что включённость человека в природу благотворно влияет на организм и мыслительные процессы. Причём в исследованиях внешняя природа зачастую имитируется посредством технологий VR и AR.

Виртуальная реальность была создана и успешно интегрировалась в социальную реальность в условиях VUCA-мира, однако яркие эффекты соотношения виртуальной и социальной реальностей стали заметны именно сейчас в новом мире, для характеристики которого применяют аббревиатуру BANI-мир. Хрупкий (Brittle), беспокойный (Anxious), нелинейный (Nonlinear), непостижимый (Incomprehensible) мир, по замечанию Ж. Кассио, характеризуется появле-

нием неизвестных человеку потрясений, которые удивляют и полностью его дезориентируют [21]. Технологии VR и AR подобно искусственному интеллекту являются частью нашей жизни, они созданы для более успешной ориентации человека в мире, однако нарушить ее как раз могут эффекты от соотношения виртуальной и социальной реальностей.

Методология и методы исследования. Выявление эффектов интеграции виртуальной реальности в социальную реальность осуществляется в контексте концепций искусственной социальности, соотношения естественного и социального в обществе и человеке и концепции BANI-мира. Применение данных концепций позволило проанализировать «архитектонику» области соотношения социального и виртуального миров, выявить основные результирующие эффекты от их интеграции.

Основные тенденции трансформации ментальности, а также их роль в развитии общества выявлялись с опорой на основные положения социокультурной концепции менталитета, в частности, идеи о формировании глобалистского менталитета.

Выявление и анализ изменений ментальности в условиях соотношения социальной и виртуальной реальностей осуществлялось с помощью системно-структурного и социокультурного подходов. Синтез этих подходов позволил рассмотреть ментальность как систему со сложной многоуровневой структурой, формирующейся в определённых социокультурных условиях и изменяющейся при смене этих условий, а также определить, что трансформации ментальности воплощают новые формы социокультурных отношений. Выявить, что ментальность представляет собой программы активности индивидов, «руководство к действию» в условиях BANI-мира.

Кроме того, исследование содержания и основных характеристик ментальности опиралось на отдельные положения концепций социального синкретизма и символического интеракционизма.

В ходе исследования изучались тексты философов, культурологов, психологов, занимавшихся разработкой проблематики виртуализации социальных практик, анализом «искусственных обществ», ментальности. Автором применялся метод контент-анализа: анализировались видео- и

интерактивные изображения, созданные искусственным интеллектом и доступные человеку посредством технологий AR и VR. Контент-анализ позволил выявить содержание (символы, их смыслы) в области соотношения социальной и виртуальной реальностей. Социально-психологическое содержание ментальности выявлялось методом кейс-стади, что позволило определить особенности поведения индивидов в области соотношения социальной и виртуальной реальностей.

Результаты исследования и их об- суждение. Эффекты от соотношения социальной и виртуальной реальностей. Виртуальная реальность как одна из форм бытия возникла в результате сознательной деятельности человека – разработок и внедрения nano-, био-, инфо-, когнитивных (NBIC) технологий в жизнь общества. Виртуальная реальность порождена социальной реальностью; она носит статус «искусственно созданной» формы бытия. При этом имеются достаточно чёткие критерии демаркации социальной и виртуальной реальностей. Прежде всего, это функционирование ИИ и «искусственных обществ» как моделей, сконструированных на основе ИИ, имитирующих социальные феномены. Виртуальная реальность, приобретая качество относительной самостоятельности от реальности социальной, всё же входит в её структуру и состоит с ней во взаимодействиях, образуя область соотношения социальной и виртуальной реальностей. В современном мире можно наблюдать ряд эффектов, возникающих в следствии соотношения социальной и виртуальной реальностей и проявляющихся с разной степенью интенсивности. Заметим, что эффекты – это устойчивые результаты воздействия одного феномена на другой, которые выражаются как в явлениях и объектах данных, человеку в ощущениях, так и в ментальных конструктах (впечатлениях, иллюзиях).

Среди эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей следует назвать апгрейд реальности; гибридизацию элементов естественного и искусственного интеллектов; мнимую транспарентность, выражающуюся в иллюзорном переживании свободы, иллюзиях прочности бытия и контроля над собственной жизнью, и др. Перечисленные эффекты находятся во взаимосвязи и неразрывном единстве. В настоящее

время они достаточно размыты и лишь отчасти уникальны. В том или ином виде они проявляются в условиях соотношения естественного и социального.

Рассмотрим действия некоторых эффектов, а также последствия их функционирования, заметные в настоящее время и оказывающие влияние на трансформации ментальности. Уделим внимание анализу эффектов апгрейда реальности и гибридизации естественного и искусственного интеллектов.

Результатом соотношения социальной и виртуальной реальностей является «эффект апгрейда реальности», который представлен процессами, улучшающими отдельные элементы бытия человека и общества за счёт их замены, дополнения. Апгрейд реальности необходим для полноценного функционирования человека и общества в условиях высокотехнологического развития. Так, например, к эффекту апгрейда реальности можно отнести биовиртуализацию, частью которой является киборгизация тела и нервной системы человека [22]. Киборгизация проводится не только для восстановления утраченных возможностей организма из-за болезней или травм, но и в целях приобретения некоторых свойств, доступных человеку только в условиях виртуальной или дополненной реальностей (например, эхолокация, ощущение другого человека на расстоянии, повышение выносливости организма и т. д.). Среди учёных, работающих в сфере биовиртуализации, следует назвать К. Уорвика, С. Поттера, Х. Исигуро, М. Николелиса, А. Каплана. Выдающихся успехов в области биовиртуализации достиг исследователь проблем технической кибернетики К. Уорвик, именуемый человеком-киборгом [23]. В конце XX – начале XXI в. он провёл серию экспериментов по внедрению в нервную систему человека микроимплантатов с целью усовершенствования природы человека для сохранения превосходства биологических систем над техническим и искусственным интеллектом.

Не менее важным аспектом апгрейда реальности является создание цифровых инфраструктур, объединяющих организационные и информационные системы с обществом и управляемых нейро- и биоинтерфейсами. Разработка и внедрение цифровых инфраструктур является дополнением социальной реальности и отвечает требова-

ниям апгрейда, повышая уровень согласованности действий людей. Наряду с цифровой инфраструктурой создаются цифровые двойники человека, подменяющие в социуме биологических субъектов на виртуальных агентов. По замечанию учёных, «цифровая модель человека (цифровой двойник) симулирует все возможные режимы работы объекта в течение его жизни, учитывает влияние внешних факторов и процессов управления, позволяет предсказывать будущее состояние и поведение физического объекта» [24]. Следующим шагом апгрейда реальности является конструирование цифровых двойников человека с акцентом на ментальность (интересы, мнения, модели поведения). Это вызывает беспокойство, так как позволит управлять сознанием человека в его обычном и изменённом состояниях, манипулировать ментальностью общества посредством имеющихся в наличии комплексных «нейро-описаний, социальных описаний и описаний семантики человеческого поведения» [24]. В результате всё отчётливее проявляются черты, характерные для BANI-мира: хрупкость, тревожность, нелинейность, непостижимость.

Концепция BANI-мира описывает политические, экономические, социальные условия существования современного человека. Речь идёт о событиях, происходящих в социальной реальности [21]. При этом автор концепции забывает о том, что большую часть времени современное общество проводит в области соотношения социальной и виртуальной реальностей. Несмотря на то, что от внимания автора ускользает этот важный аспект современности, особенности BANI-мира, о которых пишет Ж. Кассио, на наш взгляд, обусловлены функционированием эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей. Так, например, эффект апгрейда реальности определяет хрупкость мира, то есть размытость границ между социальной и виртуальной реальностями, неустойчивость мира (виртуальная реальность в любой момент может быть «свёрнута» создателями, и человек окажется изолированным от привычной ему среды существования). По замечанию Ж. Кассио, «когда что-то хрупкое, оно подвержено внезапному и катастрофическому сбою» [21]. Риски внезапного «исчезновения» реальности или помех в её функционировании тесным образом связаны с ещё одним эффек-

том соотношения виртуальной и социальной реальностей – гибридизацией отдельных элементов естественного и искусственного интеллектов. Рассмотрим его действие более подробно.

В области соотношения социальной и виртуальной реальностей возникают и реализуются новые формы интеракций с участием носителей естественного и искусственного интеллектов (ИИ). Несмотря на свою «искусственность» ИИ не программируется, а автономно проходит процесс «обучения». Функционирование ИИ направлено на повторение успехов человека: «распознавать слуховые и зрительные образы, использовать язык, обобщать знания (генерализация), имитировать действия других (подражание), ориентироваться в изменяющейся среде и уметь самостоятельно ставить задачи» [25]. Так, ИИ может обрабатывать огромные массивы информации со скоростью, значительно превышающей скорость мыслительных операций, совершаемых естественным интеллектом. Такие способности ИИ позволяют проводить высокоточные прогнозы и принимать решения, максимально близкие к оптимальным. Общество реализует стратегию сращивания некоторых элементов естественного интеллекта с искусственными носителями в целях создания прочного и безопасного мира. В результате человек, теряя бдительность, перекладывает ответственность за принятие важных решений на высокоскоростные и более точные интеллектуальные системы; забывает о вероятности возникновения помех и ошибок в работе ИИ. Снятие ответственности за принятие решений в условиях соотношения социальной и виртуальной реальностей требует компенсации скоростью реагирования на возможные сбои в функционировании мира. Для этого необходимо выработать и обосновать систему алгоритмов к действию в ситуациях повышенного уровня социальной тревожности. Особо важно, что базироваться должна новая система ментальных установок на эмоциональном интеллекте, сочувствии и внимательности, присущих пока ещё исключительно естественному интеллекту.

Эффекты апгрейда реальности и гибридизации естественного и искусственного интеллектов способствуют размыванию вертикали статусов агентов интеракций. В настоящее время пространство соотноше-

ния социальной и виртуальной реальностей включает «горизонтальную» совокупность взаимодействующих агентов, наделённых естественным и искусственным интеллектом, реальных людей и их цифровых двойников, которые становятся практически идентичны (речь не идёт об идентичности элементов эмоциональной сферы, а только о некоторых мыслительных операциях на искусственном носителе). Таким образом, иерархия взаимодействующих агентов размывается так же, как стираются границы между социальной и виртуальной реальностями. Наступила эпоха, которая, по замечанию Ж. Кассио, «интенсивно, почти насильственно отвергает структуру» [21]. Современный мир кажется прочным, устойчивым, а общество – достигшим колоссальных результатов в развитии. Однако растёт напряжение – человек и общество стремятся постоянно улучшать результаты своей деятельности, максимизировать эффективность своего труда, наращивать технологическую и интеллектуальную мощь. В итоге напряжение стремится к критической точке, а мир становится хрупким и тревожным. В таких условиях ментальность приобретает черты синкретичности и эсхатологичности.

Итак, проанализированные эффекты соотношения социальной и виртуальной реальностей влияют на развитие современного общества, формируя систему специфических биосоциовиртуальных практик с включением в них агентов, наделённых естественным и искусственным интеллектами. Все уровни ментальности «реагируют» на сложившиеся условия бытия человека и общества, приобретают новое содержание, отвечающее требованиям BANI-мира в области разработки стратегий адаптации.

Особенности ментальности. В науке особняком стоит проблема трансформации сознания человека, включённого в виртуальную реальность. Исследователи указывают на ряд специфических особенностей так называемого «виртуального сознания»: распределённость, полифонизм, гипертекстуальность, феномен смыслового резонанса, коллажность [26, с. 629]. Подобные исследования ограничиваются характеристикой сознания в условиях виртуальности. Однако современный человек проводит большую часть своей жизни в области соотношения социальной и виртуальной реальностей, ему приходится одновременно

соответствовать требованиям и социально-го, и виртуального миров. При погружении в виртуальную реальность человек «не выключается» из реальности социальной, он является действующим субъектом социального мира – от рождения до конца жизни. Модели и схемы реагирования человека на реалии современного мира конструируются с учётом требований и социальной, и виртуальной реальностей. Поэтому, необходимо акцентировать внимание на анализе содержания ментальности, изменяющейся под влиянием эффектов соотношения социального и виртуального миров, тем более что специфика трансформаций ментальности прослеживается достаточно ярко.

Изменения ментальности под влиянием действующих эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей заключаются в неосинкретизисе ментальности; размывании смыслов; потере ориентиров в различении социального и виртуального миров; иллюзиях контроля над собственной жизнью и миром; формировании установок на непостижимость реальности и др.

Ментальность человека, включённого в область соотношения социальной и виртуальной реальностей, погружается в состояние неосинкретизиса. Напомним, что первичный синкретизис характеризует начальный этап развития ментальности людей первобытного общества. Для первичного синкретизиса характерны нерасчленённость ментальных конструктов, целостность, слитность представлений, идей и смыслов о различных объектах и явлениях. Ключевые и периферические уровни ментальности, а также их содержание развивались в ходе распада первичного синкретизиса. Вся история динамики ментальности – это перманентная дифференциация ментальной целостности, формирование чётких различий и дихотомий. Современные условия взаимодействия социальной и виртуальной реальностей запускают новый виток синкретизма. Традиционная система знаков и символов, определявших границы социальной реальности, меняется либо утрачивает своё содержание. По замечанию культурологов, «знаки и символы становятся экзистенциально пустыми, сливаются в однородную информационную массу. Каждый знак вновь открыт бесчисленным означаемым, как в первобытную эпоху» [27, с. 163]. Речь может вестись не только о знаках, но и о поняти-

ях, означающих противоположные феномены современного мира, появление которых в содержании ментальности указывало на распад первичного синкретизиса. В содержании ментальности современного человека «дуалистические противопоставления не создают никаких устойчивых глобальных оппозиций из-за бесконечного потока инноваций» [37, с. 171], что также указывает на яркое проявление неосинкретизиса. Освободиться от состояния неосинкретизиса ментальность может посредством рефлексии и чёткой дифференциации ментальных конструктов, позволяющих вырабатывать смыслы и руководство к действию в жизни.

Неосинкретизис как состояние современной ментальности позволяет понять, почему Ж. Кассио пишет о нелогичности, бессмысленности, абсурдности событий и решений, принимаемых в современных условиях [21]. Действительно, в настоящее время ввиду наличия множества «пустых» знаков и многозначных символов, стирающих смысловые границы между явлениями, основной проблемой становится невозможность отличить «шум» от «сигнала» к действиям, подаваемым ментальными программами. Следствием неосинкретизиса становится подавление способности понимать мир. Состояние неосинкретизиса ментальности созвучно с непостижимостью мира.

Непонимание многими людьми принципов создания и работы ИИ, процессов его самообучения и непосредственного участия в обработке огромных массивов информации (BIG DATA), бессознательный страх оказаться слабее и глупее ИИ в принятии решений вызывают тревогу и желание контролировать ИИ, вырабатывая систему норм на уровне общественного сознания (этика ИИ, законодательство). Пока эти меры не снимают социально-психологическое напряжение, и общество продолжает стремиться к стабильности, безопасности.

Современный мир невозможен без совместимости «аппаратов» и «программ». Под «аппаратами» мы понимаем NBIC-технологии как элементы социальной и виртуальной реальностей; под «программами» – ментальность. Обществу нужно верное понимание и осознание последствий внедрения NBIC-технологий во все сферы жизнедеятельности. Необходим апгрейд на уровнях индивидуального и общественного сознания. Ментальность достаточно индивидуализиро-

вана, она содержит понимание (смысл) человеком собственного бытия, принятие личного жизненного контекста, умение быть в этом контексте. Основания ментальности заключены в субъективном и коллективном опыте: она подогревается индивидуальными духовными практиками, сохраняется индивидом, однако с опорой на коллективный опыт и коллективную деятельность. Это определяет ментальность в качестве «глобальной программы человеческой активности» [8]. Ментальность облегчает человеку и обществу выбор верных стратегий поведения в сложных ситуациях. Поэтому в современном обществе ментальность должна обеспечивать возможности не столько выживания, сколько развития в условиях соотношения социальной и виртуальной реальностей. Однако проблема состоит в том, что ментальные программы находятся в стадии становления и трансформаций. Идёт процесс наполнения структурных уровней ментальности новым содержанием. Общество вырабатывает программу действий по адаптации к BANI-миру.

Заключение. Таким образом, в статье утверждается, что в настоящее время бытие человека и общества протекает преимущественно в области соотношения социальной и виртуальной реальностей, оформившейся в результате их интеграции. Ввиду структурной и содержательной специфики социальной и виртуальной реальностей их соотношение продуцирует систему эффектов (осязаемых явлений и ментальных конструктов), способных оказывать воздействие на индивидуальный и общественный уровни ментальности. Основными, ярко проявляющимися эффектами соотношения социальной и виртуальной реальностей, являются апгрейд реальности и гибридизация естественного и искусственного интеллектов. Главный вывод заключается в том, что функционирование эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей изменяет ментальность, посредством чего оказывает воздействие на развитие общества. Мы выяснили, что ментальность под влиянием эффектов соотношения социальной и виртуальной реальностей приобретает синкретичность, стираются смыслы знаков, символов, феноменов; размываются ориентиры в различении социального и виртуального миров; формируется система убеждений в непостижимости реальности. Эти результаты указывают на функционирование меха-

низма возникновения нового, более сложного типа ментальности, что вносит вклад в растущий корпус исследований общественного развития. В настоящее время появляются новые ментальные конструкты, отражающие соотношение социальной и виртуальной реальностей и алгоритмизирующие поведение человека в новых условиях.

Важно, чтобы дальнейшие исследования могли изучить закономерности инте-

грации социальной и виртуальной реальностей, а также структуру области их соотношения, иерархию уровней и их содержание. Это позволит более детализированно объяснить принципы действия эффектов, возникающих в области соотношения социальной и виртуальной реальностей. Кроме того, влияние эффектов на поведение человека может оказаться важной областью для будущих исследований.

Список литературы

1. Гуров О. Н., Конькова (Кураева) Т. А. Метавселенные для человека или человек для метавселенных. Текст: электронный // Искусственные общества. 2022. Т. 17, вып. 1. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800019011-1-1> (дата обращения: 26.02.2022). DOI: 10.18254/S207751800019011-1.
2. Савченко А. В., Сегал А. П. Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной. Текст: электронный // Искусственные общества. 2021. Т. 16, вып. 4. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800017910-0-1> (дата обращения: 04.03.2022). DOI: 10.18254/S207751800017910-0.
3. Савченко А. В., Сегал А. П. Виртуальная реальность – онтология, эпистемология, праксис. Постановка проблем. Текст: электронный // Искусственные общества. 2020. Т. 15, вып. 4. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800012841-4-1> (дата обращения: 14.02.2022). DOI: 10.18254/S207751800012841-4.
4. Deutsch D. The fabric of reality. London: Penguin UK, 1998. 390 p.
5. Кукарцева (Гласер) М. А., Ивлев В. Ю., Новик Н. Н. Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 42–52.
6. Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю., Иноземцева Ю. В. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности // Гуманитарный вестник. 2020. № 4. С. 1–13. DOI: 10.18698/2306-8477-2020-4-669.
7. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Роль менталитета в развитии общества: социокультурная гипотеза // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 38–51.
8. Губанов Н. Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе. М.: Этносоциум, 2014. 214 с.
9. Оруджев З. М. Способ мышления эпохи и принцип априоризма // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 18–33.
10. Imhoff R. et al. Conspiracy mentality and political orientation across 26 countries // Nature human behaviour. 2022. С. 1–12.
11. Stanković S., Lazarević L. B., Knežević G. The role of personality, conspiracy mentality, REBT irrational beliefs, and adult attachment in COVID-19 related health behaviors // Studia Psychologica. 2022. Т. 64, Np. 1. С. 26–44.
12. Сегал А. П. «Образ будущего» или виртуальная реальность? О пространстве формирования личности. Текст: электронный // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 4. С. 1380–1387. (дата обращения: 04.03.2022). DOI: 10.15372/PEMW20170407.
13. Hugues O., Fuchs P. and Nannipieri O. New Augmented Reality Taxonomy: Technologies and Features of Augmented Environment. New York, 2011. Pp. 47–63.
14. Лю Шэнь, Бай Цзянчжу. Новый тренд развития «метавселенная и психология» // Психологические технологии и приложения. 2022. Т. 10, № 1. С. 58–64. @刘 燊, 柏江竹. 虚实相融的“元宇宙+心理学”发展新趋势 // 心理技术与应用. 2022. Т. 10, № 1. С. 58–64.
15. От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / под ред. А. В. Резаева. М.: ВЦИОМ, 2020. 256 с.
16. Субботина Н. Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном. М.: Прометей, 2001. 193 с.
17. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Психосоматическая проблема. Взаимосвязь духовного и телесного в человеке. М.: Этносоциум и межнациональная культура, 2022. 226 с.
18. Субботина Н. Д. Понятия «социальное», «асоциальное» и «антисоциальное» // Философские науки. 2016. № 11. С. 108–122.
19. Henrich J., Muthukrishna M. The origins and psychology of human cooperation // Annual Review of Psychology. 2021. Vol. 72. Pp. 207–240.
20. Browning M. et al. The role of methodological choices in the effects of experimental exposure to simulated natural landscapes on human health and cognitive performance: A systematic review // Environment and Behavior. 2021. Vol. 53, no. 7. Pp. 687–731.

21. Cascio J. Facing the Age of Chaos. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 27.02.2022). Текст: электронный.

22. Lee S. W. S. & Cecutti L. Three mechanisms of mind-body influence: Feelings, concepts, and procedures // American Psychological Association: handbook of consumer psychology / L. R. Kahle, T. M. Lowrey, J. Huber. 2022. Vol. 1. Pp. 551–580. DOI: 10.1037/0000262-024.

23. Обушинский В., Шукин Т. Профессор-киборг из Англии присоединился к «России 2045». URL: <http://www.2045.ru/expert/268.html>. (дата обращения: 04.03.2022). Текст: электронный.

24. Логинов Е. Л., Шкута А. А. Искусственный интеллект и BIG DATA для управления социумом в условиях стратегических бифуркаций: цифровой двойник человека как партнера-клиента-оппонента органов управления. Текст: электронный // Искусственные общества. 2019. Т. 14, вып. 3. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800006309-8-1>. DOI: 10.18254/S207751800006309-8 (дата обращения: 04.03.2022).

25. Хасанов Р. Ю. Как сегодня понимают интеллект. Текст: электронный // Искусственные общества. 2021. Т. 16, вып. 3. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800016769-4-1> (дата обращения: 27.02.2022). DOI: 10.18254/S207751800016769-4.

26. Кириллова Н. Б., Пестова А. В. Виртуальный человек» как феномен новой социокультурной цивилизации // Культура и цивилизация. 2017. Т. 4А, № 1. С. 628–641.

27. Зеленский С. А. Понятие и значение синкретизма в смыслогенетической теории А. А. Пелипенко // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21, № 1–2. С. 161–173.

Информация об авторе

Гаврилова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент; Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана; 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1; e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>.

Для цитирования

Гаврилова Ю. В. Ментальность в контексте взаимодействия социальной и виртуальной реальностей // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 82–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-82-93.

Статья поступила в редакцию 19.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 23.04.2022.

References

1. Gurov, O. N., Konkova (Kuraeva), T. A. Metaverse for man or man for metaverse. Artificial societies, t. 17, 2022. Web. 26.02.2022. <https://artsoc.jes.su/s207751800019011-1-1>. DOI: 10.18254/S2.07751800019011-1. (In Rus.)

2. Savchenko, A. V., Segal, A. P. Metavers – how is it in Russian? On the construction of the Russian sector of the metaverse. Artificial societies, v. 16, 2021. Issue 4. Web. 04.03.2022. <https://artsoc.jes.su/s207751800017910-0-1>. DOI: 10.18254/S207751800017910-0. (In Rus.)

3. Savchenko, A. V., Segal, A. P. Virtual reality – ontology, epistemology, praxis. Problem statement. Artificial societies, v. 15, 2020. Web. 14.02.2022. <https://artsoc.jes.su/s207751800012841-4-1>. DOI: 10.18254/S207751800012841-4. (In Rus.)

4. Deutsch, D. The fabric of reality. Penguin UK, 1998. (In Engl.)

5. Kukartseva (Glaser), M. A., Ivlev, V. Yu., Novik, N. N. Discourses of biopolitics and human security in the face of new challenges and threats to humanity. Questions of Philosophy, no. 2, pp. 42–52, 2021. (In Rus.)

6. Inozemtsev, V. A., Ivlev, V. Yu., Inozemtseva, Yu. V. Influence of informatization and development of information and communication technologies on the formation of a new social reality. Humanitarian Bulletin, no. 4, pp. 1–13, 2020. DOI: 10.18698/2306-8477-2020-4-669. (In Rus.)

7. Gubanov, N. I., Gubanov, N. N. The role of mentality in the development of society: socio-cultural hypothesis. Bulletin of Slavic Cultures, vol. 43, pp. 38–51, 2017. (In Rus.)

8. Gubanov, N. N. Formation, development and functioning of mentality in society. Moscow: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2014. (In Rus.)

9. Orudzhev, Z. M. The way of thinking of the epoch and the principle of a priori. Questions of philosophy, no. 5, pp. 18–33, 2006. (In Rus.)

10. Imhoff, R. et al. Conspiracy mentality and political orientation across 26 countries. Nature human behavior, 2022: 1–12. (In Engl.)

11. Stanković, S., Lazarević, L. B., Knežević, G. The role of personality, conspiracy mentality, REBT irrational beliefs, and adult attachment in COVID-19 related health behaviors. Studia Psychologica, no. 1, pp. 26–44, 2022. (In Engl.)

12. Segal, A. P. "The image of the future" or virtual reality? About the space of personality formation. Vocational education in the modern world, no. 4, pp. 1380–1387, 2017. DOI: 10.15372/PEMW20170407 (accessed 04.03.2022). (In Rus.)
13. Hugues, I., Fuchs, O., P. and Nannipieri, O. New Augmented Reality Taxonomy: Technologies and Features of Augmented Environment, Springer, New York, NY, USA, 2011: 47–63. (In Engl.)
14. Li Chunhai. Application of virtual reality technology in spinal surgery. Journal of Sun Yat-sen University. Medical Publication, no. 1, p. 35, 2022. @李春海. 虚拟现实技术在脊柱外科的应用 // 中山大学学报 (医学版), no. 1, p. 35, 2022. (Chin.)
15. From artificial intelligence to artificial sociality: new research problems of modern social analytics / edited by A. V. Rezaev. M: VTsIOM, 2020. (In Rus.)
16. Subbotina, N. D. Social in natural. The natural in the social. M: Prometheus, 2001. (In Rus.)
17. Gubanov, N. I., Gubanov, N. N. Psychosomatic problem. The relationship between the spiritual and the physical in man. M: International edition "Ethosocium and interethnic culture", 2022. (In Rus.)
18. Subbotina, N. D. The concepts of "social", "asocial" and "antisocial". Philosophical sciences, no. 11, pp. 108–122, 2016. (In Rus.)
19. Henrich, J., Muthukrishna, M. The origins and psychology of human cooperation. Annual Review of Psychology, vol. 72, pp. 207–240, 2021. (In Engl.)
20. Browning, M. et al. The role of methodological choices in the effects of experimental exposure to simulated natural landscapes on human health and cognitive performance: A systematic review. Environment and Behavior, no. 7, pp. 687–731, 2021. (In Engl.)
21. Cascio, J. Facing the Age of Chaos. 2020. Web. 27.02.2022. <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>. (In Engl.)
22. Lee, S. W. S. & Cecutti, L. Three mechanisms of mind–body influence: Feelings, concepts, and procedures. In L. R. Kahle, T. M. Lowrey, & J. Huber, APA handbook of consumer psychology. 2022: 551–580. American Psychological Association. DOI: 10.1037/0000262–024. (In Engl.)
23. Obushinsky, V., Shchukin, T. Cyborg professor from England joined "Russia 2045". Web. 04.03.2022. <http://www.2045.ru/expert/268.html>. (In Rus.)
24. Loginov, E. L., Shkuta, A. A. Artificial intelligence and BIG DATA for managing society in conditions of strategic bifurcations: a digital double of a person as a partner-client-opponent of management bodies. Artificial Societies, v. 14, issue 3, 2019. Web. 04.03.2022. <https://artsoc.jes.su/s207751800006309-8-1>. DOI: 10.18254/S207751800006309-8. (In Rus.)
25. Khasanov, R. Yu. How intelligence is understood today // Artificial societies, v. 16, issue 3, 2021. Web. 27.02.2022. <https://artsoc.jes.su/s207751800016769-4-1>. DOI: 10.18254/S207751800016769-4. (In Rus.)
26. Kirillova, N. B., Pestova, A. V. Virtual man as a phenomenon of a new socio-cultural civilization. Culture and civilization, v. 4A, no. 1, pp. 628–641, 2017. (In Rus.)
27. Zelensky, S. A. The concept and meaning of syncretism in the semantic theory of A. A. Pelipenko. Personality. Culture. Society, no. 1–2, pp. 161–173, 2019. (In Rus.)

Information about author

Gavrilova Yulia V., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Bauman Moscow State Technical University, 5, 2nd Baumanskaya st., b. 1, Moscow, 105005, Russia; julia.voitsuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>.

For citation

Gavrilova Yu. V. Mentality in the Context of Interaction Between Social and Virtual Reality // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 82–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-82-93.

Received: March 19, 2022; approved after reviewing April 20, 2022; accepted for publication April 23, 2022.

Научная статья

УДК 07

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-94-102

**Сибирский звериный стиль как концептуальная основа конвертации
традиционного художественного наследия в культурные индустрии**

Маргарита Ивановна Гомбоева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
m.i.gomboeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>

Фундаментальной основой творчества художников является создание авторского стиля, его смыслообразующих концептов, формирование авторской идентичности. Статья посвящена проблеме актуализации архетипического стиля как художественного кода культуры в творчестве художника. Данная тема раскрыта через описание художественных стратегий, раскрывающих влияние традиционной художественной картины мира на потенциал авторской интерпретации художественных архетипов, в частности звериного стиля; влияние академического образования на концептуализацию языков трансформации археологического стиля в современный художественный текст. Художественная парадигма авторского стиля рассматривается как стилеобразующий фактор современных креативных индустрий художников, вышедших из традиционных ремесленных сообществ. В искусствоведческой литературе активно изучался феномен влияния сибирского звериного стиля на этническую художественную традицию. Мы же считаем, что следует акцентировать внимание на содержании понятия «звериный» как «код культуры в художественной парадигме» в силу осознанной трансформации этническими художниками национальных художественных образов и приёмов посредством интеграции своего наследия в современный художественный язык, культуру и бэкграунд актуального искусства. Это особенно актуально для художников, институализирующих авторский стиль в узнаваемую и признаваемую современниками программу художественного языка современного искусства. Основным эмпирическим исследовательским ядром, демонстрирующим актуализацию сибирского звериного стиля в современных культурных индустриях, является анализ репрезентации смыслообразующих форм художественных программ Даши Намдакова и Жигжита Баясхаланова. Они создают новаторские способы формообразования, применяют алогичность, провокационность, асимметричность композиционных решений, создают свежие художественные метафоры, преодолевают визуальные и стилевые традиции, тем самым трансформируют этнические художественные традиции в ведущие художественные тенденции современного искусства мирового уровня. Доказано, что именно творческая интерпретация звериного стиля стала мощным источником трансформации традиционной художественной культуры в креативные индустрии. Современные способы концептуализации стилеобразования позволили вывести современное художественное искусство народов Сибири, Дальнего Востока на качественно новый уровень развития, что способствовало развитию не только творческого потенциала художника, но и коммерчески успешных практических треков.

Ключевые слова: тип стилеобразования, звериный стиль как код художественной культуры, трансформации звериного стиля, этническая художественная традиция, лапидарность, постмодернистская трансформация стиля

Original article

**Siberian Animal Style as a Conceptual Basis for the Conversion
of Traditional Artistic Heritage into Cultural Industries**

Margarita I. Gomboeva

Transbaikal State University, Chita, Russia
m.i.gomboeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>

The process of acquiring the author's style, its semantic distinctive features, and the creation of the author's identity is a fundamental problem for artists. The paper is devoted to the analysis of the artist's native culture code influence on the creative concept and artistic language. Artistic inversion is important – the inverse representation of the cultural code in the artist's work. We consider artistic, pictorial inversion as a form of the artistic conceptualization. It contributes to the successful understanding of the connotations and intentions of the artist's work by his audience. An analysis of Namdakov's work allowed us to conceptualize the representation problem

© Гомбоева М. И., 2022

of the cultural code in Far East peoples' contemporary art and describe artistic strategies that represent the influence of such semantic aspects of the cultural code as the influence of the artistic worldview, the strategies elevation of original interpretation and transformation of the animal style, the influence of the academic background. We define the artistic paradigm of the style as a style-forming factor in contemporary creative industries of artists who emerged from traditional crafts communities. The phenomenon of ethnic artistic tradition has been widely studied in the art history literature (T. M. Stepanskaya, A. V. Edokova, L. I. Nekhlyadovich). We believe, however, that attention should be focused on the content of "cultural code of artistic paradigm", because ethnic artists consciously transform national artistic images and techniques through integration of their heritage into contemporary artistic language, culture and art background. This is particularly relevant for artists who institutionalize their style into a recognizable contemporary art language strategy. The main research question addressed in this paper is the representation peculiarities of the Namdakov's artistic strategy semantic forms. He creates innovative ways of shaping, applies illogical, provocative and asymmetrical compositional solutions, creates fresh artistic metaphors, overcomes visual and figurative traditions and transforms ethnic artistic traditions into the leading artistic world-class trends of contemporary art. It has been proved that the animalistic style acquired a new modern dimension with the development of the creative industry in the regions of South-East Asia: the north of modern China and the art workshops of D. Namdakov and Zhigzhit Bayaskhalanov in the Russian Federation. It was the original interpretation of the animalistic style that became a powerful source for the development of traditional folk craft culture and brought the Far East peoples' modern art to a new level of development, contributed to the evolution of the artist's creative potential and gave many artists hope for creative expression.

Keywords: type of style formation, animalistic style as an artistic code, artistic paradigm of animalistic style, ethnic artistic tradition

Введение. Актуальность исследования состоит в осмыслении путей развития креативных индустрий сибирских регионов России. Анализ художественных практик успешных мастеров, освоивших секреты трансформации своей художественной практики в креативные индустрии, позволяет раскрыть связь коммерческой востребованности с архетипическими стилями, укоренёнными в конкретном регионе. Для традиционного прикладного искусства Внутренней Азии наиболее древним, археологически широко распространённым явлением считается сибирский звериный стиль. Актуализация сибирского звериного стиля сибирскими художниками обусловлена профессиональными стратегиями. Большинство сибирских художников, работающих в декоративно-прикладной сфере, опираются на локальные особенности звериного стиля, по существу, являющиеся культурным кодом художественного творчества, создающего условия для успеха.

Цель статьи – рассмотреть, как тип формообразования и концепт стилизации раскрывает код художественной культуры, исторически укоренённой в сибирской художественной среде, что, в свою очередь, существенно влияет на включённость художника в стратегии преобразования художественной деятельности в креативные индустрии.

В данную исследовательскую программу включены следующие задачи:

– описание характера трансформации звериного стиля в творчестве Ж. Баясхала-

нова и Д. Намдакова, на этой основе – концептуализация художественных стратегий актуализации звериного стиля в современном мировом искусстве;

– выявление профессионального бэкграунда, связанного с пониманием современного искусства и характером профессиональных институций для вхождения в профессиональные сообщества креативных индустрий мирового значения;

– репрезентация в сравнительной рефлексии роли стилиобразования в творчестве названных российских художников, осмысление китайскими исследователями и художниками проблемы актуализации локального звериного стиля как концептуальной основы конвертации традиционного художественного наследия в культурные индустрии Внутренней Монголии.

В искусствоведческой литературе активно изучался феномен влияния сибирского звериного стиля на этническую художественную традицию [1, с. 43; 2]. В первых серьёзных исследованиях, опубликованных российскими авторами о лапидарности как ключевом стиле, структурирующем характер художественных работ, можно выделить несколько различных концептуальных подходов в истолковании звериного стиля. С. К. Маковский в работе «На рубежах кубизма» объяснил сущностное проявление теории лапидарности в изобразительном искусстве русского авангарда как систему наиболее выразительных в своей экономичности художественных технологий, развивающихся в условиях пресыщенности

уточнённой детализированности [3]. В современной научной искусствоведческой литературе введено понятие лапидарности для определения смыслообразующей формы трансформации звериного стиля, отмеченного в художественном творчестве Ж. Баясхаланова. Особое значение для понимания укоренённости сибирского звериного стиля в творчестве сибиряков имеет теория историко-культурной преемственности фундаментальных форм стилиобразования У. Митчела [4].

Теоретическая основа осмысления современных произведений Д. Намдакова находится в постмодернистском понятийном континууме. Если в ранних работах в станковой скульптуре он работал в жанре анимализма, уходящего в природу архетипической формы звериного стиля, то на актуальном этапе Д. Намдаков верифицируется как художник, работающий в полисемии, синтезирующий образ в природном, архитектурном, общественном пространстве, когда кардинальное направление творчества направлено на поиск универсальной, внеэтнической и внекультурной метафоры. Работы деревянной скульптуры в ленд-арт парке «Тужи» такого же мастерства, что и произведения Генри Мура – творчество Даши Намдакова со временем стало более синкретичным. В современных работах («Трансформация», «Энергия», «Движение») автор создаёт ясный синтетический язык форм, философски обогащённый композиционный феномен, отвечающий вызовам более тонкого взаимодействия жанров, эволюции форм и приёмов стилизации. Художественный образ синтезирован в постмодернистском духе, комбинирован из достаточно традиционного материала в новый композиционно и в смысловом отношении философски целостный образ мироустройства, репрезентированный в пластике.

Методология и методы исследования. В работе использован иконографический метод Э. Панофского [5], позволивший провести сравнительный анализ первородных, археологических визуальных образов сибирского звериного стиля и его репрезентация в художественном творчестве Ж. Баясхаланова и Д. Намдакова. Функциональной значимостью для нашего исследования обладает методология художественного символизма как способ визуального привития эстетики традиционного образа мироу-

стройства. Сибирский звериный стиль рассматривается в качестве художественного кода, существенно влияющего на творчество сибирских художников. Он как канон, архетип, своеобразная проекция истории древних народов, являющаяся источником знания о законах пластического искусства, что придаёт ясность в структурировании материала и творчества. Операциональной значимостью обладают методологический подход к анализу структуры взаимодействия словесного, смыслового послания художника и его визуального образа [6], а также мультимодальный подход к визуальному и текстовому анализу художественного произведения [7]. Эти два подхода позволили выявить эволюцию изменений визуального образа сибирского звериного стиля в художественных практиках мастеров данного стилиобразования от изоморфной пластики к постмодернистским полисемиям.

Исследование опирается на нарративы и интервью самих художников, учитывается мнение зарубежных художников, оценивающих стиль произведений искусства Ж. Баясхаланова, Д. Намдакова. О влиянии творчества Намдакова и Баясхаланова на развитие современного ремесленного, декоративно-прикладного искусства художников Внутренней Монголии КНР (Хангал) в интервью рассказали Бао Сигинг (Тур Баир), декан факультета Монгольского государственного университета культуры и искусств в Хух-Хото, председатель Союза художников АРВМ КНР, а также искусствоведы творчества Д. Намдакова – Т. А. Бортник и Н. П. Комарова.

Результаты исследования и их об- суждение. О зверином стиле в творчестве Ж. Баясхаланова и Д. Намдакова написано немало. Жигжит Баясхаланов – один из ярких молодых художников, работающих в парадигме звериного стиля, который мастер плодотворно переработал в авторский лапидарный стиль. Он далеко не случаен в искусстве XXI в¹ [8]. Творческое кредо Ж. Баясхаланова отражено в самом известном его произведении – ноже в ювелирном исполнении – «Ворон». Навершие, выполненное в лапидарном стиле Жигжита Баясхаланова, сделано в форме головы ворона, что придаёт изделию жёсткий, беспристрастный характер. В основе художественного творчества мастера лежит звериный стиль, харак-

¹ Мастерская-студия Жигжита Баясхаланова. – URL: <http://zhigzhit.com> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст: электронный.

терный для национальной художественной культуры бурят.

Во всех его произведениях основным художественным приёмом является линейный силуэт. Воплощая в жизнь силуэт животного, его характер, автор использует сухую лаконичность образа, устремлённость линии от утолщения к сужению и наоборот. Именно линейность, доводящая образный стиль до лапидарности, создаёт выразительность современного образа старого звериного стиля. Технологии зеркальной полировки лезвия, ювелирной техничности элементов рукоятки, этнофантазийного декорирования усиливают данный стилиобразующий элемент. Навершие покрыто драгоценными камнями – гранатами. Рукоятка кинжала завершается силуэтом ворона, что символизирует «вещую», вечную птицу, видится аллегория ловкости, хитрости, посланника некоей потусторонности, проявляется архетипическая функциональность звериного стиля. Нож – символ достоинства, богатства, устрашения.

Скульптуры из коллекции «Анималистика» выполнены в авторском стиле, где образ животного передаётся контурными линиями силуэта, меняющимися в толщине и форме, подчёркивающими динамичность характера и звериную сущность животного. Пространство между этими линиями придаёт скульптурам лёгкость и воздушность. Этот стиль прослеживается во всех композициях автора.

Молодой Даши Намдаков – яркий представитель сибирского звериного стиля, его след в творчестве как мастера явственен и отчётлив, органичен и выразителен в авторской художественной переработке материала произведения. Почти два десятилетия оригинальное и самобытное творчество Д. Намдакова рассматривается сквозь призму генетической детерминированности как феномен сибирского звериного стиля. Сам художник так выстраивает основные этапы концептуализации своего творчества в системе традиционного сибирского звериного стиля: «Моё творчество построено на сказаниях Великой степи, где существовал высочайший уровень искусства, сумасшедший уровень красоты – тот же “звериный стиль” кочевников, великая культура – гунны, хунны, саки, от Чёрного моря до Китая. Это основа. Я много езжу и вижу»¹.

¹ Магическая скульптура Даши Намдакова. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/ethnomix/magicheskaia-skulptura-dashi-namdakova-5f457ae09626af69d28bbe28> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

Из всех качеств стилиобразования репрезентируемого стиля художник на данном этапе своего творческого пути восприимчив к актуализации не столько мощности, пластичности звериного стиля, его динамичности, сколько интеллектуальной силы, иронии и гротеска как формы художественного формообразования и выразительности. Возможности сочетания контрастов в художественном послании, синтез концептов, изобразительных и декоративных деталей в пластике всех элементов произведения (животных, орнаментальных, каллиграфических феноменов, скульптур и барельефов) как качественная характеристика звериного стиля во всей его полноте проявления в культурно-географическом, историко-археологическом контекстах являются в настоящее время колоссальным ресурсом для художественного воображения автора. Ещё одним приёмом творческой трансформации звериного стиля является художественная игра автора со смыслами и контекстами изобразительного «ребуса», создание «художественной загадки» [9, с. 65], изучаемого нами художественного послания автора. Художественное произведение как система значений в широком семантическом контексте позволяет декодировать авторский дискурс, помогает понять его замысел и интенцию.

Произведения последних лет раскрывают синтетический характер трансформации древнего стиля, функционально направленный на прагматическую структуру работы, создающий целостную пластику и связную историю, художественный текст и рассказ. Логика трансформации сибирского звериного стиля в авторском выражении Д. Намдакова манифестационно представлена в скульптуре «Трансформация», установленной перед главным корпусом Сибирского федерального университета. Показателен основной силуэт головы интеллектуального гиганта, близкого к профилю античного Давида, где образ черепа мамонта формирует верхнюю часть лба, символически усиливая смысл и значение латинского мира в создании университетского континуума. Композиция создана из более сотни таких художественных неожиданностей, сюжетов, линий, архетипических отсылок, известных для историков мирового искусства. Композиция автора, возможно, создана интуитивно, но на основе своего колоссального объёма личного бэкграунда. Она (композиция) состоит

из десятка изобразительных таинств, видится самоирония, гротесковые несовместимости образов интеллектуальной истории человеческой культуры, полисемантические по своему смыслу, но всё-таки узнаваемые в среде современного студенчества и образования. Произведение в философском смысле энциклопедично, в своём контенте репрезентирует код современной культуры, оно комплементарно к любой арт-точке мира.

Творчество Д. Намдакова изучается монгольскими и китайскими художниками и искусствоведами. В данной части статьи мы описали результаты художественной рефлексии творчества Д. Намдакова и Ж. Баясхаланова, выдающихся художников АРВМ Китая, использующих в своём творчестве потенциал номадного стиля народов Внутренней Азии.

Высоко оценили творчество Ж. Баясхаланова и Д. Намдакова выдающиеся китайские художники из Внутренней Монголии КНР: Bao Cioging (Тур Баир), председатель Союза художников АРВМ; Ургэл Хангал, декан факультета традиционного прикладного искусства Национального университета Хух-Хото (признанный лидер интеллектуального направления декоративно-прикладного искусства монгольского мира); Li Ghan Zin (Ли Джан Сян), скульптор, имеющий самую успешную креативную мастерскую на севере КНР.

Тур Баир кратко рассказал об опыте стилиобразования художников севера КНР в духе звериного стиля. Председатель Союза художников АРВМ отметил: «Художественное искусство АРВМ имеет многовековой культурный слой. Некоторые искусствоведы считают, что высокое искусство должно быть чистым, существовать для искусства. На наш взгляд, этот путь развития отличается низкой выживаемостью, поэтому мы развиваем и поддерживаем творчество авторов, которое обладало бы эстетическими ценностями и было бы функциональным в повседневной жизни»¹. Одной из задач современного развития местного искусства, по мнению Тур Баира, является «адаптация

¹ За тысячелетие и под влиянием идеологии в Китае сформировалось иное понимание культуры в качестве средства социальной гармонии. По этой причине «творчество» не всегда признаётся в качестве социально полезных видов деятельности, оно актуализирует индивидуальность, изысканность личности.

культурного наследия к запросам современного мира»².

Есть главная проблема, которая актуальна для современного искусства художников на местах: традиционных вещей много – мало пионерских работ. Есть проблема однотипности и монотонности этнического стилиобразования. В Сибири, как и в Китае, есть целые районы, специализирующиеся на одном направлении скульптуры, декоративно-прикладного искусства и ремесленничества. При этом очень мало людей с художественными идеями. То, что традиции существуют с археологических времён, это ценно, но нужен новый язык, новые способы художественной выразительности, новые идеи, новые направления, на которые будут реагировать рынки (местные, всекитайские и, что важнее, – международные).

Ургэл Хангал, декан факультета традиционного монгольского прикладного искусства университета Хух-Хото³ в процессе интервьюирования так охарактеризовал творчество российских художников: «Почему в АРВМ не развивается декоративно-прикладное и ремесленное искусство уровня изучаемых нами художников? Потому что мы копируем, имитируем изделия Южного Китая. Я вижу засилье инокультурного материала и недостаточность усилий по развитию северомонгольского искусства. Имитация и копирование ориентируют наших ремесленников на воспроизводство местных известных аналогов, технологий какой-либо продукции. Возможно, это даёт нашим изделиям улучшенный вид или узнаваемую и признанную китайскую форму, но препятствует созданию своего, своеобразного, уникального изделия»⁴.

Китайские художники, искусствоведы отмечают стилевые особенности работ Даши и Жигжита: «Их произведения источают уверенность в своей гениальности. Их прорыв в том, что изделия передают иронию, самои-

² Полевые дневники М. И. Гомбоевой: интервью с Тур Баиром от 9 января 2019 г., Хух-Хото, КНР.

³ Университет Хух-Хото основан в 1952 г.; включает в себя 25 направлений докторантуры, 96 направлений бакалавра и магистратуры, в том числе 30 – на монгольском языке. В университете осуществляется подготовка на факультетах культуры и искусства: художественного и музыкального образования, декоративно-прикладного искусства, дизайна; существует медиаинститут и факультет кинематографии, в этом секторе обучаются 6 000 студентов. В стенах университета воспитали 20 художников мирового масштаба.

⁴ Полевые дневники М. И. Гомбоевой: интервью с Тур Баиром от 9 января 2019 г., Хух-Хото, КНР. – С. 5.

Фотоколлаж. Древние наскальные изображения коней и всадников. Фото взято из открытых источников сети Интернет. Скульптура Ж. Баясхаланова «Попутный ветер»

Photo collage. Ancient rock carvings of horses and riders. The photo is taken from open Internet sources. Sculpture "Fair Wind" by Zh. Bayaskhalanov

ронию. Эти художники живут, чтобы творить. А творят, как шутят, они применяют несоместимые, на первый взгляд, художественные техники, несущие новые ощущения динамики, скорости, асимметрии» [8, с. 6]. Эта уверенность проявляется в простоте форм и композиций, полисемии концептуального обобщения сибирского звериного стиля.

В свою очередь, у Жигжита Баясхаланова есть замечательные слова о роли монгольского фестиваля искусств в интервью о концептуальных истоках творческой самореализации. Он высоко оценил выставку как площадку для экспериментов и возможностей познания сущностного смысла своего творчества: «Нам, россиянам, полезно понять всё величие исторического прошлого, многообразие стилового богатства, географическую протяжённость и локальное своеобразие древних истоков древнетюркского, монгольского декоративно-прикладного искусства, основанного на искусстве и культуре звериного стилообразования»¹.

Отличительной особенностью стилообразования Ж. Баясхаланова является опора на традиционный и широко распространённый в Сибири звериный стиль [9, с. 17; 10; 11, с. 132; 12, с. 22–25]. Мастер подтверждает наши результаты исследований о наличии прямой преемственности в традициях стилообразования у опреде-

лённой части художников Сибири на основе приёмов насмотренности, привычности стиля. Художник отмечает: «Сегодня в АРВМ именно в Урат² в моём сознании произошёл колоссальный умственный и творческий переворот. Тюрко-монгольское декоративно-прикладное искусство на всём евразийском континенте основано на сибирском зверином стиле. Звериный стиль воспроизводится в разных культурных средах гуннского, раннетюркского и собственно монгольского периодов нашей истории. Но, оказывается, есть ещё более ранняя неолитическая история искусства, когда древний человек рисовал такие рисунки на камне. Уверю вас, хотя мои работы напоминают их, но я не видел ранее эти наскальные рисунки»³.

Художник прав. В стилизации автора нет заимствования. Его стилевые особенности формообразования заданы механизмами культурно-исторической преемственности местных художественных традиций – традициями сибирского звериного стиля. В отличие от Д. Намдакова, имеющего академическое художественное образование и сформировавшего художественную авторскую парадигму, основанную на синтезе и концептуальной инверсии звериного стиля, Ж. Баясхаланов является представителем ремесленного

² Урат – от монг. «умелец».

³ Мастерская-студия Жигжита Баясхаланова. – URL: <http://zhigzhit.com> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст: электронный.

¹ Полевые дневники М. И. Гомбоевой: интервью с Тур Баиром от 9 января 2019 г., Хух-Хото, КНР. – С. 14.

искусства агинских бурят, работающего по законам креативной индустрии.

В теории искусства проанализированы источники подобной преемственности. У. Митчелл объясняет природу данного феномена: структура художественного образа (именно художника) троична. Имеется различие между идеей как понятием (например, звериного стиля), эйдосом (художественное чутьё внутренней формы и внутренней структуры) и природой образа (несущийся в метель жеребец). Художник может обойтись без понятийного содержания. Следующий компонент природы образа у художника обладает сверхчувствительностью. В соответствии отличия идеи и видения есть ещё один компонент созданного художественного образа – эйдолон. Он создаётся самим художником как то, что делает изображение соответствующим идее. Поэтому образ несущегося коня в метель в полной мере соответствует сибирскому звериному стилю наскальных рисунков прошлых эпох [4, с. 14, 23].

Метаиконичность – термин теории искусства иконографии, разработанный Э. Паннофским, различавшим три уровня значения произведения: 1) феномен первичного сюжета; 2) смысл значения как вторичный и историко-культурный конвенциональный сюжет и 3) внутреннее значение, содержание, вложенное личностью. Методологически и лаконично философ выразил троичность художественного образа так: творчество художника сопровождается неравнозначными для самореализации опытом, письменными источниками и синтетической интуицией [13, с. 76].

Насмотренность – следующий принцип формообразования и смыслополагания в творческой деятельности, ставший ещё одним заданным условием художественного формообразования Ж. Баясхаланова.

Смысл творческой интерпретации сибирского звериного стиля художника, ножей, кинжалов и бронзовых украшений, утвари, основанный на зооморфном декоре, например, ножи с навершиями Ж. Баясхаланова, состоит в том, чтобы показать целостность культурной истории, художественной памяти.

Заключение. Археологический канон сибирского звериного стиля описан в рабо-

тах археологов и искусствоведов. Выразительные изделия народного художественного творчества древних мастеров узнаваемы и характерны для Забайкалья, Монголии, Прибайкалья, Восточной, Западной и Севера Сибири, нередко встречаются и в Восточной Европе. При наличии локальных различий, специфических изобразительных приёмов они представляют одну художественную традицию евразийского континентального звериного стиля. На всём протяжении Сибири и Евразии выявлены «линейно-силуэтные», линейно-контурные, иногда реалистические рисунки скачущих всадников, оленей, лошадей [1; 2; 9].

Звериный стиль в творчестве художников имеет такую же историко-географическую привязанность. Он выступает архетипом, канонем, придающим явлению широкую распространённость и узнаваемость, а творчеству – потенциал интерпретации и авторских формообразований в стиле. Художественное владение данным стилем является признаком высокого профессионализма в передаче животной пластики, динамики энергии и образной выразительности, тем самым придаёт ясность в структурировании творческого потенциала художника. Звериный стиль как художественный код является культурообразующим элементом образа мироустройства художника в широком культурном контексте. Динамика художественного творчества от архетипа к авторской интерпретации стиля имеет системный характер. Его можно проследить на примере художественной мимикрии и смысловых метаморфоз звериного образа в стратегиях художественных практик [8, с. 67]. Есть работы декоративно-прикладного характера с использованием звериного стиля с визуальной похожестью и модернистской трансформацией образа в направлении символично-знаковой интерпретации, например, в виде лапидарной символичности.

Анализ творчества современных художников показал господство и доминирование сибирского, тюркско-монгольского звериного стилей в современной художественной парадигме во всём многообразии видов и жанров актуального декоративно-прикладного и высокохудожественного ремесленного искусства репрезентированного первичного художественного сюжета.

Список литературы

1. Рассказы о картинах: живопись / Алтайский краевой музей изобразительных и прикладных искусств; авт. предисл. и сост. Т. М. Степанская. Барнаул, 1979. 126 с.
2. Паульс Е. Д. О происхождении скифского канона в изобразительном искусстве // Степи Евразии в древности и в средневековье: материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2003. С. 124–125.
3. Маковский С. К. На рубежах кубизма // Силуэты русских художников. М., 1921. С. 106–120.
4. Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ, текст, идеология. М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. 240 с.
5. Панофский Э. К проблеме описания и толкования произведений изобразительного искусства / пер. с англ. В. В. Симонова. СПб.: Акад. проект, 1999. 393 с.
6. Nicolaeva M., Scott C. How Picture books work. New York: Taylor and Francis, 2013. 308 p.
7. Сергеев Д. В. Фэнь Цзуньжэнь. Современное состояние культурных индустрий в Китае // Дизайн. Мода. Культурные институции: материалы VI Международной научно-практической конференции. Чита, 2019. С. 153–159.
8. Coats Karen. The Bloomsbury Introduction to Children's and Young Adult Literature. London: Bloomsbury Academic, 2018. 456 p.
9. Королькова У. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IX вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
10. Грязнов М. П. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. 168 с.
11. Савинов Д. Г. Карасукская традиция и «аржано-майэмирский» стиль // Древние культуры Центральной Азии: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 132–136.
12. Окладников А. П. Олень золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.; М.: Искусство, 1964. 239 с.
13. Панофский Э. Этюды по иконологии. СПб.: Азбука-классика, 2009. 480 с.

Информация об авторе

Гомбоева Маргарита Ивановна, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>.

Для цитирования

Гомбоева М. И. Сибирский звериный стиль как концептуальная основа конвертации традиционного художественного наследия в культурные индустрии // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 94–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-94-102.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 19.05.2022.

References

1. Stories about paintings: painting. Altai museum of fine and decorative art. Ed. by T. M. Stepankaya. Barnaul, 1979. (In Rus.)
2. Pauls, E. D. On the origin of the Scythian canon in fine arts. Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. P. Gryaznov. St. Petersburg: 2003: 124–125. (In Rus.)
3. Makovsky, S. K. At the Frontiers of Cubism. Silhouettes of Russian Artists. M: 1921: 106–120. (In Rus.)
4. Mitchell, J. T. Iconology. Image, text, ideology. M: Yekaterinburg: Armchair scientist, 2017. (In Rus.)
5. Panofsky, E. On the problem of description and interpretation of works of fine art / translated from English by Simonova, V. V. St. Petersburg: Acad. project, 1999. (In Rus.)
6. Nikolaeva, M., Scott C. How Picturebooks work. NY: Taylor and Francis, 2013. (In Engl.)
7. Sergeev, D. V., Feng, Zunren. The current state of cultural industries in China. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference: Design. Fashion. Cultural institutions. Chita, 2019: 153–159. (In Rus.)
8. Coats, Karen. The Bloomsbury Introduction to Children's and Young Adult Literature. London: Bloomsbury Academic, 2018. (In Engl.)
9. Korol'kova, U. F. Animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian era (VII–IX centuries BC). St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2006. (In Rus.)

10. Gryaznov, M. P. etc. The complex of archaeological monuments near Mount Tepsei on the Yenisei. Novosibirsk, 1979. (In Rus.)
11. Savinov, D. G. Karasuk tradition and “Arzhan-Maiemir” style. Ancient cultures of Central Asia. St. Petersburg. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of Alexander Danilovich Grach. St. Petersburg: Kult-inform-press. 1998: 132–136. (In Rus.)
12. Okladnikov, A. P. Deer golden horns. Stories about the hunt for rock paintings. Publishing house “Art”. Leningrad; Moscow: Art, 1964. (In Rus.)
13. Panofsky, E. Etudes in iconology. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2009. (In Rus.)

Information about author

Gomboeva Margarita I., Doctor of Culturology, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., 672039, Chita, Russia; e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>.

For citation

Gomboeva M. I. Siberian Animal Style as a Conceptual Basis for the Conversion of Traditional Artistic Heritage into Cultural Industries // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 94–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-94-102.

Received: April 15, 2022; approved after reviewing May 17, 2022; accepted for publication May 19, 2022.

Научная статья**УДК 82'282****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-103-112****Современный бурятский автор как транслятор национального характера****Гомбо Баирович Мархадаев***Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия*
gombomarh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-6117>

Современная бурятская литература, написанная на русском языке, по-прежнему сохраняет естественно-исторические границы этнической природы писателя. В процессе глобализации особый интерес вызывает проблема национального характера, так как установление стандартных универсальных норм поведения людей постепенно приводит к утере и размыванию границ национальной индивидуальности, уникальности собственной культуры. Многогранность российской действительности особенно интересно проявляется в творчестве автора бурятской этнической принадлежности, так как транслируются особый подход и психология собственной национальности. Актуальным для настоящего времени является обозначение кризисного положения для современной литературы, в том числе бурятской, так как процесс унификации национального начала приводит к утере этнического самосознания и национальной самоидентификации. Главной целью исследования является выявление и описание основных способов воплощения национального характера в современной бурятской прозе на русском языке. Гипотеза исследования заключается в том, что национальный характер существует и может реализовывать свои свойства как посредничество между социумом и проявлением этнического бессознательного, что помогает удерживать идентичность нации в условиях глобализационных процессов. Научная новизна работы заключается в определении приёмов и методов при трансляции национального характера автором. В качестве методов исследования применены культурно-исторический и сравнительно-типологический анализ. По результатам работы выявлен целый комплекс средств и способов авторской передачи национального самосознания в произведениях современной бурятской национальной прозы, рассмотрены мотивы, культурный код и архитектурные линии произведений. Литературоведческие поиски решения проблемы национального характера в прозе писателей, представителей сибирских этносов, вызывают большой интерес у исследователей-литературоведов. Потому перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении проявления национального характера в современной бурятской прозе, что позволит более ясно распознать вектор развития национальных литератур в аспекте сохранения чувства национального.

Ключевые слова: национальный характер, культурный код, национальная картина мира, мотивы, архетипический образ, этническое самосознание

Original article**A Modern Buryat Author as a Translator of National Character****Gombo B. Markhadaev***Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia*
gombomarh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-6117>

Modern Buryat literature written in Russian still preserves the natural-historical boundaries of the writer's ethnic nature. In the process of globalization, the problem of national character has become of particular interest, because the establishment of standard universal norms of human behavior gradually leads to the loss and blurring of the boundaries of national individuality, the uniqueness of one's own culture. The diversity of Russian reality is especially interesting in the work of the author of the Buryat ethnicity, as the special approach and psychology of his own nationality is transmitted. Relevant for the present is the designation of a crisis situation for modern literature, including Buryat literature, since the process of unification of the national principle leads to the loss of ethnic self-consciousness and national self-identification. The main goal of the study is to identify and describe the main ways of creating the national character in modern Buryat prose in Russian. The hypothesis of the study is that the national character exists and can realize its properties as an intermediary between society and the manifestation of the ethnic unconscious, which contributes to the preservation of the identity of the nation

© Мархадаев Г. Б., 2022

in the conditions of globalization processes. The scientific novelty of the work lies in the definition of techniques and methods for the translation of the national character by the author. Cultural-historical and comparative-typological analysis were used as research methods. According to the results of the work, a whole complex of means and methods of the author's transfer of national identity in the works of modern Buryat national prose has been identified, motives, cultural code and architectonic lines of the works have been considered. Literary searches for a solution to the problem of national character in the prose of writers, representatives of Siberian ethnic groups, are of great interest to literary researchers. Therefore, we see the prospects for further study of the problem in a more detailed study of the manifestation of the national character in modern Buryat prose, which will make it possible to more clearly see the vector of development of national literatures in the aspect of preserving a sense of the national.

Keywords: national character, national picture of the world, cultural code, motives, archetypal image, ethnic identity

Введение. Проблема национальной самоидентификации в современном развивающемся обществе требует более детального рассмотрения, в том числе в аспекте литературоведения. Мультикультурное и многонациональное российское пространство являет собой многослойность этнических и культурных кодов, отражённая в творчестве и искусстве, подобная уникальная природа представляется важным элементом для выявления национального характера. Глобалистские веяния эпохи являются собой кризисное положение для современной литературы, в том числе бурятской. Актуальность исследования обусловлена тем, что выявление национального характера определяет степень вовлечённости и особенности развития проявлений этнического самосознания в творчестве бурятских писателей, пишущих на русском языке.

Негласный вектор современного общества на унификацию творческого литературного выражения приводит к обходу и уклонению в потребности национального самовыражения, потому главной целью исследования является выявление и описание основных способов воплощения национального характера в современной бурятской прозе. Для реализации указанной цели необходимо решить соответствующие задачи: во-первых, исследовать творчество бурятских современных прозаиков с точки зрения отражения в нем национального образа мира; во-вторых, выявить индивидуальные подходы воссоздания национального характера в современной бурятской прозе; в-третьих, рассмотреть особенность воплощения национального характера в рассматриваемых произведениях бурятских авторов.

Проблеме национального характера, его идентификации и воплощению в литературе посвящены многочисленные труды, в том числе философские исследования классиков европейской мысли. В данной

статье вопрос о национальном характере рассматривается с позиции реалий российской действительности, в качестве теоретической базы рассмотрены труды отечественных авторов: Г. Д. Гачева [1], Н. А. Бердяева, Д. С. Лихачёва, А. Н. Леонтьева, А. К. Жолковского [2], С. В. Лурье [3]. Весомый вклад в исследование проблемы национального характера в бурятском творческом культурном пространстве внесли научные исследования З. А. Серебряковой [4], С. С. Имixelовой, Л. С. Дампиловой [5], И. Н. Именохоевой, Э. С. Доржиевой [6], И. В. Булгутовой [7]. В рамках исследования о национальном характере также рассмотрены работы о транскультурном пространстве [8], об основных научных подходах к ментальности [9] и философской категории менталитета [10]. Наряду с исследованиями о бурятском национальном характере учитывались работы соответствующего направления и о других малых сибирских народностях [11].

В ходе работы во внимание принимались также труды зарубежных исследователей в области изучения менталитета, вопросов этничности, национальной картины мира и этнокультурных компонентов национального характера. Среди них работы Энтони Смита [12], Эдварда Шилза [13], Х. К. Дуйкерка [14], Хсю Френсиса [15], Дэвида Макклелланда [16] и других. Учитывая универсальность явления национального характера, рассмотрены труды британских исследователей Кейт Фокс [17] и Энтони Майола [18] об английском национальном характере.

В качестве материала для исследования рассматривались произведения В. Г. Митыпова, Г. Т. Башкуева, Б. Б. Ширибазарова, Б. Б. Молонова.

Методология и методы исследования.

При рассмотрении национального характера в контексте литературных произведений очень важным является авторское видение,

его творческая природа, при которой литературно-художественное произведение представляет собой воплощённое в слове отношение к этническому и общечеловеческому, процесс осмысления и переосмысления.

Большой интерес представляет и сам литературно-художественный текст, в котором воссоздан национальный менталитет, потому что в нём заключено не только целостное авторское видение сущности народного бытия, но и сама национальность писателя, так как он «свои творческие замыслы черпает, прежде всего, из жизни своего народа, воплощает их в искусстве методами и средствами, выбранными на протяжении веков родным ему этносом» [19, с. 10].

В этой связи особенный интерес возникает к писателям, представителям бурятской национальности, билингвам, пишущим на русском языке. В эпоху глобализации, ускоренных темпов интеграции человеческой личности в сферу международных и межкультурных веяний, когда писательский подход завязан на критерии доступности понимания широкими массами людей, возможно ли сохранить и пронести, выделить свой национальный дух, национальный характер и картину мира? Стремятся ли к этому современные авторы, и если задачи такой перед автором не стоит, то возможно ли выделить маркеры национального характера?

Обращение бурятских писателей к русскому языку выглядит вполне обоснованным и естественным выбором в условиях довлеющей социальной и государственной стандартизации. Особенно это касается советского периода, когда социальная и творческая самореализация нуждалась в широкой массе читателей, при этом модернизация техники, приёмов и собственного стиля письма была труднореализуема вне рамок русского языка.

В настоящее время изучение национального характера актуально, вместе с тем трудно выявить какой-то доминирующий подход. Его анализ осуществляется с разных позиций – в рамках исследований антропологии, психологии, культурологии, этнографии и других наук. Так, американский исследователь Маргарет Мид проблему национального характера рассматривала в рамках социальной и культурной антропологии, усматривая большую роль национально-исторических традиций и культурных моделей как основных компонентов социа-

лизации личности [20]. Американский социолог Пьер Луи ван ден Берге в вопросе национального характера придерживался позиций примордиализма – идеи о том, что многие явления общественной жизни обуславливаются биологической стороной человеческой природы, то есть этнос рассматривается как изначальное и неизменное объединение людей «по крови» с неизменными признаками [21]. Виктор Барноу во главу угла ставит культуру как главный ориентир национального индивида [22]. Культурологического подхода придерживался и Лесли Уайт [23]. В отечественной науке к вопросу о национальном характере нередко подходят с позиций психологии, рассматривая совокупность специфических психологических черт, ставших свойственными той или иной социально-этнической общности. Порой особенности характера пытаются определить, анализируя фольклор. Исследовательский интерес также вызывает поведение народов в разные исторические периоды [24, с. 34].

Опыт литературы и искусства, особенно в вопросе познания национальной сущности человека, позволяет прийти к более детальному пониманию национальной картины мира, в качестве методов исследования в данном аспекте наиболее адаптивными представляются культурно-исторический и сравнительно-типологический анализ.

Результаты исследования и их об- суждение. Согласно общепринятому мнению, национальный характер в аспекте литературоведения рассматривается со стороны наследия материальной и духовной культуры (нормы и правила, традиции, обряды, этикет, социальные взаимоотношения, ритуалы и др.), стереотипов, поведенческих норм и фольклорного опыта. В связи с чем особую позицию, конечно же, занимает сам автор как творец истории, которую он пишет, опираясь на свой экзистенциальный опыт и воспоминания.

Становление бурятской литературы имеет длительный период, разные веяния эпох диктовали свои принципы и тематическую направленность, более того, писательский подход во многом был связан с языком, на котором пишет автор. Так, например, для человека, оказавшегося в зоне культурной периферии, когда окружающий мир, обстановка и информационное поле составляют унифицированный общий социально-культурный слой советско-российской действи-

тельности, национальное мироощущение представителя малой народности начинает размываться, вследствие чего нередко происходит кризис личности и её самоидентификации.

Так, в романе В. Митыпова «Долина бессмертников» главный герой Олег Аюшев, русскоязычный писатель-бурят, испытывает творческий кризис, он сомневается в правильности своего выбора и вектора направления. Кризис отчасти обусловлен непониманием своего места, своего дела и творческого потенциала. Потеря себя во многом связана с нехваткой ощущения слитности с миром, временным вакуумом, где нет прошлого и будущего. В этом смысле очень важно упоминание прошлого как основы бурятского мироощущения. Роман написан в 1975 г., во время, которое для многих ознаменовалось переходным и кризисным, когда государственный вектор довлел над личностью. Связь с прошлым – важный элемент для понимания национального характера бурят. Родные места, предметы быта, детские воспоминания, старое поколение родных – всё это железной печатью откладывается в сознании бурятской картины мира, словно заброшенный драгоценный клад, о котором забывают, но за которым, так или иначе, вновь и вновь возвращаются. Так, в романе В. Митыпова главный герой не знает, почему его потянуло в дорогу на место родового дома. Это незнание и неосознанность являются первыми признаками, свидетельствующими о важности родовых корней для личностной самоидентификации.

В этом смысле примечательно то, как нарушена цельность человека, оторванного от мира родных степей, не чувствующего себя частью национального родового универсума. В. Митыпов описывает это трагическое состояние как образ уничтоженного дома деда, от которого остался лишь земляной квадрат. Главный герой на месте родового дома обнаруживает автомобильную дорогу, которая «поглотила старый дом, коровник, маленькие стойла для телят и навес, под которым дед мастерил грабли» [25, с. 64].

Потеря родового места горьким эхом отзывается в душе писателя: «Чувство было такое, что отняли, ампутировали очень важную частичку его мира. Раньше у него в тылу маячила беззаботная зелёная страна, – хоть он на неё и не оглядывался, однако неизмен-

но ощущал её присутствие, и сознание, что он может укатить туда, стоит лишь захотеть, поддерживало в минуты уныния. А вот теперь этот кусочек вырезали, вынули, и вместо него зияет пустота. Удастся ли чем-нибудь, когда-нибудь заполнить её?»¹. Герой испытывает страх, неопределённость, он теряется во временной системе координат, отнятое прошлое сказывается в настоящем, не чувствует цельности и ощущения слитности с миром.

Таким образом, философская направленность романа «Долина бессмертников» определяется поиском автора места человека в жизни, соответственно, сюжетной схемой произведения является сюжет становления и самопознания. Данные мотивы очень распространены в русскоязычной прозе бурятских писателей. В своём стремлении творческого освоения мира бурятские прозаики так или иначе испытывают потребность в возвращении к своим национальным истокам.

Тема личностного становления и самопознания занимает особое место в творчестве бурятских писателей, как и мотив возвращения на родину, и мотив дороги. Иногда процесс самопознания происходит путём возвращения к родным корням, как это происходит в романе «Долина бессмертников», а иногда поиск себя реализуется через мотив дороги и приключений. В достаточно свежем произведении 2016 г. «Волчьи тропы» под авторством Болота Ширибазарова задача «познания себя» актуализируется в самом конце произведения: все события, повороты судьбы и обстоятельства, которые произошли с главным героем повести, были направлены на раскрытие его природной сущности. Путь постижения своей природы сложен и, вполне естественно, что её поиск проходит через ряд жизненных испытаний: «Нам нужно было тебя раскрыть. Тут, уж извини, методы выбирать не приходилось. Опасный ты пока для общества, учиться тебе надо»².

В современном творчестве бурятских деятелей всё чаще можно наблюдать уклон в сторону эзотерической, шаманской концепции. Данная концепция находит своё отражение в упомянутом произведении «Волчьи тропы» и служит средством для самопознания и

¹ Митыпов В. Г. Долина бессмертников. – М.: Современник, 1975. – 236 с. – С. 5.

² Ширибазаров Б. Б. Волчьи тропы. – URL: <https://proza.ru/2016/10/03/283> (дата обращения: 08.02.2022). – Текст: электронный.

раскрытия своих потенциальных возможностей. Бурятская национальная картина мира в современном бурятском обществе всё ещё наполнена отголосками шаманских верований, суеверий, культов, легенд и мифов, а также эзотерических практик. Нередким для бурят является посвящение в шаманство, примыкание к различным духовным, религиозным и эзотерическим школам. Данные процессы всё чаще происходят в современном бурятском обществе, и рассматривать это можно как реакцию на личностный внутренний запрос о духовном развитии и личностном становлении. Так, в приключенческой повести «Волчьи тропы» главный герой, подросток, взросление которого приходится на девяностые годы, обнаруживает в себе дар ясновидения: «Я с детства умел заглядывать туда, куда заглядывать не следовало». Находя и ступая на путь так называемой «волчьей тропы», которая в свою очередь недоступна для глаз других людей, главный герой мог видеть и слышать многие сокрытые тайны. Линия событий и обстоятельств, которые происходят с героем по сюжету, направлена на раскрытие этих способностей, на их осознание и поиск решений для их контроля. Таким решением стала необходимость поездки в Индию, на встречу со своим родным дядей, который также обладал подобным даром: «Коля протянул мне фото, на котором мой дядя стоял на фоне каких-то джунглей, в оранжевых одеждах буддийского монаха. Он сильно изменился и заметно похудел. И всё же, вне всяких сомнений, это был дядя Рим». Дальнейшие события остаются в тени, автор лишь намекает на дальнейший увлекательный путь к учениям и самопознанию.

Таким образом, одной из основополагающих черт бурятского национального характера является связь с национальным эгрегором, который таит в себе проявления, многие из которых вытекают друг из друга. Эпоха и время имеют большое значение для оформления границ и специфики выражения национального характера. Так, Владимир Митыпов, написавший «Долину бессмертников» в 1975 г., выразил основной посыл касательно национального характера в разрыве времён, важности понимания своих национальных истоков и ценностей. Ведь эти ценности заложены в национальном мироощущении, в самой национальной картине мира, их нарушение, по мнению бурятского писателя, приводит человека и общество к драматиче-

ским последствиям [25, с. 65]. В произведении 2016 г. «Волчьи тропы» акцент с потери именно национальных корней как материально-выраженной категории (национальный язык, предки и внешние атрибуты) смещается в сторону потери духовного начала и психологической составляющей сибирского психотипа малых народностей.

Потеря этнических истоков станет главным импульсом для главного героя в «Долине бессмертников», советского интеллигента, бурята Аюшеева. Роман вполне открыто поднимает вопрос о чувстве тоски по этническому и возвращению национальных символов. Подобный идейный вектор развивает тему «возвращения домой», являющуюся основополагающей для бурятской литературы. В романе В. Митыпова данная тема интересна по своей реализации, потому как идейный вектор подразумевает переход к активным процессам национального самосознания. В связи с этим можно наблюдать подобие эволюционного развития главного героя на пути от усреднённого гражданина-интеллигента советской действительности до преисполненного национальных чувств и проявлений представителя национального меньшинства. Данное произведение занимает особое место в бурятской литературе – оно явилось метафорой переходного и кризисного времени, когда ответом на происходящие глобальные процессы выступает тоска и ностальгия по национальному укладу. Так, ушедший мир предков явился для автора причиной жизненного выгорания, память о детстве и отчем доме с течением времени начинает блёкнуть, а потребность в национальной и личностной самоидентификации становится непреодолимой. Такой путь к поискам национальных истоков пролегал через отъезд главного героя Олега на археологические раскопки гуннских захоронений, где в поисках прошлых свершений писатель находит для себя утраченное настоящее, которое гармонично дополняет его душевное состояние. Рождающийся в воображении Аюшеева роман позволяет ему переноситься сквозь время в прошлое, незримо присутствовать там: «Видел, именно видел и ощущал это: бескрайние равнины, каменистые ветреные нагорья древней Азии... призрачные, как мираж, табуны диких лошадей... сигнальные огни на вершинах лысых холмов... силуэты диковинных всадников»¹.

¹ Митыпов В. Г. Долина бессмертников. – М.: Современник, 1975. – 236 с. – С. 38.

Такая структура романа «Долина бес- смертников», как «книга в книге», позволяет организовать литературное пространство таким образом, чтобы гармонично совмещались универсальные и национальные культурные коды. По утверждению С. С. Имхеловой, «столкновение разнородных кодов проявляется на границе между основным текстом и “текстом в тексте”, созданным, как уже не раз отмечалось нами, по-иному, нежели основной текст, коду» [26, с. 14]. Такой подход позволяет выразить поиски национальной идентификации и притянуть символы национальной картины мира: горы, юрта, синий купол неба, пространство степи, скачущие кони, наполняющие её травы ая-ганга, саранка, багульник – эти традиционные национальные метафоры становятся символом дома и уюта. Они, будто выступают средством бегства от перенаселенности, городской обезличенности в свой мир как модель макрокосма: степь – небо, юрта – космос (Тэнгри), очаг – солнце [26, с. 35].

Таким образом, Владимир Митыпов посредством смешения национальных и культурных кодов ведёт своего героя к прозрению, преодолению творческого и внутреннего кризиса, принятию своей национальной сущности и характера, сознательному приходу к истине (в данном случае – пониманию себя).

Если в произведениях 70–80-х гг. советской эпохи творчество бурятских писателей в той или иной степени направлено на преодоление кризисного времени и творческого застоя социалистических установок, то современное общество свободно от тематических запросов, государственной редакции и политического вектора. Как и в советское время, сознание современного человека подвержено влиянию внешнего фактора, на этот раз такое влияние не ограничивается лишь установками отдельного государства, данное влияние является глобалистским, международным и мультикультурным. Появляется другая крайность творческого выражения и поиска себя: в среде свободы выбора, доступности и лёгкости литературного самовыражения, огромном количестве тематических направлений, международных веяний – во всём этом многообразии тернистый путь писателя часто обходит стороной постановку и освещение сложных проблем человеческой

личности, общества и бытия, нивелируется потребность в национальном самовыражении. Актуальным для настоящего времени является обозначение кризисного положения для современной литературы, в том числе и бурятской.

Несмотря на трудности литературной реализации и удержания фокуса на своей национальной идентичности, современные бурятские прозаики всё чаще работают в рамках концепта «о национальной принадлежности». Всё так же актуальны этнические темы, архитектурные линии произведений: «голос крови», «дорога», «память детства», «мотивы возвращения, тоски по этническому», «архетип отчего дома». В рамках своего времени национальные символы не приходится с силой вытягивать из литературного пространства, как это происходит у В. Митыпова, у современных авторов всё на виду, их герои существуют в гармонии и естественном состоянии со своим национальным самосознанием и этнической самоидентификацией.

Так, в сборнике рассказов Булата Молонова «Танец орла» или повести «Волчьи тропы» Болота Ширибазарова национальный мир предстаёт в полном объёме своей ментальной и материальной красоты. Географический ландшафт полон переливающихся национальных символов и концептов: вечное синее небо сменяется бескрайной степью, священные горы служат домашним маяком, всадники на степных лошадях стремятся ввысь в бесконечность, белые юрты томятся в степи, полной жарков и саранок, анималистические образы актуальны, а общность пространства степи нерушима. В автобиографическом сборнике рассказов Б. Молонова герой, будучи носителем языка и культуры национальности, к которой он принадлежит, всегда пребывает в рамках воспоминаний о родной земле, стремления к единению с родной природой. При этом основополагающим мотивом произведения является мотив «дороги и пути»: «Пальто на гвозде, шарф в рукаве и перчатки в карманах шепчут – подожди до утра! Но высокая в небе Звезда зовёт меня в путь! Я готов идти. Готов!»¹.

Герой изначально существует в системе координат своей национальной картины мира, он всегда с этим миром, и точно знает, что рано или поздно вернётся (мотив воз-

¹ Молонов Б. Б. Танец орла. – Улан-Удэ: БУРЯД-МОНГОЛ НОМ, 2014. – 190 с. – С. 187.

вращения в отчий дом). В данном случае, когда герой не ставит вопрос о своей этнической личностной идентификации, находясь вдали от дома, можно наблюдать, как он трансформирует пространство вокруг себя в родные степи под вечным синим небом: «Иду по улице Сеула, льёт дождь, я без зонта, промокший до нитки. Навстречу торопливые прохожие, мимо – автомашины. Смотрю на это всё, а вижу перед своими глазами родную Кижингу... Слышу песню вольного ветра, гуляющего по кижингинской степи... И тут я, абсолютно интуитивно, абсолютно неосознанно, вдруг начинаю танцевать танец орла»¹. Подобное наблюдение весьма интересно, поскольку, как мы успели выяснить ранее, многие русскоязычные бурятские прозаики работают над проблемой личностной самоидентификации перед лицом новых реалий жизни. Они раскрывают себя путём целенаправленного поиска тех нитей, ведущих к национальному самосознанию, и то, к чему они приходят, они бережно хранят, стараясь встроиться в новую модель бытия. Герой Б. Молонова, напротив, весь национальный пласт хранит в себе и транслирует его вокруг, насыщая пространство своими национальными культурными кодами. Подобный вектор реализации национального характера заслуживает внимания, поскольку акцент с концепции «поиска этнического» смещается на модель «передачи и синтеза этнического».

В отличие от Б. Молонова, родившегося в бурятском культурном и географическом пространстве, Болот Ширибазаров, чьё детство прошло среди иной культурной составляющей, вдали от бурятских степей, на БАМе, в подростковом возрасте должен был вновь раскрывать для себя национальную картину мира. Так и героя повести «Волчи тропы» по имени Володя по сюжету в начале 1990-х гг. занесло в далёкую бурятскую степь, где всё вокруг заявляло о степном, кочевом национальном укладе жизни: степи, юрты, священная гора, скот кочевников и сами степняки, шаманы (боо), юродивые (рабжа), анималистические образы животных и т. д. Как и герой В. Митыпова в «Долине бессмертников», после долгого отсутствия Владимир должен был вновь соприкоснуться с миром своей национальной природы. В данном сопоставлении ярко выражена идея повторного открытия или обретения нацио-

¹ Молонов Б. Б. Танец орла. – Улан-Удэ: БУРЯД-МОНГОЛ НОМ, 2014. – 190 с. – С. 68.

нальных символов, относящаяся к мотиву «возвращения».

На наш взгляд, тема «возвращения к истокам» является для современных бурятских писателей распространённой и в определённой степени ведущей, возвращение может реализовываться как целенаправленный поиск, например, в произведении В. Митыпова «Долина бессмертников» эта тема звучит как ожидание неизбежного, как повторное открытие, как прозрение и очищение, как стечение обстоятельств и неосознанный выбор.

Вектор судьбы героя может пролегать через неосознанные события или условия, выталкивающие человека с уже знакомой ему линии бытия. Путь потерянного в жизни человека может зависеть не от воли самого человека, а от случайной совокупности событий, которая приводит героя к прозрению. В повести Геннадия Башкуева «Пропавший» главный герой по имени Жорик испытывает внутренний разлад, непонимание и незавершённость жизненного поиска, его неспособность самоорганизовываться и проявлять волю приводит к тому, что он теряет себя и собственное имя в потоке времени. Слабовольный, легкомысленный и безответственный, он в силу определённых обстоятельств оказывается в пути с пожилой женщиной по имени Долгор, ему предстоит сопроводить старушку, которая ищет могилу сына, погибшего во время войны, далеко на западе. Конец своей жизни он находит на чужбине, в бескрайней морозной степи. Замерзая, перед смертью он видит родную степь и мать, чужое пространство вокруг меняется, приходит ощущение тепла, воспоминания детства, чувство дома, сознание героя уже пребывает в родной степи, у отчего дома: «гранёным штыком смерч разодрал со спины куртку, вырвал крылья, и он, зажав ледяное запястье своей спутницы, полетел, сберегаемый стенками громадной воронки. Зрением сапсана он высмотрел розовую горбушку горизонта, там расцветали жарки и саранки – сполохами народившегося утра...»². Последние строки произведения представляют собой картину возвращения в родные места: после многих лет бездействия и ложных поисков потерявшийся по жизни человек, не оправдавший ни своих надежд, ни надежд родителей, как бы приходит на исходные позиции, где он когда-то давно был полон желаний и амби-

² Башкуев Г. Т. На переломе. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. – 492 с. – С. 287.

ций, его любили родители. Символическое возвращение на родину на крыльях сапсана в чудесное тёплое место за горизонтом с запахом расцветающих цветов из детства представляет собой одну из основных идей и концепций современных бурятских писателей – прозрение и очищение современного человека, потерявшего себя и ощущающего болезненное и непричастное состояние мира, и реализуется такой процесс очищения через мотив возвращения.

Русский язык как объединяющий фактор, как универсальное унитарное лингвистическое образование, безусловно, богатый насыщенный и детализированный, он обладает всеми тонкостями передачи национальных кодов, оттенков и смыслов. Национальный язык определённо играет огромную роль в проявлении национального характера: обороты речи, обращения, названия, семантический аспект и синтагматическая структура – всё это прямым образом влияет на передачу национальных свойств и колорита. В данной работе рассматриваются произведения на русском языке бурятских писателей, объектом исследования является национальный характер. Рассмотрение вопроса о национальном сознании вне рамок этнического языка, на первый взгляд изучение кажется неполным и ограниченным, но многие психологи в научной среде проявление национального характера связывают с эмоционально-психологической сферой (нормы поведения человека в обществе, психологические стереотипы поведения, ассоциативный ряд, тематический ряд, мотивы поведения и др.), соответственно, такое выражение может вполне исчерпывающе реализовываться на русском языке. В условиях социалистической стандартизации и идейной унификации, а также в современное время творческих свободных вариаций бурятские прозаики, пишущие на русском языке, всё так же сохраняют чувство национального, вместе с тем жизненный вектор и идейный выбор часто перекликаются в работах современных авторов и имеют ведущее значение. Естественно-исторические

границы этнической природы способствуют частичной или полной вовлечённости бурятских прозаиков в ментальное поле собственной национальности. Современный бурятский писатель многогранен, органично и естественно сочетает в себе многослойность культурных слоёв и кодов.

Заключение. Таким образом, в транслируемом литературном авторском видении бурятских прозаиков проявление национального характера присутствует в значительной мере. Каждый автор индивидуален и представляет в своём творчестве собственную уникальную модель, присутствует разный подход к выражению национального, собственный экзистенциальный опыт трансформирует литературное пространство в определённо выверенные образы, мотивы, сюжеты и идеи. Так, проза бурятских писателей во многом отличается тем, что ставит вопрос о важнейших источниках самосознания и самопознания современного человека. Данные вопросы часто возникают при жизненном пути главных героев бурятских произведений, ведомые чувством тоски и несовершенства жизни, они, в поисках ответов и решений, часто обращаются к истокам и корням, надеясь раскрыться и преодолеть кризис личности. Как показывает анализ, связь с прошлым – действительно важный элемент для понимания национального характера бурят. Потребность в возвращении к своим национальным истокам, тоска по этническому и возвращение национальных символов часто реализуются в мотиве возвращения на родину. Переживаемый жизненный путь главных героев, их поиск своего места в жизни нередко сопряжён с мотивом дороги. Тема возвращения к истокам многогранна, реализовывается под разными углами: это может быть целенаправленный поиск, неосознанный выбор, повторное открытие. Писатель как транслятор национального характера непринуждённо и естественно затрагивает этнические темы и архитектурные линии («голос крови», «дорога», «память детства», «архетип отчего дома», «анималистические образы» и т. д.).

Список литературы

1. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. 544 с.
2. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. 428 с.
3. Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. 624 с.
4. Серебрякова З. А. Бурятский роман 1940–1980-х гг.: национальный характер в контексте истории: автореф. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Улан-Удэ, 2009. 42 с.

5. Дампилова Л. С. Культурные коды в модернистской поэзии монгольских народов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. С. 28–30.
6. Доржиева Э. С. Этнопоэтические истоки сюжетостроения бурятского романа 60–80-х гг. XX века: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Улан-Удэ, 2019. 24 с.
7. Булгутова И. В. Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков: автореф. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Улан-Удэ, 2019. 42 с.
8. Фомина М. Н., Борисенко О. А. Размышления о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 1. С. 105–113.
9. Богодухова Е. Е., Фомина М. Н. Основные научные подходы к изучению менталитета и ментальности // Философские науки. 2020. № 2. С. 117–120.
10. Губанов Н. Н., Губанов Н. И. Состав, способы изучения, типы менталитета // Гуманитарный вестник. 2019. № 2. С. 78–97.
11. Ламажаа Ч. К. Национальный характер тувинцев. СПб.: Нестор-История, 2018. 240 с.
12. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. New York: Oxford, 1986. 312 p.
13. Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 334 p.
14. Duiker H. C., Frijda N. H. National character and national stereotypes. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1960. 238 p.
15. Hsu, Francis L. K. (ed.) Psychological Anthropology: Approaches to Culture and Personality. Homewood, Ill.: The Dorsey Press, 1961. 520 p.
16. McClelland D. C. The achieving society. Princeton, New Jersey: Van Nostrand Reinhold, 1961. 522 p.
17. Фокс К. Наблюдая за англичанами: скрытые правила поведения / пер. с англ. И. П. Новоселечкой. М.: РИПОЛ классик, 2013. 512 с.
18. Майол Э. Эти странные англичане / пер. с англ. И. Тогоевой. М.: Эгмонт Россия ЛТД, 2001. 71 с.
19. Гнатенко П. И. Национальный характер. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1992. 140 с.
20. Mead M. National character // Anthropology Today: an encyclopedic Inventory / A. L. Kroeber (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1953. Pp. 642–647.
21. Van den Berghe P. Ethnic Phenomenon. New York: Elsevier, 1985. 301 p.
22. Barnouw V. Culture and Personality. Homewood, Ill.: The Dorsey Press, 1985. 560 p.
23. White L. A. The Concept of Culture // American Anthropologist. 1959. Vol. 61. 239 p.
24. Серебрякова Ю. А., Мункуева Р. Б. Понятие национального характера // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. С. 32–37.
25. Ванчикова С. Д. Личность и время в романе В. Митыпова «Долина бессмертников» // Россия – Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. Вып. 3. С. 63–65.
26. Имixelова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы): монография. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2020. 216 с.

Информация об авторе

Мархадаев Гомбо Баирович, аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: gombomarh@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1433-6117>.

Для цитирования

Мархадаев Г. Б. Современный бурятский автор как транслятор национального характера // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 103–112. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-103-112.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 20.04.2022.

References

1. Gachev, G. D. Mentality of the peoples of the world. M: Algorithm; Jeksmo, 2008. (In Rus.)
2. Zholkovskiy, A. K. Wandering dreams and other works. M: Vostochnaya literatura, 1994. (In Rus.)
3. Lur'e, S. V. Psychological anthropology: history, current state, prospects. M: Al'ma Mater, 2005. (In Rus.)
4. Serebryakova, Z. A. The Buryat novel of the 1940s-1980s: national character in the context of history. Dr. sci. abstr. Ulan-Ude, 2009. (In Rus.)
5. Dampilova, L. S. Cultural codes in the modernist poetry of the Mongolian people. Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 11, pp. 28–30, 2016. (In Rus.)
6. Dorzhieva, E. S. Ethnopoetic origins of the plot – building of the Buryat novel of the 1960–1980s. Cand. sci. abstr. Ulan-Udje, 2019. (In Rus.)

7. Bulgutova, I. V. Mythopoetics in the context of the formation and development of Buryat Literature of the second half of the XX – early XXI centuries. Dr. sci. abstr. Ulan-Ude, 2019. (In Rus.)
8. Fomina, M. N., Borisenko, O. A. Reflections on the transcultural space as a reflection of globalizing culture. Concept: philosophy, religion, culture, no. 1, pp. 105–113, 2018. (In Rus.)
9. Bogodukhova, E. E., Fomina, M. N. Basic scientific approaches to the study of mentality. Philosophical Sciences, no. 2, pp. 117–120, 2020. (In Rus.)
10. Gubanov, N. N., Gubanov, N. I. Composition, methods of study, types of mentality. Humanitarian Bulletin, no. 2, pp. 78–97, 2019. (In Rus.)
11. Lamazhaa, Ch. K. The national character of Tuvans. Spb: Nestor-Istoriya, 2018. (In Rus.)
12. Smith, A. D. The Ethnic Origins of Nations. New York: Oxford, 1986. (In Engl.)
13. Shils, E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981. (In Engl.)
14. Duijker, H. C., Frijda, N. H. National character and national stereotypes. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1960. (In Engl.)
15. Hsu, Francis L. K. (ed.). Psychological Anthropology: Approaches to Culture and Personality. Homewood, Ill: The Dorsey Press, 1961. (In Engl.)
16. McClelland, D. C. The achieving society. Princeton, NJ: Van Nostrand Reinhold, 1961. (In Engl.)
17. Foks, K. Watching the British. Hidden rules of behavior. M: RIPOL klassik, 2013. (In Rus.)
18. Mayol, E. These strange Englishmen. M: Egmont Rossiya LTD, 2001. (In Rus.)
19. Gnatenko, P. I. National character. Dnepropetrovsk: Izd-vo DGU, 1992. (In Rus.)
20. Mead, M. National character. In: Kroeber A. L. (ed.) Anthropology Today: an encyclopedic Inventory. Chicago: University of Chicago Press, 1953: 642–647. (In Engl.)
21. Van den Berghe, P. Ethnic Phenomenon. N.Y: Elsevier, 1985. (In Engl.)
22. Barnouw, V. Culture and Personality. Homewood, Ill: The Dorsey Press, 1985. (In Engl.)
23. White, L. A. The Concept of Culture. American Anthropologist, Vol. 61. Washington: Blackwell Publishing Ltd, 1959. (In Engl.)
24. Serebryakova, Yu. A., Munkueva, R. B. The concept of national character. Bulletin of the Buryat State University, no. 3, pp. 32–37, 2018. (In Rus.)
25. Vanchikova, S. D. Personality and time in V. Mitypov's novel "The Valley of Immortelles". Russia-Asia: Mechanisms for the Preservation and Modernization of Ethnicity. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (iss. 3). Ulan-Udje: 2008: 63–65 (In Rus.)
26. Imikhelova, S. S. Mosaic of national life: about the literary process in Buryatia (2010s). Ulan-Ude: BGU, 2020. (In Rus.)

Information about author

Markhadaev Gombo B., Postgraduate Student; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670030, Russia; e-mail: gombomarh@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1433-6117>.

For citation

Markhadaev G. B. A Modern Buryat Author as a Translator of National Character // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. Pp. 103–112. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-103-112.

Received: March 14, 2022; approved after reviewing April 17, 2022; accepted for publication April 20, 2022.

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-113-121

Факторы модернизации высшего образования в китайском обществе в период до Синьхайской революции

Арте́м Вади́мович Жуко́в¹, Сюй Ин²¹Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,²Шэньянский технологический институт, провинция Ляонин, Китай¹artem_jukov68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>,²309867456@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>

Статья посвящена попытке осмысления предпосылок начального этапа модернизации высшего образования в Китае, ведущей из которых представляются историко-культурные основания данного процесса. Анализ особенностей модернизации китайской системы высшего образования проводится на основании китайских источников, представляющих характеристику модернизации высшего образования в период до Синьхайской революции. Предметом являются предпосылки раннего этапа модернизации китайского высшего образования. Цель исследования – доказательство взаимозависимости модернизации высшего образования, традиционной социальной среды и китайского образовательного сообщества на протяжении длительного времени. Научная новизна статьи связывается с разработкой факторов модернизации высшего образования в Китае. В основе предпринимаемого исследования находится методология содержательного, функционального, историко-эволюционного подходов, разрабатываемых в трудах китайских авторов. Результат изучения – положение о том, что китайское образование представляет собой набор специфических моделей, уходящих своими корнями в традиционный исторический фон Китая. Однако фактором становления системы высшего образования в Китае стало влияние западных стран, которые во второй половине XIX в. получили возможность политического, экономического, научного и духовного участия в жизни страны. Как показывают авторы, в условиях модернизации системы образования в Китае высшее образование открыло эпоху выхода за пределы традиции и стало основой системы производства квалифицированных кадров, направленных на развитие общества, ориентированного на западные образцы культуры и производства.

Ключевые слова: высшее образование, модернизация, система образования в Китае, династия Цин, Синьхайская революция, реформа образования в Китае, факторы модернизации высшего образования

Original article

Factors of Modernization of Higher Education in Chinese Society in the Period Before the Xinhai Revolution

Artem V. Zhukov¹, Xu Ying²¹Transbaikal State University, Chita, Russia,²Shenyang Institute of Technology, Liaoning Province China¹artem_jukov68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>²309867456@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>

The article is devoted to an attempt to comprehend the prerequisites of the initial stage of modernization of higher education in China, the leading of which is the historical and cultural foundations of this process. The analysis of the features of the modernization of the Chinese higher education system is carried out on the basis of Chinese sources representing the characteristics of the modernization of higher education in the period before the Xinhai Revolution. The subject is the prerequisites of the early stage of modernization of Chinese higher education. The scientific novelty of the article is associated with the development of factors for the modernization of higher education in China. The methodology of the undertaken research is based on: meaningful, functional, historical and evolutionary approach developed in the works of Chinese authors. The result of the study is the position that Chinese education is a set of specific models rooted in the traditional historical background of China. However, the factors of the formation of the higher education system in China were influenced by Western

© Жуков А. В., Сюй Ин, 2022

countries, which got the opportunity to participate politically, economically, scientifically and spiritually in the life of the country in the second half of the XIXth century. As the authors show, under the conditions of modernization of the education system in China, higher education opened the era of going beyond tradition and became the basis of the system of production of qualified personnel aimed at the development of a society focused on Western patterns of culture and production.

Keywords: higher education, modernization, education system in China, Qing Dynasty, Xinhai Revolution, education reform in China, factors of modernization of higher education

Введение. Высшее образование является основой подготовки высококвалифицированных кадров для китайской экономики и культуры. Поэтому совершенствование системы высшего образования оказывает существенное влияние на модернизацию Китая. Таким образом, модернизация всей страны напрямую зависит от модернизации её высшего образования. Важно отметить, что в Китае данный процесс протекал благодаря влиянию западной культуры и науки, в то же время он имеет и свои особенности. С этой точки зрения можно сказать, что модернизация высшего образования в китайском обществе заключается в стремлении догнать наиболее развитые страны мира. Следуя за ними, Китай проводит политику, нацеленную на достижение высокого уровня технической оснащённости образовательного процесса. Однако здесь уделяют внимание не только технической стороне процесса, но и тому, как проходит модернизация сознания человека, развитие которого как специалиста высокого уровня считается особенно важным. Поэтому существенное значение имеет проведение анализа особенностей модернизации высшего образования в Китае, ведущей из которых представляются историко-культурные основания данного процесса.

Изучению высшего образования в Китае посвящены работы ряда авторов, куда входят Цзинь Цзинтао [1], Хэ Фушэн и Ли Хуэйцин [2], Чу Хунци [3], Дай Бэнбо [4], Лю Хайфэн, Ши Цзинхуань [5], представившие характеристику этапов развития высшего образования, включая традиционное, научно ориентированное и техническое образование. Анализ предпосылок модернизации высшего образования провели Лю Чжунюнь [6], Инь Да и Сюй Фэн [7], Ван Цзинсю [8], Сюн Минань [9], Чжан Хуймин [10], указывающие, что стимулом развития образования является потребность в квалифицированных кадрах. Анализу исторических стратегий государственного развития в сфере высшего образования посвящены работы Пань Маюань и Ван Вейлянь [11], Хуан Футао

[12], Ян Тянь [13], Мао Хуйсян и У Юе [14], доказывающие необходимость взвешенной политики властей, направленной на сотрудничество с обществом и создание университетов мирового уровня. В то же время актуальным является проведение исследований, направленных на анализ особенностей модернизации китайской системы высшего образования.

Методология и методы исследования. Объектом исследования данной статьи является развитие высшего образования в Китае. Предмет исследования – процесс модернизации высшего образования в Китае в период XIX – первой половины XX в. Цель исследования – доказательство взаимозависимости модернизации высшего образования, традиционной социальной среды и китайского образовательного сообщества на протяжении длительного времени. Научная новизна статьи видится в разработке факторов модернизации высшего образования в Китае, что способствует развитию представлений об особенностях модернизации китайского высшего образования как процесса эволюции от традиционных образовательных форм к образованию, ориентированному на западные научные стандарты.

В основе методологии предпринимаемого исследования находится методология: содержательного подхода Суй Ифаня [15] и Мао Жуна [16], включающего требование описывать модернизацию высшего образования, учитывая концептуальную, институциональную, содержательную, техническую составляющую; функционального подхода Чжан Анфу [17], предлагающего учитывать, такие функции высшего образования, как персонализация, популяризация, информатизация, интернализация, диверсификация, демократизация, социализация и специализация; историко-эволюционного подхода Чжан Инцяня [18], считающего модернизацию высшего образования процессом постепенного развития на основе долгосрочной эволюции.

Результаты исследования и их обсуждение. Результатом исследования яв-

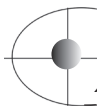

ляется положение о том, что современное китайское образование представляет собой набор специфических моделей, уходящих своими корнями в традиционный исторический фон Китая. На протяжении более двух тысяч лет, вплоть до наступления Нового времени, в Китае доминировало традиционное направление образования, однако, начиная со второй половины XIX в., здесь появились новые тенденции, ведущей из которых стало формирование высшего образования. Фактором становления системы высшего образования в Китае видится влияние западных стран, которые во второй половине XIX в. получили возможность политического, экономического, научного и духовного участия в жизни страны. Вместе с распространением этого влияния среди китайцев начали приниматься идеи западного христианства, Просвещения и марксизма, которые стали идейным обоснованием, подготовившим появление первых учреждений высшего образования, таких как Пекинская высшая школы иностранных языков Тунвэньгуань, Первоклассная школа западного обучения в Тяньцзине, Университет Цзинши. Несмотря на очевидную и прямую зависимость от влияния западных стран, китайское высшее образование с самого начала существенно отличалось от западных образцов тем, что основывалось на традиционной системе образования. Однако в условиях модернизации системы образования в Китае высшее образование открыло эпоху выхода за пределы традиции и стало основой системы производства квалифицированных кадров, направленных на развитие общества, ориентированного на западные образцы культуры и производства.

В Китае развитие системы образования, являющейся предшественником высшего образования, имеет долгую историю. Ещё во времена династий Ся и Шан, когда рабовладение считалось основой государственного устройства, была разработана «форма образования для будущих чиновников под названием Кэцзюй, завершавшаяся проведением государственных экзаменов единого образца» [1, с. 48]. В период династии Хань Тайсюэ функционировала система, которую многие считают первым в мире опытом реализации проекта высшего образования. Во II в. до н. э. в этом учреждении на чиновников учились тысячи студентов, занятия для которых проводили академические учёные.

При династии Тан в VIII в. были созданы академии, ставшие очагами распространения культуры и науки. Первоначально они использовались как помещения для официального собрания книг, но впоследствии – как развившиеся в разветвлённые образовательные учреждения, включавшие значительное количество департаментов, охватывавших циклы отдельных наук и сфер культуры. Центральное место в указанной образовательной системе занимала Генеральная академия, являвшаяся рупором императорской власти и осуществлявшая функции координации в подготовке управленческих и научных кадров. Примечательно, что академия была организована по принципу объединения учёных и преподавателей в департаментах по направлению дисциплин, изучаемых и преподаваемых ими. Как отмечает Сюн Минань, «среди сотрудников Академии была установлена жёсткая иерархия должностей, включавшая четыре ранга, а все подразделения были подчинены единому управлению, которое было ориентировано на выполнение воли императора» [9, с. 19].

Хэ Фушэн и Ли Хуэйцин отмечают, что новый виток развития академической структура поучила при династии Сун, когда академии стали частной формой образования, что привело к их расцвету. В сфере образования была проведена реформа, благодаря которой усовершенствовали структуру рангов, способствовавшую выработке чёткой системы классификации департаментов и должностей, выстраиваемой в связи с требованиями к знаниям, умениям, происхождению. Однако при династии Юань образование ступило в период кризиса, так как Академия Ханлинь фактически стала собственностью императорского клана, в её функции вошли сортировка, компиляция и переписывание китайской истории. В качестве колледжа для представителей клана Юань, члены которого, приобщаясь к достижениям китайской культуры и науки, получали доступ к управленческим должностям в империи, стало использоваться такое учреждение образования, как Гоцзыцзянь (впоследствии заведение признано университетом). Это было единственное в стране высшее учебное заведение, дающее реальное образование, при этом перестали проводиться официальные экзамены на должности чиновников [2].

Влияние Академии было восстановлено только при династии Мин, когда вернулось влияние конфуцианских учёных, а в политической жизни утвердилось влияние неоконфуцианства. В состав Академии в это время входили более двухсот высокопоставленных чиновников государства, которые обучали наукам будущих чиновников и осуществляли контроль над проведением экзаменов Кэцзюй.

Некоторое сокращение их количества произошло с приходом к власти династии Цин, которая поддерживала Академию и поощряла педагогическую деятельность философов-конфуцианцев, а также подготовку литературных сборников, антологий, словарей и энциклопедий. Строго говоря, династия Цин продолжала традиции династии Мин и по-прежнему направляла усилия на подготовку специалистов управленческого аппарата, работающих в условиях традиционного для Китая конфуцианского управления и сельскохозяйственной экономики. В то же время эта система была максимально расширена, включая различные уровни образования, и унифицирована, ориентируясь на общий идеал в качестве государственного экзамена.

Однако данная система показала свою несостоятельность в годы Опиумной войны, когда стало ясно, что преподавание во многом носит формальный характер, а подготовка к имперским экзаменам становится единственным содержанием всего процесса обучения. В то же время, начиная с XIX в., в Китае в связи со смягчением политики «закрытых дверей» распространялись новые для него идеи, связанные с влиянием евангелизации. В частности, с 1807 по 1840 г. из Европы и США в Китай прибыло около 20 миссионеров, которые способствовали распространению переводов западных религиозных текстов. Дай Бэнбо в своих трудах, рассматривая роль деятельности миссионеров, отмечает, что работа была направлена на организацию публикации периодических изданий, которые сыграли положительную роль в распространении западных идей. Многие из миссионеров также были медицинскими работниками, занимались проблемами здравоохранения в Китае, публикации на медицинскую тему были очень востребованы [4].

В первую очередь на развитие высшего образования повлияли реформы, принятые

в период после опиумных войн, приведших к поражению Китая, пережившего беспрецедентное унижение, которое вынудило правительство встать на путь модернизации. Чжан Хуймин акцентирует внимание на важности того, что «само цинское правительство не имело ясного представления об этом, и существенное значение имело влияние таких стран, как Великобритания, США, Франция и Россия, которые получили самые широкие преференции для своей торгово-экономической и культурной деятельности в Китае» [10, с. 119]. Усиление их влияния вело к тому, что в китайском обществе в качестве образца для подрастающего поколения и в качестве фундамента для распространения учреждений высшего образования нового, западного типа утверждался идеал «западной учёности». Вслед за этим китайское общество вступило в период больших перемен, наиболее значимыми из которых было изменение представлений китайских граждан об окружающем мире и своём месте в нём.

Китайцы искали своё будущее в перспективах, которые предлагались западным миром, что привело к оформлению широкого социального движения вестернизации, содержание которого состояло в том, чтобы внедрять и изучать передовую западную науку и технологии. Движение к вестернизации началось с закупок большого количества орудий и кораблей за границу, использования новых методов обучения флота и армии, создания военной промышленности, что привело общество к осознанию необходимости подготовки специалистов, способных работать в новых отраслях торговли и экономики. При поддержке движения вестернизации, нацеленного на поиск талантов, начали открываться новые школы, проводиться проекты перевода произведений западных классиков, задачей которых стало культурное просвещение, была инициирована массовая отправка китайских студентов за рубеж. В это время, как отмечает, например, Чу Хунци, образование Китая, связанное с влиянием западных государств, представляло собой структуру, состоящую из трёх типов, включая образование в миссионерских школах, образование по типу вестернизации и обучение за границей [3].

С увеличением числа предприятий, созданных западными державами в Китае, в сочетании с контролируруемыми ими ведомствами, такими как таможня и почта, усилилась

деятельность западных миссионеров в рамках организации миссионерских школ. Необходимо отметить, что объективно деятельность этих учреждений была направлена на распространение влияния западных государств, вместе с этим они способствовали выявлению и активизации значительного количества молодёжи, нацеленной на самореализацию в условиях нового, модернизирующегося Китая. Этому же способствовал начавшийся тогда процесс отправки китайской молодёжи для обучения за границу [5].

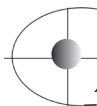
Развитие зарубежного образования играло значительную роль в изучении и заимствовании достижений западной науки и техники, имело положительную роль в содействии трансформации образовательных концепций. Однако в 1881 г. из-за противодействия приверженцев традиционной модели обучения деятельность по отправке студентов для обучения в западных вузах была прекращена. Тем не менее, как отмечают в своих трудах Инь Да и Сюй Фэн, продолжался процесс модернизации китайского образования, который был нацелен на задачи выхода страны из кризиса, укрепление её экономики и армии. Наиболее известным примером реализации проекта модернизации стало создание училища Тунвэньгуань. Оно открылось в Пекине в 1862 г. с целью обучения китайцев иностранным языкам и наукам для того, чтобы они могли работать с западными кампаниями [7]. Таким образом, несмотря на то, что во второй половине XIX в. в Китае доминировал традиционный тип образования для будущих чиновников, благодаря движению вестернизации цинское правительство было вынуждено инициировать процесс модернизации высшего образования, что отражало возникшую потребность общества в организации адекватного взаимодействия с западным миром.

Лю Хайфэн и Ши Цзинхуань, изучая дальнейшее развитие системы высшего образования, отмечали, что оно напрямую связывалось с влиянием модернизации и сопровождалось развитием социальной борьбы, на характер которой стали оказывать войны и этнические конфликты, сопровождающие внедрение западного влияния в Китай. Одним из таких конфликтов стала Первая китайско-японская война, доказавшая отсталость социально-экономического развития Китая. Поражение от Японии привело к осознанию необходимости реор-

ганизации китайской системы образования по западному образцу [5]. Начался процесс трансформации китайского понимания значения западного обучения, так как прежде считалось, что подлинное образование во все века существовало только в Китае, его заимствовали западные страны. Со времён появления первых представителей западной цивилизации целью изучения западных знаний стало «контролировать варваров» и «овладевать варварами».

После поражения в Китайско-японской войне многие перестали верить в идею Поднебесной и начали задумываться о том мире, который начал взаимодействовать с Китаем. Во-первых, китайцы заново старались узнать и понять Японию, соглашаясь, что у неё есть чему поучиться. Во-первых, вслед за Японией китайское правительство стало посылать студентов для обучения за границей в странах Запада. Понятие о «западном обучении» постепенно трансформировалось, так как люди осознавали необходимость изучения западных наук и чтения западной литературы. Если в предшествующий войне период основным субъектом образовательной политики было государство, то в послевоенное время образование стало делом каждой личности. Граждане китайского государства сами проявляли инициативу, направленную на овладение определённым набором знаний, который они считали необходимым для себя, всё чаще это были знания, предлагаемые западной культурой. Ради достижения цели «учиться у иностранцев» фракция вестернизации приступила к организации колледжей и университетов, задачей которых стало изучение западных технологий, которые можно было использовать для экономического и социального развития Китая. Наиболее известным из таких учреждений стала Первоклассная школа западного обучения, основанная в Тяньцзине в 1895 г. [14].

Причину выхода реформизма на первые позиции в образовательной сфере рассматривает Ян Тянь. Исследователь показал растущую популярность идеи «западного обучения», включающего программы, нацеленные на освоение западных языков, основ западного искусства и западной политики. «Особенности модернизации образования этого периода определялись тем, что интерес к западному стилю обучения только начал складываться и касался глав-

ным образом подготовки специалистов в дипломатической и военной сфере, почти не затрагивая технической и гуманитарной проблематики» [13].

Однако с развитием общества и углублением понимания западного обучения содержание обучения этой единой структуры постепенно усложнялось. Модернизирующееся образование выросло напрямую из традиционного, поэтому наследовало его ограниченную учебную и техническую базу, состав преподавателей и содержание учебных курсов, что существенно ограничивало возможности полноценного перехода на новые образовательные стандарты. Реформисты настойчиво выступали за реформу имперской системы экзаменов, задумывали и обсуждали структуру и практику современной образовательной системы и даже пытались подражать хорошо зарекомендовавшим себя западным образовательным системам, таким как начальные школы, средние школы и университеты. Кроме того, реформисты настаивали на снятии ограничений на обучение женщин и выступали за создание женских учебных заведений для продвижения концепции равенства между мужчинами и женщинами. Ван Цзинсю отмечает, что «реформисты уделяли беспрецедентное внимание вопросам равноправного развития, обсуждение которых заложило прочную основу для развития реформаторского образования» [8, с. 44].

Пань Маоюань и Ван Вейлян, изучающие исторические стратегии государственного развития в сфере высшего образования, отмечают, что официально буржуазная реформа образования началась в период, называемый «Сто дней реформ», когда сам император сделал попытку провести ряд законодательных изменений в сфере образования. Предлагалось перестроить традиционное образование по западному образцу, при этом наряду со школами для обычного населения согласно данным реформам предлагалось создавать особые школы для воспитания талантов для реформаторского движения. Разрабатывались учебные программы, направленные на расширение содержания процесса обучения, были включены курсы медицины, а также широкий круг социальных и гуманитарных наук. Кроме того, предлагалось существенно расширить издание газет с целью массового информирования населения и формирования поли-

тических групп, продвигающих идеи реформирования общества по западным стандартам [11].

Олицетворением этого курса стала организация Императорского Университета Цзинши Дасюэтан, взявшего на себя те функции, которые до этого выполнялись университетом Гоцзыцзянь и Академией Ханлинь. Создание данного Университета, ставшего первым учреждением высшего образования, которое соответствовало требованиям академического стандарта, ознаменовало, что высшее образование Китая вступило в период модернизации. На основании новых требований и достижений была разработана и внедрена в образование академическая система образования Рэн Сюй, основанием которой стал синтез между достижениями традиционной китайской и западной систем обучения. Особенности данной системы, заключающиеся в одной стороны в западном академизме и научности, с другой – в сохранении традиций китайской культуры, стали основой, на которой в дальнейшем проводилась системная модернизация образования в Китае.

В 1905 г. император Гуансюй убрал наиболее существенную преграду, стоящую перед теми, кто стремился получить образование в соответствии с западными стандартами. Фактически это событие стало водоразделом, обозначившим начало модернизации традиционного китайского образования по западному образцу. Официальная отмена экзаменов Кэцзюй означала, что критерием образованности с этого времени становился только уровень профессиональной подготовленности выпускника, в соответствии с которым он мог устроиться на работу. Тогда же цинское правительство одобрило создание Департамента образования и посланников в качестве центрального образовательно-административного органа, управляющего образованием по всей стране. Этому органу подчинялись академии и другие и учебные заведения в префектурах, департаментах и округах, что способствовало повышению уровня образования, даваемого на местах. В то же время отмена имперской системы экзаменов предоставила возможность поиска альтернативных вариантов образования за границей многим будущим специалистам, которые могли выбирать не только специальность, но и страну проживания [9].

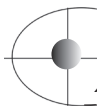
Вместе с тем обнаружались существенные проблемы, сопровождающие распространение влияния модернизации в сфере высшего образования. При сохранении учебных курсов, имеющих традиционное содержание, внимание к ценностям китайской культуры, основанной на конфуцианских принципах, несколько снижается на фоне пристального внимания к успехам западной цивилизации. В частности, снизилось внимание к нравственно-воспитательной работе, теряющей связь с конфуцианской традицией. Кроме того, отмечает Хуан Футао, модернизация практически не затрагивала научно-педагогические и материально-технические основания процесса высшего образования, остающиеся на уровне традиционной школы. «Существенная разница продолжала сохраняться между региональными образовательными центрами, дающими различные программы, отсутствие сбалансированности между которыми приводило к конфликту двух одновременно существующих систем, традиционной и двигающейся по пути модернизации» [12, с. 99].

Таким образом, перспективы, открываемые процессом модернизации, стали началом общественной дискуссии, посвящённой целям нового образования. В это время было актуализовано противоречие между фракциями реформаторов и консерваторов, которые по-разному представляли путь укрепления Китая. В частности, точка зрения консерваторов была представлена кругами, возглавляемыми императрицей Цыси, заключалась в утверждении значимости традиционных форм китайского образования. Эти силы не давали возможности провести реформы, что влияло на ортодоксальный статус китайского образования этого периода. При этом цинское правительство чётко показало, что для него важнейшей задачей является не развитие гражданских прав населения и развитие экономики по западному пути, а сохранение традиционных устоев китайской государственности. Например, Императорский университет Цзинши в 1906 г. опубликовал образовательную программу, целью которой провозглашалась «верность монарху, уважение к Конфуцию, Шан Гуну, Шан У, Шан Ши», что было рекомендовано императорским двором в качестве основного содержания общего образовательного

курса [10]. Безусловно, данная образовательная цель не вела к реализации планов, нацеленных на модернизацию. Однако процесс реформации высшего образования не был остановлен, так как он являлся отражением модернизации социально-экономической жизни Китая, прервать преобразования силами правящей верхушки общества было уже невозможно.

Заключение. Процесс складывания предпосылок модернизации высшего образования в Китае в период до Синхайской революции находился в прямой зависимости от отношений между Китаем и западными государствами, влияющими на трансформацию образа жизни и мышления китайских граждан. Данный процесс включал такие стадии, как развитие традиционных академических структур в период до опиумных войн, формирование предпосылок модернизации высшего образования во второй половине XIX в., начальная модернизация высшего образования под влиянием реформ цинского правительства на рубеже XIX–XX вв. Особенности модернизации высшего образования в это время стала прямой зависимостью от трансформаций в сфере экономики, культуры и политики, влияющих на изменение представлений о значении высшего образования. Это влияние вело к изменению содержания учебных программ, включающих большее количество западных языков, наук, культур, а также расширение проблематики учебных курсов.

В целом попытка модернизации высшего образования финального периода Цин была существенно ограничена дисбалансом между политическим центром государства и регионами, а также недостаточной степенью развития процесса модернизации политической и экономической сферы китайского общества. Отсутствие единства взглядов на последствия модернизации в самом Цинском руководстве повлияло на замедление темпов процесса модернизации высшего образования на этом этапе. Однако процесс реформации высшего образования, ориентированного на необходимость учиться у западных стран, не был остановлен, так как являлся отражением модернизации социально-экономической жизни Китая, прервать преобразования силами правящей верхушки общества было уже невозможно.

Список литературы

1. Цзинь Цзинтао. Модернизация образования и всестороннее развитие человека. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2012. 75 с.
2. Хэ Фушэн, Ли Хуэйцинь. Исследование развития модернизации образования в западных регионах. Куньмин: Юньнаньское образовательное издательство, 2002. 253 с.
3. Чу Хунци. Путь модернизации образования. Пекин: Образовательная научная пресса, 2000. 87 с.
4. Дай Бэнбо. История зарубежного образования. Пекин: Народное образовательное издательство, 1990. Ч. 2. 98 с.
5. Лю Хайфэн, Ши Цзинхуань. История высшего образования. Пекин: Пресса о высшем образовании, 2010. 89 с.
6. Лю Чжиюнь. Размышления о модернизации высшего образования в моей стране // Высшее образование в Китае. 2010. № 5. С. 34–35.
7. Инь Да, Сюй Фэн. Модернизация высшего образования: основная коннотация, характеристики времени и пути реализации // Шаньдунское высшее образование. 2015. № 11. С. 19–23.
8. Ван Цзинсю. Строительство и отражение модернизации высшего образования Китая. Пекин: Издательство об интеллектуальной собственности, 2017. 88 с.
9. Сюн Минань. История китайского высшего образования. Чунцин: Издательство Чунцина, 1983. 108 с.
10. Чжан Хуймин. Исследования по истории китайского и зарубежного высшего образования. Хунань: Издательство Хунаньского университета, 1998. 134 с.
11. Пань Маюань, Ван Вейлянь. Высшее образование. Фучжоу-Фуцзянь: Образовательная пресса, 2007. 345 с.
12. Хуан Футао. История зарубежного высшего образования. Шанхай: Шанхайская образовательная пресса, 2008. 145 с.
13. Ян Тянь. Исследование модернизации системы управления высшим образованием в рамках теории синергии // Шаньдунское образование. 2021. № 13. С. 3.
14. Мао Хуйсян, У Юе. Анализ пути построения модернизации высшего образования в моей стране // Журнал Чэндуского университета традиционной китайской медицины (Educational Science Edition). 2017. № 1. С. 82–84.
15. Суй Ифань. Рациональное мышление о модернизации высшего образования // Китайское высшее образование. 2014. № 10. С. 1–10.
16. Мао Жун. Основы модернизации высшего образования в Китае. Куньмин: Юньнаньское образовательное издательство, 2015. 126 с.
17. Чжан Анфу. Тенденция «десяти модернизаций»: основные характеристики модернизации высшего образования в моей стране // Национальный журнал управления образованием. 2010. № 12. С. 22–23.
18. Чжан Инцянь. Особенности построения модернизации высшего образования. Харбин; Хэйлунцзян: Образовательная пресса, 2000. 111 с.

Информация об авторах

Жуков Артем Вадимович, доктор философских наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: artem_jukov68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>.

Сюй Ин, преподаватель, Шэньянский технологический институт; 113122, КНР, демонстрационная зона Шэньфу, провинция Ляонин; e-mail: 309867456@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>.

Вклад авторов

А. В. Жуков – основной автор, определивший методологию и направления анализа материала исследования, сформулировал выводы и обобщил итоги реализации коллективного проекта.

Сюй Ин – организатор сбора, анализа и систематизации материала исследования, оформления статьи.

Для цитирования

Жуков А. В., Сюй Ин. Факторы модернизации высшего образования в китайском обществе в период до Синьхайской революции // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 113–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-113-121.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 15.05.2022.

References

1. Czin' Czintao. Modernization of education and comprehensive human development. Harbin: Heiluntsyuan university, 2012. (In Chin.)
2. He Fushen, Li Huejcin'. Research on the Development of Education Modernization in the Western Regions. Kun'min: Yun'nan'skoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 2002. (In Chin.)
3. Chu Hunci. The path of modernization of education. Pekin: Obrazovatel'naya nauchnaya pressa, 2000. (In Chin.)
4. Daj Benbo. History of foreign education. Chast' 2. Pekin: Narodnoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 1990. (In Chin.)
5. Lyu Hajfen, Shi Czinhuan'. History of higher education. Pekin: Pressa o vysshem obrazovanii, 2010. (In Chin.)
6. Lyu Chzhiyun'. Reflections on the modernization of higher education in my country. Higher education in China, no. 5, pp. 34–35, 2010. (In Chin.)
7. In' Da, Syuj Fen. Modernization of higher education: main connotation, characteristics of time and ways of implementation. Shanghai higher education, no. 11, pp. 19–23, 2015. (In Chin.)
8. Van Czinsyu. Building and reflecting the modernization of China's higher education. Pekin: Izdatel'stvo ob intellektual'noy sobstvennosti. 2017. (In Chin.)
9. Syun Minan'. History of Chinese higher education. Chuncin: Izdatel'stvo Chuncina, 1983. (In Chin.)
10. Chzhan Hujmin. Studies in the history of Chinese and foreign higher education. Hunan': Izdatel'stvo Hunan'skogo universiteta, 1998. (In Chin.)
11. Pan' Maoyuan', Van Vejlyan'. Higher education. Fuchzhou-Fuczyan': Obrazovatel'naya Pressa, 2007. (In Chin.)
12. Huan Futao. History of foreign higher education. Shanghai: Shanhayskaya obrazovatel'naya pressa, 2008. (In Chin.)
13. Yan Tyan'. Study of the Modernization of the Higher Education Management System in the Framework of the Theory of Synergy. Shandong education, no. 13, p. 3, 2021. (In Chin.)
14. Mao Hujsyan, U Yue. Analysis of the way of building the modernization of higher education in my country. Journal of Chengdu University of Traditional Chinese Medicine (Educational Science Edition), no. 1, pp. 82–84, 2017. (In Chin.)
15. Suj Ifan'. Rational thinking about the modernization of higher education. Chinese higher education, no. 10, pp. 1–10, 2014. (In Chin.)
16. Mao Zhun. Fundamentals of Modernization of Higher Education in China. Kun'min: Yun'nan'skoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 2015. (In Chin.)
17. Chzhan Anfu. The Trend of Ten Modernizations: Main Characteristics of Higher Education Modernization in My Country. National Journal of Education Management, no. 12, pp. 22–23, 2010. (In Chin.)
18. Chzhan Incyan. Features of building the modernization of higher education. Harbin– Heiluntsyuan: Obrazovatel'naya pressa, 2000. (In Chin.)

Information about authors

Zhukov Artem V., Doctor of Philosophy, Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: artem_jukov68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>.

Xu Ying, Teacher; Shenyang Institute of Technology; Shenfu Demonstration Zone, 113122, China, Liaoning Province; e-mail: 309867456@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>.

Sources of article funding

A. V. Zhukov – the main author, the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Xu Ying – the organizer of the collection of research material, analysis and systematization of research material, article design.

For citation

Zhukov A. V., Xu Ying. Factors of Modernization of Higher Education in Chinese Society in the Period Before the Xinhai Revolution // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 113–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-113-121.

Received: April 10, 2022; approved after reviewing May 13, 2022; accepted for publication May 15, 2022.

Научная статья

УДК 314.7.044

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-122-130

Адаптация детей-мигрантов в условиях инокультурной среды: социально-философский анализ

Дарья Александровна Ананьина¹, Анастасия Владимовна Терентьева², Цзян Дань³

^{1,2}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,

³Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, КНР

¹ananina_1989@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>,

²bardanastasya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8099-6597>,

³dan.tszian@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>

Феномен трудовой миграции из стран постсоветского пространства, главным образом из республик Центральной Азии на территорию Российской Федерации, представляет собой предмет пристального внимания специалистов, учёных из различных областей социогуманитарных наук. Расширение ареала трудовой миграции, распространяющееся в рамках Сибири и ДФО, а также количественный приток въезжающих мигрантов актуализирует ряд вопросов, включающих такие аспекты, как адаптация прибывающих мигрантов к изменившимся социокультурным условиям, анализ трансформации этнокультурного и этнорелигиозного пространств региона-реципиента, инкорпорация семей трудовых мигрантов, включающих, в том числе их детей, в социальные институты принимающего сообщества. Целью исследования является выявление когнитивно-мотивационного аспекта адаптации исследуемых категорий, что позволит скорректировать имеющуюся на уровне региона стратегию социальной политики в отношении мигрантов и их семей, соответственно, создаст условия для более эффективного управления миграционными процессами. Проблематика исследования подразумевает использование теоретико-эмпирических методов. Рассмотрение в указанных аспектах феномена детства позволяет выявить существующие модели и стратегии адаптации детей как покинувших привычную культурную среду и мигрировавших вместе с родителями, так и рождённых в миграции на основании применения теоретико-методологических разработок аккультурации Дж. Берри и теории адаптации Янга Кима. Необходимость такого рода анализа определяется непосредственно самой социальной повесткой – увеличением доли мигрантов среди получателей социальных услуг. В качестве эмпирического метода применяется метод фокус-группы, способствующий выявлению трудностей и особенностей адаптационного процесса, а также целей и перспектив дальнейшей социализации, являющейся приоритетной для детей мигрантов, представителей образовательных учреждений – дошкольного и школьного образования.

Ключевые слова: мигранты, детство, аккультурация, социокультурная адаптация, образование

Original article

Adaptation of Migrant Children in a Foreign Cultural Environment: Socio-Philosophical Analysis

Darya A. Ananina¹, Anastasia V. Terentyeva², Jiang Dan³

^{1,2}Transbaikal State University, Chita, Russia, ³Heihe University, Heihe, China

¹ananina_1989@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>,

²bardanastasya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8099-6597>,

³dan.tszian@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>

The phenomenon of labor migration from the post-Soviet countries and, mainly, from the Central Asian republics to the territory of the Russian Federation is the subject of close attention of specialists, scientists from various fields of socio-humanitarian sciences. The expansion of the area of labor migration spreading within Siberia and the Far Eastern Federal District, as well as the quantitative increase in incoming migrants, actualizes a number of issues, including aspects such as the adaptation of arriving migrants to changed socio-cultural conditions, analysis of the transformation of the ethno-cultural and ethno-religious space of the recipient region, the incorporation of migrant labor families, including their children, into social institutions of the host community. The purpose of this study is to identify the cognitive-motivational aspect of adaptation of the studied categories,

© Ананьина Д. А., Терентьева А. В., Цзян Дань, 2022

which will allow to adjust the social policy strategy available at the regional level in relation to migrants and their families, and, accordingly, will create conditions for more effective management of migration processes. The problems of the research imply the use of theoretical and empirical methods. Consideration of the phenomenon of childhood in these aspects makes it possible to identify existing models and strategies for the adaptation of children who have left the usual cultural environment and migrated with their parents, and those born in migration based on the application of theoretical and methodological developments of acculturation of J. Berry and Yang Kim's adaptation theories. The need for this kind of analysis is determined directly by the social agenda itself – an increase in the share of migrants among recipients of social services. As an empirical method, the focus group method is used, which helps to identify the difficulties and features of the adaptation process, as well as the goals and prospects of further socialization, which is a priority for migrant children, representatives of educational institutions – preschool, school education.

Keywords: migrants, childhood, acculturation, sociocultural adaptation, education

Введение. Импульсом, повлиявшим на развитие исследования феномена трудовой миграции на территорию Забайкальского края, явился усилившийся в последние десять лет приток трудовых мигрантов, состоящий в основном из граждан республик Центральной Азии. Массовая эмиграция привела к образованию многочисленной центральноазиатской диаспоры за рубежом, в первую очередь в Российской Федерации, как крупнейшей принимающей стране в Евразии [1, с. 88]. Так, например, по состоянию на сентябрь 2020 г. прибыло на территорию г. Читы – 3 802 человек, в сентябре 2021 г. – 5 509 человек.

Важно учитывать тот факт, что миграция в Забайкальский край мужского населения с целью заработка нередко, а в последнее время всё чаще сопровождается переездом и их семей, включая жён и детей. Данный процесс представляет интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, отмеченный нами факт переезда семей трудовых мигрантов влечёт за собой необходимость их вхождения в разные социальные институты (медицина, образование) [2, с. 27]. Во-вторых, увеличение доли числа приезжих среди населения края способствует интенсификации их социальных контактов с местным населением, что, безусловно, отражается на социокультурной ткани региона [3, с. 5]. В этой связи важное значение приобретает поляризация духовных скреп местного сообщества, разделяющего в подавляющем большинстве индустриальные и постиндустриальные ценности, и приезжих, для которых характерны традиционалистские, патриархальные взгляды. Целью исследования является анализ процесса столкновения диаметрально противоположных ценностных императивов в индивидуальном сознании мигрантов/иммигрантов, провоцирующих аккультурационный стресс, результатом которого становится выработка той или иной

стратегии адаптации [4]. Указанная цель определяет такие задачи, как анализ социально-бытовых условий жизни мигрантов, специфика трудовой деятельности, выявление ценностной парадигмы в процессе воспитания ими своих детей.

Исходя из существующих стратегий адаптации человека в условиях инокультуры, следует предположить, что различия в указанных стратегиях среди семей трудовых мигрантов Забайкальского края будут варьироваться в зависимости от возраста, пола, длительности пребывания на территории региона [5, с. 241]. Как подчёркивают Т. И. Монастырская, Е. В. Кузина, А. А. Ковалева, учащиеся из семей мигрантов испытывают наибольшие трудности в адаптации к иноязычной среде в первый и второй год пребывания в новой для них стране [6]. Это связано не только и не столько с изменением привычного социокультурного пространства, сколько с возникшим в его результате языковым барьером, преодоление которого требует больших психологических, когнитивных усилий со стороны детей [7, с. 31]. Успешность данного процесса зависит, как представляется, не только от благоприятных условий социальной среды принимающего сообщества, но и от настроений, царящих внутри семьи трудовых мигрантов, что включает доминирующую стратегию адаптации в конкретной семье, степень враждебности к принимающему сообществу – его ценностям, традициям, образу жизни¹.

На данном этапе ввиду продолжающегося процесса становления идентичности ребёнка, формирования его «Я-концепции» можно предположить доминирование маргинальной стратегии [8]. Оказавшись в ситуации «пограничного бытия», ребёнок впитывает в себя ценностные категории,

¹ Rakhmanov A. Kh. Education of migrant children as a contribution to Russia's future. Upravlenie // Management. – 2021. – Vol. 9, no. 3. – P. 139.

модели, нормы и паттерны поведения обеих социокультурных систем: одной, носителем которой он является, и другой, в которой он вынужден социализироваться¹. Высокая адаптивность, нейропластичность мозга детей, незавершённый процесс оформления стереотипного мышления обуславливают относительно безболезненное вхождение детей в инокультурную среду [9, с. 3]. Подростковый возраст, напротив, характеризуется практически завершившимся процессом формирования «Я-концепции», ребёнок на данном этапе уже в полной мере может оценить свою «инаковость» в среде сверстников, что может стать причиной «буллинга» со стороны, что, в свою очередь, способствует развитию ряда психологических комплексов, связанных с этнической принадлежностью.

К настоящему времени в отечественной научной литературе сложился широкий круг исследований, связанных с вопросами миграции, затрагивающих различные её аспекты.

Так, например, миграцией на постсоветском пространстве и её влиянием на демографическую ситуацию Российской Федерации занимались такие исследователи, как Ж. А. Зайончковская², Г. С. Витковская³, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская⁴. Миграция на территорию России в контексте обеспечения безопасности принимающего сообщества рассмотрена К. Боришполец, А. Бабджановым⁵, В. А. Трембой⁶. Конфликтный потенциал миграции исследовался в

работах В. А. Авксентьева⁷, И. П. Добаева⁸ и др. Адаптация и социализация трудовых мигрантов из стран региона Центральной Азии на территории России освещалась авторами М. Н. Храмовой, А. В. Смирновым и др.⁹

Проблема педагогической адаптации детей-мигрантов к образовательной среде территории-реципиента рассмотрена Т. Ф. Ушевой, Н. А. Мункоевой¹⁰, Т. И. Монастырской Е. В. Кузиной, А. А. Ковалевой и др.¹¹ На социально-психологической составляющей этого процесса акцентировали своё внимание Л. Г. Ионин¹² и др.

Анализ исследований, касающихся миграционной ситуации на территории Забайкальского края обнаруживает, что основной их массив составляют труды, посвящённые «китайской миграции». Среди немногочисленных работ, объектом изучения которых являются мигранты из Центральной Азии и различные аспекты их пребывания на территории края, следует выделить работы О. А. Марковой¹³, Н. В. Козыкиной¹⁴ и др.

⁷ Авксентьев В. А. Регион как объект конфликтологического анализа // Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 384 с.

⁸ Добаев И. П. Современный терроризм: региональное измерение. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 328 с.

⁹ Храмова М.Н., Смирнов А.В. Проблемы адаптации и интеграции трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России // Государственная молодёжная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодёжи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 20–21 апр. 2020 г.). – М.: Перспектива, 2020. – С. 213–220.

¹⁰ Ушева Т.Ф., Мункоева Н.А. Социальная адаптация детей-мигрантов в общеобразовательной школе // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – № 10. – С. 48.

¹¹ Монастырская Т. И., Кузина Е. В., Ковалева А. А. Адаптация детей мигрантов в образовательной среде: проблемы и возможности средней школ. – Текст: электронный // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI века: опыт и перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – URL: <http://conf.sfu-kras.ru/ethnimmigration2016/participant/15572> (дата обращения: 06.03.2022).

¹² Ионин Л. Г. Культурный шок: конфликт этнических стереотипов // Психология национальной нетерпимости: хрестоматия / сост. Ю. В. Чернявская. – Минск, 1998. – 560 с.

¹³ Маркова О. А., Кошелёв М. С., Суходолов Я. А. Анализ миграционной преступности в Забайкальском крае, её влияние на криминогенную обстановку в регионе // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 211–219.

¹⁴ Козыкина Н. В. Современная китайская миграция в Забайкальском крае: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Читинского государственного университета. – 2010. – № 9. – С. 53–59.

¹ Седлиньш Э. М. Исследование проблем языковой и социокультурной адаптации детей-мигрантов в Санкт-Петербурге // Управленческое консультирование. – 2019. – № 4. – С. 132–140.

² Зайончковская Ж. А. Развитие внешних миграционных связей России // Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 29–44.

³ Витковская Г. С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 1993. – Вып. 3. – 174 с.

⁴ Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 103–123.

⁵ Боришполец К., Бабджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии // Аналитические записки МГИМО (У) МИД России. – 2007. – Вып.2. – С. 1–28.

⁶ Тремба В. А. Миграционные процессы в современном обществе: политологический анализ // Государственное и муниципальное управление // Учёные записки. – 2012. – № 3. – С. 1–10.

Таким образом, осуществлённый обзор научной литературы демонстрирует недостаток исследований, отражающих региональную специфику процесса вхождения в социальные институты мигрантов и членов их семей, особенности их взаимодействия с местным сообществом, что обуславливает актуальность данного исследования.

Методология и методы исследования. Исходя из проблематики заявленного исследования, целесообразно использование междисциплинарного подхода, который позволит спрогнозировать возможные стратегии адаптации детей мигрантов в реципирующем сообществе, подробно рассмотреть этнокультурные и этнорелигиозные детерминанты их поведения в изменившихся социокультурных условиях, а также проанализировать взаимоотношения детей – представителей мигрантов и местного сообщества. Для практического исследования специфики адаптации детства в условиях инокультурной среды выбран метод фокус-групп, ориентированный на анализ данных, полученных в ходе беседы с представителями образовательных учреждений, непосредственно занимающихся вопросами социальной, культурной, образовательной адаптации детей-мигрантов.

Для определения путей адаптации детей-мигрантов в исследовании применялась теория стратегий аккультурации Джона Берри. По его мнению, аккультурация мигранта/иммигранта может осуществляться по одной из четырёх стратегий: ассимиляция, сепарация, маргинализация, интеграция. Успешность социокультурной адаптации, в свою очередь, зависит от того, какой из существующих вариантов переселенцы или визитёры (мигранты) выбирают исходя из опыта коммуникации как с новым обществом, так и со своим ближайшим окружением (семья, диаспора), так или иначе влияющим на принятие решений. Использование её в рамках исследуемой проблемы способствует выявлению возможных путей аккультурации детей-мигрантов.

В рамках данного исследования целесообразно использование теории адаптации Я. Ким, которая фокусирует внимание на значении фактора коммуникации с представителями принимающего сообщества в процессе социокультурной адаптации.

Результаты исследования и их обобщение. Учитывая, что объектом плани-

руемого исследования является детство, а именно – особенности адаптации детей-мигрантов к новым социокультурным условиям, вызванным миграцией, представляется необходимым дифференцированно исследовать процесс адаптации детей разных возрастов. Это обусловлено, во-первых, разницей в степени пластичности/ригидности когнитивных моделей, которые могут варьироваться у детей дошкольного и школьного возрастов. Во-вторых, различием психоэмоционального статуса, характеризующегося продолжающимся становлением высших психических функций у детей дошкольного возраста, и практически полным завершением такового у школьников [10, с. 234].

Рассматривая вопросы адаптации в условиях инокультуры детей-мигрантов, Т. Ф. Ушева и Н. А. Мункоева отмечают, что миграционные процессы приводят к возникновению целого комплекса «детских» проблем, характеризующихся определённой спецификой и требующих своего безотлагательного и детального решения [11].

С целью изучения данной проблематики была организована фокус-группа, состоящая из специалистов – представителей образовательных организаций: дошкольного образования (муниципальное дошкольное образовательное учреждение г. Читы № 15 (далее МДОУ № 15)), школьного образования (муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Средняя образовательная школа № 32» (далее СОШ № 32)). Выбор указанных организаций обусловлен максимальной концентрацией детей-мигрантов в составе их контингента. Так, в МДОУ № 15 из 400 детей 98 человек являются мигрантами, в СОШ № 32 из 764 обучающихся 213 – мигранты, что актуализирует необходимость разработки специальных технологий адаптации, социализации, направленных на интеграцию детей в социальное пространство реципирующего сообщества.

В ходе проведения фокус-группы выявлены существенные характеристики таких понятий, как «адаптация», «конфликтогенность», «мотивация учащихся».

Фокус-группа в МДОУ № 15 определила, что дети дошкольного возраста довольно быстро адаптируются к условиям детского сада: режиму дня, питанию, коммуникации со сверстниками других национальностей, специфике дошкольной образовательной программы, применяемой в детском саду.

Результатом фокус-группы СОШ № 32 явилось выявление проблемы, связанной с языковым барьером. Такая ситуация сложилась в начальной школе, когда ребёнок сталкивается с недостатком словарного запаса, трудностями в формировании фонематического слуха, навыков письма. Подобная тенденция наблюдается в средней и старшей школе, что, естественно, влияет на общую успеваемость и препятствует успешной сдаче ЕГЭ, следовательно, и поступлению в высшие и средние учебные заведения (вузы, сузы) [12, с. 66].

Следующая проблема, которая обсуждалась в фокус-группе, – это конфликтность. В МДОУ № 15 конфликтность в детском коллективе отсутствует, при этом эпизодически возникают недопонимания между сотрудниками детского сада и родителями-мигрантами. Эти недопонимания связаны, как правило, с неприятием со стороны последних культурных детерминантов принимающего сообщества, заключающихся в нежелании участвовать в проведении национальных праздников, использовать национальную атрибутику.

В СОШ № 32 явных конфликтов между детьми коренного населения и мигрантами не отмечается, однако существуют и латентные формы, проявляющиеся в становлении «стигматизированного восприятия детьми коренного населения и мигрантов друг друга» [13, с. 178].

Говоря об отношении к обучению, следует отметить, что дети-мигранты характеризуются высоким уровнем мотивации к учёбе, что проявляется в таких качествах, как любознательность, трудолюбие, дисциплинированность, ответственность. Дети дошкольного возраста, в свою очередь, демонстрируют успеваемость по дошкольным образовательным программам, которые включают в себя формирование коммуникативных навыков, познавательных умений, способствуют выстраиванию эмоциональных контактов между сверстниками.

Обозначенные проблемы стимулируют образовательные учреждения к принятию практических решений, способствующих успешной адаптации, социализации, снижению конфликтности, повышению интеграции к условиям инокультурной среды детей-мигрантов¹. Так, в МДОУ № 15 широко

применяется образовательная технология, позволяющая через фольклор, театрализованные постановки, интерактивные занятия погрузить ребёнка в языковую среду, интегрировать в культуру принимающего сообщества [14]. В рамках СОШ № 32 в начальном звене введена дисциплина «Русский язык как неродной» для восполнения пробелов, вызванных языковым барьером. Отмечая эффективность введения данной меры для детей младшего школьного возраста, педагогический состав разрабатывает курс этой дисциплины для внедрения её в рамках средней школы [15].

Полученные в ходе проведённого исследования данные позволяют сделать определённые выводы. Социокультурная адаптация детей-мигрантов характеризуется многоаспектностью, проявляющейся различиями в стратегиях адаптации детей в зависимости от возрастной категории, эмоционального климата в семье относительно нахождения в инокультурной среде, опыта взаимодействия с представителями принимающего сообщества. Как отмечают исследователи А. Портес и А. Ривас, «адаптация – это процесс, который происходит с ребёнком не в одиночестве. Она влечёт за собой постоянное взаимодействие с другими. Изучение языка и культуры происходит в семье не изолированно, при этом аккультурация у детей и родителей может протекать с разной скоростью. Самооценка, формируемая в новых условиях, а также мотивационная составляющая адаптации развиваются не только под влиянием семьи. Также и другие обстоятельства (включая, например, возраст миграции) влияют на становление различных типов социального взаимодействия, которые дети-мигранты будут реализовывать в принимающем сообществе» [по: 16, с. 110]. Для детей дошкольного возраста процесс социокультурной адаптации является менее стрессогенным, что отражается в активном включении детей в образовательную и игровую деятельность. У детей дошкольного возраста отсутствует понимание социальной, этнической и другой стратификации, они воспринимают мир социальных отношений как некое синкретическое целое, что обуславливает формирование у них стратегии интеграции – когда культурные детерминанты старой культуры не являются антагонистом новой; они не противоречат, а дополняют друг друга.

¹ Павленко О. Аккультурация и адаптация иммигрантской молодёжи. – URL: <https://www.hse.ru/ma/socpsy/news/51883820.html> (дата обращения: 06.03.2022). – Текст: электронный.

Усложнение характера деятельности в школьный период, а также психофизиологические процессы, происходящие на разных его этапах, проявляются, в частности, в оформлении систематизирующей функции мозга. В младшем школьном возрасте совершенствуется нервная система, усиливается аналитическая и синтетическая функции коры головного мозга. В подростковом возрасте мышление становится более систематизированным, последовательным, зрелым [16, с. 107]. Это свидетельствует о начавшемся процессе дифференциации окружающей социальной действительности по различным основаниям. Когда-то неразделённое социальное целое начинает приобретать черты различных категорий – этнических, этических, идеологических и других. Именно в этот период постепенно оформляются социальные дихотомии: «свой этнос – чужой этнос», «своя культура – чужая культура» и т. д. Вследствие указанных процессов стратегия адаптации детей-мигрантов может трансформироваться в этот период в диапазоне от сепарации до ассимиляции.

Анализируя полученные в ходе исследования данные, следует сказать, что в средней и старшей школе доминирует стратегия сепарации. Дети при этом бесконфликтно общаются с представителями другой культуры, выполняют все формальные требования образовательного учреждения, однако происходит некое обособление своей этнической группы (внутри которой также есть разделение по родственным, дружеским, земляческим основаниям) от всех прочих [17, с. 175]. Таким образом, даже на школьном уровне мы наблюдаем процесс диаспоризации, который в последующем окрепнет и станет ведущей формой взаимодействия мигрантов на территории проживания.

Следует отметить, что мигранты из региона Центральной Азии прибывают на территорию Читы в основном с целью трудоустройства. При этом они обладают высокой степенью горизонтальной мобильности, что позволяет им одинаково эффективно быть задействованными в различных сферах неквалифицированной и/или низко квалифицированной трудовой деятельности (строительство, общепит, пассажироперевозки). Однако заработанные таким образом средства позволяют поддерживать им средний и выше среднего уровень достатка. Это во многом является следствием предприим-

чивости, трудолюбия, отсутствия пагубных пристрастий, негативно отражающихся на трудовой деятельности. Данные особенности менталитета также находят отражение в учебной деятельности детей-мигрантов.

Педагоги дошкольного и среднего образовательных учреждений выделяют указанные черты как характерные для большинства таких детей. При этом педагоги среднего образования отмечают отсутствие стремления к получению следующей ступени образования; дети-мигранты как правило после окончания школы не поступают в средние специальные и высшие учебные заведения. Причинами тому, на наш взгляд, являются, во-первых, воспитательная парадигма, сложившаяся в рамках того сообщества, которое они покинули, не ориентированная на вертикальную мобильность; во-вторых, занятые мигрантами экономические ниши оказываются способны обеспечить достойное качество и уровень жизни, при котором образование для них утрачивает свою необходимость и целесообразность.

Заключение. Таким образом, социокультурная адаптация детей-мигрантов происходит в два этапа, которые связаны «с соответствующими институтами образования – дошкольного и школьного» [18, с. 249]. Прохождение каждого из них способствует приобретению необходимых для жизни в другом государстве навыков. В контексте исследования адаптации детей-мигрантов в г. Чите отмечается ряд характерных черт – интегративная модель адаптации в дошкольный период и сепаративная модель адаптации в средней и старшей школе.

Стремление к обособлению в группе, связанной этническими, родственными и другими связями, обуславливается как психологическими, так и прагматическими мотивами. С одной стороны, такая группа обеспечивает психологический комфорт в условиях нахождения вне территории своего привычного проживания, с другой – является «социальным гарантом» по широкому спектру самых разнообразных проблем. В этой связи диаспора как форма и способ существования этнической группы в стране проживания становится средоточием её жизни, включающим как онтологические, ценностные основания, так и повседневные практики. В настоящее время наблюдается тенденция к расширению функций диаспор, всё чаще «распространяющих своё влияние

в рамках определённых экономических ниш» [19, с. 2700]. Этот фактор, на наш взгляд, во многом обуславливает «непроницаемость» диаспор для внешнего влияния, потому как внутри диаспор содержится всё необходимое для поддержания привычного образа жизни, мировоззрения. Социокультурная адаптация мигрантов и их детей (школьного возраста), таким образом, возможна лишь

настолько, насколько она необходима для их базовой интеграции в рецепирующее сообщество, насколько способствует достижению практических, утилитарных целей. Недостаточная научная разработанность различных аспектов миграции в регионе актуализирует необходимость многомерного, разностороннего изучения данной проблематики.

Список литературы

1. Pismennaia E., Ryazantsev S., Bozhenko V. Central Asian Diasporas in the Russian Federation // Migration Channels and their Contribution to the Socioeconomic Development of the Sending Communities. Central Asia and the Caucasus. 2016. Vol. 17. Pp. 87–95.
2. Vasilina L., Zetkina I., Rogachev V., Zamkin P., Miroshkin V. Educational Environment of Regional Cultural Space in Adaptation of Migrants' Children // Espacios. 2018. Vol. 39. Pp. 25–31.
3. Gurieva S., Kõiv Kr., Tararukhina O. Migration and Adaptation as Indicators of Social Mobility Migrants // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 1. Pp. 1–12.
4. John W. Berry. Immigration, Acculturation and Adaptation Applied Psychology // International Review. 1997. Vol. 46. P. 7.
5. Juang L., Moin Syed. The Evolution of Acculturation and Development Models for Understanding Immigrant Children and Youth Adjustment // Child Development Perspectives. 2019. Vol. 13. Pp. 241–246.
6. Монастырская Т. И., Кузина Е. В., Ковалева А. А. Адаптация детей-мигрантов в образовательной среде: проблемы и возможности средней школы. Текст: электронный // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/ethnicmigration2016/participant/15572> (дата обращения: 06.03.2022).
7. Василькова С. Г. Языковая и социальная адаптация детей-мигрантов // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы VII Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, дек. 2020 г.). СПб., 2020. С. 31–33.
8. Pomytkina L., Moroz R., Kovalchuk O., Pomytkin E. Psychological predictors of formation and development of personal identity of older preschool children. URL: https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/pdf/2021/11/mateconf_simpro21_11001.pdf (дата обращения: 06.03.2022). Текст: электронный.
9. Weyandt L., Clarkin Ch., Holding E., May Sh. Neuroplasticity in children and adolescents in response to treatment intervention: A systematic review of the literature // Clinical & Translational Neuroscience. 2020. Vol. 4. Pp. 1–21.
10. Portes A., Rivas A. The Adaptation of Migrant Children // Future Child. 2011. Vol. 21, no. 1. Pp. 219–246.
11. Ушева Т. Ф., Мункоева Н. А. Социальная адаптация детей-мигрантов в общеобразовательной школе // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. № 10. С. 48.
12. Куприна Т. В. Обучение детей-мигрантов в школах России: проблемы и пути их решения // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. № 9. С. 65–74.
13. Бритвина И. Б. Стереотипы восприятия мигрантов из стран Центральной Азии как представителей культуры единого региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. «Проблемы образования, науки и культуры». 2020. Т. 26, № 2. С. 176–184.
14. Ефимова А. Как дети-мигранты учатся в российских школах и почему об их проблемах почти не говорят. URL: https://mel.fm/shkola/7524918-migrants_study (дата обращения: 06.03.2022). Текст: электронный.
15. Зборовский Г. Е., Шуклина, Е. А. Обучение детей-мигрантов как проблема их социальной адаптации. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/05/05/1251339495/08Zborovskiy.pdf> (дата обращения: 06.03.2022). Текст: электронный.
16. Иванова Г. П., Стецевич М. Ю., Ширкова Н. Н. Проблема адаптации детей-мигрантов в образовательном учреждении: результаты теоретического и эмпирического исследования // Социальные отношения. 2018. Т. 25, № 2. С. 106–115.
17. Elena B. Bedrina, Elena V. Lazareva Adaptation and Integration of Labour Migrants from Central Asia in Russia and Countries of European Union: Comparative Analysis // Economy of regions. 2021. Vol. 17, no. 1. Pp. 170–181.
18. Боярский П. В. Положение и права мигрантов в сфере школьного образования в России // Молодой учёный. 2020. № 20. С. 247–253.
19. Fofanova K. V., Sychev A. A., Borisov D. M. Factors of the Economic Adaptation of Migrants // Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 128. Pp. 2698–2703.

Информация об авторах

Ананьина Дарья Александровна, кандидат философских наук, доцент; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: ananina_1989@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>.

Терентьева Анастасия Вадимовна, старший преподаватель; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: bardanastasya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8099-6597>.

Цзян Дань, декан факультета русского языка, Хэйхэский университет; 164300, КНР, г. Хэйхэ, ул. Сюэ Юань; e-mail: dan.tszian@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>.

Вклад авторов в статью

Д. А. Ананьина определяла методологию исследования, осуществляла сбор материалов, структурирование и анализ данных.

А. В. Терентьева проводила эмпирическое исследование, осуществляла его оформление.

Цзян Дань осуществлял подбор и анализ литературы.

Для цитирования

Ананьина Д. А., Терентьева А. В., Цзян Дань. Адаптация детей-мигрантов в условиях инокультурной среды: социально-философский анализ // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 122–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-122-130.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

References

1. Pismennaia, E., Ryazantsev, S., Bozhenko, V. Central Asian Diasporas in the Russian Federation: Migration Channels and their Contribution to the Socioeconomic Development of the Sending Communities. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 17, pp. 87–95, 2016. (In Engl.)
2. Vasilina, L., Zetkina, I., Rogachev, V., Zamkin, P., Miroshkin, V. Educational Environment of Regional Cultural Space in Adaptation of Migrants' Children. *Espacios*, vol. 39, pp. 25–31, 2018. (In Engl.)
3. Gurieva, S., Kõiv, K., Tararukhina, O. Migration and Adaptation as Indicators of Social Mobility Migrants. *Behavioral Sciences*, vol. 1, pp. 1–12, 2020. (In Engl.)
4. John, W. Berry Immigration, Acculturation, and Adaptation *Applied Psychology: an International Review*, vol. 46, p. 7, 1997. (In Engl.)
5. Juang, L., Moin, Syed. The Evolution of Acculturation and Development Models for Understanding Immigrant Children and Youth Adjustment. *Child Development Perspectives*, vol. 13, pp. 241–246, 2019. (In Engl.)
6. Monastyrskaya, T. I., Kuzina, E. V., Kovaleva, A. A. Adaptation of migrant children in the educational environment: problems and opportunities of secondary school // VI International scientific and practical conference "Specifics of ethnic migration processes in Central Siberia in the XX–XXI centuries: experience and prospects", collection of materials Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2016. Web. 06.03.2022. <http://conf.sfu-kras.ru/ethnicmigration2016/participant/15572>. (In Rus.)
7. Vasilkova, S. G. Linguistic and social adaptation of migrant children. *Aspects and trends of pedagogical Sciences: materials of the VII Intern. nauch. Conf. (Saint-Petersburg, December 2020)*. Saint Petersburg: the publishing house, 2020: 31–33. (In Rus.)
8. Pomytkina, L., Moroz, R., Koval'chuk, O., Pomytkin, E. Psychological predictors of formation and development of personal identity of older preschool children. Web. 06.03.2022. https://www.matec-conferences.org/articles/matecconf/pdf/2021/11/matecconf_simpro21_11001.pdf.
9. Weyandt, L. Clarkin, Ch., Holding, E., May, Sh. Thompson Neuroplasticity in children and adolescents in response to treatment intervention: A systematic review of the literature. *Clinical & Translational Neuroscience*. 2020: 1–21. (In Rus.)
10. Portes, A., Rivas, A. The Adaptation of Migrant Children *Future Child*, no. 1, pp. 219–246, 2011. (In Engl.)
11. Usheva, T. F., Munkoeva, N. A. Social adaptation of migrant children in secondary school. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 10, pp. 48, 2019. (In Rus.)
12. Kuprina, T. V. Education of migrant children in Russian schools: problems and ways to solve them. *Multilingualism in the educational space*, no. 9, pp. 65–74, 2017. (In Rus.)
13. Britvina, I. B. Stereotypes of migrants from Central Asian countries as cultural representatives of a United region. *News of the Ural Federal University. Ser. 1, the Problems of education, science and culture*, no. 2, pp. 176–184, 2020. (In Rus.)

14. Efimova, A. How migrant children study in Russian schools and why their problems are almost not talked about. Web. 06.03.2022. https://mel.fm/shkola/7524918-migrants_study. (In Rus.)
15. Zborovsky, G. E., Shuklina, E. A. Teaching migrant children as a problem of their social adaptation. Web. 06.03.2022. <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/05/05/1251339495/08Zborovskiy.pdf>. (In Rus.)
16. Ivanova G. P., Stetsevich M. Yu., Shirikova N. N. The problem of adaptation of migrant children in an educational institution: results of theoretical and empirical research *Social relations*, no. 2, pp. 106–115, 2018. (In Rus.)
17. Bedrina, E., Lazareva, E. Adaptation and Integration of Labour Migrants from Central Asia in Russia and Countries of European Union: Comparative Analysis. *Economy of the region*, no. 1, pp. 170–181, 2021. (In Rus.)
18. Boyarsky, P. V. The situation and rights of migrants in the field of school education in Russia. *Young scientist*, no. 20, pp. 247–253, 2020. (In Rus.)
19. Fofanova, K. V., Sychev, A. A., Borisov, D. M. Factors of the Economic Adaptation of Migrants. *Advances in Economics, Business and Management Research*, vol. 128, pp. 2698–2703, 2020. (In Engl.)

Information about authors

Ananina Darya A., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: ananina_1989@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>.

Terentyeva Anastasia V., Senior Lecturer; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: bardanastasya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8099-6597>.

Jiang Dan, Dean of the Faculty of Russian Language, Heihe University; Aihui District, st. Xue Yuan, Heihe, 164300, China; e-mail: dan.tszian@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>.

Contribution of authors

D. A. Ananyina – definition of methodology, analysis of results.

A. V. Terentyeva – conducting an empirical study, designing a study.

Jiang Dan – search and analysis of materials.

For citation

Ananyina D. A., Terentyeva A. V., Jiang Dan. Adaptation of Migrant Children in a Foreign Cultural Environment: Socio-Philosophical Analysis // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. Pp. 122–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-122-130.

Received: April 11, 2022; approved after reviewing May 13, 2022; accepted for publication May 16, 2022.

Научная статья

УДК 1:316.7; 316.3

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-131-142

**Лингвокультурная адаптация мигрантов
в условиях образовательной миграции в Россию****Эльнора Михайловна Думнова¹, Виктория Николаевна Муха²**¹Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия,²Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия¹dumnova79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>,²v.mukha@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4975-0438>

Образовательная международная миграция выступает неотъемлемым элементом современного мира, что актуализирует проблему адаптации образовательных мигрантов. Особенно интересна лингвокультурная адаптация, поскольку она определяет адаптационную стратегию и результат дальнейшей интеграции мигранта в новом обществе. Цель статьи состоит в исследовании лингвокультурной адаптации субъектов международной академической миграции в контексте нового пространства повседневности. Эмпирической базой исследования стали результаты межрегионального исследования в рамках качественного подхода с применением методов глубинного и полуструктурированного интервью (20 интервью), проведённого в январе 2022 г. Тактикой качественного подхода явился метод кейс-стади, локальными кейсами выступили Краснодарский край и Новосибирская область. В Краснодарском крае были опрошены выходцы из арабо-мусульманских стран, в Новосибирской области – учащиеся из Китая. Анализ интервью позволил выделить факторы, определяющие успешность лингвокультурной адаптации образовательных мигрантов, а также основные сложности в процессе формирования языковой компетенции, следовательно, и лингвокультурной адаптации как студентов из арабо-мусульманских стран, так и китайских студентов. Проведённое исследование показало, что внимание к этнонациональным особенностям иностранных студентов, к их системе мотивации при организации процесса обучения, включение в культуру принимающего сообщества способствуют более быстрой и успешной лингвокультурной адаптации. Сделан вывод о детерминации новых видов идентичности в процессе лингвокультурной адаптации степенью эмпатичности родной культуры мигранта. Результаты исследования могут быть использованы при формировании программ адаптации образовательных мигрантов в российских вузах.

Ключевые слова: образовательная миграция, лингвокультурная адаптация, аккультурация, транскультурализм

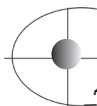
Original article

Linguocultural Adaptation of Migrants in the Context of Educational Migration to Russia**Elnara M. Dumnova¹, Victoria N. Mukha²**¹Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,²Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia¹dumnova79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>,²v.mukha@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4975-0438>

International educational migration is an integral element of the modern world, which actualizes the problem of adaptation of educational migrants. Linguocultural adaptation is especially interesting, because it determines the strategy of adaptation and the result of the further integration of the migrant in the new society. The purpose of the article is to study the linguistic and cultural adaptation of the subjects of international academic migration in the context of the new space of everyday life. The empirical basis of the research was the results of an inter-regional study within the framework of a qualitative approach using the methods of in-depth and semi-structured interviews, conducted in March-April 2021. 20 informants were interviewed. The case study method became the tactic of the qualitative approach, the Krasnodar Territory and the Novosibirsk Region acted as local cases. In the Krasnodar Territory, people from Arab-Muslim countries were interviewed, students from China were interviewed

© Думнова Э. М., Муха В. Н., 2022

in the Novosibirsk Region. The analysis of the interviews allowed us to identify the factors that determine the success of linguocultural adaptation of educational migrants, as well as the main difficulties in the process of formation of language competence and, consequently, linguocultural adaptation of both students from Arab-Muslim countries and Chinese students. The research showed that attention to the ethno-national characteristics of foreign students, to their system of motivation in organizing the learning process, inclusion in the culture of the host community, contribute to faster and more successful linguocultural adaptation. It was concluded that new types of identity are determined in the process of linguocultural adaptation by the degree of empathy of the migrants' native culture. The research results can be used in the formation of adaptation programs for educational migrants in Russian universities.

Keywords: educational migration, linguocultural adaptation, acculturation, transculturalism

Введение. В условиях формирования и развития открытого информационного общества сформировался целый комплекс факторов, детерминирующих рост темпов международной миграции. Данный процесс представляет собой многогранный социальный феномен, включающий разные виды миграции. Одним из них является образовательная миграция, ставшая неотъемлемым компонентом современного образовательного пространства. Россия входит в число стран-участников процесса образовательной миграции, о чём свидетельствует указ Президента Российской Федерации от 1 октября 2018 г. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»¹.

Несмотря на пандемию и связанные с этим изменения темпов миграционных потоков на территории России продолжают своё обучение иностранные студенты, магистранты и аспиранты. Общее количество иностранных студентов, получающих высшее образование в России, выросло за последние три года более чем на 26 тысяч человек. Как сообщает Министерство науки и высшего образования, в 2019 г. в России училось 298 тысяч иностранных студентов; в 2020 г. – 315 тысяч человек; в 2021 г. – 324 тысячи студентов. В основном за высшим образованием в Российскую Федерацию приезжают студенты из Казахстана (61 тыс.), Узбекистана (48,7 тыс.), Китая (32,6 тыс.), Туркменистана (30,6 тыс.), Таджикистана (23,1 тыс.), Индии (16,7 тыс.), Египта (12,4 тыс.), Беларуси (10,2 тыс.), Украины (9,1 тыс.) и Киргизии (8,6 тыс.)².

Образовательная миграция позиционируется рядом учёных как разновидность

интеллектуальной миграции [1]. Такой точки зрения придерживаются В. А. Ионцев, И. В. Ивахнюк [2; 3]. В процессе интеллектуальной миграции участвуют с одной стороны страны-доноры, с другой – страны-реципиенты. Их политика в этой области детерминирована стратегическими целями развития государства. Образовательная миграция представляет собой ресурс «мягкой силы». Данный термин был введён в научный оборот американским исследователем Дж. Наем и обозначает «использование нематериальных ресурсов культуры и идеологии для оказания влияния на другие страны и их население, без применения военных или силовых методов» («убеждение, а не принуждение») [4]. Образовательная миграция выступает эффективным инструментом в международной борьбе за человеческий капитал, а также развитые страны используют данный канал миграции как источник дополнительного национального дохода. Страны-реципиенты заинтересованы в привлечении иностранных студентов на внутренний рынок труда. Вместе с тем они могут быть трансляторами полученных профессиональных знаний и, возвращаясь на родину, приносят значительный вклад в развитие её экономики. В этой связи в современном мире наблюдается высокий рост заинтересованности в международной образовательной миграции, которая приобрела гибкие формы, что выразилось в качественном изменении, если раньше сутью образовательной миграции была «утечка мозгов», то позднее произошёл переход к «циркуляции мозгов» (braincirculation) [5].

Академический обмен открывает новые траектории развития субъекта образования, вместе с тем образовательные мигранты сталкиваются с рядом проблем в обществе-реципиенте, что в большинстве своём связано с процессом адаптации. Одним из её важнейших аспектов представляется лингвокультурная адаптация, лежащая в основе определения адаптационной стратегии мигранта, во многом определяющей резуль-

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 11.03.2022). – Текст: электронный.

² Study in Russia: официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов. – URL: <https://studyinrussia.ru/actual/news/chislo-inostrannykh-studentov-v-rossii-za-tri-goda-vyroslo-na-26-tysyach/> (дата обращения: 11.03.2022). – Текст: электронный.

тат его дальнейшей интеграции в новом обществе.

Лингвокультурная адаптация является процессом вхождения в ценностно-смысловое поле иной социокультурной среды через обучение русскому языку и изучение русской культуры [6; 7]. Данный вид адаптации происходит в рамках межкультурной коммуникации мигрантов и представителей принимающего сообщества.

Становясь активным социальным субъектом, мигранты привносят своё культурное влияние в языковую сферу, в результате чего с одной стороны происходит перманентная трансформация языка титульного этноса посредством внесения в него новых слов, форм общения. С другой – наблюдается трансформация социокультурной идентичности субъектов международной миграции в новом жизненном пространстве. В этой связи представляется важным исследование влияния международной миграции на языковое сознание как одного из доминантных идентификаторов в процессе формирования и трансформации микро– и макроидентичностей в обществе, в числе которых социокультурная и национальная.

В условиях международной, в частности образовательной миграции, актуализируется проблема трансформации языкового сознания социальных субъектов, как следствие, ценностно-смысловой динамики их социокультурной идентичности.

В силу территориального фактора миграционные процессы в российском обществе протекают неравномерно, что обусловлено региональными особенностями. Для формирования более полной картины исследования представляется целесообразным рассмотрение обозначенной проблемы на примере южного и северного регионов Российской Федерации – Краснодарского края и Новосибирской области. Численность мигрантов в период с 2016 по 2018 г., поставленных на миграционный учёт в Сибирском федеральном округе, увеличилось на 40,7 %; численность мигрантов, прибывших для обучения, – на 14,7 %. Наибольшее число мигрантов прибывает в Новосибирскую область. Кроме территориального критерия данные регионы отличаются по качественным и количественным показателям миграционных потоков. Так, за последние три года число приехавших в этот регион на учёбу мигрантов возросло с 14,7 до 16,7 тысяч человек, т. е. стало на 13,2 % больше

[8]. За период с 2016 по 2018 г. численность лиц, поставленных на миграционный учёт в Южном федеральном округе, увеличилась на 23,3 %; количество мигрантов, прибывших для обучения, – на 26 % [Там же].

Некоторые аспекты лингвокультурной адаптации китайских и арабских учащихся в российских вузах изучаются отечественными специалистами в области филологии, в их числе Н. Г. Большакова, О. В. Низкошапкина [9], О. Е. Захарчук, М. В. Ерещенко, О. В. Николенко [10].

Исследование особенностей лингвокультурной адаптации образовательных мигрантов в рамках социально-философского и социологического подходов позволит выявить основные тенденции формирования и трансформации их идентичности в условиях активных процессов международной миграции, что является важнейшим фактором трансформации социальных взаимодействий, а также возникновения новых общественных настроений, влияющих на уровень социальной солидарности и социального порядка.

Цель статьи состоит в исследовании лингвокультурной адаптации субъектов международной образовательной миграции в контексте нового пространства повседневности на основе расширенной методологической парадигмы – междисциплинарного подхода. Во время исследования решались следующие задачи: во-первых, оценить культурно-языковую дистанцию между русскоязычным принимающим обществом и исследуемыми этническими группами образовательных мигрантов; во-вторых, выявить влияние особенностей лингвокультурной адаптации на основные тенденции формирования/трансформации социокультурной идентичности образовательных мигрантов. Масштаб решаемых задач предполагает эмпирическое изучение специфики лингвокультурной адаптации разных этнических групп мигрантов и тенденций трансформации идентичности.

Лингвокультурная адаптация мигрантов происходит в рамках межкультурной коммуникации в новом социокультурном пространстве и рассматривается сквозь её призму с позиций междисциплинарного подхода, в связи с чем следует выделить ряд сопредельных данной проблематике исследовательских вопросов, освещаемых в трудах как западных, так и отечественных учёных.

Первые шаги в области исследования социокультурной адаптации в процессе

межкультурной коммуникации мигрантов сделаны западными учеными, чьи концепции в настоящее время представляют теоретический фундамент в изучении данной проблематики, в их числе Дж. Берри [11; 12], М. Гордон [13], Й. Ким [14; 15], С. Кнак и П. Кифер [16], Р. Льюис [17], А. Портес и М. Чжоу [18], Я. Питерс [19], С. Сью и Д. Сью [20]. Их концепции следует дифференцировать по критерию *mainstream* на два направления процесса адаптации: ассимиляцию и транснационализм. Так, идея ассимиляции как основы адаптационного процесса проводится в работах М. Гордона, А. Портеса и М. Чжоу. Идея адаптации мигрантов в русле транснационализма получила развитие в работах С. Сью и Д. Сью, Дж. Берри, С. Кнака, П. Кифера, Й. Ким, Я. Питерса.

Дальнейшее изучение проблемы межкультурной адаптации связано с концепциями культурного шока и стресса аккультурации в работах С. Бочнера [21], К. Оберга [22], У. Ченпflug [23].

Лингвокультурная адаптация как один из важнейших аспектов адаптации мигрантов рассматривается в трудах современных отечественных исследователей. В рамках социально-психологического подхода М. А. Ивановой [24], А. И. Сурыгина [25] разработаны основные принципы лингвокультурной адаптации мигрантов, в их числе: принцип адаптации, культурологический принцип, принцип единого языкового поля (единого языкового режима).

Языковая среда как основной фактор адаптации рассматривается представителями педагогики, в числе которых Д. Б. Гудков [26], Н. А. Журавлева [27], И. А. Орехова [28], Н. В. Поморцева [6; 7]. В качестве основного условия успешной языковой адаптации Д. Б. Гудков рассматривает также овладение инофонами русской когнитивной базы. Исследователь полагает, что русская когнитивная база, т. е. представления и знания, должна стать хотя бы частью когнитивной базы иностранных студентов, в соответствии с данной позицией автор ставит методические задачи по обучению русскому языку. Обозначенная исследовательская траектория была продолжена в работах, посвящённых лингвокультурной адаптации студентов в образовательном пространстве российских вузов.

С позиции междисциплинарного подхода лингвокультурная адаптация исследуется группой учёных, в число которых входят

М. И. Витковская, А. Д. Гладуш, Г. Н. Трофимова, И. В. Троцук, В. М. Филиппов [29; 30]. Особенное внимание в исследованиях учёных уделено проблемам лингвокультурной адаптации иностранных студентов в едином образовательно-воспитательном пространстве международно ориентированного вуза. Их работы посвящены поэтапному рассмотрению межкультурной коммуникации сквозь психологическую призму, а также выявлению особенностей инкультурации иностранных студентов и изучению языковых трудностей, встречающихся в процессе обучения языку.

В целом многообразие существующих подходов к изучению лингвокультурной адаптации обусловило определённые методологические трудности и необходимость поиска интегрированного подхода к изучению данного феномена.

В рамках данной статьи под лингвокультурной адаптацией мигрантов рассматривается процесс освоения личностью языковых паттернов, ценностей и норм принимающей культуры, который предполагает выход за пределы своего языкового поля и соприкосновение с чужой ментальностью. Это двусторонний процесс, влекущий качественные изменения ментальности и языка как адаптантов, так и представителей принимающего сообщества.

Методология и методы исследования.

Цель исследования предполагает постановку и верификацию следующих гипотез:

Гипотеза 1. Процесс лингвокультурной адаптации и выбор ее модели дифференцированы между различными этническими группами образовательных мигрантов, имеющими разные страны исхода. Корреляция родной культуры и культуры принимающего сообщества определяет специфику адаптационного процесса, его качественные характеристики и результаты.

Гипотеза 2. Мотивы миграции и жизненные планы в принимающей стране детерминируют выбор соответствующей адаптационной модели.

Гипотеза 3. Расширение жизненного пространства и адаптация в новом социокультурном пространстве мигрантов способствует формированию трансидентичности/новых видов идентичности.

Для разработки теоретико-методологических оснований анализа проблемы трансформации языкового сознания в условиях современных миграционных процессов

перспективным явилось использование триангуляционного подхода, что позволило соединить преимущества социо- и психолингвистической, социологической и философско-культурологической научных парадигм.

В январе 2022 г. проведено эмпирическое межрегиональное исследование в рамках качественного подхода с применением методов глубинного и полуструктурированного интервью.

Тактикой качественного подхода выступил кейс-стади, или исследование «отдельного случая». Локальными кейсами послужили два региона Российской Федерации – Краснодарский край и Новосибирская область. Особенности такой тактики как раз и позволяют исследовать уникальный объект в совокупности его взаимосвязей в определённом пространственно-временном контексте, дают возможность включиться в повседневные практики. Эмпирическим объектом исследования стали представители академической международной миграции – иностранные студенты и аспиранты. В Краснодарском крае респондентами стали выходцы из арабо-мусульманских стран, в Новосибирской области – учащиеся из Китая. Кейс исследования составили 20 информантов. Набор информантов изначально вёлся методом «снежного кома». Инструментарием исследования явился авторский гайд.

Результаты исследования и их об- суждение. Язык выступает важным механизмом конструирования социальной и коммуникативной реальности, отражает социокультурный опыт этнического сообщества. Являясь базовым признаком этноса, и определяя этническое самосознание носителей языка, он выполняет одновременно консервативную функцию – как средство сохранения и воспроизводства культурных форм, а также инновационную – как отражение изменений социальной структуры, ценностей и установок, формирования проективных линий развития культуры.

В результате миграции вместе с новыми этническими элементами в своей структуре общество приобретает мозаичность языкового поля, являющегося частью социокультурного пространства. Рассмотрим далее специфику лингвокультурной адаптации мигрантов в новом языковом поле.

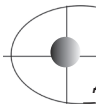
Результаты проведённого исследования показали, что фактор дистанции культур коррелирует с фактором языковой компетенции. Как первая, так и вторая группы

информантов являются носителями языков, системно отличающихся от русского, в связи с чем возникают некоторые сложности в процессе формирования языковой компетенции, следовательно, и лингвокультурной адаптации.

Особенностью группы китайских информантов является обучение большей части из них на филологических факультетах по специальности «Русистика». Все опрошенные аспиранты окончили факультеты русского языка в Китае. Высокая востребованность специалистов в области русского языка и рост интереса к нему в Китае в последние годы объясняется объективной ситуацией укрепления российско-китайского сотрудничества по ряду направлений. В этой связи переезд в Россию в формате академической миграции сопровождается у китайских ребят комфортной адаптацией, многие из них подтвердили, что даже её не заметили. При этом нам удалось выявить распространённые проблемы лингвокультурной адаптации, возникающие у части информантов. В их числе: коммуникативный барьер из-за страха ошибиться, сложность восприятия потока русской речи из-за высокой скорости, трудность в улавливании смысла речи в контексте, отмечен и недостаток знания русской культуры, а также большая разница культурных фонов России и Китая. Русский и китайский языки представляют собой совершенно разные языковые системы, что существенно затрудняет интерференцию (языковой перенос) в процессе изучения русского языка китайскими обучающимися и усложняет овладение им. В этой связи отработка теоретического знания грамматики на практике в условиях погружения в языковую среду является незаменимым способом формирования речевых навыков.

Интервью с китайскими информантами продемонстрировало их высокую степень заинтересованности в погружении в языковую и культурную среду российского общества, что выражается в их предпочтениях при выборе художественной литературы, в изучении и хорошем владении русским фольклором, стремлении расширить лексический запас и перевести пассивную лексику в активную в процессе использования новых слов в коммуникации с носителями языка. Информанты рассказали о своей языковой и культурной практике в России следующее:

– *Всегда хочу ездить в деревни или города (особенно деревни), наблюдать раз-*

новидность религий, но это не факт, потому что боюсь общаться с людьми лицом к лицу... Когда только начинала учить русский язык, любила лирику, стихи Пушкина и Лермонтова (его «Демон» до сих пор является моим любимым стихотворением), нравились литературные очерки В. Розанова, неоязыческие мифы Александра Асова, но после того как начала читать сказки Афанасьева и учить церковнославянский, эти стихи и очерки потеряли привлекательность (Сунь Бо, 28 лет).

– Во время бакалавриата и магистратуры часто читала. Тема любви меня больше привлекает. В аспирантуре реже читала и тратила много времени на научную литературу (Чэн Юйсяо, 29 лет).

– Самое главное для меня – читать и слушать, я читал очень много русских книг в оригинале, внимательно читал романы Шкловского и Каверина. Читал такие современные романы, как «Москва-Петушки», «Зулейха открывает глаза», «Лавр», надо сказать, что современные романы не так сложно читать. Но классику для меня уже не так легко читать, потому что в них очень много незнакомых слов, вещей, описания общества и природы. Я много раз пробовал читать одну повесть – «Египетская марка» Мандельштама, но прошло полгода, а я до сих пор не знаю, что он написал. Я почти каждый день слушаю радио «Эхо Москвы», хотя бы полчаса. Это очень помогло мне, я думаю, что это очень хороший способ изучения языка (Лю Мяовэнь, 29 лет).

Вместе с тем все информанты продолжают активно поддерживать контакты со своими соотечественниками как в России, так и в Китае на родном языке, что в целом не мешает им успешно интегрироваться в российское социокультурное пространство, сохраняя свою культурную самобытность. Данный тип адаптации демонстрирует высокую степень гибкости их ментальности при константности элементов её глубинного психогенетического уровня. Происходит расширение жизненного пространства, как следствие, – ментальных границ. В результате мы видим обновление их социокультурной идентичности посредством её замещения транснациональной идентичностью. Коммуникабельность и профессиональная мотивация способствуют накоплению социального капитала в новом социокультурном пространстве, что и выступает основой конструирования новой идентичности.

Не менее важным лингвокультурный фактор является и в процессе адаптации арабоязычных учащихся. Арабский язык – один из древнейших языков, объединяющий весь мусульманский мир, отражающий глубину и особенности его ментальности, мировоззрения и культуры. Арабский мир, являвшийся традиционным союзником СССР и широко пользовавшийся его экономической и военной помощью, был вторым по значимости регионом развивающихся стран по распространённости русского языка [31]. Общее число в той или иной мере владевших русским языком составляло в арабских странах к концу 1980-х гг. оценочно около 600 тысяч человек. Изменение политической ситуации обусловило динамику востребованности русского языка в странах Арабского Востока. Так, к 2010 г. общее количество владевших русским языком в странах Ближнего Востока и Северной Африки сократилось оценочно на 200 тысяч человек по сравнению с 2004 г. и составило 1,3 миллиона человек (преимущественно за счёт израильтян). Сократилось также на одну треть количество изучающих русский язык в системе высшего образования. Так, если в 2004 г. русский язык изучали как один из иностранных (обычно второй язык) или факультативно 3,7 тысячи студентов в 26 вузах 11 стран региона, то в 2010 г. его изучали 2 195 тысяч студентов в 21 вузе 9 стран. В настоящее время эта тенденция продолжает проявляться, за исключением стран, ориентированных на активное развитие туристического сектора экономики. Из 19 стран региона российские центры науки и культуры и курсы русского языка при них действуют лишь в шести странах – Египте, Иордании, Ливане, Марокко, Сирии и Тунисе [32].

В этой связи, учитывая принадлежность арабского и русского языков к разным языковым системам и некоторое ослабление сотрудничества между этими странами в последние годы, приведшее к снижению уровня распространённости и востребованности русского языка в странах Ближнего Востока, вполне объяснимы лингвокультурные сложности, с которыми сталкиваются арабские студенты. В основе арабского языка лежит другая система письма, есть специфика графического начертания букв, поскольку каждая имеет четыре графические формы, а также их соединения (лигатуры), текст пишется справа налево. Большинство информантов сказали, что испытывают за-

труднения с письменной русской речью, поэтому в своей социальной практике используют английский как язык-посредник, либо электронный переводчик. В отличие от письма устная речь для них более приемлема. Опыт проведения интервью показал их способность вести диалог и заинтересованность в устной коммуникации. Несмотря на отсутствие у многих начальных знаний русского языка при приезде в Россию, студенты используют любые возможности коммуникации на русском языке, отмечая, что это самый лучший способ освоения языка.

По словам одного информанта:

– *Интересно общаться, говорить с другими людьми. Читать мне сложно, писать тоже, не люблю писать, я делаю это в интернете. Мне надо написать старосте и узнать задание, она моего языка не знает. Я в интернет пишу, потом включаю перевод, пересылаю старосте. Самому трудно это делать. Ещё смотрю фильмы на русском языке, понимаю не всё, но понимаю. Когда сложно, включаю текст внизу. Но я смотрю фильмы нетрудные, там мало говорят, но всё понятно. На курсах с преподавателем мы учили язык через фильмы (Сури, 30 лет).*

Другие информанты высказали схожее мнение:

– *Мне интересно всё, но я очень плохо пишу на русском языке. Мне нравится говорить с людьми, у меня хорошо получается, меня понимают. Я читаю тоже хорошо, книги нам дают разные, учебники, они на русском языке все, я понимаю. Нет, это не такая литература про развлечения, это про профессию. Я много читаю, но это учебники. ...Я лучше знаю, как говорить. Когда мы идём в магазин или едем гулять, то я спрашиваю у людей, когда есть вопросы. Меня друзья просят узнать на кафедре что-то, поговорить с преподавателями (Ахтар Хуссейн, 22 года).*

– *Русский язык вообще в целом интересный, но и сложный. Писать особенно. Говорить мне нравится больше, читать тоже получается, и уже не так сложно, как было. Писать сложнее даётся, всё ещё делаю это плохо. Хорошо, что сейчас всё в электронном виде сдаём, даже карточки для пациентов ведём на ноутбуке. В ватсапе я общаюсь по-русски с русскими студентами, у нас есть своя группа. Я пишу, там мне помогает электронный переводчик (Хади, 22 года).*

Все учащиеся из арабоязычных стран владеют английским языком, в отличие от китайских студентов активно его используют как альтернативный в условиях российского социокультурного пространства. Многие арабоязычные информанты рассказали об этом:

– *90 % на русском языке общаюсь, со своими друзьями, сородичами, – конечно, на арабском. Иногда перехожу на английский, я его знаю. Некоторые преподаватели со мной на английском говорят (Ник, 30 лет).*

– *На русском (языке) с русскими ребятами, преподавателями, охраной. С родными я по-арабски разговариваю, конечно. С ребятами из других стран – в зависимости от ситуации. Если они на арабском говорят, то я тоже. Если на английском, то разговариваю на английском (Хади, 22 года).*

– *Стараюсь говорить на русском с преподавателями, с другими студентами, с людьми в магазине и на улице. С ребятами из моей страны говорю на арабском. Иногда использую английский (Ахтар Хуссейн, 22 года).*

– *На русском языке общаюсь со студентами, местными, преподавателями, иногда на английском с преподавателями. Со своими с друзьями (арабами) говорю на арабском. Общаюсь лично, а также в социальных сетях. Пишу в сетях на арабском. Если пишу русским ребятам или девочкам, то тогда на русском, но нечасто такое бывает (Сури, 30 лет).*

Анализ данных интервью позволил прийти к выводу, что лингвокультурная адаптация иностранных обучающихся в России имеет свою специфику. Во-первых, выбор модели коммуникации определяется мотивацией к обучению в России (внутренней или внешней), а также дальнейшими планами обучающегося. Так, информанты из арабоязычных стран, находясь в России, поддерживают полилингвальную модель коммуникации, сохраняя принадлежность к родной культуре посредством повседневных практик (культурные отправления, поддержание коммуникативной модели и круга общения из родственников и соотечественников), а также активно используя английский как универсальный язык общения. Данная группа информантов в своём большинстве ориентирована на возвращение на родину после получения образования в России. Китайские магистранты и аспиранты выбирают билингвальную модель

коммуникации, активно используя и русский, и китайский языки в повседневном и профессиональном общении. Большинство информантов, приехавших из Китая, не исключают возможности в перспективе жить и работать в России. Многие из них уже имеют опыт преподавания китайского языка в российских вузах. Данные лингвокоммуникативные модели объяснимы с точки зрения академического статуса исследуемых групп мигрантов и мотивации к адаптации, в основе которой лежит профессиональный критерий.

Характер мотивации также влияет на успешность лингвокультурной адаптации, то есть те информанты, которые осознанно подходили к выбору страны обучения и для которых характерна внутренняя мотивация изучения русского языка, успешнее преодолевают сложности адаптации. В нашем случае это преимущественно мигранты из Китая. Тогда как арабоязычным информантам свойственен внешний характер мотивации к освоению русского языка, поскольку выбор страны обучения чаще осуществлялся не самим студентом, а официальными структурами направившей его страны.

Во-вторых, наличие «фоновых знаний» о принимающей стране, её истории и культуре, повседневных практиках влияет на процесс лингвокультурной адаптации, облегчая её и делая возможным процесс общения представителей разных культур. Поэтому китайские информанты, более погружённые в культуру принимающего общества, активно осваивающие фольклор, литературу, историю России, формируя языковую компетенцию, легче воспринимают структуру языка. Выходцы из арабских стран, принявшие участие в интервью, чаще такими «фоновыми знаниями» не обладали, испытывая существенные трудности в освоении языка.

Заключение. Таким образом, учёт этнонациональных особенностей иностранных студентов и их мотивации при организации процесса обучения, а также погружение в культуру принимающего сообщества способствуют более быстрой и успешной лингвокультурной адаптации, формированию языковой личности, способной развиваться в условиях иной социокультурной среды.

Немаловажным последствием результатов лингвокультурной адаптации является сохранение/трансформация социокультурной идентичности. Проведённое исследование позволяет прийти к выводу о детерминации новых видов идентичности в процессе лингвокультурной адаптации, которая зависит от степени эмпатичности родной культуры мигранта. Так, культура стран Юго-Восточной Азии в большей степени обладает данной характеристикой, нежели культура мусульманских стран. Вследствие этого выходцы из стран Ближнего Востока отстаивают собственную социокультурную идентичность, сохраняя в качестве основного языка повседневной коммуникации свой родной язык. Носителями новых тенденций в конструировании идентичности явилась вторая этническая группа, представленная в нашем исследовании образовательными мигрантами из Китая. Они продемонстрировали феномен транскультурации, одним из аспектов которого является формирование транскультурной идентичности.

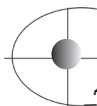
Транскультурация предполагает процесс приобретения знаний и норм другой культуры (аккультурации) и утрату считавшейся ранее «своей» культуры (декультурации), а также создания нового культурного «кода» как неокультуры [33, с.11]. Данный процесс сопряжён с транслингвальностью, характеризующейся переходами от одной лингвокультуры к другой. Ей присущи зоны неопределённости (“linguisticfluidity”). Так, процесс формирования транскультурной идентичности и транслингвальности как её составляющей имеет далеко идущие последствия. Мы разделяем точку зрения западного учёного А. Пэнникука о возникновении нового состояния «слияния культур», которое выражается на поведенческом уровне в новых языковых практиках современности, ведущей становится практика трансьязычья, носителями которой являются билингвы и полилингвы [34].

Таким образом, выбор стратегии лингвокультурной адаптации мигрантов и её результаты имеют ряд социальных последствий, эксплицирующихся на разных уровнях социальной организации, изменяющих мир, отражая в целом глобализационную тенденцию его развития.

Список литературы

1. Суворова В. А., Бронников И. А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. № 4. С. 131–139. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139.

2. Ионцев В. А., Алешковкий И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // *Век глобализации*. 2008. № 2. С. 77–87.
3. Ивахнюк И. В. *Международная трудовая миграция*. М.: Экономический факультет МГУ: ТЕИС, 2005. 286 с.
4. Nye J. *Soft power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. 192 p.
5. Латова Н. В. «Утечка умов» в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России // *Журнал институциональных исследований*. 2011. Т. 3, № 3. С. 82–93.
6. Поморцева Н. В. Лингвокультурная адаптация иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку в условиях языковой среды: социально-психологический аспект // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2008. № 5. С. 69–75.
7. Bragina M. A., Pomortseva N. V., Levina V. N. Formation of the Linguistic Image of Russia among International Students in the Process of Linguocultural Adaptation (based on the material of texts of Russian media) // *9th Annual International Conference on Education and New Learning Technologies (July 3, 4 and 5, 2017)*. Barcelona, Spain, 2017. Pp. 9928–9931.
8. Кузнецова А. Р. Тенденции образовательной миграции в Российской Федерации // *Siberian Socium*. 2019. Т. 3, № 2. С. 52–65. DOI: 10.21684/2587–8484-2019-3-2–52-65.
9. Большакова Н. Г., Низкошапкина О. В. Лингвокультурная адаптация китайских учащихся в процессе обучения русскому языку // *Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: III Всероссийская научно-практическая конференция (г. Москва 20–21 сент. 2018 г.)* / отв. ред. М. Н. Русецкая, Е. В. Колтакова. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 118–126.
10. Захарчук О. Е., Ерещенко М. В., Николенко О. В. Особенности социализации китайских студентов в образовательное пространство РКИ: определение социально-коммуникативных затруднений // *Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: III Всероссийская научно-практическая конференция (г. Москва 20–21 сент. 2018 г.)* / отв. ред. М. Н. Русецкая, Е. В. Колтакова. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 302–307.
11. Berry J. *Acculturation as varieties of adaptation* // *Acculturation: Theory, models and some new findings* / A. Paddila. Boulder: Westview Press, 1980. Pp. 9–25.
12. Berry J. *Immigration, acculturation and adaptation* // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. No. 46. Pp. 5–34.
13. Gordon M. *The Nature of Assimilation* // *Assimilation in American Life*. New York: Oxford University Press, 1964. Vol. 3. Pp. 60–83.
14. Kim Y. Y. *Adapting to a new Culture: An integrative communication theory* // Gudykunst W., Ed. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage, 2005. Pp. 375–400.
15. Kim Y. Y. *Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 342 p.
16. Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112, no. 4. Pp. 1251–1288.
17. Lewis R. *When culture collide: leading across cultures*. WS Bookwell, 2016. 590 p.
18. Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among post-1965 immigrant youth // *Annals of American Academy of Political and Social Science*, 1993. No. 530. Pp. 74–98.
19. Pieterse J. N. *Global Multiculture, Flexible Acculturation* // *Globalizations*. 2007. Vol. 4, no. 1. March. Pp. 65–79.
20. Sue S., Sue D. W. *Chines-American personality and mental health. Asian-Americans psychological Perspectives*. Ben Lomand, CA: Science and Behavior Books, 1973. Pp. 111–124.
21. Bochner S. Culture shock due to contact with unfamiliar cultures // *Online Readings in Psychology and Culture* / W. J. Lonner, D. L. Dinnel, etc. 2003. No. 8. DOI: 0.9707/2307-0919.1073.
22. Oberg K. *Cultural shock: Adjustments to new cultural environments* // *Practical Anthropology*. 1960. Vol. 7. Pp. 177–182.
23. Schönplflug U. *Acculturation, ethnic identity, and coping* // *Online Readings in Psychology and Culture* / W. J. Lonner, D. L. Dinnel, etc. 2003. No. 8. DOI: 0.9707/2307-0919.1073.
24. Иванова М. А. *Психологические аспекты адаптации иностранных студентов к высшей школе*. СПб.: Нестор, 2000. 149 с.
25. Сурьгин А. И. *Дидактический аспект обучения иностранных учащихся: основы теории обучения на неродном для учащихся языке*. СПб.: Нестор, 2000. 390 с.
26. Гудков Д. Б. *Теория и практика межкультурной коммуникации*. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
27. Журавлева Н. А. *Языковая среда как обучающий фактор и резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02*. М., 1981.
28. Орехова И. А. *Специфика обучения иностранному языку в условиях языковой среды и вне зоны её функционирования. Мир русского слова и русское слово в мире* // XI Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: материалы конференции (17–23 сент. 2007 г.). Варна, 2007. Т. 6. С. 387–390.

29. Витковская М. И., Троцук И. В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учёбы в России (на примере РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2004. № 6–7. С. 267–283.

30. Гладуш А. Д., Трофимова Г. Н., Филиппов В. М. Социально-культурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения и проживания в России. М.: РУДН, 2008. 146 с.

31. Арефьев А. А. В странах Азии, Африки и Латинской Америки наш язык стремительно утрачивает свою роль. Текст: электронный // Демоскоп Weekly. 2006. № 251–252. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema03.php> (дата обращения: 01.02.2022).

32. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 450 с.

33. Арлентьева М. Р. Понятия транскультуральности и транслингвальности // Европейское полиязыковое пространство: образование, социум, право: материалы международной конференции (г. Архангельск, 23–24 апр. 2019 г.). Архангельск: САФУ, 2019. 197 с.

34. Pennycook A. Global Englishes and transcultural flows. London; New York: Routledge, 2007. 189 p.

Информация об авторах

Думнова Эльнара Михайловна, доктор философских наук, доцент; Новосибирский государственный университет экономики и управления; 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56; e-mail: dumnova79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>.

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, доцент; Кубанский государственный технологический университет; 350072, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, 2; e-mail: v.mukha@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0438>.

Вклад авторов

Э. М. Думнова осуществляла постановку проблемы исследования, подготовку части текста статьи, сбор и анализ материалов интервью, проведённых в Новосибирской области; формулировала результаты исследования и выводы.

В. Н. Муха осуществляла подготовку части текста статьи, сбор и анализ материалов интервью, проведённых в Краснодарском крае; формулировала результаты исследования и выводы.

Для цитирования

Думнова Э. М., Муха В. Н. Лингвокультурная адаптация мигрантов в условиях образовательной миграции в Россию // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 131–142. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-131-142.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 25.04.2022

References

1. Suvorova, V. A., Bronnikov, I. A. International educational migration as a “resource of soft power” in the era of globalization. Management, no. 4, pp. 131–139, 2019. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139. (In Rus.)

2. Iontsev, V. A., Aleshkovsky, I. A. Trends of international migration in the globalizing world. Century of Globalization, no. 2, pp. 77–87, 2008. (In Rus.)

3. Ivakhnyuk, I. V. International Labor Migration. M: Faculty of Economics, Moscow State University, TEIS, 2005. (In Rus.)

4. Nye, J. Soft power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs Group, 2004. (In Engl.)

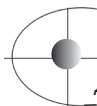
5. Latova, N. V. “Brain drain” in the system of institutions of reproduction of human capital of modern Russia. Journal of Institutional Studies, no. 3, vol. 3, pp. 82–93, 2011. (In Rus.)

6. Pomortseva, N. V. Linguocultural adaptation of foreign students in the process of teaching Russian language in the language environment: the socio-psychological aspect. Polilinguality and transcultural practices, no. 5, pp. 69–75, 2008. (In Rus.)

7. Bragina, M. A., Pomortseva, N. V., Levina, V. N. Formation of the Linguistic Image of Russia among International Students in the Process of Linguocultural Adaptation (based on the material of texts of Russian media) / 9th Annual International Conference on Education and New Learning Technologies. July 3, 4 and 5. Barcelona, Spain, 2017: 9928–9931. (In Engl.)

8. Kuznetsova, A. R. Tendencies of educational migration in the Russian Federation. Siberian Socium, no. 3, vol. 3, pp. 52–65. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-52-65. (In Rus.)

9. Bol'shakova, N. G., Nizkoshapkina, O. V. Linguocultural adaptation of Chinese students in the process of learning the Russian language // III All-Russian Scientific and Practical Conference "Topical issues of the implementation of educational programs at preparatory faculties for foreign citizens" (September 20–21, 2018, Moscow): collection of articles / Ed.: M. N. Rusetskaya, E. V. Koltakova. M.: State. IRL named after A. S. Pushkin, 2018: 118–126. (In Rus.)
10. Zakharchuk, O. E., Ereshchenko, M. V., Nikolenko, O. V. Features of socialization of Chinese students in the educational space of the RCU: definition of socio-communicative difficulties // III All-Russian Scientific and Practical Conference "Topical issues of the implementation of educational programs at preparatory faculties for foreign citizens" (September 20–21, 2018, Moscow): collection of articles / Ed. by M. N. Rusetskaya, E. V. Koltakova. M.: State. IRL named after A. S. Pushkin, 2018: 302–307. (In Rus.)
11. Berry, J. Acculturation as varieties of adaptation. In Paddila A., Ed. Acculturation: Theory, models and some new findings. Boulder: Westview Press. 1980: 9–25. (In Engl.)
12. Berry, J. Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, no. 46, pp. 5–34, 1997. (In Engl.)
13. Gordon, M. The Nature of Assimilation. In *Assimilation in American Life*. New York: Oxford University Press, 1964: 60–83. (In Engl.)
14. Kim, Y. Y. Adapting to a new Culture: An integrative communication theory. Ed. by W. Gudykunst. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage, 2005: 375–400. (In Engl.)
15. Kim, Y. Y. *Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. (In Engl.)
16. Knack, S., Keefer, P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*, no. 4, vol. 112, pp. 1251–1288, 1997. (In Engl.)
17. Lewis, R. *When culture collide: leading across cultures*. WS Bookwell, 2016. (In Engl.)
18. Portes, A., Zhou, M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among post-1965 immigrant youth. *Annals of American Academy of Political and Social Science*, no. 530, pp. 74–98, 1993. (In Engl.)
19. Pieterse, J. N. Global Multiculture, Flexible Acculturation. *Globalizations*, no. 1, pp. 65–79, 2007. (In Engl.)
20. Sue, S., Sue, D. W. *Chinese-American personality and mental health*. In *Asian-Americans psychological perspectives*. Ben Lomand, CA: Science and Behavior Books, 1973: 111–124. (In Engl.)
21. Bochner, S. Culture shock due to contact with unfamiliar cultures. In Lonner W. J., Dinnel D. L., etc. *Online Readings in Psychology and Culture*, no. 8, 2003. DOI: 0.9707/2307-0919.1073. (In Engl.)
22. Oberg, K. Cultural shock: Adjustments to new cultural environments. *Practical Anthropology*, vol. 7, pp. 177–182, 1960 (In Engl.)
23. Schönflug U. Acculturation, ethnic identity, and coping. In Lonner W. J., Dinnel D. L., etc. *Online Readings in Psychology and Culture*, no. 8, 2003. DOI: 0.9707/2307-0919.1073. (In Engl.)
24. Ivanova, M. A. *Psychological aspects of the adaptation of foreign students to higher school*. SPb: Nestor, 2000. (In Rus.)
25. Surygin, A. I. *Didactic aspect of teaching foreign students: (Fundamentals of the theory of teaching in a non-native language for students)*. SPb: Nestor, 2000. (In Rus.)
26. Gudkov, D. B. *Theory and practice of intercultural communication*. M: Gnosis, 2003. (In Rus.)
27. Zhuravleva, N. A. *The language environment as a learning factor and the reserve for increasing the effectiveness of short-term Russian language teaching: Cand. sci. diss. abstr.* M: 1981. (In Rus.)
28. Orekhova, I. A. Specificity of teaching foreign language in the language environment and out of its zone of functioning. In *The world of Russian word and Russian word in the world: Materials of XI Congress of International Association of teachers of Russian language and literature*. Varna, 17–23 September 2007: 387–390. (In Rus.)
29. Vitkovskaya, M. I., Trotsuk, I. V. Adaptation of Foreign Students to Living and Studying Conditions in Russia (on the Example of PFUR). *Vestnik PFUR. Series: Sociology*, no. 6–7, pp. 267–283, 2004. (In Rus.)
30. Gladush, A. D., Trofimova, G. N., Filippov, V. M. *Socio-cultural adaptation of foreign citizens to the conditions of studying and living in Russia*. M: RUDN, 2008. (In Rus.)
31. Arefiev, A. A. Our language is rapidly losing its role in the countries of Asia, Africa and Latin America. *Demoscope Weekly*, no. 251–252, 2006. Web. 01.02.2022. [Electronic resource]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema03.php>. (In Rus.)
32. Arefiev, A. L. *Russian language at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2012. (In Rus.)
33. Arpentieva, M. R. Notions of transculturality and translanguality. In *European polylingual space: education, society, law materials of the International conference* (Arkhangelsk, April 23–24, 2019). Arkhangelsk: SAFU, 2019. (In Rus.)
34. Pennycook, A. *Global Englishes and transcultural flows*. London and New York: Routledge, 2007. (In Engl.)

Information about authors

Dumnova Elnara M., Doctor of Philosophy, Associate Professor; Novosibirsk State University of Economics and Management; 56 Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia; e-mail: dumnova79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>.

Mukha Victoria N., Candidate of Sociology, Associate Professor; Kuban State Technological University; 2 Moscovskaya st., Krasnodar, 350072, Russia; e-mail: v.mukha@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4975-0438>.

Sources of article funding

E. M. Dumnova setting of the research problem; preparation of the article; collection and analysis of the materials of the interviews conducted in Novosibirsk region; formulation of the results of the research and conclusions.

V. N. Mukha preparation of the article; collection and analysis of the materials of the interviews conducted in Krasnodar Territory; formulation of the results of the study and conclusions. Contributions of the authors are equal.

For citation

Dumnova E. M., Mukha V. N. Linguocultural Adaptation of Migrants in the Context of Educational Migration to Russia // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 131–142. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-131-142.

Received: March 16, 2022; approved after reviewing April 20, 2022; accepted for publication April 25, 2022.

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Научная статья

УДК 070. 128

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-143-153

Философия трансгуманизма в медийном дискурсе

Айгуль Аскарбековна Ниязгулова¹, Галина Сергеевна Мельник²

¹Международный университет информационных технологий, г. Алма-Ата, Казахстан,

²Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹nijasgulova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2728-6814>,

²melnik.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>

В статье представлены результаты исследования ключевых концептов философского движения – трансгуманизма, что отражено в материалах традиционных и сетевых медиа. Анализируются исследования в медийном дискурсе тенденции в реализации идей философского движения трансгуманизма и их этических оснований. Цель – показать тенденции в отражении и интерпретации трансгуманизма современными медиа. Задача – выявить специфику философской теории и ценностное наполнение положений трансгуманизма в ракурсе СМИ. Эмпирическая база исследования – сетевые медиа, отобранные для анализа методом случайной выборки. Поисковая система «Яндекс» по запросу «Трансгуманизм» только в апреле 2022 г. выдаёт 19 тысяч результатов, что свидетельствует об актуальности темы и читательском интересе к ней. Анализируются публикации, получившие наибольший отклик аудитории на таких медиа-ресурсах, как «Лента.ру», «Коммерсантъ», «РБК», «Яндекс.Дзен», Regnum, «РИА Новости», «Российская газета» и др. Применяемые нами герменевтический, экзистенциальный подходы позволяют обнаружить смысл генезиса философского направления, а дискурс-анализ – показать интерпретации смыслов и оценку трансгуманизма авторами публикаций. Гипотеза исследования сводится к тому, что философское направление превращается в общественное движение и идеологию, при этом в реальности обретает практические очертания. Мониторинг процесса медийного отражения концепции трансгуманизма открывает дополнительные возможности для изучения и философского осмысления данного феномена как теоретической концепции и международного движения, а также нахождения признаков его реализации в социальной практике. Основным остаётся исследовательский вопрос: способны ли подходы трансгуманистов к проблеме беспрецедентного совершенствования человека принести пользу человечеству, избежав при этом катастрофы.

Ключевые слова: медиа, трансгуманизм, ценности, кризис антропологии, угрозы, человек, постчеловек

© Ниязгулова А. А., Мельник Г. С., 2022

Original article

The Philosophy of Transhumanism in Media Discourse

Aigul A., Niyazgulova¹, Galina S. Melnik²¹International University of Information Technologies, Alma-Ata, Kazakhstan,²St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia¹nijasgulova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2728-6814>,²melnik.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-001-5653-8668>

The article presents the results of a study of the key concepts of the philosophical movement – transhumanism, reflected in the materials of traditional and online media. The trends presented in the media discourse in the implementation of the ideas of the philosophical movement of transhumanism are analyzed and criticism of its currents is given. The goal is to show trends in the coverage of the problems of transhumanism, its advantages and disadvantages. The task is to identify the specifics of philosophical theory, its value content, the interpretation of the provisions of the theory in online media. The empirical base of the study is online media selected for analysis by random sampling. The Yandex search engine for the query “Transhumanism” in April 2022 produced 19 thousand results, which indicates the relevance of the topic and reader interest in it. The publications that received the greatest response from the audience on such media resources as Lenta.ru, Kommersant, RBC, Yandex.Zen, Regnum, Russian newspaper etc. and devoted to the topic of transhumanism are analyzed. The hermeneutic, existential approaches we use allow us to discover the meaning of the genesis of the philosophical direction, and discourse analysis about the interpretation of meanings and the assessment of transhumanism by the authors of publications. The hypothesis of the study is that the philosophical direction turns into a social movement and ideology, but in reality, it takes on practical outlines. Monitoring the process of media reflection of the concept of transhumanism opens up additional opportunities for studying and philosophical understanding of this phenomenon as a theoretical concept and international movement, as well as finding signs of its implementation in social practice. The main research question is whether the approaches of transhumanists to the problem of unprecedented human improvement are capable of benefiting humanity, while avoiding catastrophe.

Keywords: media, transhumanism, values, crisis of anthropology, threats, human, posthuman

Введение. В современной гуманитарной науке идёт смена парадигм, определяются новые фокусы осмысления антропологических проблем развития мира, в практической плоскости – вопрос о «свободном обретении человеческого счастья» с помощью внедрения в организм компьютерных программ.

В научном дискурсе приобретает популярность трансгуманизм (от лат. *trans* – «сквозь, через, за» и *homo* – «человек»), представленный как философская концепция, перерастающая в международное движение, поддерживающее использование достижений науки и технологии для совершенствования человека и человечества на основе идеи конвергенции биологических, информационных, познавательных и нанотехнологий. Иными словами, трансгуманизм понимается как теория, обосновывающая фундаментальную трансформацию человека и человечества под воздействием инновационных технологий [1; 2]. Необходимость в новых парадигмах вызвана недовольством учёных статусом меркантильного человека-потребителя, желанием его усовершенствования и превращения в сверхчеловека с заданными параметрами.

В каком-то смысле трансгуманизм становится новой религией, поскольку человеку предоставляется самостоятельный выбор: «поклониться богу из машины, или самому стать им»¹.

Человеку обещают бонусы в контроллинге своего внешнего вида, регулировании настроения и управлении мыслями. Он получает право «задавать собственные социальные характеристики, постигать и чувствовать намного больше, чем сейчас»².

В оформлении теории трансгуманизма изначально наметились две противоположные тенденции, основанные на разном понимании ценности трансгуманизма. Представитель первой – Ник Бостром – утверждает, что человек – не конечная стадия эволюции, а, скорее, её начало [3]. Представитель второй – политолог и философ Фрэнсис Фукуяма, напротив, считает трансгуманизм едва ли не самым опасным мировоззрением в мире, подрывающим онтологические осно-

¹ Трансгуманизм. Философия, фантастика или реальность? – URL: <https://habr.com/ru/post/546806> (дата обращения: 15.03.2022). – Текст: электронный.

² Трансгуманизм. Что это? И как оно поможет будущему человечества? – URL: https://ai-news.ru/2018/10/transgumanizm_chto_eto_i_kak_ono_pomozhet_budushemu_chelovechestvu.html (дата обращения: 17.03.2022). – Текст: электронный.

вы жизнедеятельности [4; 5]. Трансгуманизм объединяет несколько научных и псевдонаучных направлений, переосмысливающих антропологические теории.

Методология и методы исследования. В исследовании применялись герменевтический и экзистенциальный подходы к анализу феномена трансгуманизма; дискурс-анализ использовался для выяснения смыслов, заложенных в медиатекстах, посвящённых критическому анализу философского течения. Эмпирической базой стали опубликованные в последние три года статьи в популярных СМИ России и вызвавшие общественный резонанс. Методологической базой исследования послужили научные публикации в области социологии, психологии, медицины, теории массовой коммуникации, политологии.

В научном дискурсе в настоящее время начинают преобладать технократические теории. Исследователь Ю. В. Дедолко на основе докладов Всемирного банка и сообщений ООН о развитии человека анализирует конструкт «человеческий капитал» в структуре ресурсов постиндустриального общества. Актуальность его исследования продиктована увеличением доли человеческого капитала в структуре современного общественного воспроизводства. Понимая важность этого вида «капитала», приобретающего всё большее значение в структуре современного общественного воспроизводства, автор обращает внимание на амбивалентный статус концепции в научном познании и общественном сознании [6].

Исследователь Н. С. Зимина поднимает важнейшую проблему изучения постоянно изменяющегося социокультурного пространства, являющегося основой жизнедеятельности человека. Как и её предшественники автор указывает на изменяющиеся смыслы, ценности и символы, мощнейшим образом воздействующие на современного человека и превращающие его в «маргинального» или «трансграничного». «Ценности служат основанием для формирования таких содержательных характеристик трансграничного социокультурного пространства, как идентичность и самосознание» [7].

Трансгуманизм вписывается в теории «экзоэволюции, постгуманизма и эссенцикогнитивизма, обращённые к проблеме возможного формирования существа, имеющего расширенные когнитивные способности и

более сильное тело, свободное от биологических ограничений» [8]. Инструментом преобразований обозначена технологическая сингулярность, преодолевающая антропный принцип с помощью информационных, нано- и биотехнологий [9].

Тема изменения в онтологических основах человека и расширении границ пространства в социальных взаимоотношениях и собственной идентификации подробно рассматривается в научных работах ряда философов, указывающих на возможный «транзитный» характер природы человека. Так, философы В. А. Решетников и Е. В. Решетникова через призму эволюции рассматривают *практические и мировоззренческие формы развития гуманизма*. В классическом подходе уделяется особое внимание роли общества в конструировании идей и принципов гуманизма. Вместе с тем общество рассматривается как динамическая система, транслирующая в разные периоды ценности, соответствующие *«историческому периоду»*. Авторы не сомневаются в том, что *«гуманизм выступает условием существования всей социальной системы»*, позволяющей определять векторы общественного развития. В понимании учёных важным инструментом изменения социально-культурных процессов является гуманистичность [10].

Серия научных статей сконцентрировалась вокруг проблематики биоэтики, на её генезисе, направлениях, смыслах. Философ А. Е. Шишкин рассуждает о сложных взаимоотношениях врача и пациента в условиях рыночных отношений, делает пессимистический вывод, полагая, что в настоящее время *«разговоры о нравственной жизни, качественной фармации, генной инженерии, клонировании, фетальной терапии, трансплантологии, эвтаназии и абортах будут решаться в пользу бизнеса и военных интересов»* [11]. В этической плоскости автор рассматривает проблему разрешения противоречия между пациентами и профессиональными медицинскими сообществами в пользу развития «культурно-исторического человека». Учёный указывает на реальную угрозу человечеству «через клонирование химеры и оправдание технозлодеяний во имя прогресса под видом добродетели» и предлагает рассматривать биоэтику как социальный институт, способный противостоять концентрированной войне [12]. В этическом

ракурсе зарубежными авторами рассматривается проблема экспериментальных биомедицинских исследований в виртуальном пространстве больных людей, которые в итоге лишаются своей уникальности [13]. Проблема перетекает в научные дискуссии о достоинстве человека как индивида и уникальной личности [14].

Последствия технонаучного развития заставили ряд философов на качественно новом уровне вернуться к осмыслению гуманистических идеалов модерна. Так, философ С. В. Тихонова предлагает рассматривать трансгуманизм сквозь призму поисков неомодерна, направленного на «возрождение веры в человеческий Разум» [15, с. 29]. Обращая внимание на противоречивые концепции, С. В. Тихонова утверждает «Целеполагание в проектах автоэволюции трансгуманистических мыслителей детерминировано двумя полюсами – наукой как источником передовых технологий и лженаукой, профанизирующей и вульгаризирующей представления о возможностях современных технологий». Исследования С. В. Тихоновой подтверждают высказанную ранее идею об амбивалентности философских исканий трансгуманистов, выраженных в оценках – «оптимизм/пессимизм» и «гуманизм/антигуманизм» [16].

Термин «трансгуманизм» связывают с именем Джулиана Хаксли, который употребил его ещё в 1957 г. в работе «Новые бутылки для нового вина», где исследователь отмечал: «Человеческий вид может, если пожелает, выйти за пределы самого себя – не только спорадически (один индивид одним способом, другой индивид – другим), но и как человечество в целом. Нам нужно [придумать] имя для этого нового» [17].

Вместе с тем прародителем трансгуманизма считается Рэй Курцвейл, прогнозировавший создание к 2030 г. суперкомпьютера, способного не только проектировать человеческий мозг, но и значительно его превосходить [18]. Идеи Р. Курцвейла о симбиозе биологического и технологического в постчеловеке были сразу подхвачены западными изданиями – *Washington Post*, *The New York Times* и *The New Yorker*, развернувшими дискуссии о способах изменения мира. В частности, издание *New York Magazine* подробно обсуждало идеи Джеффри Эпштейна об улучшении человеческой расы с помо-

щью таких методов, как генная инженерия и искусственный интеллект¹.

В научных исследованиях ставится вопрос о «качественном преодолении» границ человеческого и «новом экзистенциально значимом содержании» [19; 20].

Апологеты трансгуманизма стремятся объявить себя наследниками гуманизма эпохи Просвещения, называют «духовных наставников» этого движения, например, Николая де Кондорсе [21].

В статье «Трансгуманизм и “гуманитария” как угроза правам человека» профессор, доктор политических наук Н. А. Комлева отмечает, что сторонники трансгуманизма убеждены в том, что «весь этот процесс изменит биосоциальную природу человека, а также сделает возможным создание личных природных ресурсов для каждого». «Человек-киборг, – считает автор, – не требует дополнительных затрат на него, не устаёт, живёт полной активной жизнью, ему не требуется медицина, образование, политическая свобода. Наличие таких людей позволит сократить затраты на ресурсы, ликвидируется традиционная природа человека, что позволит навсегда отнять свойственные “живым” людям права на свободу личности и социальные проявления» [22, с. 8].

Под редакцией Д. И. Дубровского выходит книга, в которой известные учёные определяют ключевые проблемы будущего человечества: 1) глобальное будущее, сингулярный рубеж середины века, сценарии развития цивилизации; 2) конвергентные технологии, их роль в преобразовании человека и социума; 3) вопросы трансгуманистической эволюции, анализ и критическое обсуждение ряда концепций трансгуманизма [23]. Авторы книги говорят о создании обоснованной научной, теоретико-методологической и философской базы стратегического общественного движения «Россия-2045».

Так, один из авторов монографии И. В. Демин говорит о преодолении биологической обусловленности человеческого существа, одним из аспектов которого должно стать достижение так называемого кибернетического бессмертия [Там же, с. 198].

Футуролог А. П. Назаретян в статье «Мировоззренческая перспектива плане-

¹ Stewart J. B., Goldstein M. and Silver-Greenberg J. Jeffrey Epstein Hoped to Seed Human Race With His DNA. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/31/business/jeffrey-epstein-eugenics.html> (дата обращения: 22.03.22). – Текст: электронный.

тарной цивилизации», опираясь на серию независимых расчётов, проведённых учёными разных стран и разных специальностей, доказывает, что «эволюция на Земле вступает в полифуркационную фазу, сопоставимую по масштабу и по значению с появлением жизни». Им ставится вопрос о кардинальной перестройке человеческого сознания [23, с. 38–39]. По мнению А. П. Назаретяна, у трансгуманизма – это шанс освободиться «от оков тотемного – идеологического, религиозного – конструирования реальности» [Там же, с. 48].

Футуристически выглядят размышления В. В. Чеклецова о трансформации бездушной и обезличенной среды в живое, чувствующее пространство – «тело-ландшафт» (Geo Sapiens) [Там же, с. 116]. Развивая эти идеи в статье «Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс “человек – машина”», автор объясняет суть процесса: «Артефакты обретают память, среда учится чувствовать, а материя становится по-настоящему разумной и программируемой» [Там же, с. 107].

Продолжая эту логику, исследователь Д. И. Дубровский считает, что трансгуманизм открывает «новые возможности преобразования тех генетически обусловленных свойств природы человека и его сознания, которые служат исходной причиной неуклонного углубления экологического кризиса и других глобальных проблем земной цивилизации» [Там же, с. 147–148].

Важным в дискуссии учёных, авторов анализируемой книги, становится тезис футуролога С. Ф. Сергеева о роли науки в «создании механизмов защиты человечества, в том числе от самого себя» [Там же, с. 161]. Жан Бобок в своей книге «Расшифрованный трансгуманизм», рассуждая о цифровом бессмертии, серьёзно озабочен проблемой перенесения сознания человека на другой носитель (uploading, или «мозг на флешке»). Автор выделяет три, на его взгляд, ключевых аспекта проблемы: 1) уменьшение смертности, увеличение продолжительности жизни, стремление к бессмертию, переход от человека исправленного (вылеченного) к человеку улучшенному, а затем – к бессмертному; 2) выращивание детей (от зачатия до момента рождения) в искусственных условиях; 3) создание искусственного интеллекта¹.

¹ Цит. по: РосБизнесКонсалтинг. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/60d2e2329a79471fc59e12>

В ленте зарубежных информационных агентств и в сетевых медиа (раздел «Новости» в поисковиках) нет недостатка в публикациях об Илоне Маске, который тратит многомиллиардные средства на эксперименты по созданию первого постчеловека. Многие учёные воодушевлены возможностями трансгуманизма и открыто заявляют об этом. Британский учёный-киборг, доктор наук в области технической кибернетики (Институт теории информации и автоматизации Чешской АН, 1994), доктор философии в области электротехники Андерс Сандберг на платформе «Россия-2045» делает заявление: «Я, без сомнения, захотел бы перенести свой разум в искусственное тело, если бы для этого существовала достаточно безопасная технология...»².

Кевин Уорвинг, футуролог, трансгуманист, писатель, член исследовательского общества Джеймса Мартина в Институте будущего человечества в Оксфордском университете, считает: «Я, прочёл все ваши материалы, и большинство идей мне очень близки, Ваш план работ на ближайшие 30 лет меня восхищает!»³.

Вместе с тем не только в науке, но и в СМИ активно обсуждаются вопросы правомерности замены органов людей, соответственно, дискутируются проблемы, связанные с угрозами плоти и презрением к смерти. Неизменно эти проблемы рассматриваются в контексте потери нравственности и дегуманизации личности.

Результаты исследования и их осуждение. Естественное желание физического совершенствования, в том числе с помощью имплантатов тела, поставило человека перед необходимостью решения вопроса о своём статусе в мире природы.

Кризис антропологии, вызванный утратой смысловых ориентиров общества потребления, породил не только в научном дискурсе, но и в СМИ, кинематографе, произведениях поп-культуры дискуссию о том, является ли человек вершиной природы или её переходной моделью. Мрачная картина «светлого будущего» представлена в новом

e8#p2 (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.

² Профессор-киборг из Англии присоединился к «России-2045». – Текст: электронный // Россия-2045. Стратегическое общественное движение. – URL: <http://www.2045.ru> (дата обращения: 18.03.2022).

³ Россия-2045. Стратегическое общественное движение. – URL: <http://www.2045.ru> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

романе Виктора «Transhumanism Inc.» Пелевина [24]. В рецензии на этот роман критик Михаил Пророков, заглядывая в будущее вместе с автором, с сарказмом замечает: «Будущее это во многом прекрасно – в мир вернулась разнополая любовь, в Россию – исправленное и дополненное подобие советской власти, а лучшие из людей обрели возможность бессмертия. Однако и это будущее вызывает у автора “тоску и досаду”, которыми он щедро делится с читателями»¹. И хотя художественная литература и кинематограф рисуют футуристические картины будущего, сама концепция эволюции человека из фантастической области проникает в окружающую нас реальность.

В современном мире не иссякают дискуссии пользователей Сети о реализации бесконечного потенциала возможностей человека: так, поиск по хэштегу #transhumanism только в Instagram (*организация признана экстремистской по решению суда, деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации*) выдаёт цифру 105 тысяч публикаций.

На портале Российского трансгуманистического движения ежедневно идёт обновление информации. В Манифесте стратегического общественного движения «Россия-2045» прямо выдвигается требование создания мирового стратегического центра, формирующего культуру, связанную с «идеологией будущего, техническим прогрессом, искусственным интеллектом, мультителечностью, бессмертием, киборгизацией»².

В документе «Глобальные тренды – 2030» прямо заявляется, что «технологии расширения человеческих возможностей будут доступны только тем, кто сможет за них заплатить», что приведёт к ещё большему расслоению общества. Теория трансгуманизма реализуется в социальных практиках, предлагающих разные формы существования (чайлд фри, трансгендеры, метросексуалы, бисексуалы, лица, применяющие экстракорпоральное оплодотворение)³.

¹ Пророков М. Кругом возможно мозг // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4958376> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

² Манифест стратегического общественного движения «Россия-2045». – URL: <http://2045.ru/manifest/> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

³ Global Trends 2030: Alternative Worlds a publication of the National Intelligence Council. – URL: <https://globaltrends.thedialogue.org/publication/global-trends-2030-alternative-worlds> (дата обращения: 19.03.2022). – Текст: электронный.

В России широкой популярностью пользуется точка зрения, ориентированная в основном на глубоко религиозные группы населения (например, телеканал «Царьград», РИА «Катюша», передача «Бесогон», газета «Завтра»). Наиболее радикальные из них именуют трансгуманизм не иначе как «научным сатанизмом». Особой критике подвергается тезис трансгуманистов о том, что человек как “homo sapiens” не является последней ступенью в этом процессе, а может перейти на другой, качественно иной уровень развития, стать трансчеловеком.

Александр Лобанов в публикации «Трясина добровольной киборгизации засасывает православных» на портале газеты «Завтра» выступает против заметной пошаговой политики в экспансии трансгуманизации: «...в России, как и во всём мире, стремительно растёт добровольная “киборгизация” граждан, начиная с протезирования суставов и сосудов»⁴. Автор указывает на то, что людей протезируют, вместо того чтобы предупреждать развитие опорно-двигательных и сердечно-сосудистых заболеваний и излечивать людей, пока ещё можно.

На портале «Лента.ру» приводится аналогичное мнение председателя Русской православной церкви. Патриарх не принимает возможность достижения человеком «совершенства и бессмертия, полной власти над своим телом, над природой, над жизнью», поскольку источник самосовершенствования человека находится «внутри него, а не снаружи». «Всё это, в конечном счёте, ведёт в сторону расчеловечивания, гипертрофированной индивидуализации, а значит, к разрушению социума и концу истории»⁵.

В таком же ключе специалист по когнитивной психологии Сьюзан Шнайдер в колонке журнала “Forbes” рассуждает о трансгуманизме, утверждая, что «объединение человеческого мозга с искусственным интеллектом может стать самоубийством для человеческого разума»⁶.

⁴ Лобанов А. Трясина добровольной киборгизации засасывает православных // Завтра. – 2021. – 31 авг.

⁵ «Призваны быть, а не ползать перед другими». Россию спасут. Враги уже найдены, так что дело за малым. – Текст: электронный // Лента.ру. 2017. – 2 нояб. – URL: <https://lenta.ru/articles/2017/11/02/sobor/> (дата обращения: 17.03.2022).

⁶ Технологии. Квантовая копия личности: будем ли мы вживлять микрочипы в мозг ради бессмертия. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447557-kvantovaa-kopia-licnosti-budem-li-my-vzivlat-mikrocipy-v-mozg-radi-bessmertia> (дата обращения: 17.03.2022). – Текст: электронный.

Новую волну обсуждений в российских сетевых медиа вызвали: 1) доклад писателя, эксперта в области искусственного интеллекта Игоря Шнуренко «Фашизм под маской трансгуманизма» (23 июня 2021 г. на ресурсе информагентства REGNUM); 2) телепередача Анны Шафран под названием «Трансгуманизм – новая квазирелигия: церковь разоблачает идолов прогресса» (7 сентября 2021 г. на платформе «Царьград»); 3) доклад экспертов Изборского клуба (октябрь 2020 г.). В них определяются границы между цифровизацией общества и полной его деградацией путём трансгуманизации. В основном поддержана линия на резкую критику концептов трансгуманизма.

На сайте REGNUM Игорь Шнуренко, который позиционирует себя как журналист, редактор, писатель, независимый эксперт и спикер по теме искусственного интеллекта, опубликовал лонгрид «Фашизм под маской трансгуманизма». Эксперт, предвидя негативные последствия трансгуманизма для человечества, сравнивает его с фашизмом: *«Социальный рейтинг сделает трансгуманизм примерно тем же, чем нацизм был для Германии 1930-х: единственным мировоззрением, которое можно высказывать публично»*¹.

«РБК Новости» в рубрике «Тренды» подробно описывает течение трансгуманизма, представляя его как «идеологическое движение»². *«Трансгуманизм разработан для того, чтобы завоевать сердца прежде всего молодёжи, и в таком качестве покорить мир. Он распространяется с быстротой, с которой в раннем Средневековье на огромных пространствах Европы, Азии и Африки распространялась молодая религия ислама, для которой тоже очень важен принцип предопределённости»*³.

«РБК Новости» предоставляет возможность высказать свою позицию по отношению к трансгуманизму. В качестве аргументов в пользу трансгуманизма его сторонники

¹ Шнуренко И. Фашизм под маской трансгуманизма. – Текст: электронный // Regnum. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3303990.html> (дата обращения: 18.03.2022).

² За рамками биологической эволюции: что такое трансгуманизм. – Текст: электронный // РБК Новости. – 2021. – 24 авг. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futureology/60d2e2329a79471fc59e12e8> (дата обращения: 18.04.2022).

³ Шнуренко И. Фашизм под маской трансгуманизма. – Текст: электронный // Regnum. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3303990.html> (дата обращения: 18.03.2022).

приводят показательные факты: в 2016 г. китайские учёные первыми в мире модифицировали гены для лечения рака. В России также отмечаются значительные достижения в области редактирования генома и лечения генетических заболеваний. Нобелевскую премию по химии в 2020 г. вручили учёным Эммануэлю Шарпантье и Дженнифер Даудне именно за разработку метода редактирования генома⁴.

Противники трансгуманизма упорно высказывают свои опасения в отношении надвигающихся угроз, связанных с технологическим тоталитаризмом и дальнейшим расслоением общества, где *«маргинализованные группы людей могут подвергнуться принудительной трансформации»*. Противники движения указывают на то, что *«трансгуманизм может усугубить экологическую обстановку на планете, лишить человечество цели существования и стереть наш вид с лица Земли»*.

Газета «Новые известия» в статье под заголовком «Великая перезагрузка в действии: как «умная пыль» шпионит за вашим мозгом»⁵ также использует жёсткую критику для наступления на идеи трансгуманизма. Речь идёт об американских военных, которые нашли способ использовать некую «умную пыль» для чтения мозговых волн и раскрытия определённых гражданских настроений. Опасность чипирования авторы статьи видят в том, что человек как подневольное существо даже не замечает присутствия вживлённых в организм чипов.

Владимир Харитонов в статье «Вы готовы воткнуть разъем в мозг? Технологический оптимизм снова в моде?» пишет: *«Трансгуманизм объединил всех тех, кто предвкушает надвигающиеся изменения общества, и прежде всего человека как вида. И развитие технологий по всем фронтам даёт трансгуманистам пищу для такой надежды. Достижения молекулярной инженерии и нанотехнологий, когнитивной психологии и нейропсихологии, медицины и,*

⁴ За рамками биологической эволюции: что такое трансгуманизм. – Текст: электронный // РБК Новости. – 2021. – 24 авг. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futureology/60d2e2329a79471fc59e12e8> (дата обращения: 18.04.2022).

⁵ Великая перезагрузка в действии: как «умная пыль» шпионит за вашим мозгом. – Текст: электронный // Новые известия. – 2022. – 2 мая. – URL: <https://newizw.ru/news/tech/02-05-2022/velikaya-perezagruzka-v-deystvii-kak-umnaya-pyl-shpionit-za-vashim-mozgom> (дата обращения: 18.03.2022).

главное, всего комплекса информационных технологий, конечно, ещё не создали “человека улучшенного”, а количественные успехи ещё не превратились в качественные, но – если верить даже консервативным оценкам развития науки и технологий – радикальные перемены не за горами»¹.

В публикациях присутствует прямо противоположная точка зрения, согласно которой трансгуманизм рассматривается как исключительно позитивное явление, ведь от применения современных технологий люди становятся умнее, здоровее, эффективнее и коммуникабельнее. Высоко оцениваются завоевания в области крионики, генной инженерии, колонизации космоса, имплантации тела, искусственного интеллекта.

Данила Медведев, футуролог, один из создателей российского трансгуманистического движения, председатель Совета директоров криокомпании «КриоРус», в одном из своих интервью для блога Сергея Сухова признаётся: «Даже по самым консервативным прогнозам через 40–50 лет на улицах большинства городов мы увидим только киборгов. Кто такие киборги? Это гибридные существа, имеющие естественные человеческие тела, снабжённые множеством встроенных технологических устройств (искусственных органов, нейроинтерфейсов, гаджетов и т. д.)»².

Проблемной зоной для теории становятся вопросы идентификации человека, который под воздействием нейроинтерфейсов и генных модификаций превращается в киборга. Данила Медведев резонно замечает, что перестанут иметь значение цвет кожи или количество рук, всё станет относительным: «Человек будущего сможет иметь любой разрез глаз, произвольное количество конечностей, любой набор внутренних и внешних органов. Никого не будут шокировать люди, пожелавшие иметь шерсть, крылья или хвосты, как у русалок. Удивлять это станет не больше, чем сейчас удивляют татуировки и пирсинг»³.

Официальная «Российская газета» предупреждает: «Никогда прежде мы не

¹ Частный корреспондент. – URL: http://www.chaskor.ru/article/vy_gotovy_votknut_razem_v_mozg_912 (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

² Медведев Д. Все представления о жизни полностью изменятся. – URL: <https://sukhov.com/blog/danila-medvedev-vse-predstavleniya-o-zhizni-polnostyu-izmenyatsya> (дата обращения: 19.03.2022). – Текст: электронный.

³ Там же.

подходили к тому рубежу, когда за возможность продления жизни нам придётся расплачиваться утратой самоидентичности... И надо быть готовым к тому, что мы окажемся героями сценария, который может разворачиваться как глобальная трагедия, но уж точно не будет походить на фарс»⁴.

Таким образом, как и в теории, в средствах массовой информации представлены неоднозначные оценки феномена трансгуманизма. Однако по мере его проявления в социальной практике заметно возрастает критическое начало в осознании этого философского течения.

Как показало исследование, трансгуманизм порождает множество социальных проблем, даёт преимущество одним социальным группам над другими. В число основных вопросов, связанных с трансгуманизмом, встают права, защищающие «цифровых» людей в связи с возможной дискриминацией; ограничение доступа привилегированных слоёв населения к технологиям, обещающим бессмертие. Ставится вопрос о равноправном доступе к информации. На портале «Нож» в ряде материалов ведётся дискуссия на тему трансграничных технологий, поднимается проблема всеобщего контроля над внедрением идей трансгуманизма⁵. Сохраняется опасность разжигания войны между «старыми» и «новыми» людьми⁶. В число обсуждаемых проблем входит бессмертие, которое грозит перенаселением планеты и голодом. Потенциал человека, развиваемый на основе синтеза технологического и биологического в сторону машиноподобия, лишает его индивидуальности. Трансгуманизм становится реальностью. Учёные расходятся лишь в понимании сроков и способов решения отдельных задач и трактовок теории.

Основной вывод критиков трансгуманизма: «Создание расы постлюдей – это не

⁴ Швыдкой М. Создание постчеловека может обернуться глобальной трагедией. – Текст: электронный // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2017/08/01/shvydkoj-sozdanie-postchelov> (дата обращения: 20.03.2022).

⁵ Новиков Н. Эволюция, сегрегация или общество всеобщего контроля? Что такое трансгуманистические технологии и куда они нас ведут? – Текст: электронный // Нож (knife.media). – 2019. – 8 окт. – URL: <https://knife.media/transhuman-threat> (дата обращения: 17.05.2022).

⁶ Ногалис К. Философия трансгуманизма: цели, задачи и проблемы. – Текст: электронный // AUM. News. – 2017. – 23 нояб. – URL: <https://www.aum.news/filosofiya/4056-filosofiya-transgumanizma-celi-zadachi-i-problemy> (дата обращения: 17.03.2022).

философия, а стратегия, новая мифология, игровая «ставка» в борьбе за переформатирование истории и завоевание прочного технологического господства в мире»¹.

Заключение. Популярная в молодёжной среде философия трансгуманизма, обещающая прогрессивное развитие человечества, тем не менее, несёт в себе глобальные угрозы. Как показало наше исследование, в современном медийном дискурсе отчётливо обозначены такие угрозы, как расчеловечивание; стирание границ живого и неживого; невыносимая тягость бессмертия; превращение человека в товар; фашизм; возрастная дискриминация;

уничтожение полов с помощью биотехнологии (бесполость); невозможность самовоспроизводства, принудительная трансформация; разрушение семьи; уничтожение традиционных монотеистических религий; потеря идентичности, а в конечном итоге – всеобщий контроль, порабощение человеческого рода. Это делает крайне необходимым переоценку традиционных гуманитарных ценностей (любовь, родина, верность, дети, семья) и требует безотлагательного ответа на главный вопрос: остаётся ли духовное фундаментом постчеловека или будет тормозом на пути его «счастливого» будущего?

Список литературы

1. Аверьянов В., Банов С., Комогориев А., Черемных К. Трансчеловек против человека. Текст: электронный // Изборский клуб. 2020. 31 окт. URL: <https://izborsk-club.ru/20212> (дата обращения: 18.03.2022).
2. Четверикова О. Н. Диктатура transhumanism «просвещённых»: дух и цели трансгуманизма. М., 2015.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
4. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.
5. Fukuyama F. Transhumanism. Текст: электронный // Foreign Policy. 2004. No. 144. Pp. 42–45. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/23/transhumanism> (дата обращения: 18.03.2022).
6. Дедолко Ю. В. Эволюция концепции человеческого капитала в контексте динамики этапов научного познания // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-8-17.
7. Зимица Н. С. Проблема идентичности человека в трансграничном социокультурном пространстве // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 69–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-69-76.
8. Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и Технос: философия коэволюции. М.: Алетейя, 2020. 260 с.
9. Иванченко Н. А. Философское осмысление феномена бессмертия в парадигмах трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокognитивизма // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. No. 1. Pp. 40–63. DOI: 10.46539/gmd.v3i1.107.
10. Решетников В. А., Решетникова Е. В. Гуманизм как философская и практическая универсалия человеческой истории // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 64–72. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-64-72.
11. Шишкин А. Е. Философия медицины: проблемы биоэтики // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 62–67. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-62–67.
12. Шишкин А. Е. Биоэтика как модус концентриальной безопасности. Самара: Мечта, 2018. 516 с.
13. Chiapparino L. Epigenetics: Ethics, politics, biosociality // British Medical Bulletin. 2018. No. 1. Pp. 49–60.
14. Изуткин Д. А. Человеческое достоинство и рационализация современной медицины в аспекте биомедицинских технологий // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 43–49. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-43-49.
15. Тихонова С. В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-29-39>.
16. Тихонова С. В. Трансгуманизм и медицина: новая версия доктрины естественного права // Актуальные проблемы информационного права: сборник материалов круглых столов и конференций магистрантов, студентов и преподавателей. Саратов, 2014. С. 155–160.
17. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 320 p.
18. Kurzweil Ray. How to create a mind. The secret of Human thought reveled. New York, 2013. 190 p.
19. FM-2030. Are You a Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World. Warner Books, 1989. 227 p.
20. Attali J. A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. New York: Skyhorse Publishing Inc., 2011. 292 p.

¹Создание расы постлюдей – это не философия, а стратегия. – Текст: электронный // Здравствуй, Россия: портал. – 2020. – 31 окт. – URL: <http://www.zdravrussia.ru/zhizn/inye/?nnew=9361> (дата обращения: 18.03.2022).

21. Виноградова О. А. Николая де Кондорсе: теоретик прогресса или идеолог трансгуманизма? // Человек. 2019. Т. 30, № 5. С. 76–89. DOI: 10.31857/S023620070006445-6.

22. Комлева Н. А. Трансгуманизм и «гуманитария» как угроза правам человека // Гуманитарный вектор. Серия «История». 2012. № 2. С. 7–8.

23. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. М.: Изд-во МБА, 2013. 272 с.

24. Пелевин В. О. Transhumanism Inc. М.: Эксмо, 2021. 608 с.

Информация об авторах

Ниязгулова Айгуль Аскарбековна, кандидат филологических наук, профессор, Международный университет информационных технологий; 050040, Казахстан, г. Алма-Ата, ул. Манаса, 34а; e-mail: nijasgulova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2728-6814>

Мельник Галина Сергеевна, доктор политических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9; e-mail: melnik.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-001-5653-8668>.

Вклад авторов

А. А. Ниязгулова – основной автор, сформулировала выводы и обобщила итоги реализации коллективного проекта.

Г. С. Мельник – организатор сбора, анализа и систематизации материала исследования, осуществила оформление статьи.

Для цитирования

Ниязгулова А. А., Мельник Г. С. Философия трансгуманизма в медийном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 143–153. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-143-153.

Статья поступила в редакцию 17.04.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

References

1. Averyanov, V., Banov, S., Komogoriev, A., Cheremnykh, K. Transhuman versus human Report of the Izborsk club. 2020. October. Web. 18.03.2022. <https://izborsk-club.ru/20212> (In Rus.)

2. Chetverikova, O. N. The dictatorship of transhumanism “enlightened: the spirit and goals of transhumanism”. М., 2015. (In Rus.)

3. Bostrom, Nick. Artificial Intelligence Stages. Threats. Strategy. М: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. (In Rus.)

4. Fukuyama, F. Our posthuman future: consequences of the biotechnological revolution. М: Publishing House of AST, 2004. (In Rus.)

5. Fukuyama, F. Transhumanism. Web. 20.03.2022. <https://foreignpolicy.com/2009/10/23/transhumanism/> (In Engl.)

6. Dedolko, Yu. V. The evolution of the concept of human capital in the context of the dynamics of the stages of scientific knowledge. Humanitarian vector, no. 5, pp. 8–17, 2021. (In Rus.)

7. Zimina, N. S. The problem of human identity in the cross-border socio-cultural space. Humanitarian vector, no. 5, pp. 69–73, 2021. (In Rus.)

8. Kuttyrev, V. A., Slyusarev, V. V., Khusyainov, T. M. Humanity and Technos: philosophy of man history. Humanitarian vector, no. 2, pp. 64–72, 2019. (In Rus.)

9. Ivanchenko, N. A. Philosophical understanding of the phenomenon of immortality in the paradigms of transhumanism, posthumanism and essence cognitivism. Galactica Media: Journal of Media Studies, No. 1, pp. 40–63, 2021.

10. Reshetnikov, V. A., Reshetnikova, E. V. Humanism as a philosophical and practical universal of human history. Humanitarian vector, no. 2, pp. 64–72, 2019. (In Rus.)

11. Shishkin, A. E. Philosophy of medicine: problems of bioethics. Humanitarian vector, no. 4, pp. 62–67, 2019. (In Rus.)

12. Shishkin, A. E. Bioethics as a modus of consciential security. Samara: Dream, 2018. (In Rus.)

13. Chiapperino L. Epigenetics: Ethics, politics, biosociality. British Medical Bulletin, no. 1, pp. 49–60, 2018 (In Engl.)

14. Izutkin, D. A. Human dignity and rationalization of modern medicine in the aspect of bio-medical technologies. Humanitarian vector, no. 5, pp. 43–49, 2021. (In Rus.)

15. Tikhonova, S. V. Transhumanism, Science and Pseudoscience: In Search of Neomodern. Questions of Philosophy, no. 10, pp. 29–39, 2021. (In Rus.)

16. Tikhonova, S. V. Transhumanism and medicine: a new version of the doctrine of natural law. Actual problems of information law: Proceedings of the materials from round tables and conferences of undergraduates, students and teachers. Saratov, 2014: 155–160. (In Rus.)
17. Huxley, J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. (In Engl.)
18. Kurzweil, Ray. How to create a mind. The secret of Human thought revealed. N. Y. Penguin, 2013. Web. 18.03.2022. https://royallib.com/book/Kurzweil_Ray/how_to_create_a_mind_the_secret_of_human_thought_revealed.htm (In Engl.)
19. FM-2030. Are You a Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World. Warner Books, 1989 (In Engl.)
20. Attali, J. A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. N. Y.: Skyhorse Publishing Inc., 2011. (In Engl.)
21. Vinogradova, O. Nicolas de Condorcet: a theoretician of progress or an ideologue of transhumanism? Man, no. 5, pp. 76–89, 2019. (In Rus.)
22. Komleva, N. Transhumanism and “humanities” as a threat to human rights. Humanitarian vector. Series History, pp. 7–8, 2012. (In Rus.)
23. Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution / ed. D.I. Dubrovsky. M: Izdatelstvo MBA, 2013. (In Rus.)
24. Pelevin, V. Transhumanism. Inc. Moscow: Eksmo, 2021. (In Rus.)

Information about authors

Niyazgulova Aigul A., Candidate of Philology, Professor, International University of Information Technologies; 050040, Kazakhstan, Alma-Ata, Manas street 34a; e-mail: nijasgulova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2728-6814>.

Melnik Galina Sergeevna, Doctor of Political Sciences, Professor; St. Petersburg State University; 199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9; e-mail: melnik.gs@gmail.com; <https://orcid.org/0000-001-5653-8668>.

Contribution of authors to the article

A. A. Niyazgulova – the main author, the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

G. S. Melnik the organizer of the collection of research material, analysis and systematization of research material, article design.

For citation

Niyazgulova A. A., Melnik G. S. The Philosophy of Transhumanism in Media Discourse // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 143–153. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-143-153.

Received: April 17, 2022; approved after reviewing May 19, 2022; accepted for publication May 20, 2022.

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-154-160

Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации

Елена Игоревна Кузнецова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия
tvelena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5231-7881>*

Историю развития цивилизаций определяют структуры посредничества. Интерес к проблеме медиального в философских концепциях XX–XXI вв. проявился в размышлении над оппозициями «истинного» и «мнимого», «поверхностного» и «глубинного», «очевидного» и «имманентного». Обращение к проблеме медиальности в настоящее время актуализировано необходимостью осмысления своеобразия разворачивающегося в современном мире процесса медиатизации, который в цифровую эпоху становится доминирующим фактором в развитии общества. Новизна работы определяется проблематизацией новых граней в структуре социального опыта, которые конституируются в результате меняющего свои формы процесса медиатизации. Цель – проблематизация особенностей социокультурного опыта субъекта в условиях развивающейся цифровой медиатизации. Методология статьи определяется социально-философским подходом к анализу влияния медиатизации цифровой эпохи на жизненный мир человека. Рефлексия выступает как средство и способ прояснения эффектов процесса медиатизации социальной реальности, сложной взаимозависимости жизненных обстоятельств человека, его поведенческих характеристик и усложняющегося технико-технологического инструментария обеспечения коммуникации. Проведённый анализ позволяет представить феномен медиатизации как развивающийся процесс, свидетельствующий о формировании нового контекста существования человека. Выявлен дуальный характер медиатизации: огромный коммуникативный потенциал, позволяющий развивать конструктивные модели социального взаимодействия, и создание позиций социальной нестабильности, что создаёт уязвимость общественной безопасности. Установлена экспансия медиатизированных форм коммуникации в пространство жизненного мира человека, замена конкретно-чувственных форм техногенной моделью цифровой коммуникации, акцентированы аксиологические аспекты процесса медиатизации. Доказано влияние коммуникативных факторов на процесс трансформации ценностей индивида в условиях медиатизированного мира.

Ключевые слова: медиатизация, медиареальность, цифровая медиатизация, медиатизированные миры, глубокая медиатизация, пандемия COVID-19

Original article

The Phenomenon of Digital Mediatization: Axiological Aspect of Social Communication

Elena I. Kuznetsova

*Nizhny Novgorod State University named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia
tvelena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5231-7881>*

The appeal to the problem of mediality is actualized by the need to comprehend the uniqueness of the process of mediatization unfolding in the modern world, which in the digital era is becoming the dominant factor in the development of society. The novelty of the work is determined by the problematization of new facets in the structure of social experience, which are constituted as a result of the process of mediatization changing its forms. The aim is to problematize the features of the socio-cultural experience of the subject in the conditions of developing digital mediatization. The methodology is determined by the socio-philosophical approach to the analysis of the impact of the mediatization of the digital era on the human life world. Reflection acts as a way to clarify the interdependence of a person's life circumstances, his behavioral characteristics and technical and technological tools for ensuring communication. The phenomenon of mediatization is presented as a developing process, indicating the formation of a new context of human existence. The dual nature of mediatization is revealed: the communicative potential allowing to develop constructive models of social interaction, and the creation of positions of social instability. The expansion of mediatized forms of communication into the space of the human life world is established, the axiological aspects of the process of mediatization are emphasized. The

© Кузнецова Е. И., 2022

influence of communicative factors on the process of transformation of individual values in the conditions of the mediatized world is proved.

Keywords: mediatization, media reality, digital mediatization, mediatized worlds, deep mediatization, COVID-19 pandemic

Введение. Социальная коммуникация как цивилизационный процесс представляет собой духовную активность индивидов, групп, социальных институтов, обмен культурными ценностями и нормами, которые базируются на мировоззренческих универсалиях и определяют категориальный строй сознания конкретной исторической эпохи. В XXI в. формирование высокотехнологичной среды обитания человека выявило целый ряд противоречий, вызванных динамичностью развития новых технологических форм и стабильностью фундаментальных духовно-культурных оснований человеческой жизни. Эти следствия связывают со стремительно нарастающим процессом медиатизации и его новой модификацией – цифровой медиатизацией. Обращение к проблеме медиальности в настоящее время актуализировано необходимостью осмысления своеобразия разворачивающегося в современном мире процесса медиатизации, который в цифровую эпоху становится доминирующим фактором в развитии общества.

Новизна работы определяется проблематизацией новых граней в структуре социального опыта, которые конституируются в результате меняющего свои формы процесса медиатизации.

Спектр современных социогуманитарных исследований, посвящённых социальным проблемам, вызванным к жизни процессом медиатизации, достаточно широк. Объединяющим признаком можно считать теоретическую дискуссионность понятия «медиатизация» [1–4], вместе с тем термин признаётся удобным маркером, чтобы обозначить взаимное влияние массмедиа, социальных институтов и общества [5, с. 143]. Акцентируются социокультурные последствия медиатизации, которые сказываются на снижении социализационного потенциала телевидения [6]; медиатизация признаётся фактором, вызывающим социальные изменения в современных обществах высокого уровня [7], процессом, от которого зависят элементы системы социальной и культурной активности [8].

Исследователями предлагаются различные методологии анализа медиатизации (институциональный и социально-конструктивный), признаётся взаимосвязь между

изменениями, происходящими под воздействием медиатизации в коммуникационных процессах и в целом – в сфере культуры и общества [9; 10]. Рассматривается формирующее влияние медиатизации на институциональном и личностном уровнях современного общества [11]. Одним из наиболее дискуссионных предметов является концепция «медиатизированных миров» Ф. Кротца [12], а также звучащие в дискуссии аргументы исследователей, не признающих медиатизацию метапроцессом [13]. В этом контексте достаточно неожиданным выглядит обращение к теоретическим положениям по медиатизации общества А. Хеппа, Ф. Кротца и Н. Коулдри для использования их концепции при анализе процесса институционализации медиаизмерения российского православия [14]. Обращает на себя внимание и отличное от основного массива публикаций понимание медиатизации как социального процесса, как нового стилистического вектора развития языка и культуры в массмедиа, что свидетельствует о полифункциональности процессов медиатизации [15].

Методология и методы исследования. Методология статьи определяется социально-философским подходом к анализу влияния медиатизации цифровой эпохи на жизненный мир человека. Рефлексия выступает как средство и способ прояснения эффектов процесса медиатизации социальной реальности, сложной взаимозависимости жизненных обстоятельств человека, его поведенческих характеристик и усложняющегося технико-технологического инструментария обеспечения коммуникации. С опорой на рефлексию как средство осуществления культурного синтеза предпринимается попытка построить анализ трансформаций, происходящих в современном обществе, на основе сопряжения концепции медиатизированных миров Ф. Кротца и подхода к социальным изменениям и социальной интеграции в рамках теории структуриации Э. Гидденса.

Результаты исследования и их об-суждение. Цифровая медиатизация рождена этапом развития современного техногенного общества, доминирующей характеристикой при этом можно назвать экспансию технологической среды в жизненное про-

странство человека, многократное увеличение доли технически опосредованной коммуникации, конструирование посредством медиакommunikаций новой цифровой символической реальности, оказывающей влияние на социальные практики и институты, на структуры повседневности. На этом основании возникает концепция «медиатизированных миров» немецкого философа Ф. Кротца, в рамках которой массмедиа предстают «формирующей силой», а процесс медиатизации признаётся влекущим за собой изменение трансмедиальных коммуникативных конфигураций, с помощью которых и конструируются эти миры [12].

Оставив в стороне теоретические дискуссии об оценке медиатизации как социального метапроцесса наподобие глобализации, индивидуализации и коммерциализации [13], обратим внимание на механизм создания медиатизированных миров – трансмедиальные коммуникативные конфигурации. Представляется, что этот становящийся феномен «перешагивающих» через технологические границы коммуникаций и есть то новое, что формирует в современном мире лицо нашей повседневности. Феномен, который проявил себя в период пандемии коронавируса и объявленного режима локдауна и обозначил новые социальные контуры набирающей силу цифровой медиатизации. Можно ли это назвать глубокой медиатизацией, которую Н. Коулдри и А. Хепп считают продвинутой стадией процесса, где все элементы нашего социального мира тесно связаны с цифровыми медиа и лежащими в их основе инфраструктурами [16]? Думается, что предметом дискуссии может являться не столько сам термин «глубокая медиатизация», сколько наши установки по отношению к процессу медиатизации: признать ли его как констатацию степени уже наступивших изменений или рассматривать как предостережение о неизбежно увеличивающейся технической экспансии в структуры и события жизненного мира. Поводом разобраться в этом послужило начало пандемии – причина, которая пока лишь несколько отступила, но, безусловно, уже изменила наш привычный мир.

Медиатизация является очень динамичным и многослойным процессом. Основным «поведенческим» параметром системы цифровой реальности, образующим как публичную, так и приватную сферы современного общества, необходимо признать

увеличение интенсивности «удалённых» техногенных коммуникаций, в рамках которых индивиды не встречаются в ситуативных контекстах взаимодействия в условиях физического соприсутствия. Этот контекст соприсутствия анализируется Э. Гидденсом как практически значимый и неотъемлемый элемент, придающий повторяющийся характер всей социальной жизни. Именно в условиях соприсутствия возникает социальная интеграция как системность [17, с. 126–127]. Основываясь на этом подходе, мы можем назвать, пусть с определённым допущением, взаимодействия, опосредованные цифровыми технологиями различных медиаплатформ, «коммуникациями отсутствия». Надо сказать, что этот вид коммуникаций лёг в основу таких техногенных медиумов, как радиовещание и телевидение, которые опираются на принцип создания иллюзии присутствия аудитории в «отдалённом» событии, по сути, создавшие феномен «удалённой» коммуникации и «отсутствующей», не включённой в физическое пространство события аудитории.

В условиях «медиатизированного» локдауна произошло увеличение доли «коммуникаций отсутствия» в жизни человека за счёт большего количества времени, которое он стал уделять массмедиа в поисках жизненно необходимой информации. Картина мира, ценности и установки, которые привычно формировались в процессах коммуникаций присутствия, в модели включённости в структуры «действительной реальности», которая их и порождала, теперь, по выражению Э. Гидденса, были вынесены «наружу», поскольку их формированием и/или изменениями стала заведовать медийная реальность» [17]. Возникает вопрос: медиапотребление, созданное медиасистемой, уже давно стало привычной рутинной практикой, а каналы массмедиа – культурным посредником, поддерживающим жизненный мир человека в процессах социализации и культурной идентификации? Но пандемия во многом изменила медиареальность. Появился термин «инфодемия», который использовался во время пандемии COVID-19 для определения явлений распространения ложной информации и причиняемого ей ущерба [18].

Развитие мира в ситуации пандемии коронавируса и режима локдауна вывело процесс медиатизации на новую ступень, которая определила развитие всех сфер

жизнедеятельности и на институциональном уровне, и на уровне форм повседневной жизни индивида. Думается, что причиной стала определённая отмена привычного жизненного мира, переход на дистантные коммуникации там, где их не было до этого. Человеку необходимо творить собственный образный мир – мир, который по своим непосредственным качествам носит чувственную окраску, при этом «чувственное должно не просто быть налично-данным, а системой чувственного многообразия, создаваемого в форме свободного творчества» [19, с. 108].

Возможно, именно в этот период тотального техногенного опосредования жизни человек начал осознавать, что такое «цифровой мир». Посредством компьютерных технологий были сформированы модели удалённых форм трудовой деятельности не на привычных рабочих местах, а на невидимых технологических платформах. Изменение конфигурации рабочей среды человека, появление модели «телеработы», которая была прогнозирована в XX в., привело к большей индивидуализации трудовой деятельности. Реальное экономическое выражение получило понятие «гибкая занятость», призрак цифрового монополизма стал очевидным в конкурентной борьбе интернет-платформ. Прогнозируемые признаки грядущего общества – гибридность, расплывённость, бесконтактность – неожиданно стали характеристикой экзистенциального состояния общества. В этом контексте актуализировались идеи о «платформенном капитализме», логика которого строится на присвоении нового вида сырья – данных, что позволяет быть всё более влиятельной формой организации бизнеса, владеть не только информацией, но и становиться владельцами инфраструктур общества, формируя монополистические тенденции [20]. Опасность «цифровых следов» – в накоплении данных, предоставляющих возможности для наблюдения со стороны компаний и корпоративных субъектов [21, с. 157–165].

Перевод образовательного процесса в «дистантный» режим стал как непривычной формой обучения, так и определённым испытанием, в котором признавались многие люди, что потребовало выработать методики адаптации педагогов и учащихся к новым условиям, когда очное обучение заменялось его виртуальной моделью [22]. Вместе с тем исследователями отмечается и другой аспект влияния пандемии на обра-

зовательный процесс: ускорение внедрения интернет-платформ и онлайн-курсов, поиск новых моделей обучения [23–26]. Представляется анализ культурологических и аксиологических подходов к внедрению цифровых технологий в образование [27]. В то же время – однозначное понимание характера пандемии как разрыва, надлома, смещения, жёстко порывающего с прошлым [28].

Концептуальные модели «медиа-тизированных миров» воплощались в реальные условия жизненного мира человека, медиа-тизация всей социальной инфраструктуры обозначила иные поведенческие координаты, к которым привык человек. Интернет-коммуникации, как и другие новые медиа, увеличили степень индивидуализации человека, привели к ослаблению привычных связей со своей социальной средой, что способствовало изменению системы ценностей, трансформировало поведенческие паттерны человека, лишило его ясной системы норм, ценностей своей социальной группы.

Эволюция информационно-коммуникационных технологий, о которой исследователи размышляли и обозначали как перспективу, которая очерчивает контуры возможных преобразований в коммуникативном конструировании культуры и общества [29], внезапно вытолкнула нас на точку в историческом процессе, что обозначают как кризис, как надлом. На авансцену аналитики вышли экономические показатели внезапно обрушившихся рынков, финансово-экономических потерь, прогнозы дальнейшего политико-экономического развития ситуации в её глобальном масштабе.

Вместе с тем стали проявляться социально-психологические феномены, которые имели аксиологический вектор. С новой силой высветился феномен цифрового неравенства, когда отсутствие цифровой грамотности вывело определённые социальные группы на позиции объектов социальной благотворительности. Многие потеряли свою субъектность, более того, субъектность перестала осознаваться ценностью. Владение цифровыми компетенциями и гибкими навыками, которые должны были обеспечить готовность принять новый цифровой контекст жизнеустройства, оказалось недостаточным для уверенности в ближайшем будущем. Электронные формы коммуникации для реализации социальной интеграции в условиях дистантного режима

выявили свой дисфункциональный характер, привели к эффектам дезинтеграции, к проявлениям стрессового состояния. Кризис пандемии выявил напряжение в обществе, которое обозначило хрупкость бытия не только в беспомощности перед неизвестной болезнью, но и в утрате той ценностной основы, которая на заре эпохи Возрождения была названа *humanitas*. Результатом медиатизации стали характеристики, которые в настоящее время получил человек: «медийный», «инновационный», «цифровой абориген». Вместе с тем один из авторов концепции «глубокой медиатизации», признавая крайне противоречивый метапроцесс изменений, которые происходят в обществе под воздействием медиатизации, замечает, что было бы ошибкой предполагать, что процесс глубокой медиатизации можно просто «отключить»» [21, с. 187–198].

Закключение. Таким образом, можно утверждать, что проблема медиатизации в современном исследовательском дискурсе продолжает оставаться дискуссионной, но стоит признать, что период пандемии по-новому высветил концепцию «медиа-

тизированных миров» и обозначил новые социальные контуры цифровой медиатизации. Вместе с тем основным итогом, к которому пришло человечество, столкнувшись с приходом в жизненный мир цифровой модификации медиатизации, следует, на наш взгляд, признать не технологические эффекты, а аксиологические. Феномен цифрового неравенства создал угрозу утраты субъектности, цифровые компетенции и гибкие навыки стали, возможно, пока невидимой, но уже наметившейся преградой в отношениях между людьми. Новый формат «медиатизированной» повседневности нам ещё только предстоит изучать, причём не с позиций внешнего, невключённого наблюдения, а будучи участниками развивающегося и изменяющегося мира. Технологически мощный коммуникативный потенциал, позволяющий развивать конструктивные модели социального взаимодействия, создание позиций социальной нестабильности, приводящих к уязвимости как личность, так и общество в целом, – это новое противоречие, которое требует междисциплинарного исследования.

Список литературы

1. Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика». 2016. № 6. С. 192–208.
2. Шмелева Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 90. С. 145–148.
3. Ним Е. Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. № 3. С. 8–25.
4. Лебедева С. Э., Вакку Г. В., Степанова С. Е., Касаткина А. Е. Основные тенденции медиатизации современного социокультурного пространства // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4. С. 69–76.
5. Хруль В. М. Медиатизация: метапроцесс, парадигма или просто модный «зонтик»? // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик: материалы международной научной конференции (г. Москва, 30 нояб. – 2 дек. 2018 г.) / сост. И. С. Душакова, Н. С. Душакова; ред. рус. текста М. В. Ахметова; ред. англ. текста У. Диксон. М.: НЕОЛИТ, 2018. С. 138–144.
6. Полуэхтова И. А. Социокультурные эффекты медиатизации телевидения // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 71–82.
7. Lundby K. "Mediatization" as Key. Mediatization: Concepts, Changes, Consequences. New York: Peter Lang, 2009.
8. Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London: Routledge, 2013. 173 p.
9. Ushanova I. A. Mediatization of Communication: from Concept to Theory // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. No. 11. Pp. 2703–2712.
10. Kaun A., Fast K. Mediatization of culture and everyday life. Karlstad: Karlstad University Studies, 2014.
11. Примаков В. Л. Медиатизация и её социальные последствия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Общественные науки». 2020. № 1. С. 222–240.
12. Krotz F., Hepp A. A Concretization of Mediatization: How Mediatization Works and Why 'Mediatized Worlds' are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research // Empedocles European Journal for the Philosophy of Communication. 2011. Vol. 3. Pp. 137–152. DOI: 10.1386/ejpc.3.2.137_1.
13. Lunt, P., Livingstone S. Is "mediatization" the new paradigm for our field? A commentary on Deacon and Staney (2014, 2015) and Hepp, Hjarvard and Lundby // Media, Culture and Society. 2016. Vol. 38. Pp. 462–470.
14. Островская Е. А. Медиатизация православия – это возможно? // Мониторинг. 2019. № 5. С. 300–319.
15. Клушина Н. И., Байгожина Д. О., Тахан С. Ш. Медиатизация: стилистический вектор // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2. С. 57–62.

16. Couldry N., Hepp A. Conceptualising Mediatization // *Communication Theory*. 2013. No. 23. Pp. 191–202.
17. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
18. Kopecka-Piech K., & Łódzki B. (Eds.). *The Covid-19 Pandemic as a Challenge for Media and Communication Studies* (1st ed.). Routledge, 2022. DOI: 10.4324/9781003232049.
19. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 272 с.
20. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. N. Srnicek. М.: Изд. дом ВШЭ; Cambridge: Polity, 2016.
21. Hepp Andreas. *Deep Mediatization*. New York: Routledge, 2020. Pp. 2–22. DOI: 10.4324/9781351064903.
22. Malta, Thiago & Neto, Leopoldino. Technology in education in times of pandemic. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/345705176_TECHNOLOGY_IN_EDUCATION_IN_TIMES_OF_PANDEMIC (дата обращения: 15.03.2022). Текст: электронный.
23. Атаманова И. В., Богомаз С. А. Ценностные и деятельностные ориентации вузовской молодежи: выбор между безопасностью и инновационностью // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2021. № 1. С. 59–74.
24. Ивановский Б. Г. Цифровизация высшего образования в Европе и России: преимущества и риски // *Социальные новации и социальные науки*. 2021. № 1. С. 80–95.
25. Торотоева А. М., Ядова М. А. Трансформация высшего образования в условиях пандемии COVID-19. (Обзор вебинаров) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. «Социология»*. 2021. № 2. С. 54–65.
26. Bolin Göran. The Uberisation of Higher Education: Datafied Dynamics in the Wake of the COVID-19 Pandemic // *Media Life During/After the COVID 19 Pandemic* / К. Копецка-Пиех, В. Łódzki. London: Routledge, 2022. Pp. 23–34.
27. Данилова Л. Н. COVID-19 как фактор развития образования: перспективы цифровизации и дистанционного обучения // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 5. С. 124–135.
28. Бегалинов А. С., Ашилова М. С., Бегалинова К. К. Об образе высшего образования в постковидную эпоху: формирование и развитие мышления нового порядка // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2021. № 1. С. 110–123.
29. Hepp A. The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the 'Mediation of Everything' // *European Journal of Communication*. 2013. Vol. 28. Pp. 615–629. DOI: 10.1177/0267323113501148.

Информация об авторе

Кузнецова Елена Игоревна, доктор философских наук, Нижегородский государственный университет им. Н. А. Добролюбова; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31 А; e-mail: tvelena@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5231-7881>.

Для цитирования

Кузнецова Е. И. Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17, № 2. С. 154–160. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-154-160.

Статья поступила в редакцию 16.04.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 21.05.2022.

References

1. Gureeva, A. N. Theoretical understanding of mediatization in a digital environment. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, no. 6, pp. 192–208, 2016. (In Rus.)
2. Shmeleva, T. V. Mediatization as a Phenomenon of Modern Culture and an Object of Research. *Bulletin of the Novgorod State University*, no. 90, pp. 145–148, 2015. (In Rus.)
3. Nim, E. G. Exploring the mediatization of society: the concept of mediatized worlds. *Sociological journal*, no. 3, pp. 8–25, 2017. (In Rus.)
4. Lebedeva, S. E., Vakku, G. V., Stepanova, S. E., Kasatkina, A. E. The main trends in the mediatization of modern socio-cultural space. *Bulletin of the Chechen State Pedagogical University. AND I. Yakovlev*, no. 4, pp. 69–76, 2018. (In Rus.)
5. Khrul, V. M. Mediatization: a metaprocess, a paradigm or just a fashionable “umbrella”? Mediatization of culture: designing new texts and practices: *Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 30 – December 2, 2018)* / comp. I. S. Dushakova, N. S. Dushakova; ed. Russian text by M. V. Akhmetov; ed. English text by W. Dixon. M: NEOLIT, 2018: 138–144. (In Rus.)

6. Poluehtova, I. A. Sociocultural effects of television mediatization. Knowledge. Understanding. Skill, no. 4, pp. 71–82, 2018. (In Rus.)
7. Lundby, K. “Mediatization” as Key. Mediatization: Concepts, Changes, Consequences. New York: Peter Lang, 2009. (In Engl.)
8. Hjarvard, S. The Mediatization of Culture and Society. L: Routledge 2013. (In Engl.)
9. Ushanova I. A. Mediatization of Communication: from Concept to Theory. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, no. 11, pp. 2703–2712, 2015. (In Engl.)
10. Kaun, A., Fast K. Mediatization of culture and everyday life. Karlstad University Studies, 2014. (In Engl.)
11. Primakov, V. L. Mediatization and its social consequences. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, no. 1, pp. 222–240, 2020. (In Rus.)
12. Krotz, F., Hepp, A. A Concretization of Mediatization: How Mediatization Works and Why ‘Mediatized Worlds’ are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research. Empedocles European Journal for the Philosophy of Communication, vol. 3, 2011. DOI: 10.1386/ejpc.3.2.137_1. (In Engl.)
13. Lunt, P.; Livingstone, S. Is “mediatization” the new paradigm for our field? A commentary on Deacon and Stanyer (2014, 2015) and Hepp, Hjarvard and Lundby (2015). media cult. soc., no. 38, pp. 462–470, 2016. (In Engl.)
14. Ostrovskaya, E. A. Mediatization of Orthodoxy – is it possible? Monitoring, no. 5, pp. 300–319, 2019. (In Rus.)
15. Klushina, N. I., Baigozhina, D. O., Takhan S.Sh. Mediatization: a stylistic vector. Upper Volga Philological Bulletin, no. 2, pp. 57–62, 2019. (In Rus.)
16. Couldry, N., Hepp, A. Conceptualising Mediatization, Communication Theory, no. 23, pp. 191–202, 2013. (In Engl.)
17. Giddens, E. Organization of society: Essay on the theory of structuration. M., 2005. (In Rus.)
18. Kopecka-Piech, K., & Łódzki, B. (Eds.). The Covid-19 Pandemic as a Challenge for Media and Communication Studies (1st ed.). Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003232049>. (In Engl.)
19. Cassirer, E. Philosophy of symbolic forms. T. I Language. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. (In Rus.)
20. Srnicek, N. Platform Capitalism. M.: Ed. HSE house; transl. from English: Srnicek N. 2016. Platform Capitalism. Cambridge: Polity, 2019. (In Rus.)
21. Hepp, Andreas. Deep Mediatization. Publisher: Routledge, 2020. 10.4324/9781351064903. (In Rus.)
22. Malta, Thiago & Neto, Leopoldino. Technology in education in times of pandemic, 2020. Web. 15.03.2020. https://www.researchgate.net/publication/345705176_TECHNOLOGY_IN_EDUCATION_IN_TIMES_OF_PANDEMIC. (In Engl.)
23. Atamanova, I. V., Bogomaz, S. A. Value and activity orientations of university youth: the choice between safety and innovation. Bulletin of the National State Pedagogical University, no. 1, pp. 59–74, 2021. (In Rus.)
24. Ivanovsky, B. G. Digitalization of higher education in Europe and Russia: advantages and risks. Social innovations and social sciences, no. 1, pp. 80–95, 2021. (In Rus.)
25. Torotoeva, A. M., Yadova, M. A. Transformation of higher education in the context of the COVID-19 pandemic. (Review of webinars). Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology: Abstract journal, no. 2, pp. 54–65, 2021. (In Rus.)
26. Bolin, Goran. The Uberisation of Higher Education: Datafied Dynamics in the Wake of the COVID-19 Pandemic. In book: Katarzyna Kopecka-Piech & Bartłomiej Łódzki (eds) Media Life During/After the COVID 19 Pandemic. Publisher: London: Routledge, 2022: 23–34 (In Engl.)
27. Danilova, L. N. COVID-19 as a factor in the development of education: prospects for digitalization and distance learning. Bulletin of the Surgut State Pedagogical University, no. 5, pp. 124–135, 2020. (In Rus.)
28. Begalinov, A. S., Ashilova, M. S., Begalinova, K. K. On the image of higher education in the post-COVID era: the formation and development of thinking of a new order. Bulletin of the National State Pedagogical University, no. 1, pp. 110–123, 2021. (In Rus.)
29. Hepp, A. The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the ‘Mediation of Everything’. European Journal of Communication, vol. 28, pp. 615–629, 2013. 10.1177/0267323113501148. (In Engl.)

Information about the author

Kuznetsova Elena Igorevna, Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State University named after N. A. Dobrolyubov; 31A Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; e-mail address: tvelena@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5231-7881>.

For citation

Kuznetsova E. I. The Phenomenon of Digital Mediatization: Axiological Aspect of Social Communication // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. Pp. 154–160. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-154-160.

Received: April 16, 2022; approved after reviewing May 19, 2022; accepted for publication May 21, 2022.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170

Оппозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века

Елена Вячеславовна Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет, г. Нижний Новгород, Россия
marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

Рассматривается отражение в современной речевой практике идеи трансформации гуманизма на примере переосмысления фундаментальной оппозиции культуры «человек – машина». В цифровую эпоху граница внутри этой оппозиции размывается: ~~происходит «очеловечивание» программ, алгоритмов~~ ~~происходит параллельно противоположный процесс – «расчеловечивание» живых людей~~, что достаточно последовательно отражается в языке. Новизна исследования определяется тем, что в нём впервые выявляются имплицитные способы выражения трансформации отношений между человеком и машиной с помощью антропоморфных и антропоцентрических метафор в художественном и публицистическом дискурсе. Цель исследования – представить устойчивые модели трансформации заявленной оппозиции в современной речевой практике, свидетельствующие о глубинных изменениях в осмыслении гуманизма в цифровую эпоху. Материалом исследования служат тексты современной прозы и публицистики. В качестве основных методов исследования использованы лингвистический анализ текста, семантический анализ ключевых лексем, методика установления когнитивной обусловленности языковых процессов. В результате обнаружены устойчиво воспроизводимые в художественной и публицистической речи типы метафор, передающих идею уподобления человека техническому устройству, алгоритму – с одной стороны (антропоморфная метафора) и уподобления алгоритма человеку – с другой (антропоцентрическая метафора). Когнитивные модели, определяющие использование метафоры для переосмысления оппозиции «человек – машина», реализуют перенос «из мира человека в мир техники и IT», а также перенос «из мира техники в мир человека». В последнем случае отмечается актуализация метафоры «кода», вскрывающая одну из главных опасностей доминирования современных технологий (роботизация, искусственный интеллект и т. д.) в традиционных сферах человеческой деятельности: утрата личной свободы, манипулирование сознанием, обесценивание человеческой индивидуальности. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении влияния идеологии «кода» на формирование идей трансгуманизма.

Ключевые слова: человек – машина, цифровая эпоха, трансформация гуманизма, антропоморфная метафора, антропоцентрическая метафора, идеология «кода»

Original article

The Opposition "Man – Machine" in the Language Picture of the World of the 21 Century

Elena V. Marinova

Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia
marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

The reflection of the idea of the transformation of humanism in modern speech practice is considered by the example of rethinking the fundamental opposition of the culture "Man – Machine". In the digital era, the boundary within this opposition is blurred: "humanization" of programs and algorithms takes place in parallel with the opposite process – "dehumanization" of live persons, and both processes are quite consistently reflected in the language. The novelty of the research is determined by the fact that for the first time it reveals implicit ways of expressing the transformation of the relationship between man and machine, namely through anthropomorphic and anthropocentric metaphors in the artistic and journalistic discourse. The purpose of the study is to present some stable models of transformation of the declared opposition in modern speech practice, indicating profound changes in the understanding of humanism in the digital age. The research material is modern prose and journalistic texts. The linguistic text analysis, semantic analysis of the key lexemes, and the method of establishing cognitive conditionality of language processes are used as the main research methods. As a result, the types of metaphors conveying the idea of likening a person to a technical device and algorithms, on the one hand (anthropomorphic metaphor), and likening an algorithm to a person, on the other hand (anthropocentric metaphor), which are consistently reproduced in artistic and journalistic speech, are established. Cognitive models defining

© Маринова Е. В., 2022

the use of metaphors for rethinking the opposition “Man – Machine” realize the transfer “from the human world to the world of technology and IT”, as well as the transfer “from the world of technology to the world of man”. In the latter case, the actualization of the metaphor of “code” is noted, revealing one of the main dangers of the dominance of modern technologies (robotization, artificial intelligence, etc.) in traditional spheres of human activity – the loss of personal freedom, manipulation of consciousness, devaluation of human individuality. The author sees the prospects of the research in the further study of the impact of the ideology of “code” on the formation of ideas of transhumanism.

Keywords: Man – Machine, digital era, transformation of humanism, anthropomorphic metaphor, anthropocentric metaphor, ideology of “code”

Введение. Онтологическим последствием новой технологической революции стало своеобразное удвоение мира: наряду с «когда-то единственной» действительностью мы в той или иной мере осознаём по ту сторону экрана нашего технического устройства Другую реальность, в которой живём, общаемся и творим. Это удвоение мира отражается в языке, о чём свидетельствует, прежде всего, формирующаяся на наших глазах полисемия на базе «старых» слов по типу: *почта* – об электронной почте, *папка* – название компьютерной опции и т. д. Таким способом дублируются имена объектов Действительности № 1 для формирования языка новой реальности. Оппозицию «двух» миров задают новые антонимические пары: *реальный – виртуальный, офлайн – онлайн*, при этом сами антонимы имеют общую сочетаемость с довольно широким кругом слов, семантика которых в цифровую эпоху соотносится как с «традиционным миром», так и с миром виртуальным (*офлайн-общение – онлайн-общение, офлайн-сделка – онлайн-сделка, офлайн-обучение – онлайн-обучение* и т. п.).

В языковом сознании человека XXI в. происходит «перенос» номинаций из реального мира в виртуальный, необходимый для обозначения цифровых аналогов объектов реального мира. В частности, заслуживают внимания наименования функций, которые в доцифровую эпоху осуществлялись только людьми: *интернет-брокер, онлайн-переводчик, виртуальный учитель* и т. п. (о программах в Сети). Подобные названия своеобразно отражают идею двойственности современного мира, в котором меняются/смешиваются роли человека и машины, усиливаются «смысловые смещения в массовом восприятии, понимании, интерпретации фундаментальной оппозиции» [1, с. 747], размывается граница, а существование живого конкретного человека может быть подвергнуто сомнению (так, на многих сайтах пользователь должен доказывать «систе-

ме», в роли которой выступает капча-служба, что он не робот). Данному вопросу посвящено наше исследование. Материалом для него послужили тексты более 60 художественных и публицистических произведений современных авторов.

Методология и методы исследования. Выбор источников определялся тематически: текст использовался в качестве материала, если в нём, независимо от жанра и литературного направления, поднималась тема деятельности человека в Сети, занимая в структуре произведения либо главное, либо второстепенное место. Мы обращались преимущественно к отечественным авторам, чтобы представить изменения в картине мира современного человека на примере русского языка.

Перечислим и кратко охарактеризуем основные методы исследования, позволившие сделать некоторые выводы по интересующей нас проблеме. На первом этапе работы (сбор материала) использован **лингвистический анализ** текста, в результате чего получены: а) диагностирующие контексты как иллюстрации употребления лексики IT-сферы для изображения главного предмета литературы – человека (всего свыше 2 500 контекстов методом сплошной выборки); б) наблюдения над образной, метаязыковой и игровой функциями слов IT-сферы, передающих концептуальное отношение автора (рассказчика, героя) к изображаемому – человеку, «живущему» в Сети. Далее применялся **семантический анализ** ключевых лексем, имеющих отношение к оппозиции «человек – машина» в её современном наполнении: в роли «машины» выступает высокотехнологичное устройство (компьютер, смартфон), цифровая технология (интернет, алгоритм, искусственный интеллект и т. д.). Наконец, опираясь на методику выявления **когнитивной обусловленности языковых процессов**, изложенную, в частности, в исследовании зарубежных авторов [2], устанавливались повторяющи-

еся, устойчивые модели концептуализации представлений о роли человека и машины в цифровую эпоху.

В трудах современных философов, теоретиков сетевой культуры данная тема поднимается в контексте глобальной проблематики трансформации гуманизма как величайшей идеологии и достижения в эволюции человечества, трансформации традиционных представлений культуры об уникальности человеческой природы, сверхценности человеческой жизни, приоритете личной свободы и личного пространства человека, его индивидуальности [2–8]. Однако в истории человеческой мысли, в трудах Б. Спинозы, Р. Декарта, Г. Лейбница, Ж. Ламерти, Н. Бердяева и других, проблема отношений между человеком и машиной (техникой) рассматривалась традиционно в более широком, антропологическом смысле: от её решения, той или иной интерпретации зависела система взглядов на онтологию человека, его сущностные отличия от природного (человек – животное), божественного (человек – Бог), механистического (человек – машина)¹. Что касается последней оппозиции, в цифровую эпоху она наполняется новыми смыслами и связями, поскольку техника всё более приближается по своей функции к человеку, его разуму и даже поведению, концепт «машина» соотносят уже с самой природой [10; 11]: новейшая техника, или (по Слотердайку) *гомеотехника*, «кооперируется с природой, а не отрицает её» [12, с. 72].

Идея «подражания» техники человеку получает всё большее подтверждение при обращении к теме искусственного интеллекта (ИИ), замены человека (в его профессиональной деятельности) ботом, в связи с чем поднимаются и обсуждаются проблемы перераспределения ролей в паре «человек – ИИ» с точки зрения субъекта – объекта [13–16], либо, напротив, ставятся вопросы «о возможной теодицеи андроидов», по отношению к которым человек выступает как Создатель, Бог [17]. В любом случае своеобразный симбиоз между техникой и машиной интерпретируется как причина глубоких изменений существования и того, и другого [18], приводящих также и к социальным изменениям в жизни общества [19].

¹ См. например: Федяев Д. М. Машина и машинность // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – Лондон; Минск: Панпринт, 1998. – 1064 с. – С. 475–476.

Представления о трансформации отношений внутри оппозиции «человек – машина» последовательно и разнообразно (в речевом плане) отражаются в современной художественной литературе. Причём писатели, как правило, используют имплицитные способы выражения тех идей, которые философы формулируют прямо.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования установлены устойчиво воспроизводимые в художественной и публицистической речи типы метафор, передающих идею уподобления человека техническому устройству, алгоритму с одной стороны (*антропоморфная метафора*) и уподобления алгоритма человеку – с другой (*антропоцентрическая метафора*). Когнитивные модели, определяющие использование метафоры для переосмысления оппозиции «человек – машина», реализуют перенос «из мира человека в мир техники и IT» (*Яндекс рассказывает, Гугл выдал, умница Вики, интернет-обманщик* и т. п.), а также перенос «из мира техники – в мир человека» (*ассемблер души, взломать мировоззрение, жизнь как испорченный файл*). В последнем случае отмечается актуализация метафоры «кода», вскрывающая одну из главных опасностей доминирования современных технологий в традиционных сферах человеческой деятельности: утрата личной свободы, манипулирование сознанием, обесценивание человеческой индивидуальности.

О своеобразном восприятии интернета и некоторых его реалий как одушевленного, живого существа свидетельствуют многочисленные метафоры-олицетворения (*интернет умолкает; сожительство с экранной иллюзией; ДНК соцсетей* и др.); реже – эпитеты (*умница Вики, услужливый Фейсбук, скупой на рекламу сайт*). Нередко общий контекст предложения или фрагмента произведения также выражает эту идею, например: *Захотелось под чай послушать [песню] целиком, а не телефонный обрывок. Нашёл в Ютубе. Плэй... Попросил у поисковика перевести на русский* (Д. Глуховский «Текст», 2017).

Признаки и действия живого существа приписываются, во-первых, самому интернету и его «ипостаси» – Сети; во-вторых, – различным интернет-услугам и программам. Так, объектом персонификации становятся поисковые системы, социальные сети, мессенджеры; программное обеспечение (бра-

узер и др.), места расположения контента (сайт, страница) и т. п. – всё то, с чем пользователь непосредственно имеет дело, подключаясь к интернету. При этом выражается отношение персонажа/рассказчика к этому феномену – либо вполне нейтральное или даже одобрительное и восхищённое, либо отрицательное или как минимум осторожное. В первом случае (нейтральная или положительная оценка) интернет в сознании героя представляется, судя по семантике и коннотации тропов, *собеседником, помощником, проводником, экспертом*¹:

– «собеседник»: *Вообще-то у меня есть такая привычка – временами **обращаться к интернету** с дурацкими вопросами* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *Я же отправился к компьютеру, чтобы узнать, что **думает** по этому поводу Яндекс* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *Желающие узнать, что **говорит** Яндекс, могут повторить мои поиски по ключевым словам...* (Там же); *«Согласен с мнением моей жены», – **говорит** страница Валерия* (Т. Шахматова «Унесённые блогосферой», 2017); *Вот бы судьбу можно было так **простраивать**: в точку А **вбить** текущую позицию, в точку Б – к чему хотел бы прийти. И Яндекс тебе **рассказывает**...* (Д. Глуховский «Текст», 2017);

– «помощник, проводник, эксперт»: *Интернет сам **вёл** его от одного слова к другому, **выдавал** адреса, **тыкал пальцем**. Если сам чего-то не **знал**, то тактично **умолкал** или упорно, до тошноты **показывал** одни и те же сайты* (О. Токарчук «Бегуны», 2018); *Ссылка **вела** на закрытую страничку* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *Ссылка **вывела** Глеба на какой-то русскоязычный туристический сайт* (Там же); *Умница Вики точно и с блеском **вписывает** контент в контекст* (Там же); *Реальность – это то, что вы считаете реальностью. А что считать реальностью, вам **подсказывает** «ДиКСи»* (портал. – Е. М.), *поставщик информации о мире* (Там же); *Сеть щедро **поделится** ссылками на научные журналы* (Т. Шахматова «Унесённые

¹ В зарубежной публицистике встречается образ «оракула». См.: Левин Я. Интернет как оружие. Что скрывают Google, Тог и ЦРУ / пер. с англ. М. Леонович, Е. Напреенко. – М.: Индивидуум, 2019. – С. 188; Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платоновой. – М.: Эксмо, 2019. – С. 178; см. также: [3, с. 83]. В сознании «просто-го» пользователя интернет – друг, товарищ [20, с. 82].

блогосферой», 2017); *Интересно здесь не то, что **услужливый** фейсбук **вспоминает** (выбирает, что вспомнить и что забыть) вместо меня...* (М. Степанова «Памяти памяти», 2018).

Отрицательное отношение к интернету, в том числе настороженное, связано с представлением об интернете как недобросовестном исполнителе (плохом помощнике), обманщике:

– «недобросовестный, некомпетентный исполнитель»: *На этот раз искалка опять **ошиблась**. Поняв, на чём **ошибается** здешняя поисковая система, я уже мог предсказать, что в следующих новостях она тоже **обманулась*** (Мерси Шелли (Алексей Андреев) «Паутина», 2002); *Искалка **выдала** мне всякую ерунду* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *Немного пошуршав, поисковик **выбрасывает** около полутора тысяч ссылок на документы, содержащие слово «Симба»* (Там же); *Но разве ж Яндекс **скажет**? Ничего Инет ей не **сказал*** (Н. Балашов «Zelda», 2010); *...делаю поиск по словам «Кавказ» и «тур». В смысле, «маршрут», «поход». А гугл **выдал** животное* (В. Пелевин «Иакинф», 2019)²;

– «обманщик»: *...Сеть была ещё не столь **искусна**, чтобы **обмануть** меня* (М. Шелли «Паутина», 2002); *Приложения **давили на жалость**, **притворялись** умирающими тамагочи* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *Ссылка **сбросила** нас туда – и **дезактивировалась*** (А. Иванов «Комьюнити», 2012). См. также: предикативная метафора, прямо выражающая отношение к интернету и его «реальности»: *Интернет – **обманщик**. ...не более чем **приманка*** (О. Токарчук «Бегуны», 2018).

В том же персонифицированном ключе осмысливается иногда экран компьютера, служащий метонимической заменой Сети. Например: *Кто он (лечащий доктор. – Е. М.) такой, чтобы спорить со светящимся экраном, который **ответит** на ваш вопрос меньше, чем за секунду?*³ В философских исследованиях экран интерпретируется как «поверхность», до которой редуцирует-

² В одном из эссе У. Эко сравнивает интернет с героем рассказа Борхеса «Фунес памятливым», который всё помнит, но, как пишет Эко, «полный идиот»: Интернет подобен Фунесу... не способен отбирать и выбирать ненужное [9].

³ Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платоновой. – М.: Эксмо, 2019. – С. 171.

ся реальность; граница двух миров; рама, через которую мы общаемся со «сверхчувственной виртуальной вселенной» [4]. Одна из глав аналитической книги об интернете А. Барикко «Игра» так и называется «Поверхность»: *Глаза устремлены на экран... основное, главное выступает на поверхность, а всё остальное поглощается, пропадает в каком-то невидимом не-месте* [3, с. 162].

Следует обратить внимание на то, что ряд метафор-олицетворений имеют узальный характер и существуют в сознании носителей языка как естественный речевой образ. Так, во фразе *Окошко снова молчит, не обновляется* (Д. Бавильский «Нодельма», 2004) глагол использован в своём вторичном значении, зафиксированном словарями («не действовать, не работать, не издавать никаких звуков»¹). Однако новым (или во всяком случае непривычным) оказывается сочетаемость: в НКРЯ² фраза *окошко молчит* не обнаружена. Однако именно в таких стёртых, **языковых метафорах** и закрепляется «привычка к персонификации» [21, с. 201] окружающего мира, так называемый антропоморфный взгляд на предметы, на бытие.

В то же время персонификация может быть **намеренным приёмом** автора. Например, та же языковая метафора во фразе: *Машина (о компьютере. – Е. М.) не хочет со мной сотрудничать, она чётко знает, что должна получить пароль, пароля нет, поэтому она молчит* (У. Эко «Маятник Фуко», 1988) встраивается уже в цельную картину своеобразного поединка человека и машины, диалога между ними (см. далее: *Как будто говорит мне: «Подумай только, всё, что ты хочешь знать, находится здесь, в моём нутре, но ты рой, рой, старый крот, всё равно ничего не получишь»*). Как пишет С. Жижек в статье «Киберпространство, или Невыразимая замкнутость бытия», «понимание того, что человек обладает рядом свойств, недоступных для компьютера (вдохновение, тревога и т. п.), позволяет относиться к компьютеру как “живому и думающему партнёру”, поскольку мы знаем, что это только игра, ведь на самом деле компьютер не таков» [4].

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

² Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

В нашем материале приём персонификации организует как отдельные фрагменты разных текстов³, так и целые произведения, в которых признаки живого существа приписываются какому-либо гаджету. Так, выход из строя технического устройства ассоциируется со смертью: *Она достала мобильник и поняла, что тот безвозвратно мёртв. Лишённая души тушка, комочком мёртвой плоти лежащая на ладони* (А. Матвеев «Третий знак киберкаллиписа», 2004); *...Кеша положил пискнувший очередной смертью айфончик на стол, встал и открыл окно* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014) – или серьёзной болезнью, напр., в «черепе» компьютера, как в рассказе В. Пелевина «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR» (1996): *...под пластмассовым черепом компьютера уже случилось несколько обширных электронных инсультов*. Один из героев рассказа, мэр города Петроплавовского Ванюков *рассматривал свой компьютер как вполне одушевлённое существо*. Такое отношение к компьютеру, «сумасшедшему», по мнению Ванюкова, и обыгрывается писателем по ходу сюжета.

В романе А. Матвеева «Любовь для начинающих пользователей» также отчётливо сформулирована мысль о том, что компьютер для героев – живое существо, обитатель дома, который может *жить своей жизнью*. Они постоянно отслеживают «эмоциональное» состояние компьютера, проводя время за поиском важной для них информации: *Скорее всего, в письме содержался вирус, и компьютеру это не понравилось... Компьютер заворчал громче, будто ему делали больно, а он сопротивлялся. Или терпел...; Письмо болталось на экране, письмо, вызвавшее ревность компьютера*. Героиня книги Симба задаётся вопросом: *Есть ли у компьютера сердце?* А сам автор, обыгрывая термин информатики *память*, пишет и о сердце: *...элемент на экране бесследно исчезает... не только с экрана – из памяти компьютера, из его сердца*.

Вполне правдоподобно выглядит диалог Симбы со своим компьютером (в науч-

³ См., например: У них был когда-то старенький компьютер, и когда он перегревался, то выключался сам. И минут двадцать его невозможно было запустить. Стоял и не реагировал... Мама сначала ругалась, а потом стала относиться к нему как к живому, соглашалась: «Да-да, отдохни, старичок» (Р. Сенчин «Чего вы хотите?», 2013).

ной литературе анализировались как подобные диалоги, так и сами причины, побуждающие человека к общению с «молчащими объектами» [22; 23]): *Симба посмотрела на приаттаченный файл и решила его открыть. – Может, не надо? – спросил компьютер.*

Итак, авторы передают образными средствами то, что происходит с нами в действительности, когда наше постоянное обращение к компьютерной технике и виртуальному миру создаёт иллюзию существования чего-то живого по ту сторону экрана. «Между человеком и машиной заключается мир, то, что было искусственным, окончательно становится природным, естественным, натуральным. Что-то размылось, и с каким-то невиданным благоволением машины склонились к тому, чтобы стать продолжением человеческого духа и тела» [3, с. 144]. Очевидно, с этим представлением и связано использование антропоморфной метафоры.

Ещё одним типом метафоры, имеющей отношение к интерпретации оппозиции «человек – машина», является антропоцентрическая метафора¹. Её объектами становятся: внешний вид человека, включая анатомические особенности; духовная и эмоциональная сфера; процесс жизни с момента рождения, наконец, сам человек как феномен земной цивилизации и «продукт» цивилизации современной. Так, о мозге человека авторы пишут: *Мозг человека – лучший компьютер* (М. Шелли «Паутина», 2002); *...так уж был устроен проклятый человеческий мозг. Этот перелатанный биокомпьютер...* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *Обычно ярость прочищала Симбе мозги, и они начинали шуршать со скоростью последнего «Пентiums»* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *...среди внутримозговых приложений не осталось ни одной левой софтинки, и все большие жизненные выборы давно сделаны за них* (современных девушек. – Е. М.) *этим самым смартфоном...* (В. Пелевин «Искусство лёгких касаний», 2019)². См. также – о крови:

¹ Понятие антропоцентрической метафоры обобщается Г. Н. Склярской [24, с. 108–109].

² Метафора компьютер (о голове человека, мозге) бытует и в разговорной речи, что фиксируется словарями. См.: «Компьютер болит. Включи компьютер – подумай, задумайся, пошевели мозгами» (Вальтер Х. и др. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М.: ИТИ Технологии, 2004. 416 с.). Мета-

Грубая аналогия – это удалённый сетевой доступ (В. Пелевин «Бэтман Аполло», 2013); *о руках: У городских гаджеты вместо рук* (о неспособности заниматься физическим трудом) (А. Синяев «Взломанный. (Блог Экста)», 2018); *о душе: Ассемблер чужой души при близком рассмотрении редко выглядит привлекательно* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *о сознании: ...на главный диск у себя в голове, который не поменять до смерти, человек доверчиво ставит что попало* (В. Пелевин «iPhuck 10», 2017); *...более удачливые предшественники навсегда хакнули их головы* (о критиках. – Е. М.) (Там же); *Неужели... это «тёмная сторона» моего Робина* (сетевое имя рассказчика. – Е. М.), *который взламывал и декодировал мировоззрение других людей?* (М. Шелли «Паутина», 2002); *Вероломство* (о предательстве. – Е. М.) – *это когда тебя по-настоящему взломали, как ломают хакеры защищённый аккаунт* (Т. Шахматова «Унесённые блогосферой», 2017). Ср. также: «Мы живём в эпоху взлома человека» [8, с. 323].

С помощью антропоцентрической метафоры может передаваться эмоциональное состояние человека: *Я завис между словом и делом, как зависает между командами старая Винда* (Т. Шахматова «Удар отточенным пером», 2017); *У двух разных пользователей адреса одинаковые... И машина сообщает: конфликт адресов. У меня в мозгах сейчас именно такой конфликт* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *изображаются его улыбка, смех: Вверху смайл...* (В. Пелевин «Шлем ужаса...», 2005); *За столом раздался электронный смех; ...электронно засмеялся Кедаев* (В. Пелевин «Бэтман Аполло», 2013). Этим же способом может выражаться общее впечатление о человеке, см.: *На той презентации Джобс был высушен онкологией, выглядел оцифрованным* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *...Встречался бы с какой-нибудь девушкой – поджарой, стрижка каре, загар, а там, где люди крестик вешают, кью-ар код* (Д. Глуховский «Текст», 2017).

Вот таким предстаёт обобщённый портрет Человека, если собрать воедино отдельные штрихи. Вместо рук – гаджеты,

фора, по-видимому, универсальная; ср.: *Машина ли я (действует ли мой мозг, как компьютер), или живое человеческое существо (с искрой духа или чего-то другого, несводимого к сетевому окружению)* [4].

вместо крестика – кью-ар-код, улыбка на лице интерпретируется как графический значок электронной речи, под кожей – компьютерный интерфейс¹.

Человеку приписываются черты технических устройств. По сути, эта идея изначально постулировалась теоретиками кибернетической науки. Так, её основоположник Н. Винер в трактате «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948) исходит из того, что люди, как и всякие живые существа, являются машинами, обрабатывающими информацию. Цитируя Винера и комментируя это положение, Я. Левин, автор книги «Интернет как оружие», пишет: «Все мы – компьютеры, чрезвычайно сложные, но всё же компьютеры»².

Если человек – устройство, значит, устройство можно взломать, «хакнуть». Как пишет автор «Критической теории интернета», «нас всех перезапустили» [25, с. 19]. Грубое вмешательство в сознание личности, манипулирование, видимость свободы и воли человека – эти, всегда интересовавшие писателей и учёных идеи в эпоху интернета реализуются с помощью метафоры кода, программирования, «цифры». Отсюда такие образы, как *ассемблер души, логины и пароли крови, декодирование мировоззрения, оцифрованный* (о человеке), *цифровой* (герой одноимённого романа М. и С. Дяченко). См. также: *...гуру-технофилы и футурологи Кремниевой долины уже выдвинулись в крестовый поход против неприятных багов человеческой природы в надежде найти целительный патч* [7].

Из субъекта, индивида человек превращается в объект – набор кодов, которым можно управлять помимо воли самого носителя. Идеология кода, на которой выстраивается фундамент цифровой культуры, распространяется и на понимание человека. См.: *Все эти люди, свёрнутые в строчки цифр и букв, превращённые в несколько байт архиватором. Где они все, почему я так давно не пользовался этими кодами, открывающими целые миры?* (М. Шелли «Паутина», 2002); *Человек ведь тоже приходит... просто как информационный слепок, то есть двусторонний поток кода...*

¹ Подобная образность встречается иногда и в современной публицистике: Социальные сети – мощная вещь!.. Тут людям давно вместо мозгов достались лайки и вместо реальной доброты – перепосты (Мальцев И. Театр не закрывается // Известия. 2014. 2 марта).

² Левин Я. Интернет как оружие – М.: Индивидуум паблишинг, 2019. – 360 с. – С. 69.

(В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *...мы все – совокупность сигналов и метадаты* (Там же); *...он* (Кеша. – Е. М.) *просто завиток кода* (Там же); *Есть только скрипты, послушно отрабатывающие одну строчку кода за другой* (о людях; там же). В этом же ключе интерпретируются рождение человека, его существование, судьба, смерть. Ср.: *Человек рождается чистой флешкой* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); [После смерти] *мы оставляем за собой пенный след метадаты* (Там же); *Арсена убили – он возродился. Жизнь – испорченный файл* (М. и С. Дяченко «Цифровой», 2009); *Судьба – сюжет, а её смысл – гипертекст* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *Электронные импульсы, проносящиеся по полупроводниковому миру, определяют человеческую судьбу* (В. Пелевин «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR, 1996).

В творчестве некоторых писателей, прежде всего В. Пелевина, идея программируемого сознания, в которое, как на флешку или диск, можно закидывать любой требующийся «системе» контент, последовательно воплощается во множестве сходных словесных образов на базе глаголов *закачать, прокачать* и т. д. Например: *Каждый день через тебя прокачивают контекстную рекламу... затаённая ненависть к системе – тоже часть прокачиваемого контента* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *...тебя самого закачивают по проводам вместе с контекстной рекламой* (Там же); *...в неё (голову. – Е. М.) закачивают софт, который немедленно начинает участвовать в каждой вашей «встрече с бытием».* *И, закачав это софт, назад вы его уже не откачаете* (В. Пелевин «iPhuck 10», 2017); *...весь мейнстримный софт – ...инструмент власти истеблишмента, закачанный вам под кожу. То есть даже не закачанный, нет. Доверчиво установленный вами* (Там же).

Образ современного человека, несомненно, вызывает у писателей опасение: погружение в виртуальный мир, зависимость как от него, так и от модных гаджетов, неспособность ценить «реал» – эти качества героя-пользователя получают в литературных произведениях, особенно в антиутопиях и социальной фантастике, отчётливо негативную оценку, реализуемую в резких, неожиданных метафорах: *Человек – это его*

айфон (А. Иванов «Комьюнити», 2012) – ср. название книги Д. Ланира «Вы не гаджет» (2009); *После миллениума нет человека, есть сумма ресурсов и технологий* (Там же); *Мы сами и есть инстаграм и фейсбук, ...куда путешествуют высшие и непостижимые для нас сущности* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *Юзеры... сгущались вдруг в длинные хвосты тредов...* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *У меня дома две приставки, подумал он* (Арсен о родителях. – Е. М.) *с ужасом. К телевизору и ноутбуку* (М. и С. Дяченко «Цифровой», 2009) и др.

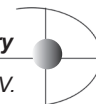
Заключение. Взаимодействие человека с компьютером (или другим высокотехнологичным гаджетом) как новая и весьма своеобразная коммуникативная практика личности в современном мире всё чаще становится предметом художественного изображения. С помощью антропоморфной метафоры (модель переноса человек → компьютер) передаются идея «очеловечивания» технических устройств, иллюзия существования какой-то особой, живой силы по ту сторону экрана. Напротив, идея уподобления человека машине создаётся на основе антропоцентрической метафоры (модель компьютер → человек), что позволяет обозначить характерные для информационного общества негативные явления: манипуляция сознанием, отсутствие критического

мышления по отношению к информации, социальный инфантилизм.

Таким образом, в языковой картине мира постепенно закрепляется результат переосмысления оппозиции «человек – машина» в цифровую эпоху. Наглядно это переосмысление можно представить так: вместо традиционного разделителя VS., между членами оппозиции можно поставить знак подобия (~). При этом формула читается одинаково в любом направлении. Сможет ли человечество отстоять своё уникальное место в системе ценностных координат, или процесс девальвации понятия «человек» ещё более активизируется в условиях нарастающего интереса к роботизации и технологиям искусственного интеллекта? Исследование показывает, что язык пока не даёт ответы на эти вопросы, но в виде вполне отчётливых сочетаемых смещений типа *компьютер молчит – сознание взломано, сердце компьютера – ассемблер души* констатирует тенденцию к трансформации представлений как о гуманности, так и о машинности. Поэтому перспективы дальнейшего изучения темы видятся нам, во-первых, в расширении круга источников (спонтанные высказывания, научный дискурс), во-вторых, в исследовании влияния идеологии «кода» как ведущей идеологии цифровой эпохи на традиционные идеи гуманизма и отражения этого влияния в языке.

Список литературы

1. Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2020. Т. 11, № 4. С. 745–759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 275 p.
3. Барикко А. *Игра*. М.: КоЛибри, 2019. 352 с.
4. Жижек С. Киберпространство, или Невыразимая замкнутость бытия. № 1. Текст: электронный // Искусство кино. 1998. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 20.03.2022).
5. Lovink G. *Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation*. Cambridge and Malden: Polity, 2016. 183 p.
6. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. М.: АСТ, 2014. 528 с.
7. Морозов Е. Техноненависть: как интернет отучил нас думать. М.: Common place, 2014. 116 с.
8. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 416 с.
9. Эко У. *Заклятие Сатаны. Хроники текучего общества*. М.: АСТ, 2018. 704 с.
10. Mazis G. *Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries*. Albany. New York: SUNY Press, 2008. 274 p.
11. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. *Солнце и смерть. Диалогические исследования*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
12. Ростова Н. Н. Человек на границе животного мира // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 68–75. DOI: 10.17223/15617793/446/9.
13. Шевцова Г. А., Батищев С. А. Искусственный интеллект: системная машина или эквивалент биологической системы // *Машины. Люди. Ценности: Когнитивные и социокультурные системы в потоке вре-*

мени: материалы II Междунар. науч. конф. памяти С. М. Шалютина (22–23 апр. 2021 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2021. С. 101–103.

14. Ромащенко А. А. Человек-машина и эффект отложенной смерти в европейской культуре // Машины. Люди. Ценности: Когнитивные и социокультурные системы в потоке времени: материалы II Междунар. науч. конф. памяти С. М. Шалютина (22–23 апр. 2021 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2021. С. 160–162.

15. Rajani S. Artificial Intelligence – Man or Machine // International Journal of Technology and Knowledge Management. 2011. No. 4. Pp. 173–176.

16. Commerford B., Dennis S., Joe J. and Ulla J. Man versus machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence // Journal of Accounting Research. 2022. No. 60. Pp. 171–201.

17. Спяницкая А. С. О возможности теодицеи андроидов // Машины. Люди. Ценности: Когнитивные и социокультурные системы в потоке времени: материалы II Междунар. науч. конф. памяти С. М. Шалютина (22–23 апр. 2021 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2021. С. 168–170.

18. Hancock P. Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis. Farnham, England/Burlington, VT: Ashgate, 2009. 184 p. DOI: 10.1201/9781315248905.

19. Brinns R. Fairness in Machine Learning: Lessons from Political Philosophy // Conference on Fairness, Accountability and Transparency. New York, 2018. Pp. 149–159.

20. Какорина Е. В. Интернет через зеркало метафоры // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil. / В. Тошковић, А. Wonisch (Hg./ur.). Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. Pp. 65–87.

21. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука, 2019. 400 с.

22. Филиппович Ю. Н., Родионов Е. В., Черкасова Г. А. Языковые средства диалога человека с ЭВМ. М.: Высшая школа, 1990. 159 с.

23. Занадворова А. В. Коммуникативные неудачи при общении с компьютером // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М.: ИРЯ РАН, 2003. 452 с. С. 423–426.

24. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.

25. Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М.: Ад Маргинем, 2019. 304 с.

Сведения об авторе

Маринова Елена Вячеславовна, доктор филологических наук; Нижегородский государственный лингвистический университет; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; e-mail: marinova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>.

Для цитирования

Маринова Е. В. Опозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

References

1. Volkov, V. V. Artificial "Intelligence" and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguomental Aspects). RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, no. 11, pp. 745–759, 2020. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774 (In Rus.).

2. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. (In Engl.)

3. Baricco, A. The Game. M: KoLibri, 2019. (In Rus.)

4. Zizek, S. Cyberspace, or the Unbearable Isolation of Being. Kino art, no. 1. Web. 20.03.2022. <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (In Rus.)

5. Lovink, G. Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation, Cambridge and Malden: Polity, 2016. (In Engl.)

6. Morozov, E. The Internet as an Illusion. The Reverse Side of the Network. M: AST, 2014. (In Rus.)

7. Morozov, E. Techno Hate: How the Internet Has Weaned Us from Thinking. M: Common place, 2014. (In Rus.)

8. Harari, Yu. N. 21 Lessons for the 21st Century. M.: Sindbad, 2019. (In Rus.)

9. Eco, U. The Curse of Satan. Chronicles of the Fluid Society. M: AST, 2018. (In Rus.)

10. Mazis, G. Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries. Albany, NY: SUNY Press, 2008. (In Engl.)

11. Sloterdijk, P., Haynrihs, G.-Yu. The Sun and Death. Dialogical research. SPb: Ivan Limbakh Press, 2015. (In Rus.)

12. Rostova, N. N. The Human at the Border of the Animal World. Tomsk State University Journal, no. 446, pp. 68–75, 2019. (In Rus.) DOI: 10.17223/15617793/446/9.
13. Shevtsova, G. A., Batishchev, S. A. Artificial Intelligence: System Machine or the Equivalent of Biological System. Machines. People. Values. Cognitive and Socio-Cultural Systems in the Flow of Time, Proceedings II International Scientific Conference. Kurgan: 22–23 April 2021: 101–103. (In Rus.)
14. Romashchenko, A. A. Man-Machine and the Effect of Delayed Death in European Culture. Machines. People. Values. Cognitive and Socio-Cultural Systems in the Flow of Time, Proceedings II International Scientific Conference. Kurgan: 22–23 April 2021: 160–162. (In Rus.)
15. Rajani S. Artificial Intelligence – Man or Machine. International Journal of Technology and Knowledge Management, no. 4, pp. 173–176, 2011.
16. Commerford B., Dennis S., Joe J., and Ulla J. Man versus machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence. Journal of Accounting Research, no. 60, pp. 171–201, 2020.
17. Spyatnitskaya, A. S. About the Possibility of the Android's Theodicy. Machines. People. Values. Cognitive and Socio-Cultural Systems in the Flow of Time, Proceedings II International Scientific Conference. Kurgan: 22–23 April 2021: 168–170. (In Rus.)
18. Hancock, P. Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis. Farnham, England/Burlington, VT: Ashgate, 2009. DOI: 10.1201/9781315248905. (In Engl.)
19. Brinns, R. Fairness in Machine Learning: Lessons from Political Philosophy. Conference on Fairness, Accountability and Transparency, 2018: 149–159. (In Engl.)
20. Kakorina, E. V. The Internet through the Mirror of Metaphor. The Interaction of the Internet and Stylistics, the Internet and Style. Toshovich, B., Wonisch A. (Ed.). Graz: Institut Slavistiki Grazkogo universiteta Karla Frantsensa, 2016: 65–78. (In Rus.)
21. Huizinga, J. Homo ludens. SPb: Azbuka. 2019. (In Rus.)
22. Filippovich, Yu. N., Rodionov, E. V. Language Means of Human-Computer Dialogue. M: Vysshaya shkola, 1990. (In Rus.)
23. Znadvorova, A. V. Communication Failures during Communicating with a Computer // Rusistika na poroge XXI veka, Proceedings of the International Scientific Conference. M: IRY RAN, 2003: 423–426. (In Rus.)
24. Sklyarevskaya, G. N. The Metaphors in the System of Language. SPb: Philological Faculty of SPbGU, 2004. (In Rus.)
25. Lovink, G. Critical Theory of the Internet. M: Ad Marginem. (In Rus.)

Information about author

Marinova Elena V., Doctor of Philology; Nizhny Novgorod State Linguistic University; 31a Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; e-mail: marinova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>.

For citation

Marinova E. V. The Opposition “Man – Machine” in the Language Picture of the World of the 21 Century // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170.

Received: April 11, 2022; approved after reviewing May 13, 2022; accepted for publication May 16, 2022.

Научная статья**УДК 070****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-171-180****Прошлое и настоящее в медийной среде: ценностный резонанс****Виктор Александрович Сидоров***Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия*
v.sidorov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>

В статье поднимается вопрос об особых свойствах современной медийной среды, способной выступать во многих социальных ролях – информатора, резонера, архиватора и т. д. Самые разноплановые тексты в латентном виде пребывают «на полках» сетевого пространства, но однажды сведённые в одном смысловом поле способны вызвать в аудитории кумулятивный эффект, резонируя ценности прошлого в настоящем, актуализируя их. Это явление непосредственно связано с феноменом исторической памяти, которая присуща как обществу в целом, так и его массмедиа, во многом предопределяет поведение современника. Изучение актуальных вопросов исторической памяти социума, в том числе его медийной среды, стало неотъемлемой частью научных исследований философов, культурологов, теоретиков журналистики. Таким образом, актуальность статьи определяется запросами как со стороны науки, так и со стороны практики – углубление кризисных ситуаций в мире привело к востребованности анализа проявлений исторической памяти в современных массмедиа. Историческая память амбивалентна, её присутствие в общественном сознании отмечено неоднозначными оценками и подходами к фактам истории, их значению в современной политической и культурной жизни. Тем важнее понять, как в медийной среде наших дней происходит стыковка идейно-нравственных компонентов прошлого и настоящего, в какой мере они могут резонировать, следовательно, включиться в созидательную практику гуманистически ориентированных массмедиа. Поэтому целью исследования стало определение герменевтических возможностей студенческой молодёжи по интерпретации исторически значимого журналистского текста, данного в сопоставлении с политически актуальным текстом современной медийной среды. Соответственно составлена программа проведения фокус-группы из числа студентов – будущих журналистов, специализирующихся на вопросах медиа и культуры общества. На обсуждение вынесены разделённые более чем полувековой дистанцией тексты очерка журналиста-известинца Анатолия Аграновского «Столкновение» (1963) и беседы журналиста-блогера Юрия Подольца (2022). Результаты фокус-группы показали, что в актуальном поле смыслов ценности прошлого эффективно резонируют с настоящим, а их интерпретация аудиторией ведёт к переоценке идеологии как составляющей общественного сознания в сторону подчёркивания острой необходимости в создании объединяющей идеологии в жизнедеятельности современного российского общества.

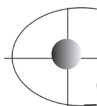
Ключевые слова: медийная среда, массмедиа, аудитория, историческая память, ценностный резонанс, культура, политика

Original article**Past and Present in the Media Environment: Value Resonance****Viktor A. Sidorov***Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*
v.sidorov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>

The article raises the question of the special properties of the modern media environment, capable of playing many social roles – an informer, a reasoner, an archiver, etc. The most diverse texts in a latent form are “on the shelves” of the network space, but once brought together in one semantic field they are capable of causing the cumulative effect on the audience, resonating the values of the past in the present, actualizing them. This phenomenon is directly related to the phenomenon of historical memory, which is inherent in both society as a whole and its mass media, largely determines the behavior of a contemporary. The study of topical issues of the historical memory of the society, including its media environment, has become an integral part of the scientific research of philosophers, culturalologists, and journalism theorists. Thus, the relevance of this article is determined by the requests from both science and practice – the deepening of crisis situations in the world

© Сидоров В. А., 2022

has led to the demand for analysis of the manifestations of historical memory in modern mass media. Historical memory is ambivalent, its presence in the public consciousness is always marked by ambiguous assessments and approaches to the facts of history and their significance in modern political and cultural life. It is all the more important to understand how the ideological and moral components of the past and the present are docking in the media environment of our days, to what extent they can resonate and, therefore, be included in the creative practice of the humanistically oriented mass media. Therefore, the purpose of the study was to determine the hermeneutic possibilities of the student youth in interpreting a historically significant journalistic text given in comparison with the politically relevant text of the modern media environment. Accordingly, a focus group program was drawn up from among students – future journalists specializing in media and society culture. Separated by more than half a century, the texts of the essay “Clash” (1963) by the “Izvestia” journalist Anatoly Agranovsky and the conversations of the journalist-blogger Yury Podolyaka (2022) were submitted for discussion. The results of the focus group showed that in the actual field of meanings, the values of the past effectively resonate with the present, and their interpretation by the audience leads to a reassessment of the ideology as a component of the public consciousness in the direction of emphasizing the urgent need to create a unifying ideology in the life of modern Russian society.

Keywords: media environment, mass media, audience, historical memory, value resonance, culture, politics.

Введение. Исследование вопросов исторической памяти и её соотнесённости с актуальными социокультурными процессами давно перестало быть уделом исключительно академического дискурса – настало время, когда «кончается искусство, И дышат почва и судьба». В настоящее время историческая память гораздо больше, чем волнение ума на досуге, она уже во многом предопределяет решения и поступки современника. Отныне изучение самых разных аспектов исторической памяти социума, в том числе медийной среды, – неотъемлемая часть работ философов, культурологов, теоретиков журналистики, аксиологии массмедиа. Динамично формирующееся и всегда обновляемое медийное пространство предстало перед исследователем не просто средой информационных источников и конфликтов, но обрело черты социальной субъектности, предопределяющей поведение человека. «Информационное поле конфликтов разрабатывается тщательнее, чем военная операция... для формирования политических убеждений людей» [1, с. 434].

Не случайно то значение, которое в современном мире придаётся информационным пространствам, где разворачиваются идеологические конфликты, в свою очередь непосредственно влияющие на события в их традиционном формате. И дело не столько в совершенствуемых технологиях, сколько в их социальном протекании, что касается и вопросов исторической памяти, так как «медиа существенно влияют на реальность истории, делая её в высшей степени субъективно ориентированной» [2, с. 359]. Философы усматривают в медийности исторической памяти особенности общественного

сознания массового общества: «Основу исторической памяти человека и общества создаёт та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится» [3, с. 185]. Состояние этой среды, в свою очередь, подвержено интенсивному воздействию со стороны властной элиты социума. «Правящие элиты не только и не столько реализуют интересы граждан, сколько формируют восприятие и понимание ими реальности, фактически формируя ожидания, надежды, опасения и другие интересы и запросы» [4, с. 7–8]. Более того, даже саму политику следует изучать как «символическую форму» [5, с. 2], в которую её облакает медийная реальность.

В настоящее время многие аналитики рассматривают информационную среду как определяющую причину медиаповедения социальных институтов, индивидов и их общностей. Не случайно, что в своё время Дж. Томпсон определил роль институционально установленных медиа не только в качестве передающих сообщения, но и «транслирующих образцы культуры, конструирующих современное общество» [6, с. 46]. В такие конструкции встроены проявления исторической памяти общества с их историко-культурной символикой, выражающей «доминирующие в обществе ценности... Культурно-исторические символы – часть общественного сознания» [7, с. 77–78]. Утверждая социально-политическую субъектность информационной среды, обратим внимание на идею генеративности медиа. Они (медиа) включены в информационное посредничество, содействуя в то же время изменению форм восприятия переносимой информации: это означает, что

«социальные изменения и изменения в характере медиа осуществляются комплексно и взаимосвязано» [8, с. 60].

Тем не менее, придерживаясь тех же представлений о происходящих в медийной среде явлениях и частично подтвердив их [см.: 9, с. 82–116], не станем спешить с приданием медиасреде свойств антропоморфности, но отметим, что эта идея имеет своих предтеч. Так, М. Маклюэн разработал понимание контекстуальности медиа как свойство вводить людей в коммуникационную среду, с её правилами самоидентификации. Позднее Ф. Киттлер выдвинул тезис о «медиальном априори»: ценности, определяемые социальным опытом человека, в своём основании опираются на медиаотношения, на «сеть, состоящую из техник и институтов, которая в рамках определённой культуры осуществляет функции адресации, сохранения и переработки релевантных данных» [10, с. 501]. Таким образом, медиа воплощают в себе социальные практики, не случайно М. Маклюэн и Ф. Киттлер наделяют их интегративной силой и неразрывной связью с воплощаемыми ими социальными практиками – что важно для изучения политических резонансов.

Эти замечания непосредственно затрагивают и вопрос об исторической памяти общества в его информационном пространстве. Как и в минувшие эпохи, так и в настоящее время историческая память основана на мифе, апелляции которого «к прошедшему создают внеисторическую конструкцию, где народ – вечная и неизменяемая целостность» [11, с. 149]. Любые конструкции такого рода – «инструмент решения политических проблем *ситуативного* характера» [12, с. 227]. Между тем, рассматривая практики медийных полей, мы полагаем, что обращение в них к страницам прошлого может иметь под собой построение исторически оправданных конструкций с ценностной преемственностью эпох.

Обращение общественного сознания к страницам истории двояко. С одной стороны, историческая память в её медийном символическом выражении – неотъемлемая часть культурного фонда общества, является основанием для решения вставших перед ним проблем, с другой – на уровне массового сознания медийное клише, чрезвычайно удобное средство в руках манипуляторов от идеологии. Но и эта дифференциация

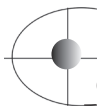
не окончательна: «примерно с 2012 г. существенно изменилась оперативная символическая политика “сверху”. Политическая элита заговорила на языке культурной памяти (включая советский опыт)» [13, с. 11].

Можно заключить, что не случайно то внимание к исторической памяти, которое уделяют ей политики, представители культуры, академического сообщества, учащаяся молодёжь – в связи с обострением международной обстановки в 2022 г. интерпретации прошлого приобрели исключительное значение для понимания будущего России. В этой ситуации в равной мере опасно и завышение оценок, и социальная амнезия: «общество, лишённое памяти, перестанет ощущать себя субъектом истории» [14, с. 19]. Естественно, что прошлое не раскрывается без специальных навыков, нужна соответствующая культурная подготовка, требуется специальный социокод – «событийный и персонифицированный источник, первоначала культуры и памяти общности, наполненный сакральным и конвенциональными смыслами» [12, с. 231]. Социокод – готовность общественного сознания вступать в *резонанс* со смыслами исторической памяти. Исследователям «очевидна связь политических резонансов с функционалом медиа, однако не исследован в полной мере резонансный потенциал самих СМК, а формирование и преобразование политических резонансов не всегда рассматриваются в качестве основополагающих медиафункций» [8, с. 58].

В этом контексте целью исследования стало определение герменевтических возможностей студенческой молодёжи в интерпретации исторически значимого журналистского текста, данного в сопоставлении с политически актуальным текстом современной медийной среды.

Методология и методы исследования. Исследование, в основу которого положено проведение серии фокус-групп, представляет собой раздел междуниверситетского научного проекта по разработке медиааксиологии¹, нацелено на изучение особой социальности цифрового пространства – медиасоциума, его ценностной стратификации. Тезис о специфике стратификации

¹ В реализации междуниверситетского проекта (2022–2024) принимают участие учёные Забайкальского университета, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, СПбГУ, Челябинского университета; редакционный совет: В. А. Сидоров, С. В. Курушкин, К. Р. Нигматуллина.

медиасоциума согласуется с выводами учёных, для которых ценности воспринимаются «движущей силой деятельности социальных субъектов. В этом важнейшая праксиологическая значимость ценностей, ценностных установок и действий в социоантропном бытии» [15, с. 49]. Аксиология, несмотря на свой теоретический облик, несёт в себе все задатки к применению в исследованиях современной цифровой медиасреды. Так что новизна решаемой задачи заключается в «соединении аксиологического дискурса с политической медийной практикой» [16, с. 396].

Эмпирическая база исследования – результаты проведения фокус-группы вместе со студентами магистратуры (СПбГУ). К обсуждению были предложены два медийных документа – очерк и беседа: известный очерк Анатолия Аграновского «Столкновение»¹, опубликованный в 1963 г. газетой «Известия», и интервью журналиста-блогера Юрия Подоляки о ходе «специальной военной операции на Украине»², которая началась 24 февраля 2022 г. Обсуждение публицистических выступлений разных эпох сосредоточилось на общем для текстов дискуссии смысловом поле – идейно-философском, выраженном в столкновении мировоззрений, гражданских и нравственных начал личности. В связи с чем были сформулированы следующие задачи:

- выделить проблемы двух социумов в их ценностном выражении;
- оценить готовность российского общества позитивно реагировать на проведение «специальной военной операции»;
- определить целесообразность аксиологического анализа проблемных ситуаций в политике и культуре.

Для проведения исследования потребовалось обсудить вопрос о мере объективности понимания участниками фокус-группы текста исторического прошлого, что отражает проблему тождественности восприятия символов памяти, которые когда-то несли в себе иное содержание, но уже не рефлекслируемое молодым человеком XXI в. Это проблема «осмысления возможных ассоциаций, соотношения символических презентаций прошлого и других

направлений работы с содержанием исторической памяти» [13, с. 11]. Так как в наши дни обсуждение исторического пути России и её предназначения, системы внутривнутриполитического устройства и выбора образа действий на международной арене связано с привлечением богатейшего исторического материала, то вопрос верной оценки исторической памяти среди важнейших.

В качестве дискуссионного аспекта методологической базы анализа поставлен вопрос о *ценностном резонансе/диссонансе* исторической памяти в современном ее прочтении/медийной активации. Мы полагаем, что рефлексия сознания на *столкновение* сохраняемых историей ценностей и ценностного содержания событий настоящего в конечном счёте может пролить свет на правомерность поисков в историческом прошлом ответа на жгучие проблемы нашего времени. В современном российском социуме происходят «интенсивный процесс обновления ценностей, определение их приоритетов, резко сужена зона совпадения ведущих ценностей, конфликты не решаются в рамках старых приоритетов и идеалов» [17, с. 137].

Таким образом, метафора замысла статьи – *столкновение* в разных его видах – становится ключевой категорией аксиологического анализа в нашем исследовании, выявляющей в изучаемых текстах присутствие фактов ценностного резонанса исторической памяти, а также их рефлексивного восприятия участниками исследования, небезосновательно подчеркнутыми особенностью любого столкновения в обществе – несовпадение социальных интересов сторон конфликта.

Представление о ценностном резонансе как результате коммуникации между субъектами общения зародилось в психологии и педагогике (в свою очередь по аналогии было почерпнуто из физики). В педагогике феномен понимается как «совпадение (полное или частичное) ценностных ориентаций, транслируемых преподавателем с «ожиданиями» (осознанными или неосознанными) ценностей студентами» [18, с. 143]. Безусловно, такая трактовка ценностного резонанса с определёнными уточнениями может быть перенесена в область теоретико-журналистского знания, особенно в сферу аксиологии массмедиа: возникающее совпадение (опять же частичное или полное)

¹ Аграновский А. Столкновение: Заметки писателя. – М.: Политиздат, 1966. – 263 с.

² Подоляка Ю. Зачем России нужна идеология. – URL: https://vk.com/wall291496944_25137 (дата обращения: 11.03.2022). – Текст: электронный.

ценностных ориентаций автора журналистского произведения и его читателя позволяет оценить эффективность работы журналиста или СМИ.

«Проблема ценностей в предельно широком значении неизбежно возникала в эпохи обесценивания культурной традиции и дискредитации идеологических устоев общества». И тогда расхождение в основаниях ценностной базы общества слишком велико, интенсифицируется динамика перемен. Конечно, «в процессе саморегуляции ценности могут изменяться, но ни разу изменение ценностей не приводило к тотальной смене ценностной парадигмы» [19, с. 265]. Это значит, что между современниками – читателем и автором медийного текста – очень высока вероятность либо частичного совпадения ценностных ориентаций, либо ценностного диссонанса. Гораздо сложнее ответ на вопрос о резонансе ценностных ориентаций автора журналистского текста и его аудитории, если между ними целая эпоха. Ценности разных времён, даже общего этнокультурного происхождения, могут трактоваться по-разному: и через 60 лет то, что подразумевалось автором, совсем иначе считается читателем. К тому же, как известно, «ценности субъектов могут иметь противоположные основания. Во-первых, они могут опираться на нечто сущностное, онтологичное, главное, на константы, каноны бытия. Во-вторых, напротив, ценности могут быть лишь эмпирически обусловлены множеством частных событий. Тогда они опираются на что-либо мимолётное, преходящее, безвекторное, не онтологичное, на релятивистское существование, с отрицанием констант, традиций, фундаментальных знаний» [15, с. 71].

Результаты исследования и их об- суждение. В проведении фокус-группы приняли участие 15 студентов. Запись дискуссии (хронометраж – 3,5 часа) была расшифрована, затем текст расшифровки подвергнут контент-анализу.

Студенты в общей сложности 204 раза обращались к ценностным категориям. Участники фокус-группы сосредоточили свое внимание, прежде всего, на бесспорных ценностях, которые или непосредственно находили в текстах, или выводились ими из фактов, приводимых в журналистских текстах. Последнее означает, что ценности как прошлого, так и настоящего входят в ре-

зонанс восприятия студенческой аудитории. Наглядно это представлено в табл. 1.

Таблица 1

Ценности в центре внимания участников фокус-группы

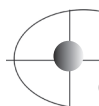
Ценность	Число ценностей	
	соб- ственно обозна- ченные в текстах	интер- прети- руемые в содер- жании тек- стов
Героизм	4	14
Вера, доверие (человека и общества)	2	8
Патриотизм	9	0
Традиционные ценности (любовь, друзья, семья, совесть, честность, ра- бота)	12	14
Коллективизм, «заслуги во благо всех остальных»	7	8
Демократия, мир, гума- низм	0	3
Ответственность за дело перед народом	1	3
Свобода слова, свобода выбора	0	2
Новое сплочение граждан, единство	5	0
Жизнь как ценность	0	9

Теперь посмотрим на то, как участники фокус-группы трактуют те или иные ценности, под каким углом зрения рассматривают их:

– *Сразу оговорюсь, что не буду противопоставлять советскую эпоху и Россию наших дней, буду говорить о людях. В очерке «Столкновение» автор рассказывает о рабочем, который создал ситуацию угрозы жизни для сотен людей, и машинисте, который ценой своей жизни спас пассажиров поезда. Я спрашиваю себя, найдётся ли сейчас такой герой, который рискнет жизнью ради защиты многих жизней? (Дарья).*

– *«Двое жили в одном районе и, должно быть, ни разу не встретились в жизни. Только однажды пересеклись их пути, и одного повели после этого в тюрьму, а другого похоронили в красном гробу, и все паровозы на Графской проводили его гудками», – так автор сталкивает две идеологии, две ценности, две разные системы взглядов (Мариам).*

– *Если через призму советских тек- стов явно просвечивали ценности обще-*

ства – сознательность, чувство долга и ответственности, героизм, стремление к правде, то современная журналистика лишена ценностных оснований и создаёт другую картину мира – мрачную или, что еще хуже, бесцветную (Елена).

– Меня там не было, точно оценить не могу. Но могу поразмыслить над тем, что суть жизни не изменилась, изменились только формы и диапазон возможностей. (Елизавета).

– Пора обратиться к интервью Юрия Подоляки. Одна из главных мыслей блогера – в России острая проблема с ценностями. С началом «специальной военной операции на Украине» всё больше отечественных учёных говорят о том, что культурные ценности россиян сегодня навязаны Западом. Ситуация страшная: западные ценности нам не подошли, а от своих, традиционных, откестились (Анастасия).

– ...необходимо вернуть доверие граждан. ...Без крепкого ценностного фундамента невозможно устойчивое развитие общества (Роман).

– Нам всем не хватает любви к Родине. Такую любовь важно воспитывать с детства, чтобы повзрослевший ребёнок не мечтал сбежать в другую страну, чтобы, когда весь мир резко восстаёт против твоей страны, он не шёл поддерживать остальную мир, а не свою страну, которой эта поддержка сейчас всего нужнее. Вспомним ещё раз «Столкновение»: жить безразлично, выбирая собственный комфорт, или жить, опираясь на ценности, помогая другим? (Анна).

– Хочется верить, что растёт новое поколение, которое хочет создать, построить, придумать, изобрести что-то новое, что-то лучшее. Однако это прямо как в детской песочнице в игре с песочными куличиками – один их лепит, а другой ломает. И хорошо, если найдётся тот, кто защитит твой куличик, или ты сам расхрабришься и дашь отпор, но так, увы, происходит не часто (Дарья).

Конечно, респонденты далеки от объективного взгляда на прошлое, сказывается амбивалентность исторической памяти. В настоящее время её проявления заметны на всех уровнях общественного сознания, в том числе в медийной среде. Отчего мировоззрение студенчества неустойчивое и, казалось бы, должно диссонировать с вер-

бальными и невербальными текстами ушедшей эпохи. Вместе с тем предположение не подтвердилось: студенты, не знакомые с подробностями минувшего, большими и малыми событиями прошлого, верно ухватили то единственное, что соединяет прошлое и настоящее, – ценности повседневного и гражданского бытия человека. Эти ценности востребованы и в наши дни, хотя далеко не всегда реализуются. Тем не менее воспринимаются молодыми людьми, считаются ими в документах разных эпох как актуальные. Прав В. Вермейстер, когда писал, что «жизнь имеет значимость только тогда, когда есть поиски ценностей». В противном случае, считал философ, наше существование было бы «только “мостом к будущему”, лишённому собственной значимости и смысла» [20, с. 69].

Отмеченные в табл. 1 и приведённых высказываниях респондентов ценности, с которыми резонирует коллективное мнение участников фокус-группы, в главном почерпнуты из очерка А. Аграновского. Так что ценностный резонанс смыслов минувшей эпохи в их движении к пониманию настоящего состоялся. Следовательно, ретроспектива журналистики не бездейственна, она способна влиять на умонастроения наших современников. На этом фоне важно понять, что в восприятии беседы Юрия Подоляки студенты выделяют не сами ценности, а их отсутствие в современной журналистике и обществе в целом, потому что, как отмечают респонденты, в общественном сознании преобладают ложные ценностные установки. Не случайно участники фокус-группы пошли дальше, сформулировав растущую потребность молодёжи и всего российского социума в объединяющей идеологии (табл. 2).

Таблица 2

Участники фокус-группы о необходимости идеологии в России

Потребности общества в идеологии: факторы актуализации	Выявленные респондентами	
	в очерке А. Аграновского «Столкновение»	в тексте беседы Ю. Подоляки
Разрушение мировоззренческих установок, отсутствие идейных предпосылок в жизни социума	4	58

Окончание табл. 2

Потребности общества в идеологии: факторы актуализации	Выявленные респондентами	
	в очерке А. Аграновского «Столкновение»	в тексте беседы Ю. Подоляки
Отсутствие ценностных установок в становлении личности	5	1
Доминирование ложных ценностных установок («Деньги как главная ценность», отрицание коллективизма)	0	6
Поражение в информационной войне	0	3

Приведённые в табл. 2 данные, конечно, более ~~характерны настоящего времени~~. Никак не связывает эпохи выраженная студентами потребность в идеологии. Но и не обозначает радикального их несоответствия, потому что идентичны ценности очеркиста, блогера и их молодёжной аудитории XXI в. В созданном фокус-группой континууме направление движения ценностей как из прошлого к настоящему, так и встречное, за счёт чего и осуществляется ценностный резонанс, доказывающий историко-культурное родство эпох и преемственность в его духовно-нравственной динамике. Однако в движении от современных реалий всё это носит особенно злободневный характер.

Потребность в ценности идеологических скреп снова на повестке дня, она пронизывает как общество, так и его массмедиа, причём с удвоенной силой, что продиктовано острыми политическими коллизиями, соответствующими времени проведения фокус-группы. Всё это находит своё подтверждение в рассуждениях респондентов:

– *Россия XXI века нуждается в объединяющей идеологии. Юрий Подоляка отмечает, что сейчас идеология в России аморфная. Сложно не согласиться. В представлении Юрия Подоляки идеологически заряженное общество всегда готово на жертвы ради достижения цели. Так было во время Великой Отечественной войны, когда все лозунги были направлены на мобилизацию («Всё для фронта, всё для Победы!») (Мариам).*

– *Тогда работала идеология, вера в будущее и понимание того, что твоя страна делает всё, чтобы ты жил в счастье. Об-*

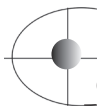
щество верило в это и даже в самые сложные годы не теряло себя. Идеология – одна из самых мощных скреп общества. Отрицание идеологии во многом построено на западных пониманиях устройства мира, что сейчас, на фоне «отмены» России, ставит страну в слабую позицию (Никита).

– *На примере двух журналистских текстов разного времени можно сопоставить значимость человеческих ценностей и идеологий в прошлом и настоящем (Дина).*

– *Ведь что такое идеология? Идеология сродни вере. Это первый ответ на вопрос, как поступать в условиях неопределённости и растерянности. Есть много идеологических моделей, основанных на имперском прошлом, православии и т. д. Но культурный и исторический контекст меняется. Однако единый фундамент по-прежнему необходим такой огромной стране, чтобы сохранить её целостность и обеспечить жизнеспособность. Идеология должна быть нацелена и на ближайших соседей и союзников, на близкие по духу нации. Жизнь, лишённая смысла, тягостна. Кризис пропаганды, отсутствие идеологии с конкретными целями и задачами стимулируют раскол общества: рушатся семьи, близкие люди ссорятся, протестные настроения растут (Роман).*

– *Здесь кстати слова Юрия Подоляки о том, что человек, понимая идеологию государства, не будет долго раздумывать над решением каких-либо оперативных вопросов. И подтверждением тому утро 24 февраля: в стране переполох, большинство людей не понимают, что происходит и какую сторону необходимо занять (а занять какую-то нужно), обращаются к новостям. А в новостях неразбериха – нет конкретной позиции. Люди разделились, причём кардинально. Что это? Отсутствие идеологии, активная работа журналистов из разных лагерей? Как действовать журналистам без знания, как «правильно» и «нужно»? Юрий Подоляка твёрд – современной России идеология нужна. Потому что вся наша история – это борьба с объединённым Западом... А мы пошли в огонь без оружия и попали под давление Запада в разгоревшейся информационной войне (Ольга).*

– *Идеологически заряженное общество действует сообща и рационально ради достижения цели. Россия должна выиграть*

это сражение, в это хочется верить, хотя уровень непонимания происходящего и разобщения российского народа на пределе (Елизавета).

– Идеология помогает человеку делать то, что при других условиях он бы никогда не сделал. И для победы (говору не только о боевых действиях) нужна идеология. Противостоят могут и нравственные ценности. В очерке «Столкновение» у машиниста Ведринцева не было варианта в выборе: спасать пассажиров или спастись самому. Для него, как и для тех, кто в сорок первом уходил на войну, было понятно, за что погибать – ради жизни других. За его поступком вся сила внутренних нравственных установок: поступить по совести. Так проявилась его идеология с желанием помочь другим и верой в то, что так на его месте поступил бы каждый (Анна).

Закключение. Историческая память общества обладает амбивалентным характером и находится в непрерывной динамике, прежде всего, в массмедиа. Медийная среда по-своему генерирует взаимодействие с исторической памятью: она не только выражает её, но и создаёт условия её резонанса в общественном сознании. Массмедиа – это только определённая часть цифровой среды в целом, в которой информационно представлены все явления жизни социума – политика, экономика, культура, различные области научного знания, в том числе история. Однако история выступает в медийной среде не столько в форме научного знания, сколько в произвольных трактовках лидеров мнений массового общества и самого массового человека. Между тем историческая память в её культурном выражении не вписывается ни в один из названных аспектов функционирования истории в медийном пространстве. Проявление истории складывается из целого ряда компонентов – как традиционных, так и новообразованных.

Предпринимаемое учёными сопоставление исторической, социальной и культурной памяти закономерно и восходит к наличию в культуре этноса всеми признаваемого ядра культуры. Современная медийная реальность не могла не вобрать в себя ядро культуры, и это, естественно, сказывается на содержании любого медиадискурса, затрагивающего вопросы исторической памяти. При этом медийность обладает ещё од-

ним чрезвычайно важным качеством – она архивирует в своей среде многочисленные артефакты прошлого и настоящего. На практике это означает, что любая информация, так или иначе мелькнувшая в сетевом пространстве, не исчезает без следа, она оседает в архивных слоях медиа, проникает в культурное ядро социума, которое становится культурным ядром уже медиасоциума.

Это означает, что через призму практик медийной среды артефакты давно минувшего могут вызвать в аудитории неподдельный интерес, иначе говоря, быть актуально прочитанными. Поэтому на примере сопоставления произведений очеркиста (1963) и блогера (2022) оказалось возможным выделение ценностно выраженных проблем двух социумов – прошлого, советского, и настоящего, российского. И хотя участники фокус-групп в основном останавливались на бесспорных ценностях, обнаруженных ими в очерке А. Аграновского, тем не менее, по мере углубления дискуссии студенты всё отчётливее говорили об этих ценностях как отсутствующих в современном общественном сознании, всякий раз переводили свой разговор на язык актуальных проблем в текущей медийной реальности.

Примечательно, что по ходу дискуссии её участники не взяли на себя ответственность как-либо комментировать вопрос о готовности российского общества позитивно/негативно реагировать на проведение «специальной военной операции на Украине». Зато, интерпретируя журналистские тексты, они поставили на обсуждение более злободневный вопрос – о потребности в создании объединяющей общество идеологии, которую респонденты нашли в прошлом, но не видят в настоящем, и в этом они оказались солидарны с важнейшими посылами публицистики Ю. Подоляки. Более чем за три часа дискуссии её участники многократно (68 раз) в той или иной форме обращались к вопросам идеологии, рассматривая её в качестве культурного достояния социума, неотъемлемой части общественного сознания и государственного интереса. Таким образом, по всем основным направлениям дискуссии обнаружен ценностный резонанс представлений прошлого и настоящего, за счёт которого усиливается актуальность суждений респондентов.

Участники фокус-группы высоко оценили возможности ценностного анализа медийных

текстов. По мнению опрошенных, аксиология массмедиа может выступать как надёжный

инструмент анализа актуальных проблемных ситуаций в политике и культуре.

Список литературы

1. Козлова Н. Г. Медиатизация культуры и мифы современности // Современные исследования социальных проблем. Текст: электронный // Modern Research of Social Problems. 2015. No. 8. www.sisp.nkras.ru. URL: <https://soc-journal.ru> (дата обращения: 22.03.2022).
2. Артамонов Д. С., Тихонова, С. В. Медиатизация истории и проблемы исторического образования в цифровом мире // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук: материалы VIII Международной научной конференции / под общ. ред. Ю. Ю. Андреевой, И. Э. Рахимбаевой. Саратов, 2020. С. 357–365.
3. Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1. С. 181–187.
4. Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publishing company, 1971. 188. p.
5. Edelman, M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. 201 p.
6. Thompson J. B. Media and Modernity: A Social Theory of the Media. Cambridge, 1995. 328 p.
7. Горин И. Н., Менщиков В. В. Культурно-исторические символы и историческая память // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 74–78.
8. Андреев А. В. Политические резонансы в системе коммуникации: предыстория концепта и становление методологии исследования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 58–68.
9. Коммуникативные агрессии XXI века: монография. СПб.: Алетейя, 2019. 254 с.
10. Kittler F. Aufschreibesysteme 1800–1900. Muenchen, 1985.
11. Борисова Т. В. Роль символа в исторической памяти социума // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2019. № 1. С. 145–153.
12. Логунова, Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1, ч. 2. С. 227–253.
13. Тульчинский Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10–13.
14. Бойцов В. Н. Проблема сохранения исторической памяти: история и современность // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2021. № 4. С. 18–23.
15. Панарин В. И., Пучков О. Э., Пфаненштиль И. А., Яценко М. П. Эволюция аксиологии и её роль в решении актуальных социально-философских проблем развития ноосферы // Вестник Института развития ноосферы. 2020. № 3. С. 33–77.
16. Kluckhohn C. Values and Value-Orientations in the Theory of Action: An Exploration in Definition and Classification // Toward a General Theory of Action / T. Parsons, E. Shils. Cambridge: Harvard University Press, 1951. Pp. 388–433.
17. Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Особенности профессиональной культуры журналиста цифровой эпохи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2. С. 134–141.
18. Ольховая Т. А. Аксиологический аспект проблемы становления субъектности студентов университета // Новые педагогические исследования. 2007. № 2. С. 142–146.
19. Авдеева И. А. Формирование ценностей как философская, социальная и культурологическая проблема // Вестник Тамбовского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 257–268.
20. Werkmeister, William H. A Value-perspective on Human Existence // Value and valuation. Axiological Studies in Honor / R. S. Hartman, J. W. Davis. Knoxville: The university of Tennessee. 1972. 331. p.

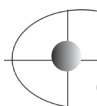
Информация об авторе

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

Для цитирования

Сидоров В. А. Прошлое и настоящее в медийной среде: ценностный резонанс // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 171–180. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-171-180.

Статья поступила в редакцию 16.04.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 21.05.2022.

References

1. Kozlova, N. G. Mediatization of culture and myths of modernity, *Modern Research of Social Problems* (electronic scientific journal), no. 8, 2015. www.sisp.nkras.ru. Web. 22.03.2022. (In Rus.)
2. Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. Mediatization of history and problems of historical education in the digital world. *Modern cultural and educational space of the humanities and social sciences: Mater. VIII Intern. scientific conference / ed. by Yu. Yu. Andreeva, I. E. Rakhimbaeva. Saratov, 2020: 357–365.* (In Rus.)
3. Tyukina, L. A. Memory and historical memory: correlation of concept. *Upper Volga Philological Bulletin*, no. 1, pp. 181–187, 2020. (In Rus.)
4. Edelman, M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence.* Chicago: Markham publishing company, 1971. (In Engl.)
5. Edelman, M. *The symbolic uses of politics.* Urbana Univ. of Illinois press, 1964. (In Engl.)
6. Thompson, J. B. *Media and Modernity: A Social Theory of the Media.* Cambridge, 1995. (In Engl.)
7. Gorin, I. N., Menshchikov, V. V. Cultural and historical symbols and historical memory. *Historical and pedagogical readings*, no. 11, pp. 74–78, 2007. (In Rus.)
8. Andreev, A. V. Political resonances in the communication system: the background of the concept and the formation of the research methodology. *Bulletin of the Kemerovo State University. University of culture and arts*, no. 43, pp. 58–68, 2018. (In Rus.)
9. *Communicative aggression of the XXI century. Col. monograph.* St. Petersburg: Aleteyya, 2019. (In Rus.)
10. Kittler, F. *Aufschreibesysteme 1800/1900.* Muenchen, 1985.
11. Borisova, T. V. The role of the symbol in the historical memory of society. *Bulletin of the Samara State University. Ser. Philosophy*, no. 1, pp. 145–153, 2019. (In Rus.)
12. Logunova, L. Yu. Historical and social memory: paradoxes and meanings. *Ideas and ideals*, no. 1, pp. 227–253, 2019. (In Engl.)
13. Tulchinsky, G. L. Correlation of historical and cultural memory: oblivion practices. *Socio-political sciences*, no. 4, pp. 10–13, 2016. (In Rus.)
14. Boytsov, V. N. The problem of preserving historical memory: history and modernity. *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces*, no. 4, pp. 18–23, 2021. (In Rus.)
15. Panarin, V. I., Puchkov, O. E., Pfanenshtil, I. A., Yatsenko, M. P. Evolution of axiology and its role in solving urgent socio-philosophical problems of the development of the noosphere. *Bulletin of the Institute for the Development of the Noosphere*, no. 3, pp. 33–77, 2020. (In Rus.)
16. Kluckhohn, C. Values and Value-Orientations in the Theory of Action: An Exploration in Definition and Classification. // Parsons, T. and Shils, E., Eds., *Toward a General Theory of Action*, Harvard University Press, Cambridge, 1951: 388–433. (In Engl.)
17. Oleshko, V. F. Features of the professional culture of a journalist of the digital era. *Sign: the problematic field of media education*, no. 2, pp. 134–141, 2019. (In Rus.)
18. Olkhovaya, T. A. Axiological aspect of the problem of the formation of subjectivity of university students. *New pedagogical research*, no. 2, pp. 142–146, 2007. (In Rus.)
19. Avdeeva, I. A. Formation of values as a philosophical, social and cultural problem. *Bulletin of Tambov State University*, issue 3, pp. 257–268, 2012. (In Rus.)
20. Werkmeister, William H. *A Value-Perspective on Human Existence. Value and valuation. Axiological Studies in Honor of Robert S. Hartman.* Ed. by J. W. Davis. The university of Tennessee. Press Knoxville. 1972: 331. (In Engl.)

Information about author

Sidorov Viktor A., Doctor of Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

For citation

Sidorov V. A. Past and Present in the Media Environment: Value Resonance // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 171–180. DOI: [10.21209/1996-7853-2022-17-2-171-180](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-2-171-180).

Received: April 16, 2022; approved after reviewing May 19, 2022; accepted for publication May 21, 2022.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья**УДК 654. 197, 070****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-181-191****Этнокультурная тематика в средствах массовой информации: типологический обзор****Екатерина Константиновна Рева***Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия*
reva.ek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7646-9663>

Актуальность исследования обусловлена тем, что этнокультурное многообразие Российской Федерации находит отражение в средствах массовой информации, действует Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., предполагающая наряду с имеющимися направлениями информационное обеспечение государственной национальной политики, отметим, что тематически 2022 год является Годом культурного наследия народов России. В статье представлены результаты качественного анализа материалов средств массовой информации, репрезентирующих традиционную культуру народов Российской Федерации. Эмпирическая база исследования – материалы всех типов федеральных СМИ за период с 2013 г. по настоящее время: периодическая печать, телевидение, радио, информационные агентства (общее количество медийных текстов, теле- и радиопрограмм составляет 100 единиц). На основе типологического, институционального, функционального анализа выявлены компоненты этнокультуры, отражаемые в традиционных медиа (традиции, обычаи, праздники, национальная кухня, национальный костюм, ремёсла и промыслы), определены способы репрезентации уникальной культуры народов России (жанры и форматы, включение сведений об этнокультуре народов России в материалы СМИ, имеющие другую основную тему). Акцентируется функционирование этнокультурной тематики в телевизионных программах, содержание которых направлено на развитие внутреннего туризма, а также в телерепортажах на политические темы. В статье подчёркивается, что этнокультура – неотъемлемая часть жизни этноса, обуславливающая его философию и ментальные особенности. СМИ, отражающие специфику традиционной культуры народов, являются инструментом распространения знаний об их истории и культуре, ресурсом фиксации и хранения информации об этнокультурном многообразии нашей страны. Опираясь на определение хранителей нематериальной культуры, заложенное в законопроект «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», к этой категории правомерно отнести и институт СМИ, имеющий большое значение в формировании этнографической грамотности населения и обеспечении межэтнического согласия. Тема является перспективной в аспекте исследования медийной репрезентации традиционной культуры народов Российской Федерации непосредственно в Год культурного наследия народов России и последующего качественно-количественного анализа отражения этнокультуры в СМИ.

Ключевые слова: государственная национальная политика, этнополитика, межэтнические отношения, этнокультура, народы России, репрезентация, типология СМИ

Original article**Ethnocultural Themes in the Media: Typologicalreview****Ekaterina K. Reva***Penza State University, Penza, Russia*
reva.ek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7646-9663>

The relevance of the study is due to the ethnocultural diversity of the Russian Federation, which is reflected in the media, the action of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, which, along with the existing directions, provides information support for state national policy, and the fact that thematically 2022 is the Year of folk art and intangible cultural heritage of the peoples of Russia. The article presents the results of qualitative analysis of media materials representing the traditional culture of the peoples of the Russian Federation. The empirical basis of the study is materials of all types of federal media for the period from 2013 to the present: periodical printing, television, radio, news agencies. On the basis of typological, institutional, functional analysis, the components of ethnoculture reflected in traditional media (traditions, customs, holidays, national cuisine, national costume, crafts and crafts) were identified, methods of representing

© Reva E. K., 2022

the unique culture of the peoples of Russia (genres and formats, inclusion of information about the ethnoculture of the peoples of Russia in media materials with a different main theme). The functioning of ethnocultural topics is emphasized in television programs, the content of which is aimed at the development of domestic tourism, as well as in television reports on political topics. The article emphasizes that ethnoculture is an integral part of the life of the ethnos, which determines its philosophy and mental features. Media reflecting the specifics of the traditional culture of peoples are a tool for disseminating knowledge about their history and culture, a resource for fixing and storing information about the ethnocultural diversity of our country. Based on the definition of guardians of intangible culture, laid down in the Draft Law "On Intangible Ethno-Cultural Heritage of the Russian Federation", this category is legitimate to include the institution of the media, which is of great importance in the formation of ethnographic literacy of the population and ensuring interethnic harmony. The topic is promising in the aspect of studying the media representation of the traditional culture of the peoples of the Russian Federation directly in the Year of Folk Art and the Intangible Cultural Heritage of Peoples and the subsequent qualitative and quantitative analysis of the reflection of ethnoculture in the media.

Keywords: state national policy, ethnoculture, peoples of Russia, representation

Введение. Россия исторически является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. В нашей стране проживают более 190 народов, являющихся носителями уникальной материальной и духовной культуры, и средства массовой информации, отражая особенности этнической культуры, можно считать инструментом для распространения знания о ней, что, соответственно, способствует повышению этнографической грамотности массовой аудитории, поскольку медиа оказывают существенное влияние на гуманитарное поле общественной жизни [1].

Вопрос отражения культуры народов России в СМИ соответствует направлениям Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2], предусматривающей, в частности, информационное обеспечение реализации государственной национальной политики, развитие этнографического и культурно-познавательного туризма, оздоровительных и рекреационных зон, включающих объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), сохранение и развитие культуры межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации¹. Указанные факторы обуславливают актуальность данного исследования. Кроме того, 2022 год объявлен Президентом России Годом народного искусства и нематериальной культуры народов, что подтверждает значимость изучения представленности данной тематики в СМИ. Председателем Совета Федераций Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (в ред. от 6 дек. 2018 г. № 703). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

и Председателем Государственной Думы Российской Федерации В. В. Володиным 7 апреля 2022 года в Государственную Думу был внесён законопроект «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Политическая повестка дня влияет на информационную, актуализируя тем самым вопросы этнокультуры в нашей стране [3], поэтому исследование носит междисциплинарный характер и учитывает концепции и подходы, используемые в этнополитологии – дисциплине, «изучающей политическую обусловленность этнических явлений и процессов» [3, с. 12].

Теоретическая база исследования представлена работами российских учёных: медиаисследователей (И. И. Волкова [5], А. А. Гладкова [6; 7], А. А. Грабельников, Н. С. Гегелова [8], И. В. Ерофеева [9; 10], В. Л. Музыкант [11], С. А. Ржанова [12], С. П. Суворова [13]), этнологов и этнополитологов (М. А. Аствацатурова [14], В. Ю. Зорин [15; 16], В. К. Малькова [24]) и исследованиями зарубежных авторов [17–21].

Этнокультурная тематика – неотъемлемая составляющая **этножурналистики**, области журналистики, «посвящённой проблемам национальных отношений, рассказывающая о других этнических культурах» [22, с. 303]. Этножурналистику можно представить, с одной стороны, как сферу деятельности журналиста, освещающего межэтнические отношения и жизнь этносов, с другой (в качестве результата этой работы) – как совокупность материалов, опубликованных в газетах и журналах, вышедших в эфир на телевидении или радио, составляющих новостную ленту информационных агентств. Внимание к культуре как значимой категории жизни этноса обусловлено тем, что, согласно С. Хантингтону, «культурные особенности менее подвержены изменениям, чем эко-

номические или политические» [23, с. 33]. Репрезентация традиционных ценностей стратегически, по мнению И. В. Ерофеевой, «есть единственная основа выживания нации. С точки зрения тактики, сохранение самобытности – действенная альтернативная парадигма глобализации под нажимом супердержав» [10, с. 5]. Средствам массовой информации отведена важная функция поддержания «единого информационного, социально-политического и культурного пространства нашей страны», формирования общероссийского гражданского сознания, развития «многих общественных процессов, включая социально-экономическое развитие страны, укрепление общероссийской нации и сохранение межэтнического мира» [24, с. 36–37].

Методология и методы исследования. Для того чтобы определить, как проявляется этнокультурная тематика в средствах массовой информации, рассмотрены все типы традиционных медиа. Исследование проводилось в четыре этапа – в соответствии с типами средств массовой информации. За период действия Стратегии, то есть с 2013 г. и по настоящее время, проведён качественный анализ периодической печати, телевизионных каналов, радиостанций, информационных агентств. В работе учитывался фактор включения СМИ в планы мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹ Для осуществления более полного типоло-

гического обзора СМИ, включающих в свой контент этнокультурную тематику, целесообразно не ограничиваться только перечнем медиа, закреплённых в планах.

В ходе исследования применялись метод типологического анализа, позволившего определить особенности функционирования этнокультурной тематики в разных типах средств массовой информации; институциональный подход, обеспечивший возможность выявить роль средств массовой информации в реализации государственной национальной политики. Кроме того, использовался этнографический подход при выявлении ценностных компонентов этнокультуры, представленных в средствах массовой информации. В тематическом аспекте функционирования этнокультуры в СМИ (функциональный анализ) мы руководствовались направлениями, являющимися базовыми в академической научно-издательской серии «Народы и культуры» (историко-культурная среда, хозяйство, материальная культура, семья и семейный быт, общественный быт, религиозные представления, духовная культура и искусство) [26; 27].

Результаты исследования и их суждение. Этнокультурная тематика представлена в газетах и журналах, в сегменте как качественных, так и массовых изданий, универсальных по тематике и специализированных (на телевидении – на универсальных и тематических каналах), в эфире радиостанций общего формата, на сайтах информационных агентств. Наиболее полно, с точки зрения репрезентации компонентов, этнокультура народов России находит отражение в общественно-политических изданиях. Широкий диапазон тем, свойственный периодике этого типа, позволяет включать в своё содержание и разные аспекты этнокультуры народов России. Анализ «Российской газеты» показал, что в издании были опубликованы материалы о национальной кухне («Тысяча и одно удовольствие»², «В Мордовию – на блины пачат»³, «Осетинские

¹ Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 1226-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/41d47a99d97a4ea0ebf3.pdf> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный; Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 2648-р. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191339/598d00e69f30db7e066057143cad4589eba80a68 (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный; Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. № 2985-р. – URL: <http://government.ru/docs/35300> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 3718-р. – URL: <http://government.ru/docs/44248> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

² Корякин О. Тысяча и одно удовольствие. – Текст: электронный // Российская газета. – 2018. – № 56. – 19 марта. – URL: <https://rg.ru/gazeta/2018/03/19.html> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Зотикова В. В Мордовию – на блины пачат. – Текст: электронный // Российская газета. – 2018. – № 41. – 8 нояб. – URL: <https://rg.ru/2018/11/07/reg-pfo/pochemu-mordovskie-bliny-nuzhno-zapivat-belorusskim-kvasom.html> (дата обращения: 10.03.2022).

пироги князя заказывали 600 лет назад»¹, «Строганина и буза»²), о традиционных ремёслах («Древняя красота Кубачей»³, «Папаха Хабиба»⁴). Каждый материал показывает как место этнокультурного компонента в жизни этноса, так и его символику.

Большим разнообразием материалов этнокультурной тематики отличалась массовая газета «Аргументы недели» в период с 2008 по 2018 г. Именно в это время издание выходило с приложением «Национальный акцент» – проектом Гильдии межэтнической журналистики (в настоящее время концепция издания «Национальный акцент» реализуется на одноимённом сайте, продолжая просветительскую работу, направленную на повышение этнографической грамотности аудитории). Обрядовая, бытовая, спортивная культура народов России, репрезентируемая в издании, показывала широкую географию расселения этносов нашей страны, акцентировала духовные ценности народов, их материальное культурное наследие («Акатуй»⁵, «Счастье взаимны»⁶, «Кавказский регламент»⁷).

В сегменте изданий общественно-политической тематики в 2000-е гг. заметно

¹ Гень Ю. Осетинские пироги князя заказывали 600 лет назад. – Текст: электронный // Российская газета. Неделя. – 2017. – № 5. – 12 янв. – URL: <https://rg.ru/2017/01/12/reg-skfo/razgadan-receptosetinskih-pirogov-600-letnej-davnosti.html> (дата обращения: 10.03.2022).

² Бахарев К., Зотикова В., Корякин О., Кузнецова Т., Ларина А., Мационг Е., Михайлов А., Таюрский В., Шамаева Я. Строганина и буза. – Текст: электронный // Российская газета. – 2019. – № 129. – 18 июня. – URL: <https://rg.ru/2019/06/17/reg-szfo/v-seti-poiavilas-gastronomicheskaia-karta-rossii.html> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Алиев Т. Древняя красота Кубачей. – Текст: электронный // Российская газета. Неделя. – 2020. – № 24. – 5 февр. – URL: <https://rg.ru/2020/02/05/reg-skfo/v-mahachkale-proshla-vystavka-zolotyie-uzory-kubachej.html> (дата обращения: 10.03.2022).

⁴ Алиев Т. Папаха Хабиба. – Текст: электронный // Российская газета. Неделя. – 2020. – № 107. – 20 мая. – URL: <https://rg.ru/2020/05/20/reg-skfo/kak-delaiut-zname-nitye-na-ves-mir-dagestanskije-papahi.html> (дата обращения: 10.03.2022).

⁵ Зайцева Е. Акатуй. – Текст: электронный // Аргументы недели. – 2015. – № 27. – 23 июля. – URL: <https://argumenti.ru/society/n497/408387> (дата обращения: 10.03.2022).

⁶ Маков Ф. Счастье взаимны. – Текст: электронный // Аргументы недели. – 2014. – № 29. – 6 авг. – URL: <https://argumenti.ru/society/n449/357023> (дата обращения: 10.03.2022).

⁷ Николаева П. Кавказский регламент. – Текст: электронный // Аргументы недели. – 2014. – № 48. – 17 дек. – URL: <https://argumenti.ru/society/n468/383172> (дата обращения: 10.03.2022).

выделялся еженедельный журнал «Огонёк», регулярно публиковавший материалы о коренных малочисленных народах России. Н. А. Филиппова наряду с официальным законодательным признаком (численность коренных малочисленных народов России не превышает 50 тысяч представителей) выделяет признак сохранения традиционного образа жизни (признак традиционности) [27, с. 433–434]. По мнению В. А. Тишкова с соавторами, определяя историческую специфику коренных народов российской Арктики необходимо отметить, что «они воплощают в этом регионе культурное, социальное и экологическое наследие уникального образа жизни (своего рода «арктическую цивилизацию»), освоив природную среду и создав системы жизнеобеспечения уже несколько тысяч лет тому назад» [28, с.7]. В отношении коренных малочисленных народов России существует несколько проблем: это вопросы и природопользования, и адаптации традиционной хозяйственной деятельности к современным экономическим условиям, и обеспечение конституционных прав, и сохранение традиционного образа жизни и этнокультуры⁸. Философия, религия, язык, быт, семейный уклад, промыслы бесермян, кереков, нганасан, долган, даргинцев, кайтагцев, ненцев, эвенков широко освещались в прессе; народы ительмены, юги, багулалы также неоднократно становились героями в журналистских публикациях «Огонька» («Олень неразгаданный»⁹, «Детсад на оленьем ходу»¹⁰, «10 малочисленных народов»¹¹, «Непоследние из бесермян»¹², «Ительмены удачи»¹³, «С нивх-

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (в ред. от 6 дек. 2018 г. № 703). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

⁹ Аронов Н. Олень неразгаданный. – Текст: электронный // Огонёк. – 20 апр. – 2015. – № 15. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2708220> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁰ Аронов Н. Детсад на оленьем ходу. – Текст: электронный // Огонёк. – 2015. – № 4. – 2 февр. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2654411> (дата обращения: 10.04.2022).

¹¹ Токарева А. 10 малочисленных народов. – Текст: электронный // Огонёк. – 2013. – № 34. – 2 сент. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2254408> (дата обращения: 10.03.2022).

¹² Волонихин И. Непоследние из бесермян. – Текст: электронный // Огонёк. – 2013. – № 34. – 2 сент. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2264011> (дата обращения: 10.03.2022).

¹³ Бейден И. Ительмены удачи. – Текст: электронный // Огонёк. – 2020. – № 19. – 18 мая. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341770> (дата обращения: 10.03.2022).

ского на Невский»¹). Наряду с этим в журнале представлены материалы, репрезентирующие этнокультурный колорит республик Российской Федерации. Так, в репортаже М. Кожухова о Дагестане² показан и его многонациональный состав, и ремёсла, и традиционные виды искусства, и национальная кухня.

Такой этнокультурный компонент, как национальная кухня, освещается в специализированном ежемесячном журнале «Гастрономъ». Издание публикует рецепты и материалы о специалитетах разных стран; для нас же интерес представляют публикации об особенностях национальной кухни народов России («Хычины, лакумы, мясо яка и другие гастрономические достопримечательности Кабардино-Балкарии»³, «Зечбуресь, россияне!»⁴). Тема национальной кухни проявляет себя и в научно-популярных географических журналах и трэвел-изданиях («Вокруг света», GEO, Traveler). В контексте описания обычая гостеприимства на Северном Кавказе журналисты выделяют и его неотъемлемый элемент – национальное застолье. Обычай гостеприимства, как пишут авторы монографии «Ингуши» из серии «Народы и культуры», своими корнями уходит в далёкое прошлое, «гостеприимство и куначество были вызваны жизненной необходимостью. Путник – гость, был единственным информатором о том, что происходит во внешнем мире [25, с. 278].

Тема кавказского гостеприимства находит отражение в трэвел-журнале Traveler⁵, географическом издании «Вокруг света»⁶.

¹ Гуршал Е. С нивхского на Невский. – Текст: электронный // Огонёк. – 2016. – № 51. – 26 дек. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3175328> (дата обращения: 10.03.2022).

² Кожухов М. Вернуться в Дагестан. – Текст: электронный // Огонёк. – 2015. – № 45. – 16 нояб. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2847502> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Петина О. Хычины, лакумы, мясо яка и другие гастрономические достопримечательности Кабардино-Балкарии. – Текст: электронный // Гастроном. – URL: <https://www.gastronom.ru/text/gastronomicheskij-kvestv-gorah-kabardino-balkarii-1010500> (дата обращения: 10.03.2022).

⁴ Захарова О. Зечбуресь, россияне! // Гастроном. – 2018. – № 9.

⁵ Баженов Т. Страна башен. – Текст: электронный // Traveler. – 2015. – № 3. – URL: <https://nat-geo.ru/travel/televedushchiy-timofey-bazhenov-ob-otdykhe-vingushetii/> (дата обращения: 10.03.2022).

⁶ Сидоров К. Привет, оружие! – Текст: электронный // Вокруг света. – 2016. – № 2. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/244055> (дата обращения: 10.03.2022).

Авторы публикаций отмечают трепетное отношение к гостю, стремление показать ему красоту республики, её национальные особенности. В журнале «Вокруг света» интересны публикации о коренных малочисленных народах России. В ряде публикаций уникальная культура коренных народов показывается через конкретного представителя своего народа. В этом случае, как правило, повествование ведётся от первого лица – герой материала рассказывает о традициях, верованиях, ведении хозяйства («Заглянуть в душу»⁷). Подобные материалы, как правило, сопровождаются справочной информацией о конкретном народе или коренных малочисленных народах в целом⁸.

Типологическая специфика перечисленных журналов обуславливает присутствие этнокультурной тематики в содержании этих изданий: «Огонёк» – общественно-политическое издание, включающее широкий тематический спектр; «Вокруг света» позиционирует себя как ежемесячный познавательный журнал для всей семьи, который рассказывает о путешествиях, исторических событиях, открытиях; Traveler – журнал, реализующий концепцию научно-популярного издания, публикующего материалы о природе, науке, путешествиях.

С точки зрения корреляции типологии периодического издания и его содержания обращает на себя внимание опубликование материала этнокультурной тематики в глянцево-модном женском ежемесячном журнале Elle. Контент издания составляют публикации о модных трендах, новинках индустрии красоты, статьи по астрологии, интервью с известными людьми. В октябре 2021 г. вышел специальный номер журнала – «Elle без границ», посвящённый дружбе народов⁹. Основную часть выпуска составлял фотопроjekt с участием девушек – представительниц республик бывшего СССР и регионов, входящих в состав современной России (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Кабардино-Балкарская Республи-

⁷ Миронова Е. Заглянуть в душу. – Текст: электронный // Вокруг света. – 2017. – № 5. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/270479> (дата обращения: 10.03.2022).

⁸ Желиховская М. М. Голос крови: тундра-самобранка. – Текст: электронный // Вокруг света. – 2020. – № 7. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/338319> (дата обращения: 10.03.2022).

⁹ Elle. – 2021. – № 66. – С. 130.

ка и др.). Наряду с рекламной (фотопроект представлен в разделе «Elle. Мода») материал реализует и просветительскую функцию: каждую серию фотографий предваряет народное изречение, характеризующее ментальность этноса, дана краткая авторская характеристика народа.

Этнокультурная тематика представлена и на радио. В качестве наиболее ярких примеров – «Кавказский акцент» («Радио России»), «Нацвопрос» («Вести FM»). Обе радиостанции входят в состав медиахолдинга ВГТРК, являются государственными станциями, имеющими федеральный (общероссийский) масштаб охвата, универсальные по тематике, разговорно-информационные по формату. «Кавказский акцент»¹ – авторская познавательная-развлекательная программа Николая Мамулашвили о народах Кавказа, прежде всего, Северного Кавказа. Тематика выпусков разнообразна: о родовых и сторожевых башнях как одном из главных символов Кавказа («Символ рода»), о моде, традиционном стиле, вкусах и предпочтениях горцев и горянок («Кавказский стиль»), интервью с руководителем редакции портала «Это Кавказ» («Это Кавказ!»), о парадном оружии, старинных украшениях, шерстяных коврах, серебряной посуде, чеканных изделиях («Сокровища Дагестана»).

«Нацвопрос»² – программа, слоган которой «О чувствительных проблемах без истерик и провокаций», включает выпуски по международной проблематике, но наряду с этим регулярно поднимает внутриэтнические темы («Заседание Совета по межнациональным отношениям: итоги», «Работа в национальных общинах – сложносочинённая история: башкиры», «Дагестан уверенно идёт в будущее»³). Каждый выпуск предполагает наличие эксперта – историка, философа, этнолога, педагога, журналиста и т. д.

Телевидение в контексте функционирования современных медийных ресурсов остаётся значимым каналом коммуникации в процессе обеспечения «социокультурных потребностей в получении и обновлении ценностных знаний» [30, с. 14]. Программы этнической тематики представлены как

на универсальных, так и на тематических телевизионных каналах. На «Первом канале» кроме новостных выпусков материалы о народах России включены в утренний эфир программы «Доброе утро». Например, сюжет, приуроченный к Дню единства народов Дагестана (от 15 сент. 2021 г.). В нём представлена информация об этническом многообразии республики, о традициях народов (приготовление национальных блюд, ковроткачество, канатоходство, роспись посуды), которая сопровождается аутентичным музыкальным фоном. Видеоряд выдержан таким образом, что позволяет зрителю увидеть разнообразие в национальных костюмах, характерных для каждого конкретного народа. Об уникальном ремесле дагестанского села Унцукуль, орнаментальной насечке металлом по дереву, рассказал сюжет, вышедший в эфир 18 марта 2022 г. В материалах этой серии представили информацию об Удмуртии как родине пельменей (от 15 февр. 2021 г.). Это блюдо популярно в разных республиках Российской Федерации (Бурятия, Дагестан), о чём рассказал сюжет «Доброго утра» от 26 ноября 2021 г.

На телеканале «Россия 1» этническая тематика кроме новостных сюжетов всё чаще стала составлять контент итоговых выпусков программы «Вести»: «Вести в субботу»⁴, «Вести недели»⁵. Такое внимание к теме продиктовано развитием внутреннего туризма. Республике Северная Осетия–Алания посвящены репортажи журналистов Сергея Брилёва («Вести в субботу»), Максима Киселёва («Вести недели»). В них звучит родной для осетин язык, показаны национальные танцы и традиционное застолье («Какой Кавказ без застолий», – говорит за кадром Сергей Брилёв). В контексте темы внутреннего туризма в России в программе «Вести недели» репрезентируется уникальность культуры народов Республики Дагестан – «страны ритмов» – именно такая характеристика даётся республике в тематическом блоке материала о музыке. Сведения, которые предоставляет журналист, о солеварении, ручном ковроткачестве как уникальных промыслах, свойственных толь-

¹ Кавказский акцент. Радио России. – URL: <https://smotrim.ru/brand/63180> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

² Нацвопрос. Вести FM. – URL: <https://smotrim.ru/brand/61015> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

³ Там же.

⁴ Вести в субботу. – URL: https://smotrim.ru/brand/5217?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

⁵ Вести недели. – URL: https://smotrim.ru/brand/5206?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

ко Дагестану, вносят в репортаж дополнительный национальный колорит. Визитными карточками республики, на это тоже обращается внимание автора, являются и канатоходство, и оружейное дело.

В контексте темы вакцинации от коронавирусной инфекции рассказывают, например, об одном из коренных малочисленных народов – ханты (национальная одежда, условия жизни и роль оленей в жизни народов Севера)¹. Ещё до начала пандемии Сергей Брилёв бывал на Севере, одним из структурных и содержательных элементов материала стал фрагмент об оленях. В репортаже снова присутствует политический аспект – политика губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрия Артюхова. Но основным, с этнокультурной точки зрения, в репортаже является отношение северного народа к оленю – животному, занимающему особое место в культуре и повседневной жизни народов Севера. настолько сокровенным является олень для этих народов, что о количестве голов не принято говорить².

Кроме общественно-политических программ этническая тематика на телеканале «Россия 1» присутствует в трэвел-программах. Примером такого направления является программа «По секрету всему свету», где посредством развлекательного формата показываются традиции и обычаи народов. Проект ориентирован на контент не только о России, но и о зарубежных странах. Как правило, в программе освещается тема этнокультурного многообразия нашей страны («По секрету всему свету» в Ингушетии», «По секрету всему свету» в Грозном», «По секрету всему свету» в Крыму и Уфе»³).

Из сегмента тематических телевизионных каналов следует выделить канал «Культура» – российский государственный федеральный канал, входящий в медиахолдинг ВГТРК. Сетка вещания представлена программами, посвящёнными различным аспектам культуры (театр, музыка, литература, живопись, кино и т. д.). Также эфир составляют программы этнической направленности. Например, документальный про-

¹ Вести в субботу. – URL: <https://smotrim.ru/article/2542435> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

² Там же.

³ По секрету всему свету. – URL: https://smotrim.ru/brand/62761?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

ект «Земля людей», каждая серия которого посвящена конкретному народу России. С этнологической и географической точки зрения проект очень разнообразен и включает такие серии, как «Нанайцы. Наследники шаманов», «Манси. Оленьей тропой», «Менгино-кангальские якуты. «Тубалары. Деревня шаманов», «Шапсуги. Магия жизни», «Ительмены. Четыре легенды», «Черкесы. Уста, что пьют мед» и другие.

Документальный формат, информация, предоставляемая непосредственно носителем культуры, кадры, показывающие природу, национальные костюмы, аутентичная музыка, особенности быта – факторы, способствующие более эффективному зрительскому осмыслению уникальности народов нашей страны. Герои выпусков рассказывают о религии, обычаях, этике, философии, семейных отношениях (муж – жена, старшие – младшие).

«Пряничный домик» – цикл документальных программ, выходящий с 2011 г. Изначально программа составляла сетку вещания «выходного дня». В настоящее время выходит в эфир по четвергам. Особенностью этого проекта является то, что часть программ посвящена этнографическим ценностям регионов России («Традиции суздальской земли», «Псковское ткачество», «Город солнца»), другая часть ориентирована на репрезентацию этнической культуры через конкретные её компоненты (ремёсла, украшения, национальный костюм, музыкальные инструменты: «Мастера Северной Осетии», «Костюм русского севера», «Шумбратада», «Дагестанский костюм»)⁴. Проект представляет постоянный ведущий Евгений Кулаков, который познаёт культуру народа сам и погружает в этот процесс своего зрителя. Этот эффект достигается и за счёт синхронизации с носителями этнической культуры, рассказывающими о легендах, истории народа, особенностях философии конкретных объектов культуры (традиционный танец, костюм и т. д.).

«Неизвестные маршруты России» – программа, вышедшая в эфир телеканала «Культура» в 2022 г. Трэвел-формат ориентирован на предоставление сведений для потенциальных туристов, планирующих путешествие по России. Неотъемлемым компонентом медийных трэвел-материалов

⁴ Пряничный домик. – URL: https://smotrim.ru/brand/21745?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

является этнокультура. Рассматриваемая телепрограмма тоже содержит фрагменты, погружающие зрителя в особенности традиционного уклада жизни народов национальных республик. Через телевизионное выстраивание маршрута по национальным республикам репрезентируются духовные и материальные ценности народов России. Подобные программы составляют контент познавательного телеканала «Моя планета», представляющего собой круглосуточный неэфирный канал медиахолдинга ВГТРК («Один день в городе», «Редкие люди»).

Такие тематические каналы, как музыкальный «МузТВ» и развлекательный «Пятница», также включают в сетку эфирного вещания программы, содержащие этнокультурный компонент. Трэвел-проекты «Отпуск без путёвки», «Орёл и решка» показывают не только природу, места, рекомендуемые туристам для посещения, но и традиции, обычаи, национальную кухню народов России. Посредством аудиовизуального ряда телевизионные материалы о культуре народов России позволяют более наглядно передать самобытность их традиций.

Информационные агентства характеризуются как «основное звено любой национальной медиасистемы», «именно они формируют повестку дня, выделяя в потоке информации главные новости» [31, с. 6]. Поскольку национальная политика находится в ведении государства, отметим информационные агентства, имеющие государственную форму собственности: универсальные по тематике информационные агентства ТАСС и МИА «Россия сегодня». За последние три года на сайте ТАСС большую активность получила тема сохранения родных языков коренных малочисленных народов России. Данная тема представлена отдельными аспектами, многие из которых соотносятся с задачами Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Например, издание учебников на родных языках, подготовка педагогических кадров для преподавания родных языков, поддержка средств массовой информации, издающихся или выходящих в эфир на национальных языках народов¹. В новостных ма-

¹ В ЮНЕСКО открылась выставка работ русского фотографа Александра Химушина. – Текст: электронный // ТАСС. – URL: https://tass.ru/obschestvo/11857031?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 10.03.2022); Дети Якутии примут участие в озвучке мультфильмов

териалах ТАСС прослеживается и концепция поддержки со стороны государства языков и культуры коренных малочисленных народов России².

Кроме материалов новостного характера информационное агентство ТАСС реализует два специальных проекта этнической тематики: DV.land и «Это Кавказ». DV.land представляет собой информационно-деловой медиаресурс, который включает в повестку и материалы, посвящённые этнокультуре народов Дальнего Востока. В настоящее время спецпроект функционирует в виде новостной ленты. «Это Кавказ» – информационно-познавательный мультимедийный портал агентства ТАСС о российском Кавказе. Тексты, размещённые преимущественно в формате лонгрида, сопровождаются богатым фотоматериалом, отражающим этнокультурную специфику республик Северного Кавказа. МИА «Россия сегодня» с 2015 г. реализует специальный проект Arctic.ru, где представлена информация о климатических особенностях региона, экономике, экологии, сохранении культуры коренных малочисленных народов Севера, туризме. На сайте публикуются новостные и аналитические материалы, фотографии, видеоклипы, интервью с представителями власти регионального и федерального уровней, путешественниками, учёными.

Заключение. В работе систематизировано функционирование этнокультурной тематики во всех типах средств массовой информации, выявлены медийные продукты, репрезентирующие культуру народов России и их самобытность, показаны способы её отражения. При этом тема перспективна для проведения последующих исследований. Так, целесообразно провести качественно-количественный анализ материалов СМИ, репрезентирующих этнокультуру народов России непосредственно в Год культурного наследия народов России, что послужит методологической основой для дальнейшего изучения особенностей отражения этнокультуры в медиа.

на языках народов Севера. – Текст: электронный // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12071601> (дата обращения: 10.03.2022).

² Совет при Совете Федерации предлагает возродить в Арктике радиовещание на языках коренных народов. – Текст: электронный // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9965809> (дата обращения: 10.03.2022); Власти России на постоянной основе будут заниматься сохранением интересов коренных народов. – Текст: электронный // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9545215> (дата обращения: 10.03.2022).

Список литературы

1. Вартанова Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика». 2012. № 1. С. 7–26.
2. Plugina I., Gaunova Zh. The Institutional Framework for Implementation of State National Policy of the Russian Federation. Текст: электронный // State. Politics. Society: XVI International Scientific and Practical Conference Ekaterinburg, 2020. November. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/05/shsconf_sps2020_03015/shsconf_sps2020_03015.html (дата обращения: 10.03.2022).
3. Каминченко Д. И. Информационная повестка дня современных сетевых СМИ: политический аспект // Научные ведомости. Серия «Политология». 2019. Т. 46, № 3. С. 576–584. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-576-584.
4. Зорин В. Ю. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник российской нации. 2019. № 2. С. 9–33.
5. Волкова И. И., Проскурнова Е. Л., Чан Тхи Тхун Зунг. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170. DOI: 4224/2227-1295-2021-3-157-170.
6. Gladkova A. A., Aslanov I. A. Специфика информационного обеспечения реализации государственной национальной политики РФ через каналы массмедиа: к промежуточным результатам исследования // Этническая журналистика: история и современность. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 20–28.
7. Gladkova A. A., Vartanova E. L. Ethnic Journalism in Russia: between social mission and profession // Ethnic Journalism in the Global South. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. С. 38–39.
8. Грабельников А. А., Гегелова Н. С. Экранная коммуникация и визуализация журналистики. Тверь: ТГУ, 2019. 334 с.
9. Евсеев А. Ю., Ерофеева И. В. Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской Республики как инструмент национальной идентификации // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 116–125. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-116-125.
10. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: ЗабГПУ, 2009. 297 с.
11. Muzykant V. L., Burdovskaya E. Y., Savastenko R. A., Muzykant E. V., Shykova O. V. Cultural Space digitalization: New Communication forms // Advances in Intelligent System and Computing. 2020. Vol. 1100. Pp. 201–209. DOI: 10.100/978-3-030-39319-9-23.
12. Ржанова С. А. Интеграционные формы взаимодействия национальных обществ в формате культурного туризма и этножурналистики (на примере Республики Мордовия) // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14, № 1. С. 53–57. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-53-57.
13. Суворова С. П. Реализация просветительской функции журналистики на страницах современных общероссийских газет // Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика». 2006. № 6. С. 11–15.
14. Dzakhova L. Kh., Astvatsaturova M. A., Kvetkina I. I., Chekhoeva I. A. “Sovereign Public Policy” in “Sovereign Russia Democracy”: Institutional Features // Social and Cultural transformations in the context of Modern Globalism. Grozny, 2020. Pp. 1678–1686.
15. Зорин В. Ю. Содержательные принципы и организационные механизмы современной национальной политики России // Государственное управление Российской Федерации: повестка дня власти и общества: материалы XVI Международной конференции. М., 2019. С. 234–243.
16. Зорин В. Ю., Каменских М. С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 1. С. 52–68.
17. Marshall D. P. New Media Cultures. London; New York: Arnold, 2004. 120 p.
18. Triandis H. C. Psychology and culture // Annual review of psychology. 1973. Vol. 24. Pp. 355–378.
19. Alia V. Media Ethnicity and Social Change. Edinburg: Edinburg University Press, 2004. 229 p.
20. Klapper J. T. The Effects of Mass Communication. Glencoe: Free Press, 1960. 302 p.
21. Pfeffer K. Features of Travel Journalism // Scientific Evolution. 2020. No 6. Pp. 18–21.
22. Блохин И. Н. Этнологическая культура журналиста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2008. Т. 2, № 2. С. 302–307.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
24. Малькова В. К. Этнополитические реалии в современном российском медиапространстве // Вестник российской нации. 2019. № 1. С. 35–44.
25. Ингуши / отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, Л. Т. Соловьева. М.: Наука, 2013. 509 с.
26. Народы Дагестана / отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М.: Наука, 2002. 588 с.
27. Филиппова Н. А. Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов: новые региональные практики обеспечения в Сибири // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5, № 3. С. 431–445.

28. Тишков В. А., Новикова Н. И., Пивнева Е. А., Степанов В. В. Коренные народы Российской Арктики: история, современный статус, перспективы // Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В. А. Тишкова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.

29. Уразова С. Л. Экранные коммуникации в формате социальных трансформаций // Экранная коммуникация как фактор социализации медиaprостранства / под ред. С. Л. Уразовой. М.: Академия медиаиндустрии, 2019. С. 10–26.

30. Рева Е. К., Кубрин С. Д. Роль телевидения в реализации государственной национальной политики России: типология, жанры, форматы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведения. Журналистика». 2020. Т. 25, № 2. С. 324–333. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-324-333.

31. Вартанова Е. Л., Вирен Г. В., Фролова Т. И. Типология информационных агентств // Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика». 2013. № 3. С. 6–29.

Информация об авторе

Рева Екатерина Константиновна, доктор филологических наук, профессор, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: reva.ek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7646-9663>.

Для цитирования

Рева Е. К. Этнокультурная тематика в средствах массовой информации: типологический обзор // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 181–191. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-181-191.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 17.05.2022

References

1. Vartanova, E. L. On the need to modernize the concepts of journalism and the media. Bulletin of Moscow University. Journalism, no. 1, pp. 7–26, 2012. (In Rus.)
2. Plugina, I., Gaunova, Zh. The Institutional Framework for Implementation of State National Policy of the Russian Federation. SHS Web Conferences. Volume 94 (2021). Sustainable Development of Regions 2020. XVI International Scientific and Practical Conference “State. Politics. Society”. Ekaterinburg, Russia, November, 2020. Web.10.03.2022. https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/05/shsconf_sps2020_03015/shsconf_sps2020_03015.html (In Engl.)
3. Kaminchenko, D. I. Information agenda of modern online media: political aspect. Scientific statements. Political science, vol. 46, no. 3, pp. 576–584, 2019. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-576-584. (In Rus.)
4. Zorin, V. Yu. Russian ethnopoltics at the modern stage: traditions and innovations. Bulletin of the Russian Nation, no. 2, pp. 9–33, 2019. (In Rus.)
5. Volkova, I. I., Proskurnova, E. L., Chan, Thi Thun Zung. On the Prospects of News Television: In-Depth Interview Materia. Scientific dialogue, no. 3, pp. 157–170, 2021. DOI 4224/2227-1295-2021-3-157-17. (In Rus.)
6. Gladkova, A. A., Aslanov, I. A. Specifics of information support for the implementation of the state national policy of the Russian Federation through mass media channels: to the intermediate results of the study. Ethnic Journalism: History and Modernity. M: Faculty of Journalism MGU M. V. Lomonosov, 2019: 20–28. (In Rus.)
7. Gladkova, A. A., Vartanova, E. L. Ethnic Journalism in Russia: between social mission and profession De-Westernizing Media and Cultural Studies: New Discours Practices in the Digital World. Twelfth International Scientific Readings in Moscow. M.: Faculty of Journalism MGU M. V. Lomonosov, 2020: 38–39. (In Engl.)
8. Gabel'nikov, A. A., Gegelova, N. S. On-screen communication and visualization of journalism. Tver': TGU, 2019. (In Rus.)
9. Evseev, A. Yu., Erofeeva, I. V. Media image of the North Caucasus in the media of the Chechen Republic as an instrument of national identification. Humanitarianvector, vol. 15, no. 5, pp. 116–125, 2020. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-116-125. (In Rus.)
10. Erofeeva, I. V. The axiology of media text in Russian culture (value reflection of journalism at the beginning of the 21st century). Chita: ZabGPU, 2009. (In Rus.)
11. Muzykant, V. L., Burdovskaya, E. Y., Savastenko, R. A., Muzykant, E. V., Shykova, O. V. Cultural Space digitalization: New Communication forms. Advances in Intelligent System and Computing, vol. 1100, pp 201–209, 2020. DOI: 10.100/978-3-030-39319-9_23. (In Engl.)
12. Rzhanova, S. A. Integration forms of interaction of national societies in the format of cultural tourism and ethno-journalism (on the example of the Republic of Mordovia). Bulletin of Mari State University, no. 1, pp. 53–57, 2020. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-53-57. (In Rus.)

13. Suvorova, S. P. Implementation of the educational function of journalism on the pages of modern all-Russian newspapers. *Bulletin of Moscow University. Journalism*, no. 6, pp. 11–15, 2006. (In Rus.)
14. Dzakhova L. Kh., Astvatsaturova M. A., Kvetkina I. I., Chekhoeva I. A. "Sovereign Public Policy" in "Sovereign Russia Democracy": Institutional Features. *European Proceedings Social and Behavioural Sciences EPSBS. Social and Cultural transformations in the context of Modern Globalism*. Grozny, 2020: 1678–1686. (In Engl.)
15. Zorin, V. Yu. Substantive principles and organizational mechanisms of the modern national policy of Russia. *Public administration of the Russian Federation: the agenda of power and society. Proceedings of the XVI International Conference*, 2019: 234–243. (In Rus.)
16. Zorin, V. Yu., Kamenskih, M. S. Ethno-political situation in Russia: modern development and major megatrends. *Bulletin of Moscow State Regional University*, no. 1, pp. 52–68, 2020. (In Rus.)
17. Marshall, D. P. *New Media Cultures*. London; New York: Arnold, 2004. (In Engl.)
18. Triandis, H. C. Psychology and culture. *Annual review of psychology*, vol. 24, pp. 355–378, 1973. (In Engl.)
19. Alia, V. *Media Ethnics and Social Change*. Edinburg: Edinburg University Press, 2004. (In Engl.)
20. Klapper, J. T. *The Effects of Mass Communication*. Glencoe: Free Press, 1960. (In Engl.)
21. Pfeffer, K. Features of Travel Journalism. *Scientific Evolution*, no. 6, pp. 18–21, 2020. (In Engl.)
22. Blohin, I. N. Ethnological culture of a journalist. *Bulletin of St. Petersburg University. Philology. Oriental studies. Journalism*, no. 2-2, pp. 302–307, 2008. (In Rus.)
23. Huntington, S. Clash of civilizations? *Polis*, no. 1, pp. 33–48, 1994. (In Rus.)
24. Mal'kova, V. K. Ethnopolitical realities in the modern Russian media space. *Bulletin of the Russian Nation*, no. 1, pp. 35–44, 2019. (In Rus.)
25. Ingushs, In M. S.-G. Albogachieva, A. M. Martazanov, L. T. Solov'eva. M: Nauka, 2013. (In Rus.)
26. Ethnic groups of Dagestan. In S. A. Arutyunov, A. I. Osmanov, G. A. Sergeeva. M: Nauka, 2002. (In Rus.)
27. Filippova, N. A. Language, cultural and religious identity of indigenous peoples: new regional practices of provision in Siberia. *World of Greater Altai*, vol. 5, no. 3, pp. 431–445, 2019. (In Rus.)
28. Tishkov, V. A., Novikova, N. I., Pivneva, E. A., Stepanov, V. V. Indigenous peoples of the Russian Arctic: history, modern status, prospects. *Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development*. Institute of Ethnology and Anthropology N. N. Mikluho-Maklaya RAN. M; SPb: Nestor-Istoriya, 2016. (In Rus.)
29. Urazova, S. L. On-screen communications in the format of social transformations. *Screen communication as a factor in socializing media space*. M: Akademiya mediaindustrii, 2019: 10–26. (In Rus.)
30. Reva, E. K., Kubrin, S. D. The role of television in the implementation of the state national policy of Russia: typology, genres, formats. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Literary criticism. Journalism*, vol. 25, no. 2, pp. 324–333, 2020. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-324-333. (In Rus.)
31. Vartanova, E. L., Viren, G. V., Frolova, T. I. Typology of news agencies. *Bulletin of Moscow University*, no. 3, pp. 6–29, 2013. (In Rus.)

Information about author

Reva Ekaterina K., Doctor of Philology, Professor; Penza State University; 40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russia; e-mail: reva.ek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7646-9663>.

For citation

Reva E. K. Ethnocultural Themes in the Media: Typological Review // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 181–191. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-181-191.

Received: April 12, 2022; approved after reviewing May 15, 2022; accepted for publication May 17, 2022.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья

УДК 373.46.5

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202

Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе

Оксана Александровна Полюшкевич

Институт социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия
okwook@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

В работе проводится анализ конструирования новой идентичности граждан Российской Федерации через современные патриотические фильмы, которые формируют целостный символический образ, наполненный визуальными и вербальными образцами поведения. Приводятся результаты экспертного и фокус-группового интервью, а также результаты онлайн-опроса, посвящённого оценкам формирования новых и трансформации старых форм идентичности, которая после выхода в свет фильма усиливает или ослабляет патриотические переживания граждан. Выявляются этапы и формы изменения идентичности, связанной с поверхностным сохранением старых символов, без глубинных смыслов, подменой ценностей и вытеснением одних ценностей другими. Выделяются формы и смыслы трансформации ценностей, влияющих на новые смыслы идентичности (идентичность выживания и идентичность развития и реализации). Особое внимание в исследовании уделяется лексемам, которые выделяют черты крупных типов социального поведения, а также их социальную включённость и оценку публикаций по патриотизму на своих страницах в социальных сетях. Результаты количественного опроса указывают на больший интерес и внимание к зарубежным фильмам, которые влияют на идентичность, выявляются особенности российского кинематографа, раскрывающие дополнительные смыслы и формы реализации в отечественном кинематографе. Выделяются четыре группы конструирования новой идентичности через оценку современных патриотических фильмов: 1) те, кто смотрит эти фильмы с семьёй и друзьями из интереса к сюжету и полного соучастия и сопереживания с героями; 2) те, кто смотрит из-за модности; 3) смотрят из обывательского интереса; 4) те, кто не смотрит, но даёт оценку (чаще негативную) современным патриотическим фильмам. Проводится анализ взглядов на современные патриотические фильмы представителей данных групп в личных социальных сетях. Делаются выводы о перспективах конструирования новой идентичности через патриотические фильмы для детей и взрослых, а также рассматривается общий механизм конструирования новой современной идентичности россиян.

Ключевые слова: идентичность, патриотизм, современные фильмы, кинематограф, типы зрителей, типы идентичности

New Identity in Modern Patriotic Cinema

Oksana A. Polyushkevich

Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
okwook@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

The paper analyzes the construction of a new identity of citizens of the Russian Federation through modern patriotic films that form a holistic symbolic image filled with visual and verbal patterns of behavior. The results of an expert and focus group interview are given, as well as the results of an online survey on the assessment of the formation of new and transformation of old forms of identity, which strengthens or weakens the patriotic feelings of citizens after the release of the film. The stages and forms of identity change associated with the superficial preservation of old symbols, without deep meanings, the substitution of values and the displacement of some values by others are revealed. The forms and meanings of the transformation of values that affect the new meanings of identity (the identity of survival and the identity of development and realization) will also be highlighted. We pay particular attention to lexemes that highlight the features of major types of social behavior, as well as their social inclusion and evaluation of publications on patriotism on their pages in social networks. The results of a quantitative survey indicate a greater interest and attention to foreign films that influence the identity, but the features of Russian cinema are indicated, revealing additional meanings and forms of implementation in domestic cinema. There are four groups of constructing a new identity through the assessment of modern patriotic films: the first are those who watch these films with family and friends out of interest in the plot and full complicity and empathy with the characters, the second are those who watch because of fashion, the third watch

© Полюшкевич О. А., 2022

them due to philistine interest, and the fourth are those who do not watch but assess (often negatively) modern patriotic films. The analysis of views on modern patriotic films of representatives of these groups in personal social networks is carried out. Conclusions are drawn about the prospects for constructing a new identity through patriotic films for children and adults, and the general mechanism for constructing a new modern identity of Russians is considered.

Keywords: identity, patriotism, modern films, cinematography, types of viewers, types of identity

Введение. Идентичность не может возникнуть внезапно, она формируется постепенно, через смыслы, присваиваемые людьми благодаря массовой культуре, в том числе и через кинематограф. Идентичность – достаточно обширное понятие, и формирование её через патриотический кинематограф является лишь одним из способов конструирования. Формирование новой идентичности – коллективный процесс, изменения во взглядах и убеждениях одного человека не могут на что-либо изменить, но, когда иначе думают и чувствуют миллионы граждан одной страны, мы можем говорить о новой идентичности.

Это мягкое, но вместе с тем тотальное воздействие на общественное сознание может осуществить современный кинематограф. Он давно престал быть просто развлечением и видом искусства, он стал инструментом идеологии, и именно его образы конструируют реальность и идентичность зрителей, что определит их жизненный сценарий.

Визуальная культура выступает притягательным инструментом, формирующим образы и символы развития личности. Смыслы слов, которые говорят главные герои фильмов и сериалов, определяют и влияют на смыслы и ценности целых поколений. Любой сценарий, нашедший воплощение в визуальном и вербальном ряде фильма или сериала, является способом проверки и ориентиров социализации и присвоения новых социокультурных и экономико-политических реалий современной жизни.

Особенно остро это прослеживается в патриотических фильмах, которые показывают основные составляющие, укрепляющие представления о Родине, государстве, человечности, доблести, чести и т. д., – ключевых категориях смысло-жизненных ценностей представителей разных поколений. На основе патриотических фильмов зарождается, укрепляется и развивается личная и социальная идентичность зрителей. Они находят приемлемые для себя образцы поведения, которые определяют их личные жизненные смыслы и понятия. Следстви-

ем этого выступает связанность с государством, его судьбой, что является основой идентичности и патриотизма.

Данная тема с разных сторон исследовалась отечественными и зарубежными учёными. Вопросами конструирования идентичности через фильмы интересовались такие авторы, как Р. В. Иванов и О. А. Полюшкевич [1], Е. А. Чичина [2], К. А. Юдин [3], С. В. Шкодинский, П. Кремер, А. И. Туманов [4], Д. Гиллеспи [5], Р. Кунданис [6], П. Купфер [7] и другие. Трансформацией ценностей населения через изменение экранных идеалов героев фильмов занимались С. И. Борисов [8], Н. Ф. Хилько [9], Т. Доэрти [10] и другие. Изучение конструирования идентичности через государственную политику, нашедшую отражение в тематическом кинематографе, рассматривали Т. А. Драгунова и Е. Ю. Родионова [11], А. Г. Лигостаев [12], В. А. Ким [13], Ж. Мацкевич [14], А. А. Сальникова и А. П. Бурмистров [15], Э. Хабер [16], Е. Смудин [17], И. Вайчик-Эндрюс [18] и другие. Особенности исследования жанров и позиционирования отечественных фильмов изучали такие учёные, как Б. Боймерс [19], С. Грэм [20], К. Грин, Р. Грин [21], С. Моррис [22], С. А. Ноллен [23], С. Дж. Смит [24] и т. д. Эти авторы сформировали определённое тематическое поле изучения воздействия фильмов на сознание потребителей. Их основные идеи строились на принципах психологического манипулирования, идеологического конструирования и социальной адаптации к меняющимся условиям жизни.

Методология и методы исследования. Целью данного исследования стало изучение форм и средств конструирования новой идентичности в современном патриотическом кинематографе.

Методика строилась на проведении серии фокус-групп (5 фокус-групп по 9 человек в каждой), 12 экспертных интервью и опроса 1 200 человек в сети Интернет в течение февраля – апреля 2022 г. (55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных субъектах Российской Федерации).

Критериями отбора участников (квотами) для экспертного и фокус-группового интервью стали следующие:

1. Просмотр патриотических фильмов в кинотеатрах или дома.

2. Обсуждение в кругу близких (родственников или друзей) сюжета фильмов.

3. Фиксация на страницах своих социальных сетей просмотра того или иного патриотического фильма и его личная оценка (комментарий).

Данные критерии позволили выделить целевую аудиторию – людей, которые любят патриотический кинематограф, поэтому понимание особенностей формирования их идентичности может стать основой для конструирования государственной идеологической политики в области кинематографа. Контент-анализ расшифровок экспертных и фокус-групповых интервью позволил выделить основные лексемы, характеризующие векторы формирования идентичности, а также символы и проблемы формирования патриотизма в современных фильмах.

Количественный опрос был направлен на фиксацию трансформации идентичности россиян, оценки патриотических фильмов и их воздействия на общественное мнение и социальные представления, что позволило выявить распространённость тех идей и фокусов внимания, что удалось выделить на этапе качественного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Респонденты всех возрастов указывали на то, что зарубежные фильмы более увлекательные и эффектные, чем отечественные (76,5 %). Хотя треть опрошенных (32,3 %) указывали на то, что среди российских фильмов гораздо больше таких, что обладают большей глубиной и вдумчивостью. Причинами данного расхождения называли как объективные показатели (недостаточный бюджет фильмов, ограниченность ресурсной базы), так и субъективные (неготовность предлагать альтернативные варианты реальности). В целом это позволяет формироваться новой идентичности, где смесь западных образцов и готовых схем восприятия переплетается с отечественными реалиями социального воспроизводства, что определяет новые рамки современного патриотического кинематографа.

Патриотические фильмы являются обязательными для просмотра с семьёй или

друзьями только для 24,2 % опрошенных (первая группа). Эта группа респондентов характеризовала объяснения просмотра такими лексемами как *интересно, увлекательно и очень важно*. Иными словами, они придают ключевое ценностное значение данным фильмам, так как они выступают стержневыми в развитии идентичности и патриотизме граждан.

В два раза больше тех (45,1 %), кто смотрит данные фильмы для общего понимания, чтобы «быть в курсе», знать содержание (вторая группа). Для этой группы данные фильмы не являются ценностно-приоритетными, они поддерживают современный кинематограф, благодаря таким зрителям увеличиваются кассовые сборы от проката того или иного фильма. Для них мотивами просмотра выступает необходимость сопричастия и соучастия в модных проектах. Основные указываемые ими лексемы сводятся к тому, что это *модно, востребовано, позволяет заявить о себе*.

Третья группа (16,4 %) смотрит эти фильмы по необходимости, чтобы отслеживать, как показаны те или иные события в визуальном и вербальном ряде кинолент. Это критические исследователи, которые со стороны смотрят на новые смыслы патриотического кино, вместе с тем они строгие критики, анализирующие смысловое наполнение новых фильмов, результат их воздействия на зрителя. И далеко не все из представителей данной группы обладают профессиональными запросами в этой области (3,6 % из них учёные, представители власти и т. д., кто как-то соприкасается с данными последствиями профессионально), остальные – «кухонные философы», которые рассуждают, «куда катится мир». В их среде могут родиться бунтари и смутьяны, которые усилят зону социальной нестабильности и разобщённости, толчком к этому могут послужить те образы и символы, что отражаются в современном патриотическом кино. Представители данной группы используют следующие лексемы: *искажённая правда, ложные факты, извращённые смыслы*.

Четвёртая группа не смотрит патриотические российские фильмы (14,3 %), так как они не интересны им, не отражают актуальные ценности и значимые переживания. Среди этой группы либо нет патриотически настроенных людей, либо тематика

патриотических фильмов «не цепляет» их сознание, их ценности, что заставляет их негативно оценивать данный блок фильмов, не вовлекаясь в обсуждение и просмотр последних. Основные лексемы представителей данной группы следующие: *скучно, банально, неинтересно*.

Перечисленные характеристики находят отражение в публичном обсуждении вышедших фильмов с друзьями, родственниками, коллегами, происходит фиксация собственной оценки того, как это видится со стороны. Представленные взаимосвязи отражены в табл. 1.

Таблица 1

Отражение личных оценок и взглядов на патриотические фильмы представителей разных групп

Группы	Характеристики и оценки патриотических фильмов на личных страницах в социальных сетях	Примеры оценок на личных страницах ¹
Первая группа	Восторженные Одобрительные	Легенда № 17 (режиссёр Н. Лебедев, 2013 ²) – это фильм для становления настоящего мужчины, патриота и человека. Это тот пример, который воодушевляет и даёт надежду на то, что всё может измениться в твоей жизни, если ты берёшь ответственность на себя (Т. Ю., юрист, 35 лет). Брестская крепость (режиссёр А. Котт, 2010) – фильм о доблести и чести, который показывает пример жертвенности, смерти во имя Родины, силы духа людей, понимающих, что за их жизнями стоит жизнь и будущее всей страны и готовность всем пожертвовать ради надежды для других (С. А., экономист, 33 года)
Вторая группа	Рационально оценивающие. Фиксация внимания на затраченных ресурсах и полученной прибыли	Сталинград (режиссёр Ф. Бондарчук, 2013) – эпичная драма, где затрачено много денег на спецэффекты (более 30 миллионов). Фильм построен по голливудским меркам. Это видно сразу и это впечатляет. Стоит посмотреть хотя бы для того, чтобы понимать, что мы также можем снимать (О. П., аналитик, 31 год). Лёд (режиссёр О. Трофим, 2019) – это фильм, где вложенные средства нашли полное оправдание. Как коммерческий проект вполне успешное произведение (А. А., юрист, 48 лет)
Третья группа	Философско-рассудительные (по типу «куда катится мир»)	Битва за Севастополь (режиссёр С. Мокрицкий, 2015) – история, которая показана с надрывом, многие вещи не соответствуют действительности, но при этом зритель верит и после будет воспринимать выдумку режиссёра за истинность событий (С. С., историк, 48 лет). Вратарь моей мечты (режиссёр Л. Яшин, 2019) – качественный сюжет, который возвращает нас к глубинам самосознания, признания своих сил, веры в себя и веры в других, готовности быть верным себе и своему долгу. Человечность во имя человечества. Это свойство сильных и как пример личной харизмы и реализации этот фильм великолепен (А. А., политолог, 46 лет)
Четвёртая группа	Несмотря на то что фильмы не смотрят, на их личных страницах есть негативные оценки и мнения о данных фильмах (либо заочно, либо сформированные на основе чужих мнений)	Лед (режиссёр О. Трофим, 2019) – придуманная история людей, которым нужна маска для того, чтобы признать своё собственное бессмысленное существование. Даже желания смотреть его нет, хватает отзывать тех, кто уже это сделал. Хотя отдать должное идеологическому заказу и его исполнению, несомненно, стоит (С. А., руководитель социальной службы, 41 год). Все фильмы о штурме и обороне городов во время Второй мировой войны, будь то Битва за Севастополь (режиссёр С. Мокрицкий, 2015) или Сталинград (режиссёр Ф. Бондарчук, 2013), акцентируют внимание на натурализме и спецэффектах, а не личных историях людей. Я понимаю, что снять правдиво и хорошо не могут, поэтому придумывают то, чего не было. Вот и писали бы сразу, что фантастический фильм или построенный на альтернативной истории – так бы было честнее. Поэтому даже смотреть нет желания (Д. Н., экономист, 57 лет)

¹ Примеры из социальных страниц респондентов взяты с их письменного согласия.

² Уточнение режиссёров и годов выхода фильмов здесь и далее по тексту указано автором статьи для конкретизации контекста понимания

Представленные в таблице 1 оценки указывают на новые смыслы патриотических фильмов, следовательно, новые грани, целые образы идентичности соотечественников. Это не навязанные образы – это обратная связь с тем символическим рядом, что выстраивается в современном патриотическом кинематографе и который находит принятие и/или отторжение в среде зрителей, поддерживая, формируя или разрушая их представления, ценности и взгляды. Это комментарии и оценки, оставленные в социальных сетях теми, кто оценивает современный патриотический кинематограф, при этом не боится высказывать своё мнение о нём, в связи с чем существует положительная или отрицательная оценка.

Кинематограф выступает инструментом воспитания (77,2 %), а патриотические фильмы помимо воспитательной функции затрагивают социализирующую (48,9 %), способствуют социокультурной и межпоколенческой преемственности (41,2 %), усиливают коллективную память (32,3 %) и укрепляют единое ментальное поле (22,1 %). При этом 72,2 % полагают, что кинематограф положительно влияет на формирование личности зрителя, усиливая и подчёркивая значимость отдельных ее элементов, вместе с тем на государственном уровне не восполняет потребности в выявлении и формировании новой идеологии патриотизма, что в настоящее время необходимо для нашего государства.

Насилие и аморальное поведение является само собой разумеющимся социальным явлением, которое в патриотическом кинематографе находит для реализации дополнительное пространство, так как предполагает если не открытую борьбу (военные действия), то конкуренцию (спортивные соревнования), где без негативных примеров поведения невозможно представить сам сюжет повествования. Это основные пространства социального воздействия кинематографа на идентичность зрителей.

Общество не может жить только среди сконструированных искусственных образцов и представлений. В ситуации когда люди находят преломление и отклик в сознании отдельного индивида, а затем и социальной группы, начинается формирование новой реальности, когда ценности ак-

туальных ориентиров и форм идентичности определяют альтернативные стили жизни, переосмысленные жизненные траектории, где символы предложены в патриотических фильмах. На наш взгляд, каждая веха патриотического кинематографа – этап нового осмысления себя и своего места в истории, осмысления Родины и своего отношения к ней, что характерно для каждого, кто неравнодушен к событиям прошлого и настоящего, кто безразличен к судьбе своей страны, своего народа, своих потомков.

На основании проведённого исследования можно говорить о сложившихся практиках конструирования новой идентичности через современный патриотический кинематограф:

– *Невозможно не обращать внимания на западные возможности и технологии, предлагающие совершенно новый мир спецэффектов и динамики сюжета, качества преподносимого повествования фильма. При этом отечественное кино либо проникает в самое сердце – без любых спецэффектов, либо не цепляет совсем, так как имеет цель занять время, а не место в душе. Спецэффекты привлекают, но не оставляют следа, тогда как современные фильмы могут перевернуть мир с ног на голову, тогда уже не до спецэффектов (А. В., продюсер, 58 лет).*

– *Кто Я – я понимаю через то, что мне нравится смотреть. О новых людях я также сужу по тому, что они предпочитают смотреть. Современное общество – общество визуальных эффектов, кадров реальности, которые яркими вспышками проникают в голову и меняют мир. И далеко не всегда в спецэффектах или бюджете фильма дело, гораздо чаще – в человеке, который этими деньгами распоряжается и может зацепить душу (П. А., художник, 50 лет).*

Используя семантический анализ ключевых лексем, используемых респондентами, мы сформировали ключевые сферы конструирования идентичности, опирающейся на сюжеты фильмов (табл. 2).

Данные критерии использовались нами в обобщённом виде при анализе фильмов Н. Михалкова [25], но также могут быть полезны и в целом при изучении патриотических фильмов.

Таблица 2

Семантический анализ лексем, характеризующих формы идентичности, опирающейся на сюжеты и образы патриотических фильмов

Метафорические блоки	Лексемы	Ответы респондентов, %
Смерть во имя Родины	Смерть за Родину как подвиг	46,7
	Доблесть умерших	44,2
Жертва, жертвенность	Искупляющая жертва	48,4
	Во имя памяти о мёртвых	46,6
Сильный народ	Внутренняя решимость для блага других	44,2
	Сила мыслей и действий во имя других или во имя победы	41,7
Сильная власть	Подчинение воле лидера (вождя или генерала, капитана или просто отважного человека)	48,3
	Принятие права сильного	45,5
Общий враг	Не такие, как мы	49,3
	Иные ценности, но наши лучше	43,8

Смерть во имя Родины – метафорический блок, раскрывающий смысло-жизненные ориентиры, которые приводят к смерти во имя великой идеи и, увы, не показывают смысла жизни во имя Родины. Восхваляется доблесть умерших, а не сила живущих: *Мы привыкли, что патриотизм, особенно если фильмы о войне, – всегда о смерти, смерти за Родину, храбрости и героизме солдат или мирных жителей. Я не могу привести пример иного патриотического фильма о войне. И как-то горестно становится: мы учим детей принимать то, что быть патриотом – это умирать за Родину. Но ведь не всегда идёт война, а патриотических фильмов и о том, как жить и любить Родину, практически нет* (С. В., политолог, 44 года).

Жертва, жертвенность как метафорический блок указывают на невозможность счастья в обычной жизни, невозможность покоя, невозможность свободы. Все экзистенциальные категории смысла жизни наполняются только фактом смерти, присутствует жертвенность во имя великой цели. Это всё приобретает только через жертву: *Это проявление постхристианских ценностей, которые требуют от нас подчинения, веры в то, что, только принеся жертву, есть шанс на спасение, только отказавшись от жизни, есть шанс обрести покой в смерти. Жертва как условие личного исчезновения и возможного счастья тех, кто останется жить. Жертвенность как залог мира, шантаж счастьем одного или нескольких во имя многих. Это уничтожение интересов личности – выживания любой ценой, во имя общих интересов выживания всех. Готовность принести в*

жертву жизнь или интересы одного во имя интересов многих. Жертвенность никогда не эгоистична, она всегда во имя других делается (С. Н., депутат, 51 год).

Сильный народ – фактор объединения против кого-то и проявление силы в победе над другими, если не в войне, то в спорте. Это фокусировка на том, через что можно показать свой патриотизм и как формируется своя самость, а вместе с тем и идентичность: *Патриотические фильмы если не о войне, то о спорте. Появляется всё больше фильмов о том, как показать свою честь и доблесть через победу для своей страны. Примером служат такие фильмы, как Легенда № 17, режиссёр Н. Лебедев, 2013, Движение вверх, режиссёр А. Мегердичев, 2017, Вратарь моей мечты, режиссёр Л. Яшин, 2019, Лед, режиссёр О. Трофим, 2019: Это новая реальность, которая показывает, как народ может показать свою верность родине в спорте. Сомнительно, но факт: достижения в спорте показывают уровень патриотизма, а простая повседневная жизнь – нет. В фильмах о быте, любви, радости и просто жизни нет места патриотизму. Это и пугает* (Т. А., психолог, 38 лет).

Сильная власть – опора на того, кто может руководить всеми, брать ответственность на себя за других. Сильная власть – это воля лидера и готовность ему подчиняться: *В любом фильме есть герой, который подчиняет себе всех (формально или нет), и он олицетворяет власть над всеми другими. Патриотические фильмы все без исключения строятся на том, что есть лидер, которому все подчиняются, и он, конечно, добрый, смелый, умный и т. д. И*

главное – он жертвует собой ради интересов других. Лидер, который служит интересам общества, отчизны, Родины (Д. А., врач, 36 лет).

Общий враг – опора на своих при чётком понимании, кто чужие. Людей объединяет либо радость, либо беда. Патриотические фильмы чаще строятся вокруг объединения по поводу войны и радости «со слезами на глазах» при победе: *Иные ценности и взгляды других всегда противоречат нашим идеалам, не дают возможность получить альтернативный сценарий социального взаимодействия, показывают, что только победа наших даст возможность жить иначе, только так наши ценности станут более важными и лучшими для всех, не только для нас* (Т. А., системный аналитик, 33 года).

Общее отсутствие чёткой идеологии осложняет задачу для режиссёров, но позволяет им вкладывать личные смыслы в понимание того, как может и должно формироваться патриотическое сознание соотечественников. Рассматривая современные патриотические фильмы, мы приходим к общему символическому контексту, который отражает концептуальную задачу конкретных метафор, раскрывающих основной способ формирования идентичности в патриотических фильмах современности. Значимы символические контексты, которые отражаются в современных фильмах и влияют на личную и социальную идентичность зрителей. Этому помогают мифологичность, достоверность, эпичность, личная ответственность и борьба за справедливость.

Мифологичность строится на конструировании и развитии мифа, повествовании о человеке, который делает выбор для жизни других: *Это патетика, но в то же время без её невозможно представить ни одного патриотического фильма. Человек становится инструментом для того, чтобы другие жили иначе, чтобы страна была иной. И не важно – касается это порта, войны или чего-то ещё. Мифологичность даёт идеальный пример развития человека, его социального служения, его единения с народом, Родиной, судьбой...* (Л. А., депутат, 48 лет).

Достоверность позволяет поверить визуальному и вербальному ряду, проникнуться чувствами к героям, моменту и по-настоящему сопереживать: *Достоверность даёт*

возможность испытать положительные или отрицательные стороны ситуации. Достоверность может отталкивать из-за натурализма (ещё одна черта патриотических фильмов) и безысходности, фатальности. Патриотизм не даёт шансов на счастье. Это про все наши советские и российские фильмы (Д. А., писатель, 62 года).

Эпичность раскрывает интерес, страсть, возбуждение перед зрителем, так как сюжет разворачивается динамично, и хотя результат предсказуем, интрига продолжает фокусировать внимание зрителей: *Постоянное напряжение, интерес, недосказанность, которая будоражит сознание и позволяет доигрывать ситуации, каждому зрителю указывает на эпичность и включённость в сюжет, даёт возможность испытать катарсис от финала. Возможно, это веяние голливудских фильмов, но факт остаётся фактом: эпичность в современных российских патриотических фильмах является чуть ли не основным условием для выхода фильма. Именно она помогает раскрывать новые грани идентичности зрителей* (Т. А., проректор университета, 53 года).

Личная ответственность – символ сегодняшнего дня. *Всё зависит от тебя* (Легенда № 17, режиссёр Н. Лебедев, 2013): *Это пересмотр основных устоев и взглядов на жизнь новых поколений. Старшие поколения жили в давлении социального долга и ответственности перед Родиной, партией, народом. Сейчас же это личный выбор – отвечать за Родину, партию, народ. И герой тот – кто эту ответственность берёт на себя. Добровольно или по принуждению – не имеет значения. Как у солдат в «9 роте» (9 рота, режиссёр Ф. Бондарчук, 2005)* (П. А., юрист, 64 года).

Борьба за справедливость часто противоречит законности. Справедливость – мера души, а закон – мера общества: *И не всегда наши внутренние переживания, признания, желания соответствуют внешним условиям. В фильмах режиссёра А. Балабанова «Брат» (1997) и «Брат-2» (2000) показан взгляд киллера на Родину и своё место в мире, что вызывает сопереживание и эмпатию у зрителей, до сих пор фразы из этих фильмов характеризуют отношение к себе и к Родине у многих: «– Вы гангстеры? – Нет, мы русские. Тормозить ногами надо, а не головой». Это как пример само-*

идентичности, которая находится вне закона, но в рамках справедливости. Народ – критерий и условие справедливости, какими бы способами она ни достигалась. Стихотворение В. Орлова в фильме «Брат-2» звучит иначе:

Я узнал, что у меня
Есть огромная семья:
И тропинка, и лесок,
В поле – каждый колосок,
Речка, небо голубое –
Это все моё родное.
Это Родина моя!
Всех люблю на свете я!

Это всё в сердце наших сограждан. Что это, как не патриотизм? (Д. А., кинокритик, 39 лет).

Новая идентичность формируется достаточно противоречиво, так как не имеет чёткой идеологической логики, формируется в вакууме идей и форм реализации трансформации ценностей. Благодаря последним формируется новая идентичность, наделяя тех, кто её разделяет особыми чертами поведения, мышления, чувствования себя и мира. В табл. 3 представлен пример данного процесса изменения.

Таблица 3

Формы и смыслы трансформации ценностей, влияющих на новые смыслы идентичности

Форма	Смысл	Пример
Сохранение ценностей, но их поверхностное раскрытие	Сохранение связи и смыслов жизни для разных поколений позволяет «узнавать» своё (что способствует развитию патриотизма), но через ложные или надуманные символы и образы	Ценности русского характера и менталитета находят отражение в поверхностных суждениях и стратегиях поведения: пьянстве, бане, песнях, а не в вере и одухотворении
Подмена ценностей	Неосознаваемая подмена ценностей, при соблюдении формально верных выводов смысл их искажается	Ценность труда – подменяется культом наживы. Ценность личного примера и ответственности подменяется культом агрессии и победы силы. Материальные ценности и культ денег становятся самоцелью или целью (критерием) развития личности; дружба, любовь – инструментом потребительского отношения между людьми
Вытеснение одних ценностей другими	Осознаваемая подмена более «удобных» в новых условиях жизни стратегий поведения	Замена принципов созидания на самореализацию, признание и успех. Физическая сила проявляется в агрессии и физическом подавлении, а не ответственности и защите тех, кто в этом нуждается. Ценность труда заменяется ценностью досуга

Благодаря изменению ценностей происходит и конструирование новой идентичности, в рамках которой меняется и форма патриотизма.

Идентичность выживания строится на принятии новых условий и форм жизни, отсутствии критического осмысления и формирования установки «Выживает сильнейший». Ценность смерти становится культом, а ценность жизни определяется формальными критериями обладания символами успеха. Патриотизм в рамках этой стратегии идентичности опирается на критерии выживания в военных условиях или условиях, приближенных к войне. Высшей доблестью выступает смерть за идеи, ценности и условия жизни в новых рамках.

Идентичность развития и реализации строится на осознанном выборе и отборе

старых и новых ценностей, рефлексивности в понимании своих ценностей и ценностей тех, кто рядом. Патриотизм в этой стратегии идентичности строится на создании условий для реализации каждого, но при этом опирается на личный выбор и желание каждого члена сообщества внести свой вклад в общее дело.

По мнению участников исследования, идентичность выживания – основной мотив для конструирования патриотизма. Выжили – а дальше как-нибудь будет. В этом и заключается, на наш взгляд, основная проблема – нет образов и идеалов, есть желание жить в условиях любви к Родине, при этом важно не только как за неё бороться и выживать, но и как жить. Отметим, что идеи о формировании идентичности развития и реализации уже появляются на экранах со-

временных патриотических фильмов, появляется надежда на то, что в общественном сознании сформируется новый образ того, как развивая себя, можно развивать страну.

Новая идентичность – это не точка, это процесс формирования нового мышления, нового чувствования себя и общества. И современный кинематограф в настоящее время встаёт на этот путь. Поверхностное раскрытие ценностей, подмена или вытеснение одних другими – звенья одной цепи: новых смыслов и жизненных ориентиров, которые определяют способы самоидентичности и патриотизма граждан. Это всё тот же процесс перемен, который покажет новый уровень осознанности и рефлексивности не только отдельных личностей, но и общество в целом, где кинематограф позволяет понять и принять новые реалии жизни, где есть право и возможность быть другим, при этом оставаясь собой, важно быть узнаваемым и понятным теми, кто рядом, так как у них те же ценности, взгляды, мышление и чувства.

Заключение. Проведённое исследование показывает неоднозначные результаты, так как патриотических фильмов недостаточно, далеко не всегда они имеют чёткую идеологическую составляющую, которая необходима при условии развития социальной солидарности и идентичности людей как граждан нашей страны. Идентичность, отражённая в фильмах, универсальна. Она выступает зеркалом того времени, о котором повествует, в то же время позволяет видеть

то, что объединяет нас в «российское кино», связывает в общее ментальное поле. Да, пока много тёмных пятен, нет единого пространства, но существует единое восприятие того, что является моим, достоверным, правильным и единственно возможным. Этот внутренний выбор между необходимостью и желанием стирается, так как индивидуальные желания становятся потребностью в общих трансформациях.

Всё ещё сильны стратегии идентичности выживания, но уже появляются новые ориентиры идентичности развития и реализации. Это позволяет надеяться на формирование у новых поколений россиян альтернативных образов развития себя и общества, так как их идентичность может строиться не только на выживании и смерти ради Родины, но и жизни ради страны и реализации себя и близких на благо всех.

Для регулирования этих процессов необходимо осознание точки отсчёта – что есть сейчас, при этом важно понимать, куда хотим попасть, а главное – какими методами. Именно они могут шаг за шагом через патриотическое кино показать нам путь новых условий и форм развития идентичности граждан, новый образ патриотов, готовых не только умирать во имя Родины, но и счастливо жить во имя её же. Это важно транслировать как в детских, так и взрослых фильмах о патриотизме, любви к Родине, так как именно это станет новым образцом, символом конструирования и закрепления новой идентичности.

Список литературы

1. Иванов Р. В., Полюшкевич О. А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 18. С. 44–55.
2. Чичина Е. А. Современный отечественный кинематограф: новая идентичность // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 1. С. 17–24.
3. Юдин К. А. «Детское» кино – взрослые смыслы: идеология и визуальная культура семейной киноиндустрии США в период «холодной войны» // На пути к гражданскому обществу. 2020. № 3. С. 70–81.
4. Шкодинский С. В., Кремер П., Туманов А. И. Значение киноиндустрии в формировании национальной идентичности // Ценности и смыслы. 2019. № 3. С. 34–46. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10067.
5. Gillespie D. Defence of the Realm: the “New” Russian Patriotism on Screen // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. No. 3. Pp. 103–115.
6. Kundanis R. Children, teens, families, and mass media: the millennial generation. London: Routledge, 2003. 408 p.
7. Kupfer P. Film Music and the Construction of Post-Soviet Collective Identity: Nikita Mikhalkov's *Burnt by the Sun* // XChange Voice (A Graduate Music Student Journal of the University of Chicago). 2006. No. 2. Pp. 130–137.
8. Борисов С. И. Философия супергероя // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2008. № 1. С. 112–126.
9. Хилько Н. Ф. Смена ценностных приоритетов и пределы разумной допустимости содержания экранных образов // Омский научный вестник. 2011. № 3. С. 200–204.

10. Doherty T. Cold War, cool medium: television, McCarthyism, and American culture. New York: Columbia University Press, 2003. 320 p.
11. Драгунова Т. А., Родионова Е. Ю. Популяризация отечественного кинематографа как способ формирования русской культуры // Colloquium-journal, 2019. № 14. С. 55–57.
12. Лигостаев А. Г. О патриотизме в американском и российском кино // Свободная мысль. 2012. № 11. С. 161–164.
13. Ким В. А. Кино, интернет и детское фототворчество // Медиаобразование. 2011. № 1. С. 68–73.
14. Мацкевич Ж. Детское изобразительное творчество и мультипликационное кино // Дошкольное воспитание. 2009. № 10. С. 68–70.
15. Сальникова А. А., Бурмистров А. П. Советское детское игровое кино 20-х годов XX века и его юные зрители // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156, № 3. С. 131–141.
16. Haber E. Behind the Iron Curtain. Aleksandr Volkov and His “Magic Land” Series. Jackson: University Press of Mississippi, 2017. 240 p.
17. Smoodin E. Introduction: How to Read Walt Disney // Disney Discourse: Producing the Magic Kingdom. London; New York: Routledge, 1994. Pp. 1–20.
18. Wjck-Andrews I. Children films: history, ideology, pedagogy, theory. New York: Garland Pub, 2000. 275 p.
19. Beumers B. Soviet and Russian Blockbusters: a Question of Genre? // Slavic Review. 2003. No. 62. Pp. 67–76.
20. Graham S. Two Decades of Post-Soviet Cinema: Taking Stock of Our Stocktaking // KinoKultura. 2008. No. 21. Pp. 65–69.
21. Greene K., Greene R. Inside the Dream. The Personal Story of Walt Disney.: illustrated biography – A Roundtable Press Book. New York: Disney Editions, 2001. 191 p.
22. Morris S. Packaging the Past: Cinema and Nationhood in the Putin Era // KinoKultura. 2008. No. 21. Pp. 126–132.
23. Nollen S. A. Three Bad Men: John Ford, John Wayne, Ward Bond. London: McFarland & Co., 2013. 408 p.
24. Smith S. J. Children, cinema and censorship: from Dracula to the Dead End Kids. London; New York: I. B. Tauris, 2005. 237 p.
25. Полюшкевич О. А. Идеологическая пропаганда: анализ фильмов Н. Михалкова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 4. С. 127–143.

Информация об авторе

Полюшкевич Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент; Институт социальных наук Иркутского государственного университета; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

Для цитирования

Полюшкевич О. А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 192–202. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 30.04.2022

References

1. Ivanov, R. V., Polyushkevich, O. A. Patriotism and identity in modern Russian films. Izvestia of the Irkutsk State University, no. 18, pp. 44–55, 2016. (In Rus.)
2. Chichina, E. A. Modern domestic cinema: a new identity. Izvestiya vuzov. North Caucasian region. social Sciences, no. 1, pp. 17–24, 2014. (In Rus.)
3. Yudin, K. A. “Children’s” cinema – adult meanings: the ideology and visual culture of the US family film industry during the “cold war”. On the way to civil society, no. 3, pp. 70–81, 2020. (In Rus.)
4. Shkodinsky, S. V., Kremer, P., Tumanov, A. I. The value of the film industry in the formation of national identity. Values and meanings, no. 3, pp. 34–46, 2019. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10067. (In Rus.)
5. Gillespie, D. Defense of the Realm: the ‘New’ Russian Patriotism on Screen. The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies, no. 3, pp. 103–115, 2005. (In Engl.)
6. Kundanis, R. Children, teens, families, and mass media: the millennial generation. London: Routledge, 2003. (In Engl.)

7. Kupfer, P. Film Music and the Construction of Post-Soviet Collective Identity: Nikita Mikhalkov's *Burnt by the Sun*. *VoiceXchange* (A Graduate Music Student Journal of the University of Chicago), no. 2, pp. 130–137, 2006. (In Engl.)
8. Borisov, S. I. Philosophy of a superhero. *Theatre. Painting. Cinema. Music*, no. 1, pp. 112–126, 2008. (In Engl.)
9. Khil'ko, N. F. Change of value priorities and the limits of reasonable admissibility of the content of screen images. *Omsk Scientific Bulletin*, no. 3, pp. 200–204, 2011. (In Engl.)
10. Doherty, T. *Cold War, cool medium: television, McCarthyism, and American culture*. N. Y.: Columbia University Press, 2003. (In Engl.)
11. Dragunova, T. A., Rodionova, E. Yu. Popularization of domestic cinema as a way to form Russian culture. *Colloquium-journal*, no. 14, pp. 55–57, 2019. (In Rus.)
12. Ligostaev, A. G. On patriotism in American and Russian cinema. *Svobodnaya mysl'*, no. 11, pp. 161–164, 2012. (In Rus.)
13. Kim, V. A. Cinema, Internet and children's photography. *Media education*, no. 1, pp. 68–73, 2011. (In Rus.)
14. Matskevich, Zh. Children's fine arts and animated films. *Preschool education*, no. 10, pp. 68–70, 2009. (In Rus.)
15. Sal'nikova A. A., Burmistrov A. P. Soviet children's feature films of the XX century and its young viewers. *Scientific Notes of Kazan University*, no. 3, pp. 131–141, 2014. (In Rus.)
16. Haber, E. *Behind the Iron Curtain. Aleksandr Volkov and His "Magic Land" Series*. Jackson: University Press of Mississippi, 2017. (In Engl.)
17. Smoodin, E. *Introduction: How to Read Walt Disney. Disney Discourse: Producing the Magic Kingdom / London and N. Y.: Routledge, 1994: 1–20 pp.* (In Engl.)
18. Wjcik-Andrews, I. *Children films: history, ideology, pedagogy, theory*. N. Y.: Garland Pub, 2000. (In Engl.)
19. Beumers, B. Soviet and Russian Blockbusters: A Question of Genre? *Slavic Review*, no. 62, pp. 67–76, 2003. (In Engl.)
20. Graham, S. Two Decades of Post-Soviet Cinema: Taking Stock of Our Stocktaking. *KinoKultura*, no. 21, pp. 65–69, 2008 (In Engl.)
21. Greene, K., Greene R. *Inside the Dream. The Personal Story of Walt Disney: illustrated biography – A Roundtable Press Book*. N. Y.: Disney Editions, 2001. (In Engl.)
22. Morris, S. Packaging the Past: Cinema and Nationhood in the Putin Era. *KinoKultura*, no. 21, pp. 126–132, 2008. (In Engl.)
23. Nollen, S. A. *Three Bad Men: John Ford, John Wayne, Ward Bond*. Jefferson, N. C., and London: McFarland & Co., 2013. (In Engl.)
24. Smith, S. J. *Children, cinema and censorship: from Dracula to the Dead End Kids*. London; N. Y.: I. B. Tauris, 2005. (In Engl.)
25. Polyushkevich, O. A. Ideological propaganda: analysis of N. Mikhalkov's films. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 4, pp. 127–143, 2011. (In Rus.)

Information about author

Polyushkevich Oksana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Institute of Social Sciences, Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

For citation

Polyushkevich O. A. New Identity in Modern Patriotic Cinema // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 192–202. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202.

Received: April 5, 2022; approved after reviewing April 28, 2022; accepted for publication April 30, 2022.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия

УДК 316.74

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-203-212

Опыт социокультурного анализа кино: «Нация убийц» Сэма Левинсона

Екатерина Борисовна Коломейцева

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия
tillyriddle@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0224-2965>*

Кино является открытой самореферентной системой, способной через кинообразы воздействовать на социум, менять позиции зрителей по некоторым вопросам. В связи с этим актуальным является социокультурный анализ фильма С. Левинсона «Нация убийц», вышедшего в 2018 г. Этот фильм претендовал на актуальное художественное отражение культурно-информационных и политических событий, происходивших в недавнем прошлом в странах Европы и в Америке. Гипотеза исследования данного фильма состоит в том, что режиссёр Сэм Левинсон, пользуясь манипулятивными средствами киноязыка, внушает социуму позитивное восприятие маргинальных и девиантных образов, что может создавать предпосылки для реального девиантного поведения зрителей. Автором осуществлён всесторонний анализ образов фильма с целью выявления пропагандируемых идей неолиберализма и девиантности. Анализ фильма проводился с использованием системного подхода к культурным явлениям и с применением количественных и качественных методов культурологии и социологии. Применённые методы позволили выявить основные темы и микротемы. Это темы свободы частной жизни, опасности попадания данных в сеть Интернет, невозможности женщин, трансгендеров и геев легальным образом бороться за свои права, социальной жестокости толпы. Режиссёр выбирает делинквентные методы решения социальных проблем, используя манипуляцию зрительским сознанием, пропаганду делинквентного поведения. В данном случае создатели фильма используют методы продвижения маргинального поведения, связанного с политической повесткой. Эта связь позволяет выявить более глобальную связь между киноиндустрией и изменениями в социальных институтах. Результаты исследования можно использовать в рамках спецкурсов по культурологии и медиакритике.

Ключевые слова: социокультурный анализ кино, визуальный анализ, контент-анализ, критический дискурс-анализ, количественный анализ, социология кино, делинквентность

Reviews

Essay on Sociocultural Analysis of Cinema: “Assassination Nation” by Sam Levinson

Ekaterina B. Kolomeytseva

*Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
tillyriddle@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0224-2965>*

Cinema is an open self-referential system that is capable of influencing society through film images, changing the position of viewers on certain issues. Thereby, socio-cultural analysis of a film “Assassination Nation” by S. Levinson (2018) is topical. This film was chosen for analysis because it claimed to be an up-to-date artistic

© Коломейцева Е. Б., 2022

reflection of cultural, informational and political events that had taken place in the recent past in Europe and America. Hypothesis of the study of this film is that the director Sam Levinson, using manipulative means of film language, inspires the audience as a society for a positive perception of marginal and deviant images, which can create the prerequisites for real deviant behavior. The author undertook a comprehensive analysis of the film images in order to identify the propagated ideas of neoliberalism and deviance. The analysis of the film was carried out using a systematic approach to cultural phenomena and using quantitative and qualifying methods of cultural studies and sociology. The methods in use elicited main themes and microthemes. These are the themes of private life freedom, dangers of data alongside the Internet, inability of women, transgender people and gays to fight legally for their rights, social cruelty of the crowd. Research hypothesis is confirmed. The director of the film chooses delinquent methods of solution of social problems, using manipulation of the audience and propaganda of delinquent behavior. In this case, the filmmakers use methods to promote marginal behavior related to the current political agenda. This connection reveals a more global connection between the film industry and changes in social institutions. The results of the study can be practically used within the framework of special courses in cultural studies and media criticism.

Keywords: sociocultural analysis of cinema, visual analysis, content-analysis, critical discourse analysis, quantitative analysis, film sociology, delinquency

Введение. Кино имеет целый арсенал средств для социокультурного воздействия, однако этические вопросы воздействия фильмов на зрителя остаются актуальными. Воздействие может быть как прямым, так и косвенным. И. А. Якоба пишет об успешном внедрении в кино технологии «Окно Овертона», позволяющей манипулировать общественным сознанием [1, с. 175]. Кино рассматривается как открытая система, которая воздействует на социум, предлагая и навязывая свою позицию [2, с. 15]. В связи с этим актуальным является социокультурный анализ новых фильмов. Анализ фильмов предпринимался до настоящего времени, однако новизна заявленного исследования состоит в комплексном объединении выборочных методов социологии и культурологии, позволяющих получить более объективные данные.

Многие исследователи занимались проблемами изучения кино и киноязыка. В фундаментальной работе Жюль Делёза «Кино» говорится о важности кинообразов как нового языка, способного менять мышление [3, с. 304]. Р. Барт писал о том, что существует понятие контекстуализации образа [по: 4, с. 79]. Исследованием кино занимались Ю. М. Лотман, С. М. Эзенштейн, К. Метц и др. [5]. В современных исследованиях есть множество мнений о том, как следует анализировать визуальное искусство. Это работы Э. А. Орловой, А. Флиер, В. Розина, С. Решетникова и др.

В 2009 г. И. В. Дьяченко провёл исследование, определив главные факторы, по которым определяется зрительский выбор фильма [6, с. 47]. Наиболее востребованы лёгкие для восприятия жанры, что обосновано в другой работе [7, с. 93–95]. Там

же отмечено, что лидирующее положение в прокате занимают фильмы из США. На восприятие фильма влияет и эмоциональный посыл: переживание негативных эмоций работает на запоминание [8, с. 65]. Как указывает Дзиндзюнь Ло, кино является аудиовизуальным искусством, в силу чего задействует больше каналов восприятия [9, с. 285]. Фильмы становятся действенными в пропаганде новой эстетики, которая даётся опосредованно через образы и метафоры. И. В. Гожанская отмечает, что «кинематограф, телевидение и популярная музыка выступили заметной движущей силой демократизации и деиерархизации современной культуры» [10, с. 4]. Влияние кино на изменение общественного мнения признаётся, например, К. Э. Разлоговым и С. С. Загребиним, предлагавшим на законодательном уровне закрепить культурологическую экспертизу нового кино [по: 11, с. 321–322].

В контексте визуальной социологии П. Штомпки анализ кино – необходимая традиционная работа. Не новым является и отражение образа маргинала в киноиндустрии, о чём пишет и В. Ю. Мехоношин [12, с. 158]. Именно девиантные персонажи становятся в кино наиболее привлекательными (герои-убийцы, неудачники, люди с отличающейся от нормированной сексуальной ориентацией) [13, с. 145]. Исследование кинематографа с маргинальными и девиантными главными персонажами выявляет интересные новые перспективы для исследователя. Отношение к ним режиссёров провоцирует распространение «тинейджеризации» – культуры юного возрастного поколения, где главенствует интенсификация чувственной сферы в ущерб логической, поступки на грани делинквентных. Вопрос о маргинальном

поведении и насилии рассмотрен Дж. Хутнюком на примере азиатского кинематографа, что, по его мнению, также связано с политической системой страны [14, с. 610–611]. В западном кино наряду с насилием идут идеи неолиберализма, пропаганды нужных идей (см., например, статью Вай Сиам Хи о спонсировании антикоммунистических фильмов [15]). Ценностно-смысловое ядро культуры через призму нового кино оказывается размытым, отказ от иерархии общественных ценностей превращается в пропаганду анонии, «ситуации отсутствия, неустойчивости социальных и моральных императивов ... регулирующих отношения между индивидами и обществом»¹. По этой причине новейшие фильмы необходимо подвергать детальному социокультурному анализу.

Методология и методы исследования. Предлагаемая гипотеза исследования – внушение маргинальных и девиантных образов методами медиаязыка создаёт предпосылки для девиантного поведения, а частные проблемы беспочвенно трансплантируются на уровень всей нации. Под «нацией» мы понимаем политическую общность граждан определённого государства². Мы рассмотрим фильм «Нация убийц» Сэма Левинсона, снятый в 2018 г. Данный фильм претендует на актуальное отражение возникших в обществе проблем, связанных с неприкосновенностью личных данных; с правами женщин. Ситуация имеет затекстовый аспект: скандалы, связанные с появлением в сети провокационных личных фотографий актрис и поп-звёзд. Для Запада актуальным является повышенный интерес к проблеме сексизма. Например, М. Бревингтон приходит к выводу, что в популярных фильмах распространено два вида сексизма: так называемый «доброжелательный» и «недоброжелательный» [16]. Эту тему не обходит стороной и Сэм Левинсон. Фильм повествует о подростках в аспекте «тинейджеризации», снят в привлекательном для зрителя жанре социального экшен-триллера.

Цель данного исследования – характеристика фильма С. Левинсона с точки зрения наличия скрытой пропаганды девиантного (делинквентного) поведения, а также идей неолиберализма. Девиантное пове-

дение понимается как любое поведение, отклоняющееся от имеющейся в обществе нормы, тогда как делинквентность трактуется в статье как «асоциальное, противоправное поведение человека; поведение, нарушающее общественные и юридические нормы»³. Идеи неолиберализма позволяют воспринимать жизнь любого человека как деловое предприятие, в котором, по сути, нет этических и моральных границ, о чём писали такие учёные, как Дж. Бьюкенен, М. Флеминг и др.

В связи с поставленной целью в исследовании формулируются следующие задачи: в рамках анализа фильма «Нация убийц» определить темы и контртематемы, на их основе выявить идею фильма и осуществить детальную рефлексию.

Методы культурологического анализа кино очень разнообразны. Междисциплинарный подход обогащает методологию культурологического знания. Об этом пишут А. Кравченко, В. Розин и др. Дж. Бейтман и К. Шмидт указывают на необходимость выработки мультимодальных инструментов анализа [17, с. 6], Г. Кортэ также стремится к мультимодальности и системности в анализе⁴. В связи с этим мы применили системный подход к культурным явлениям Н. Лумана, структурно-функциональный (Т. Парсонс) и событийный (С. Л. Рубинштейн, Е. И. Головаха) метод исследования культуры, при котором происходит разложение объекта культуры на составные части [18, с. 204]. Был использован, прежде всего, визуальный анализ по методу П. Штомпки⁵ [19, с. 123], количественный анализ (анализ частоты появления тем, героев в кадре, замер экранного времени), а также критический дискурс-анализ Н. Фэркло. Комбинация методов позволяет добиться сравнительной объективности рассмотрения. Для выделения главных тем фильма и его микротем использован визуальный метод и контент-анализ (подобным же образом проанализирован фильм «Левиафан» в книге Е. А. Островской) [20, с. 293–318]. Автор статьи основывался на

¹ Аномия. Определение понятия. – Текст: электронный // Гуманитарный портал. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6983> (дата обращения: 10.02.2022).

² Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. – СПб.: Питер, 2006. – С. 34.

³ Делинквентное поведение. – Текст: электронный // Социология молодёжи: электронная энциклопедия / под ред. В. А. Лукова. – URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/196-delinkventnoe-povedenie.html> (дата обращения: 12.02.2022).

⁴ Кортэ Г. Введение в системный киноанализ. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. – С. 23.

⁵ Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. – М.: Логос, 2007. – С. 58–60.

концепциях Р. Барта о «прикреплении визуального образа», концепции «новой зрелищности» [21, с. 145–146]. Учтена и концепция анализа культурных явлений А. Кармина на трёх уровнях понимания и описания культуры: аксиологическом, антропологическом и национальном¹.

Осуществлённый анализ может быть разделён на три фазы: преанализ, собственно исследование материала, выводы и интерпретация [22]. К. Ворд или Т. Нур Футрия пишут о четырёхфазной структуре, разделяя результат и интерпретацию [23, с. 3]. Преанализ определил темы фильма: свободу частной жизни, опасность попадания частных данных в сеть, невозможность женщин и членов ЛГБТ легальным образом бороться за свои права.

Результаты исследования и их обсуждение. Показ жизни типичных американских тинейджеров, их учёбы в колледже

является частой темой кинематографа. Так, А. Ромеро из университета Майами проанализировал сотни случаев использования колледжей, академий и школ в качестве локаций для молодёжного кино [24, с. 6]. В фильме Левинсона фигурирует как колледж, так и город вокруг него. Говорящее название «Салем» выбрано не случайно, оно отсылает к процессу над ведьмами 1692–1693 гг. Знаменательно и имя главного хакера городка, анонимного Герострата.

В начале исследования определены ключевые сцены фильма, двигающие сюжет. Это (по хронологии): «слив» личных данных в сеть, публичная речь директора Тарелла, преследование Лили, штурм дома Эм, расправа над Бэкс и убийство полицейского, затем противостояние двух частей города и видеообращение Лили.

Анализ частоты появления героев на экране приведён в таблице.

<i>Герой/предмет/символ</i>	<i>Сколько раз появляется в кадре</i>	<i>Сколько ключевых эпизодов</i>	<i>Ключевые эпизоды</i>	<i>Хронометраж ключевых эпизодов</i>
Лили Колсон	45	6	Разговор с директором школы о порнографии Семейный ужин с родителями «Слив» личных данных в сеть Буллинг Лили её парнем и одноклассниками Штурм дома Эм Видеоречь Лили в конце	18:05–21:18 30:30–31:02 45:15–46:02 52:25–55:25 1:18:03–1:42:04 1:49:03–1:51:02
Бэкс Уоррен	29	5	Монолог о трансгендерах Связь с Даймондом на вечеринке Штурм дома Эм Расправа парней над Бэкс Противостояние женской и мужской частей города Салем	27:32–28:24 31:02–32:00 1:18:03–1:42:04 1:43:00–1:44:32 1:52:00–1:52:54
Эм Лейси	24	2	Штурм дома Эм Противостояние женской и мужской частей города Салем	1:18:03–1:42:04 1:52:00–1:52:54
Сара Лейси	20	2	Штурм дома Эм Противостояние женской и мужской частей города Салем	1:18:03–1:42:04 1:52:00–1:52:54
Родители Лили	4	3	Семейный ужин с родителями Изгнание Лили из дома Разговор с братом Лили в полиции, разоблачение хакера	30:30–31:02 48:15–48:56 1:38:50–1:39:33
Брат Лили, Донни Колсон	4	3	Семейный ужин с родителями Изгнание Лили из дома Разговор с братом Лили в полиции, разоблачение хакера	30:30–31:02 48:15–48:56 1:38:50–1:39:33
Марк, парень Лили	15	1	Буллинг Лили её парнем и одноклассниками	52:25–55:25
«Папочка» (Ник Мэтерс)	14	2	Штурм дома Эм Принуждение Лили к связи, убийство героя	1:18:03–1:42:04 1:22:02–1:25:43

¹ Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. – СПб.: Питер, 2006. – С. 96–100.

Окончание таблицы

<i>Герой/предмет/символ</i>	<i>Сколько раз появляется в кадре</i>	<i>Сколько ключевых эпизодов</i>	<i>Ключевые эпизоды</i>	<i>Хронометраж ключевых эпизодов</i>
Директор Тарелл	5	2	Разговор с директором школы о порнографии Личная переписка директора Тарелла и фото дочери Публичная речь директора в школе	18:05–21:18 26:23–27:57 6: 56–8:40
Мэр Бартлетт	4	2	Первый «слив» данных, компромат на мэра Самоубийство после опубликования компромата	6:32–6:34 7:39–7:45
«Сочувствующий хакер» Марти	5	3	«Слив» личных данных в сеть Допрос Марти Фальшивое признание Марти	45:15–46:02 43:54–45:14 48:12–49:14
Чирлидер Риган Холл	4	1	Первое насилие в городе, эпизод с битой	42:16–42:18
Подруга Риган	4	1	Первое насилие в городе, эпизод с битой	42:16–42:18
Футболист Дайамонд	3	2	Связь Даймонда с Бэкс на вечеринке Расправа над Бэкс	31:02–32:00 1:43:00–1:44:32
Мобильный телефон, гаджеты	36	7	Первый «слив» данных, компромат на мэра Самоубийство мэра после опубликования компромата Личная переписка директора Тарелла и фото дочери Буллинг Лили её парнем и одноклассниками Штурм дома Эм Фальшивое признание Марти Видеоречь Лили в конце	6:32–6:34 7:49–8:25 26:23–27:57 52:25–55:25 1:18:03–1:42:04 48:12–49:14 1:49:03–1:51:02
Полицейские	6	5	Личная переписка директора Тарелла и фото дочери Допрос Марти «Слив» личных данных в сеть Убийство Лили полицейского Разговор с братом Лили в полиции, разоблачение хакера	26:23–27:57 43:54–45:14 45:15–46:02 1:35:43–1:37:01 1:38:50–1:39:33
Вечеринки	3	3	Первый «слив» данных, компромат на мэра Связь Даймонда с Бэкс на вечеринке Перебивка речи директора Тарелла в школе	6:32–6:34 31:02–32:00 7: 50–8:10
Кровь	5	4	Первое насилие, эпизод с битой Штурм дома Эм Принуждение Лили к связи, убийство героя Убийство Лили полицейского	1:18:03–1:42:04 1:22:02–1:25:43 1:10:06–1:16:40 1:35:43–1:37:01
Американский флаг	19	2	Первое насилие, эпизод с битой Аватар героя «Герострата» – маска с флагом Лили находит склад оружия в доме «Папочки» Расправа над Бэкс Убийство Лили полицейского Противостояние женской и мужской частей города Салем Видеоречь Лили в конце	1:18:03–1:42:04 6: 56–7:02 1:15:02–1:16:43 1:43:00–1:44:32 1:35:43–1:37:01 1:52:00–1:52:54 1:49:03–1:51:02
Анонимный хакер Герострат	3	1	Первый «слив» данных, компромат на мэра «Слив» личных данных в сеть	6:32–6:34 45:15–46:02
Маски	18	3	Штурм дома Эм Расправа над Бэкс Противостояние женской и мужской частей города Салем	1:18:03–1:42:04 1:43:00–1:44:32 1:52:00–1:52:54
Оружие	10	4	Лили находит склад оружия у «Папочки» Расправа над Бэкс Убийство Лили полицейского Противостояние женской и мужской частей города Салем	1:15:02–1:16:43 1:43:00–1:44:32 1:35:43–1:37:01 1:52:00–1:52:54

По итогам первичного рассмотрения наибольшая часть хронометража принадлежит Лили Колсон, Бэкс Уоррен, Эм и Саре Лейси, однако есть также часто встречающиеся предметы: мобильный телефон/другой гаджет (ноутбук, планшет), американский флаг, маски. Достаточно часто фигурирует и оружие. Установлено, что некоторые эпизоды редуцированы: публичное покаяние и самоубийство мэра и речь директора школы Тарелла и др. Это раскрывает эпизоды как ключевые. Дублируются «сливы» в сеть личных данных горожан Салема. Развешивающийся на фоне неба флаг показан трижды одинаковыми кадрами. Ещё одним повторяющимся мотивом становится клиповая съёмка прохода четырёх подруг по школьному коридору (повторяется дважды), одной Лили, затем Бартлетта; важный в контексте общей идеи разговор о наготы (Лили – директор Тарелл; Лили – родители на семейном ужине).

Обратимся к фразам, которые характеризуют позицию героев. Из четырёх главных героинь только две имеют чётко выраженную словами позицию, тогда как Эм и Сара (как выясняется только из фамилий – сводные сёстры) почти не представлены. Например, всё, что можно считать позицией Эм – её кулон *feminist* в кадре, слова о том, что каждый настоящий парень должен доставить девушке оральное удовольствие, а также фраза «Я не стерва, я феминистка!». Сара почти всегда молчит, не представлена никакими фразами. Обе они присутствуют лишь в двух важных сценах фильма, в остальных почти не принимают участия. Не раскрыто их мнение по ключевым вопросам. Напрашивается вывод, что ввод подобных героев в канву фильма необходим по следующим причинам: 1) показ толерантной семьи, где соседствуют белая и афроамериканка; 2) усиление феминистской составляющей; 3) пропаганда равенства в сексуальных отношениях, протест против мужского доминирования.

Ещё один персонаж – Бэкс, девушка-трансгендер, угнетаемая обществом в силу её гендерной неопределённости. Она фигурирует на экране 29 раз. Вступив с ней в интимную связь, футболист Даймонд говорит: «Только моим парням не говори, ну... ты же понимаешь...». Так подчёркивается, что, несмотря на внешнее равенство, трансгендеры маргинальны. Одно из допол-

нительных подтверждений указанного – разрушение карьеры и жизни мэра Бартлетта. Ключевые фразы Бэкс Уоррен в фильме: «Этот мужик потратил всю свою жизнь на то, чтобы у ЛГБТ-сообщества не было никаких прав» и т. п.

Главная героиня Лили раскрывается через множественные монологи и диалоги. Выберем некоторые репрезентативные фразы, чтобы подчеркнуть её позицию. Нами взяты дублирующиеся фрагменты. В разговоре с директором о порнографических рисунках она говорит: «Не соглашусь, но вы мужчина, я не надеюсь, что вы поймете»; «всё, что вы видите – это голое тело, но суть не в этом... суть в том, что скрывается за этой картинкой: давление...». Ещё одна фраза – внутренний монолог во время вечеринки: «Им нужны только определённые части тебя. Они хотят выбирать сами. Им нужен этот смех с этой улыбкой, это фото, где ты такая уверенная. Это девушка, готовая на всё, но не она и не сейчас... Будь благодарной... Потому что весь мир следит за тобой». Несмотря на нарочитую подачу девочек как жертв, их поведение в этом не убеждает.

Проведённый анализ показал, что четыре героини представляют собой ходячие клише-символы: афроамериканка и её толерантная сестра, трансгендер, а также сексуальный объект – белая американка Лили. Надо отметить, что выбор имени главной героини неслучаен. «Лилия» – цветок непорочности и чистоты. Мужчины города Салем априори мизогиничны, ханжественны, не принимают ЛГБТ-движения, склонны к садизму. Жители боятся показать себя настоящих, прячутся под масками и зависимы от гаджетов. Навязчивое транслирование американского флага делают данные выводы обобщающими для всей Америки.

По мнению В. Аоки и С. Сантоса, «язык кино представляет собой организованные в контексте метафоры и образы, вкрапленные в диалоги и события фильма» [25, с. 120]. Режиссёр сознательно использует некоторые метафоры, важные для понимания образов фильма. Например, четыре девушки всю первую часть фильма одеты в короткие и преимущественно розовые вещи, при этом (судя по интервью с С. Левинсоном) даже если девушка одевается провокационно, она не обязательно так себя ведёт. Розовый цвет символизирует невинность и чистоту,

что коррелирует с именем героини, но её поступки нельзя назвать непорочными. Цветовая символика используется и во второй части: насмотревшись культового корейского фильма о женских преступных бандах «Рок бродячих кошек», героини одеваются в красные плащи. Красный – цвет отваги, мужества, свободы. Белые шорты и розовая майка Лили в середине фильма становятся красными от крови «Папочки». Так символически демонстрируется перерождение героини: из невинности – в феминистски настроенную женственность. Перерождение происходит в рамках делинквентного поведенческого акта.

Ещё один визуальный символ связан с образом Лили и сценой, в которой она бьёт преследователя по голове. Из кустов в этот момент появляется мальчик с лягушкой. Лягушка в христианской мифологии – символ амбивалентный, он может означать как воскресение (тогда эпизод можно рассматривать как первое перерождение Лили), так и распутство, эротизацию¹. Если рассматривать этот символ во втором ключе, то Лили видит, как в маленьком мужчине уже просыпается греховное начало. Дискурс-анализ сцен фильма позволяет утверждать, что женщина для мужчин города Салем всегда представляет эротический объект: на вечеринках Сара Лэйси что-то держит во рту: переходящую по кругу сигарету, кончики своих волос; бутылку с алкоголем. По отношению к девушкам чаще (количественный подсчёт) употребляются следующие слова: «тёлка» – 3 раза, «детка» – 5 раз, «киска» – 5 раз. Таким образом, маскулинность, мизогиния – типичные черты патриархального города. При этом официальная власть придерживается доктрины невмешательства или соглашательства с большинством, поэтому акт убийства полицейского становится закономерным ответом женщин. Приходится преступить закон, чтобы добиться справедливости. По мысли создателя фильма, это необходимое зло.

Несмотря на обилие визуально-аудиальных подсказок трактовки сюжета, в фильме нет указаний, против чего так радикально борются героини. Присутствует мизогиния, сексизм среди футбольных фанатов, подростков, излишняя жестокость, но режиссёр стремится обострить противоречия до крайности

¹ Лягушка. Символика. – URL: <https://www.newscropol.ru/Alexandria/symbols/frog> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст: электронный.

и перенести их на национальный уровень. В рамках кинодискурса С. Левинсона общество зависимо от гаджетов, личная жизнь расценивается как достояние общественности. Идеалами нового общества становятся либерализм, радикальный феминизм, толерантность. Распространённый набор неолиберальных ценностей Америки подан в фильме довольно клишированно. Однако Левинсон не даёт адекватного примера поведения раскрепощенной новой личности. Мы видим снова образ, маску Лили, а не её саму. Мы не знаем, какой она стала после символического «перерождения».

Заключение. Осуществлённый анализ позволяет сделать обоснованный вывод о стратегиях и прагматической установке автора. Темой является феминизация, осознание американскими женщинами своей роли. Контртема – бездуховность общества гаджетов. На уровне аксиологии в фильме подаётся мысль о превалирующей ценности неолиберального феминистического и ЛГБТ-движения. Антропологический уровень показывает возможности создания нового социального устройства путём господства женского начала. Несмотря на пропагандистский характер фильма, в нём нет ответов на вопросы: к чему ведёт силовая пропаганда феминизма и толерантности; каково оно, общество гаджетов; есть ли альтернатива бездумному времяпрепровождению американской молодёжи; можно ли проецировать поставленные проблемы на всю Америку.

Режиссёр выбрал «модную» тему в угоду вкусам современной западной публики, отработал заказ на подобный сюжет. Культуролог и медиакритик А. П. Короченский пишет, что в современных СМИ есть наиболее распространённые манипулятивные элементы, которые мы находим и в данном фильме: схематизм и упрощение, деформированность отражения реальности, ссылки на прецедентность, воспроизведение многообразной картины мира через бинарные оппозиции «добро – зло», «свой – чужой» и др. [26, с. 83–84]. Таким образом, в культурном отношении этот фильм является грубо пропагандистским.

Зрителю необходимо «всегда быть внимательным и находить влияние различных форматов медиа на общество, критически анализируя дискурсы» [27]. Делинквентное поведение в фильме подаётся как вынуж-

денное, безальтернативное, к сожалению – бездоказательное. Показ подобных фильмов может размывать моральные границы современной молодёжи, навязывая неолиберальный дискурс, чуждый ценностям российского общества.

Дальнейшие исследования молодёжного кино с социокультурологической и лингвистической точки зрения позволят выявить

их связь с политической повесткой дня и картиной мира аудитории социума. Результаты данной работы могут быть применены в рамках спецкурсов по культурологии, киноведению, медиакритике при анализе нарративных и манипулятивных приёмов современного кинематографа, а также при применении процедуры культурологической экспертизы нового кинематографа.

Список литературы

1. Якоба И. А. Деконструкция технологии «Окно Овертона» в американском медийном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5. С. 175–186.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем пресс, 2019. 559 с.
4. Хренов А. Н. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М.: Наука, 1981. 304 с.
5. Коваленко Т. В., Ягодкина Е. А. Кино как объект культурологической экспертизы. Текст: электронный // Аналитика культурологи: электронное научное издание. 2013. Вып. 2. URL: <http://analculturolog.ru/journal/archive/item/1575.html> (дата обращения: 18.02.2022).
6. Дьяченко И. В. Социокультурное исследование дискурса и индикатива рекламы кино // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 4. С. 47–50.
7. Дьяченко И. В. Социологические исследования: социокультурный анализ рекламы кино // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 2. С. 92–97.
8. Ноакк Н. В., Знаменская А. Н. Анализ эмоций кинозрителя как условие прогнозирования кассового успеха фильма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 16(253). С. 58–65.
9. Jinjun Luo. Analysis on the Cultural Transmission of Film and TV Music – Taking the Film “Parasite” as an Example // Advances in Social Science. 2020. Vol. 572. Pp. 285–290.
10. Гожанская И. В. Кино как объект культурологического исследования: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Саратов, 2006. 18 с.
11. Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: монография / Н. А. Кривич [и др.]. СПб., 2011. 511 с.
12. Мехоношин В. Ю. Американское независимое кино как феномен культуры 1960–2000-х гг.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Пермь, 2013. 162 с.
13. Мехоношин В. Ю. Особенности культурологического анализа кинотекста // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 1. С. 145–149.
14. Hutnyk J. Screen violence and partition // Inter-Asia Cultural Studies. 2018. № 19. Pp. 610–626. DOI: 10.1080/14649373.2018.1543287.
15. Wai-Siam Hee Anti-communist films sponsored by the US government in Singapore and Malaya: on the New York Sound Masters Inc. // Inter-Asia Cultural Studies. 2018. No. 2. Pp. 310–327. DOI: 10.1080/14649373.2018.1463078.
16. Brewington M. Is Sexism Taking on New Forms in Movies? An Ambivalent Sexism Perspective. Текст: электронный // Annual Meeting of the Midwestern Psychological Association. 2020. April, 20–23. URL: <https://digitalcommons.murraystate.edu/orcagrants/68/> (дата обращения: 15.02.2022).
17. Bateman J. A., Schmidt K.-H. Multimodal Film Analysis: How Films Mean. New York: Routledge, 2021. 340 p.
18. Уметалиева-Баялиева Ч. О культурологическом методе исследования // Проблемы науки. 2016. № 7. С. 202–206.
19. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 235 p.
20. Островская Е. А. Социология религии. СПб.: Санкт-Петербургское востоковедение, 2018. 320 с.
21. Кожокару Т. И. К вопросу о методологии анализа фильма // Артикульт. 2021. № 4. С. 118–148.
22. Women and Work: Film Analysis of Most Beautiful Thing. Текст: электронный // Revista de Gestao. 2021. Vol. 28, no. 1. Pp. 66–83. URL: <https://www.emerald.com/insight/2177-8736.html> (дата обращения: 10.02.2022).
23. Nur Futria T. Analysis of Culture Shock in “English Vinglish” Movie: a Cross-Cultural Understanding // Jurnal Sahdu. 2021. Vol. 1. Pp. 1–11.
24. Romero A. Jr. Hollywood Goes to College: Movies, Academia and American Culture. New York: Amazon Books, 2022. 1302 p.

25. Aoki V., Santos S. Film analysis in management: A journey through the metaphors of the concept of leadership. Текст: электронный // Revista De Gestao. 2020. No. 27. Pp. 119–134. URL: <http://portal.amelica.org/ameli/journal/154/1541055001/html/> (дата обращения: 20.02.2022).

26. Короченский А. П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов н/Д.: Изд-во Международного института журналистики и филологии, 2002. 272 с.

27. Santo Melo A. C. Movie Analysis: Fifty Shades of Grey. Текст: электронный // Salvador. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/358380771_MOVIE_ANALYSIS_FIFTY_SHADES_OF_GREY (дата обращения: 16.02.2022).

Информация об авторе

Коломейцева Екатерина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения русскому языку как иностранному; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48; e-mail: tillyriddle@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0224-2965>.

Для цитирования

Коломейцева Е. Б. Опыт социокультурного анализа кино: «Нация убийц» Сэма Левинсона // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 203–212. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-203-212.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

References

1. Yakoba, I. A. Deconstruction of the "Overton Window" Technology in American Media Discourse. Bulletin of Cherepovets State University, no. 5, pp. 175–186, 2019. (In Rus.)
2. Anderson, B. Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. Moskva: Kuchkovo pole, 2016. (In Rus.)
3. Delez, Zh. Cinema. M: Ad Marginem press. 2019. (In Rus.)
4. Khrenov, A. N. Socio-psychological Aspects of Interaction between Art and Public. M: Nauka, 1981. (In Rus.)
5. Kovalenko, T. V., Yagodkina E. A. Cinema as an Object of Cultural Expertise. Analytics of cultural studies, vol. 2, 2013. Web. 18.02.2022: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1575.html>. (In Rus.)
6. D'yachenko, I. V. Sociocultural Study of the Discourse and Indicative of Cinema Advertising. Bulletin of Vyatka State University, no. 4, pp. 47–50, 2009. (In Rus.)
7. D'yachenko, I. V. Sociological Research: A Sociocultural Analysis of Cinema Advertising. Bulletin of Vyatka State University, no. 2, pp. 92–97, 2009. (In Rus.)
8. Noakk, N. V., Znamenskaya A. N. Analysis of the Emotions of Moviegoer as a Condition for Predicting the Box Office Success of Film. Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost', no. 16, pp. 58–65, 2014. (In Rus.)
9. Jinjun, Luo. Analysis on the Cultural Transmission of Film and TV Music – Taking the Film "Parasite" as an Example. Advances in Social Science, vol. 572, pp. 285–290, 2020. (In Engl.)
10. Gozhanskaya I. V. Cinema as an Object of Cultural Research. Cand. sci. diss. abstr. Saratov, 2006. (In Rus.)
11. Culturological expertise: theoretical models and practical experience: collective monograph / N. A. Krivich [and others]. SPb., 2011. (In Rus.)
12. Mekhonoshin, V.Yu. American Independent Cinema as a Cultural Phenomenon in the 1960s – 2000s. Cand. sci. diss. Perm, 2013. (In Rus.)
13. Mekhonoshin, V.Yu. Peculiar Features of Cultural Analysis of Film Text. Bulletin of Vyatka State University, no. 1, pp. 145–149, 2013. (In Rus.)
14. Hutnyk, J. Screen violence and partition. Inter-Asia Cultural Studies, no. 19, pp. 610–626, 2018. DOI: 10.1080/14649373.2018.1543287. (In Engl.)
15. Wai-Siam, Hee. Anti-communist films sponsored by the US government in Singapore and Malaya: on the New York Sound Masters Inc. Inter-Asia Cultural Studies, no. 2, pp. 310–327, 2018. DOI: 10.1080/14649373.2018.1463078. (In Engl.)
16. Brewington, M. Is Sexism Taking on New Forms in Movies? An Ambivalent Sexism Perspective. Annual Meeting of the Midwestern Psychological Association. April, 20–23. 2020. Web. 15.02.2022. <https://digitalcommons.murraystate.edu/orcagrant>. (In Engl.)
17. Bateman, J. A., Schmidt K-H Multimodal Film Analysis: How Films Mean. New York: Routledge, 2021. (In Engl.)

18. Umetalieva-Bayalieva, Ch. On the Cultural Method of Research. Problems of science, no. 7, pp. 202–206, 2016. (In Rus.)
19. Sztompka, P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. (In Engl.)
20. Ostrovskaya, E. A. Sociology of Religion. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe vostokovedenie, 2018. (In Rus.)
21. Kozhokaru, T. I. On the Question of Methodology of Film Analysis. Articult, no.4, pp. 118–148, 2021. (In Rus.)
22. Women and Work: Film Analysis of Most Beautiful Thing [El. resurs] /Teixeira M. [and others]. Revista de Gestao, no. 1, pp. 66–83, 2021. Web.10.02.2022: <https://www.emerald.com/insight/2177-8736.htm>. (In Engl.)
23. Nur Futria, T. Analysis of Culture Shock in “English Vinglish” Movie: a Cross-Cultural Understanding. Jurnal Sahdu, vol. 1. pp. 1–11, 2021. (In Engl.)
24. Romero, A. Jr. Hollywood Goes to College: Movies, Academia and American Culture. New York: Amazon Books, 2022. (In Engl.)
25. Aoki, V., Santos, S. Film analysis in management: A journey through the metaphors of the concept of leadership. Revista De Gestao, no. 27, pp. 119–134, 2020. (In Engl.)
26. Korochenskii, A. P. “The Fifth Power”? The Phenomenon of Media Criticism in Context of Information Market). Rostov: Izd-vo MIZI, 2002. (In Rus.)
27. Santo Melo A. C. Movie Analysis: Fifty Shades of Grey. Salvador. 2021. Web. 16.02.2022. https://www.researchgate.net/publication/358380771_MOVIE_ANALYSIS_FIFTY_SHADES_OF_GREY. (In Engl.)

Information about author

Kolomeytseva Ekaterina B., Candidate of Philology, Associate Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia; 48 River Moika emb., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: tillyriddle@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0224-2965>.

For citation

Kolomeytseva E. B. Essay on Sociocultural Analysis of Cinema. “Assassination Nation” by Sam Levinso // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 203–212. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-203-212.

Received: March 10, 2022; approved after reviewing April 15, 2022; accepted for publication April 22, 2022.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть 100 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. **Личную карточку автора** – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки:**

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
2. Материалы и методы исследования.
3. Конкретные результаты исследования.
4. Обсуждение результатов исследования.
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал:** диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине. При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию. При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют по России – 200 р.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Забайкальский государственный университет

Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7 (3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 100%.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowcase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that, etc.*) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
2. Materials and research methods.
3. Specific results of the study.
4. Discussion of the research results.
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English.

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion - resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e.g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section - in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form References according to the following requirements:

1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
2. Title of the work/source (translated into English).
3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ё”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7 (3022) 35-24-79